

Месопотамская археология. Введение в археологию Месопотамии и Ассирии

Перси С. П. Хэндкок

MESOPOTAMIAN ARCHAEOLOGY

BY

Percy S. P. Handcock

The Project Gutenberg eBook of Mesopotamian Archaeology.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Mesopotamian Archaeology

Автор: Перси С. П. Хэндкок

Дата выхода: 26 марта 2014 [eBook #45229]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Дельфиной Леттау, Тургутом Динчером и командой Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MESOPOTAMIAN ARCHAEOLOGY ***

Примечание транскриптора:

Некоторые имена с различными написаниями не были исправлены, поскольку эти написания могут быть альтернативными написаниями одного и того же человека или места.

Изображение обложки было создано транскриптором и находится в общественном достоянии.

МЕСОПОТАМСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ В АРХЕОЛОГИЮ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ. ПЕРСИ С. П. ХЭНДКОК, М.А. С
МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ, А ТАКЖЕ КАРТАМИ

ЛОНДОН: МАКМИЛЛАН И КО. LTD., AND PHILIP LEE WARNER, ST. MARTIN'S STREET.
MDCCCCXII

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. М. ЛОРДУ В ЗНАК ПРИЗНАНИЯ МНОГИХ ДРУЖЕСКИХ ЗАСЛУГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В каждой области науки теории вчерашнего дня постоянно вытесняются эмпирическими фактами сегодняшнего дня, хотя установление этих фактов часто является косвенным результатом теорий, которые сами факты опровергают. Поэтому труды величайших ученых и экспертов не имеют окончательного результата, они лишь ступеньки на пути к цели совершенного знания. Со времени публикаций Лэйарда, Роулинсона, Ботты и Плейса стало доступно много новых материалов для реконструкции исторического прошлого вавилонян и ассирийцев, и, следовательно, мы можем заполнить многие пробелы в картине, столь восхитительно и, насколько это было возможно, верно нарисованной пионерами в области раскопок и исследований. Эта работа, которая обязана своим появлением предложению доктора Уоллиса Баджа, представляет собой попытку писателя дать краткий отчет о цивилизации древней Вавилонии и Ассирии в свете этого нового материала.

Хочется надеяться, что бесконечное множество видов деятельности и занятий, составляющих цивилизацию любой страны, оправдывает рассмотрение писателем столь многих вопросов в одном томе. Следует заметить, что место, отведенное для рассмотрения различных искусств и ремесел, варьируется, с одной стороны, в зависимости от относительной важности роли, которую каждое из них играло в жизни народа, а с другой - в зависимости от количества материала, доступного для изучения конкретной темы.

Мы не пожалели усилий, чтобы сделать главы об архитектуре, скульптуре и металлургии настолько полными, насколько позволяют ограничения объема, а для тех, кто захочет продолжить изучение любого из предметов, рассматриваемых в этой книге, и для того, чтобы развить эскиз в картину, в конце приводится краткая библиография.

Не было сочтено желательным накапливать огромное количество ссылок в сносках, и тем самым автор лишен возможности признать свою задолженность перед работами других авторов во всех случаях, как он хотел бы это сделать.

Помимо глав, посвященных непосредственно культурной эволюции жителей Месопотамии, две главы посвящены рассмотрению клинописи - ее живописному происхождению, истории ее расшифровки и литературе, проводником которой она является, а еще одна глава занята историческим обзором раскопок. Краткое хронологическое резюме в конце, очевидно, не имеет ни малейшей претензии на то, чтобы быть всеобъемлющим резюме; оно просто стремится дать общий хронологический порядок некоторых из наиболее известных правителей и царей Вавилонии и Ассирии, на которых делаются ссылки в этом томе, вместе с уведомлением о некоторых более значительных земельных знаках в истории этих двух стран.

Автор благодарит попечителей Британского музея за разрешение сфотографировать некоторые предметы из Вавилонской и Ассирийской коллекций, а также доктора Уоллиса Баджа за помощь и поддержку в выполнении работы; издательство Чикагского университета за разрешение воспроизвести иллюстрации из "*Американского журнала семитских языков*", а также диаграммы из "Мемориальных томов Харпера"; М. Эрнесту Леру за разрешение использовать некоторые из табличек, содержащихся в монументальных работах де Сарзека и Хозея, а также М. Ш. Эггманну из "Центрального листка искусства и архитектуры древнего дома Морель" за его любезное разрешение воспроизвести две из табличек, содержащихся в Dieulafoy, *L'Art Antique de la Perse*. Он также в долгу перед Немецко-ориентированным обществом за разрешение сделать автотипическую копию одной из табличек в книге Андрае "*Der Anu-Adad Tempel*". Он также хотел бы выразить признательность профессору Х. В. Хильпрехту за разрешение использовать многие иллюстрации, содержащиеся в его многочисленных публикациях, а также доктору Фишеру за разрешение воспроизвести некоторые из фотографий, содержащихся в его великолепно иллюстрированной работе о раскопках в Ниппуре. Он очень чувствует свою задолженность перед этими двумя джентльменами, а также перед М. Леру и Немецко-ориентированным обществом, поскольку фотографии ведущих раскопок, очевидно, носят уникальный характер и не допускают повторения; далее он хочет выразить свои обязательства доктору У. Хейсу Уорду за его любезное разрешение скопировать ряд оттисков печатей и других иллюстраций, содержащихся в его недавно опубликованной работе "*Цилиндрические печати Западной Азии*". Наконец, он рад возможности выразить признательность мистеру Мэнселлу за разрешение опубликовать множество фотографий предметов Британского музея и Лувра, содержащихся в его несравненной коллекции, а также за другие способы содействия иллюстрированию этого тома. Большинство планов и рисунков, использованных для этого тома, принадлежат мисс Э. К. Ридер, которая выполнила свою работу с присущим ей мастерством.

P. S. P. H.

Март, 1912 г.

ОШИБКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

р. 6, l. 3,	для 2500 г. до н. э. читать 2400 г. до н. э.
р. 6, l. 18,	для 2500 г. до н. э. читайте 2400 г. до н. э.
р. 43, l. 7	от foot, читать как французские, так и английские исследователи
р. 62, l. 2,	для значительного читать много
р. 89, l. 5,	для ± читайте -

р. 110, l. 2, для 2500 г. до н. э. *читайте* 2400 г. до н. э.
 р. 125, l. 7 с ноги, *для* или *читается* и
 р. 130, l. 23, для 2400 г. до н. э. *читайте* 2350 г. до н. э.
 р. 155, l. 31, для have *читайте* have
 р. 235, l. 9 от foot, *для* Sumu-la-ilu *читается* Sumu-ilu
 р. 247, l. 1, для 2500 г. до н. э. *читайте* 2400 г. до н. э.
 р. 249, l. 35, после грубости *читайте* эти главы

Номера ссылок, напечатанные на пластинах VII-XI, неточны и должны быть изменены следующим образом, в соответствии со списком иллюстраций и ссылками в тексте:-

	<i>Настоящий номер и положение</i>	<i>Правильный номер и положение</i>
Зиккурат Ашшур-нахир-пала	VII Лицевая сторона с. 64	VIII Лицевая сторона стр. 78
Надписи на глине	VIIФасинг стр.78	IXFaci "ng p.106
Разрушенные курганы и суд людей	IXFaci "g p.106	XFaci "ng p.132
Водопровод, Ниппур	XFaci "g p.132	XIFaci "ng p.138
Раскопки в храмовом дворе	XIFaci "g p.138	VIIFaci "ing стр.64

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА СТРАНИЦА

I.	Введение -	
	(a) Земля и люди	1
	(b) Очерк вавилонской и ассирийской истории	28
II.	Раскопки	40
III.	Расшифровка клинописных надписей	85
IV.	Клинописные надписи	95
V.	Архитектура	119
VI.	Скульптура	181
VII.	Металлургия	242
VIII.	Живопись	270
IX.	Цилиндры-уплотнители	284
X.	Гравировка на раковинах и работа со слоновой костью	309
XI.	Терракотовые фигурки и рельефы	317
XII.	Каменная и гончарная посуда	325
XIII.	Платье, военная амуниция и т.д.	337
XIV.	Быт, нравы, обычаи, право, религия	364

Краткая библиография	406
Список наиболее значимых королей и правителей и краткое хронологическое резюме	408
Указатель	411

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ПЛАСТИНКА В КРАСКАХ

ПЛИТА

I.	Цветной лев в Хорсабаде	Фронтиспис
----	-------------------------	------------

ПОЛУТОНОВЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

		ЛИЦЕВАЯ СТРАНИЦА
II.	Куюнджик и Неби Юнус (два вида)	42
	Нимруд (Калах)	42
	Хорсабад	42
III.	Раскопки в Нимруде (Калахе) во дворце Ашшура-на-Ир-пала	44
IV.	"Бог-рыба" и входной проход, Куюнджик	48
V.	Дверной проем в Телло, возведенный Гудеа	54
	Юго-восточный фасад здания Ур-Нина в Телло	54
VI.	Остатки стелы в здании под Ур-Нином	58
	Колодец Эаннатум	58
VII.	Раскопки в храмовом дворе: Ниппур	64
VIII.	Зиккурат и дворец Ашшур-нахир-пала, Ашшур	78
IX.	Надписи на глине, иллюстрирующие размеры и формы табличек и т.д., использовавшихся вавилонянами и ассирийцами	106
X.	Разрушенные курганы Ниппура	132
	Двор людей с северо-востока, Ниппур	132
XI.	Водопровод Ур-Энгура, Ниппур	138
XII.	Часть "Стелы стервятника" из Эаннатума, Патеси из Лагаша	186
XIII.	Стела победы Нарам-Сина	192
XIV.	Стела с гравировкой Свода законов Хаммурапи	198

	Скрижаль бога Солнца	198
XV.	Барельеф Ашура-нахир-пала	202
XVI.	Барельефы Ашур-нахир-пала (четыре сюжета)	204
XVII.	Осада города тараном и лучниками	206
XVIII.	Сцены охоты Ашур-бани-пала: Лев и львица в саду	218
XIX.	Сцены охоты Ашур-бани-пала (два сюжета)	218
XX.	Сцены охоты Ашур-бани-пала: охота на диких ослов с собаками	220
	Ашур-бани-пал возлияния над мертвыми львами	220
XXI.	Ашур-бани-пал, возлежащий за мясом	222
	Музыканты и служители	222
XXII.	Известняковая фигура раннего шумера	224
	Три архаичные каменные головы	224
XXIII.	Голова и две диоритовые статуэтки Гудеи; верхняя часть женской статуэтки	228
XXIV.	Статуи Небо и Ашшур-нахир-пала; торс женщины	230
XXV.	Крылатые человекоголовые гении	236
XXVI.	Каменный лев Ашшур-нахир-пала	238
XXVII.	Лев из Касра	240
XXVIII.	Различные предметы из бронзы из Нимруда	254
XXIX.	Бронзовая чаша, из Нимруда	256
XXX.	Декорированная арка в Хорсабаде	278
XXXI.	Глазурованные кирпичи	282
XXXII.	Панно из слоновой кости, из Нимруда	314
XXXIII.	Керамика из Нимруда и Ниневии	334

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

ФИГУРА	СТРАНИЦА
1. Пиктограммы	97
2. Пиктограммы	99
3. Позднеавилонское "выдавливание" ранней надписи	117
4. Кирпичный штамп из Нарам-Сина	117
5. Глиняное покрытие "Скрижали Солнца"	117
6. Восстановление храма в Ниппуре	137
7. Восстановление храма Ану-Адада в Ашшуре	144
8. Восстановление дворца Саргона в Хорсабаде	151

9. Куполообразные крыши в Ассирии	155
10, 11. Терракотовые водостоки	159
12. Колонны в Телло	161
13. Большая капитель колонны; малая капитель колонны	165
14. Колонны (разные)	166
15. Ранняя арка в Ниппуре	170
16. Ранняя арка в Телло	170
17. Коробчатая арка в Ниппуре	173
18. Круглая арка в Вавилоне	173
19-22. Арочные водостоки в Хорсабаде	174
23. Погребальная усыпальница в Ашуре	176
24. Погребальная усыпальница в Уре (Мухейер)	176
24a. Зиккурат на ассирийском барельефе	180
24b. Зиккурат в Хорсабаде	180
25. Шесть ранних барельефов	182
26. Стела Ур-Нина и буланая голова Месилима	185
27. Два фрагмента "Стелы стервятника"; маленький скульптурный блок (правление Энтемены)	189
28. Пять барельефов, в том числе один с изображением Нарам-Сина	194
29. Барельеф Саргона, царя Ассирии	209
30. Барельеф Сеннахериба; удаление каменного быка	213
31. Сеннахериб в Лахише	215
32. Статуя Эсара, царя Адаба	223
33. Ранняя каменная статуя женщины	224
34. Статуя Маништусу; сидящая фигура женщины; голова женщины	225
35. Сидящая фигура Шалманесера II	231
36. Каменная голова льва; фигура собаки; каменная фигура быка с человеческой головой, инкрустированная раковиной	234
37. Медный наконечник копья; полая медная трубка	243
38. Ранние медные фигурки	245
39. Медные фигурки носильщиков корзин; медная фигурка Гудеи	247
40. Фигурки и головы животных из меди и бронзы	250
41. Два ассирийских меча; ассирийский топор	254
42. Бронзовое блюдо	257
43, 44. Бронзовые ворота	259, 260
45. Серебряная ваза Энтемена	265
46. Рельефный лев из цветной глины из Вавилона	274

47. Цветной бык из Вавилона; цветной бык из Нимруда (Калаха)	275
48. Три цилиндрические печати; глиняная табличка с оттиском печати	285
49-77. Впечатления от уплотнений цилиндров	289-307
78-83. Гравировки на раковинах	310-312
84. Резная панель из слоновой кости из Нимруда	314
85. Ранние терракотовые фигурки	318
86. Терракотовые фигурки более позднего времени	320
87. Терракотовая фигурка собаки	323
88. Терракотовая табличка с изображением собаки со слугой	323
89. Каменная ваза с изображением Нарам-Сина	328
90. Украшенная каменная ваза из Гудеа	328
91. Три каменных сосуда, на одном из которых надпись Сеннахериба, а на другом имя Ксеркса; маленький стеклянный сосуд Саргона	330
92, 93. Два ранних глиняных горшка из Ниппура	332
94. Оружие в форме бумеранга	342
95. Ассирийские украшения	348
96, 97. Гребни	349
98, 99. Пешие копьеносцы и пешие лучники первого ассирийского периода	350
100-102. Лучники в правление Саргона	351
103-105. Лучники в царствование Сеннахериба	352
106, 107. Ассирийская кавалерия	354, 355
108. Ассирийские колесницы	356
109. Ассирийские шлемы и головные уборы	357
110. Ассирийские орудия нападения	358
111. Тараны и щиты	360
112. Морское снаряжение ассирийцев	362
113-115. Вавилонские эмблемы	396-398
КАРТЫ	
(1) Месопотамия, (2) Вавилония	<i>Папка в конце</i>

ГЛАВА I - ВВЕДЕНИЕ

(a) Земля и люди

Месопотамская цивилизация разделяет с египетской честь быть одной из двух самых ранних цивилизаций в мире, и хотя М. Дж. де Моргана в Сузах, разрушенной столице древнего Элама, были обнаружены элементы развитой цивилизации, которая, возможно, даже предшествовала месопотамской, следует помнить, что шумеры, которые, насколько нам известно, первыми привнесли искусство жизни и все, что оно несет с собой, в низменную долину Тигра и Евфрата, вероятно, сами эмигрировали с Эламского плато на востоке Тигра; Во всяком случае, шумеры обозначали "гору" и "страну" одним и тем же письменным знаком, и эти два понятия, очевидно, были синонимами с их точки зрения; В поддержку этой теории о горной родине шумеров, мы можем, возможно, объяснить храмовые башни, характерную черту большинства религиозных сооружений Месопотамии, как сознательное или бессознательное подражание в кирпичях и растворе холмам и хребтам их родной земли, Это объясняется врожденным отвращением к мертвенному однообразию вавилонской равнины, а также тем, что в самый ранний период бог Солнца Шамаш изображается одной ногой опирающимся на гору, или иначе стоящим между двумя горами. Как бы то ни было, история эламитов была тесно связана с историей жителей по ту сторону Тигра с древнейших времен и до разграбления Суз Ашшур-бани-палом, царем Ассирии, в седьмом веке. Оба народа приняли клинописную систему письма, так называемую из-за клиновидной формы знаков, клинья были обусловлены материалом, который использовался в более поздние времена для всех письменных целей - глиной их родной почвы: оба говорили на агглютинативном, в отличие от инфлексивного языка, как наш собственный, и оба унаследовали схожую культуру.

Еще один, и в своем роде более убедительный, аргумент в пользу теории горного происхождения дает раннее искусство шумеров. На самых примитивных цилиндрах с печатями¹ мы находим деревья и животных, чей дом находится в горах, и которые, безусловно, не были родными для низменной равнины Вавилонии. Кипарис и кедр встречаются только в горных районах, но на цилиндрах ранних печатей изображено дерево, которое можно отождествить с тем или иным из них; Конечно, верно, что древние шумерские правители добывали кедровое дерево в горах для своих строительных работ, и поэтому присутствие такого дерева на цилиндрических печатях лишь подтверждает определенное знакомство с ним, но *Ceteris paribus* разумнее предположить, что изображенные материальные земные объекты были теми, с которыми люди были полностью знакомы, а не теми, с которыми они были знакомы случайно. Опять же, на ранних цилиндрах горный бык, известный как *Bison bonasus*, принимает роль, которую в более поздние времена играл низменный водяной буйвол. Это происходит с такой постоянной регулярностью, что вывод о том, что родина шумеров в те времена находилась в горах, почти неизбежен. Опять же, как отмечает Уорд, составной человек-бык Эа-бани, спутник Гильгамеша, всегда имеет тело бизона, никогда - буйвола. Также частое появление горных козлов, ориксов и оленей с ветвистыми рогами говорит в пользу того, что естественный дом всех этих животных лежал в горах.

Для целей данной книги Месопотамскую долину можно разделить на две половины, проведя разделительную линию между двумя реками чуть выше Абу-Хаббы (Сиппар); северная половина охватывает земли, занятые ассирийцами, а южная - вавилонянами. Точная дата колонизации Ассирии Вавилонией неизвестна, но для первого известного² царя Ассирии, Иришума, мы можем назначить приблизительную дату 2000 г. до н. э. Собственно Вавилония

- это аллювиальная равнина, границами которой на востоке и западе являются горы Персии и столовая земля Аравии соответственно. Эта долина постепенно формировалась за счет морских владений, так как в далеком прошлом Персидский залив протекал над всей равниной, по крайней мере, до города Вавилона, где были найдены морские раковины, а возможно, и гораздо дальше. Своим образованием он обязан илу, принесенному двумя реками и отложенному в устье залива: количество земли, ежегодно отвоевываемое у моря в ранние времена, неизвестно, но поскольку Спасинус Хоракс, современный Мохаммера, который сейчас находится примерно в сорока семи милях вглубь страны, был расположен на морском побережье во времена Александра, мы знаем, что завоевание суши у моря происходило с его времен со скоростью 115 футов в год.

Таким образом, физические характеристики страны, в которой развивалась вавилонская цивилизация, если она и не была местом ее зарождения, образуют близкую параллель с характеристиками Нижнего Египта; в Египте же те свидетельства, которые есть, указывают на Юг или Верхний Египет как на самую раннюю сцену цивилизации, Север был завоеван Месниу (металлистами) Юга, не только на поле боя, но и в культуре и цивилизации. Обе страны имеют лишь небольшой морской берег, где их реки находят выход: Нил - в Средиземное море, а Тигр и Евфрат - в Персидский залив; обе страны вышли и ежегодно выходят из моря, ибо несомненно, что в свое время Средиземное море проникало на юг вплоть до Эснеха, а Персидский залив, как уже говорилось, простирался по крайней мере до Вавилона; Поэтому мы не удивляемся, обнаружив в вавилонской и египетской космологиях традицию, повествующую о сотворении мира из первобытной массы воды, хотя в египетской эта идея прослеживается менее отчетливо, чем в вавилонской и древнееврейской космологиях. Обе страны также посещало ежегодное наводнение, которое, хотя и несло с собой немалые разрушения, в то же время откладывало ил, столь необходимый для обогащения почвы. Опустошение в обеих странах сдерживалось или, по крайней мере, смягчалось развитой системой оросительных каналов, которые в летнее время служили средством доставки живительной влаги на сухую и измученную жаждой землю. И в Вавилонии, и в Египте теплый климат, хотя Египет гораздо более сухой и, следовательно, более здоровый, и соответствующая сухость его почвы сохранила материальные свидетельства его древней истории в гораздо более совершенном состоянии, чем болотистая местность Нижней Месопотамии; и, наконец, климат Египта не подвержен таким резким изменениям температуры, которые происходят в долине Евфрата в зависимости от времени года.

Доказательства какой-либо расовой связи между самыми ранними известными жителями двух стран очень шатки; что касается их искусства, обычаев и языка, то шумеры, с одной стороны, и додинастические и раннединастические египтяне, с другой, демонстрируют полную независимость друг от друга; Обе страны, вероятно, были захвачены в ранний период своей истории семитами, которые в случае Месопотамии полностью вытеснили своих предшественников из других племен, но в то же время сами были поглощены более высокой цивилизацией шумеров, наследниками которой они были предназначены, и в дальнейшее развитие которой они сами должны были внести столь значительный вклад; Но в какой период или периоды семиты охватили Египет и северное побережье Африки, наложив свою неизгладимую и безошибочную печать на фундамент египетского и ливийского языков, неизвестно; Но когда бы это ни было, мы можем с уверенностью предположить, что их появление произошло в доисторические времена, поскольку иероглифы и, вероятно, язык династических египтян были естественным развитием языка и грубых рисунков-знаков их предшественников, и теория насильственного разрыва непрерывности ранней египетской цивилизации в начале правления первой династии с

каждым днем становится все более несостоятельной. Мы также не можем назвать какую-либо определенную дату прибытия семитов в Месопотамскую долину, хотя неовавилонский царь Набонид дает нам традиционную дату для Шар-Гани-шарри³ (Саргона) и его сына Нарам-Сина, царей Агаде, которые, насколько нам известно, основали первую семитскую империю в стране. Семитские цари Киша действительно существовали до времен Шар-Гани-Шарри, но масштабы их владычества явно были весьма ограниченными по сравнению с далеко идущей империей правителей Агаде. Но есть причины сомневаться в точности традиционной даты 3750 г. до н.э., которую Набонид приписывает Нарам-Сину, и главная из них - чрезвычайный разрыв в результатах вавилонских раскопок между временем Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина и временем Гудеа, царя-жреца Лагаша в Южной Вавилонии, который правил около 2400 г. до н.э. То есть за период около 1300 лет раскопки не дали нам практически никакой информации, в то время как и в начале, и в конце этого периода мы имеем множество свидетельств цивилизации и истории жителей Вавилонии; во-вторых, стиль искусства, характерный для времени Гудеа и царей Ура, а также стиль письма, встречающийся в их надписях, не предполагают такого большого промежутка между временем Саргона и их собственным днем. Но есть и другие соображения, еще более весомые и заслуживающие большего внимания, чем уделялось им до сих пор, - они зависят от стратификации самих разрушенных курганов. Очень важно, что архитектурные останки Ур-Энгура (ок. 2400 г. до н.э.) в Ниппуре обнаружены непосредственно над останками Нарам-Сина, поскольку такое расположение вряд ли можно представить, если этих двух правителей разделяет период в тринадцать сотен лет. Раскопки, проведенные д-ром Бэнксом для Чикагского университета в Бисмае, также принесли подобные доказательства, поскольку сразу под разрушенным зиккуратом Дунги, преемника Ур-Энгура на троне Ура, были обнаружены большие квадратные кирпичи размера и формы, характерные для времени Шар-Гани-Шарри, а среди кирпичей была найдена полоска золота с именем Нарам-Сина. Таким образом, свидетельства, полученные в результате раскопок на этих двух участках, выглядят крайне убедительно против традиционной даты, зафиксированной Набонидом.⁴

Поэтому возникает соблазн предположить, что тот долгий период молчания, который невозможно адекватно объяснить, вообще не существовал, что заявление Набонида следует дискредитировать и что Шар-Гани-Шарри и Нарам-Син, вероятно, жили и правили более чем на тысячу лет позже, то есть около 2650 года до нашей эры. С другой стороны, важно помнить, что вавилоняне были астрономами и математиками не самого высокого порядка, и что они проявляли максимальную осторожность при вычислении дат, что, кроме того, Набонид был царем Вавилонии, и поэтому "априори" мог обладать достоверными традициями, если таковые существовали, и, кроме того, он жил на 2500 лет ближе к тому времени, чем мы. Надпись Набонида, о которой идет речь, была найдена в кургане Сиппар близ Агаде. Она гласит: "Краеугольный камень фундамента храма Э-ульба в городе вечного огня (Агаде) не видели со времен до Саргона, царя Вавилонии, и его сына Нарам-Сина..... Цилиндр Нарам-Сина, сына Саргона, которого в течение 3200 лет не видел ни один царь из его предшественников, открыл ему Шамаш, великий владыка Сиппара". Таким образом, согласно Набониду, Нарам-Син жил около 3750 года до н.э. Однако археологические данные в данном конкретном случае настолько убедительны, как в плане отсутствия каких-либо материальных свидетельств о длительном промежутке времени, так и в плане стратификации курганов, содержащих мощи этих двух царей, а также в плане сходства между ранними скульптурами и надписями Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина и теми, что относятся ко второй половине третьего тысячелетия до н.э., что мы больше не можем сохранять ту неявную уверенность в исторической достоверности Набонида, которую когда-то имели ранние ученые.

Из дошедших до нас надписей Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина мы узнаем, что авторы этих надписей были семитами, другими словами, мы узнаем, что империя Агаде была семитской, а поскольку они распространили свою империю на всю Западную Азию, шумерская держава, расположенная больше на юге, должна была пропорционально уменьшиться. Но их шумерские предшественники установили свое влияние и власть в Месопотамии за долгое и неопределенное время до этой даты, поскольку шумерские надписи, которые почти наверняка следует отнести к досаргонскому периоду, дают нам имена большого числа ранних царей и правителей Вавилонии; об их ранней дате свидетельствует написание этих надписей, которые несут более архаичную печать, чем Шар-Гани-Шарри и Нарам-Син. Ибо подобно тому, как скульптуры без надписей можно относительно датировать по стилю искусства, которому они соответствуют, так что можно условно сказать, что эта скульптура или цилиндрическая печать старше той, потому что она представляет более архаичный и менее законченный стиль искусства, так же можно приблизительно датировать безымянные и недатированные надписи по стилю письма, принятому в этих надписях. Таким образом, в нашем распоряжении есть два средства, с помощью которых мы можем отнести неописанные памятники раннего периода к их относительно правильным местам в эволюции искусства и культуры; с одной стороны, пласт разрушенного кургана, в котором был найден рассматриваемый объект, часто сам может быть относительно датирован по реально надписанным памятникам, найденным либо в самом пласте, либо в пласте, расположенном непосредственно выше или ниже; Или, если это не так, по глубине, на которой пласт залегает под вершиной кургана, хотя последнее само по себе является плохим критерием из-за того, что такое накопление, очевидно, будет варьироваться в разных местах. Однако ценность всех подобных свидетельств зависит от того, были ли пласты нарушены, как это, к сожалению, часто бывает.

Причина, по которой руины месопотамских городов приняли форму курганов, заключается в том, что вождь-завоеватель разрушал глиняные стены и здания своего побежденного противника, но вместо того, чтобы убрать обломки, он строил на них; для своих новых строительных операций новоприбывший часто использовал часть старого материала, отсюда и неопределенность в датировке объекта, основанная на простом предположении, что этот объект принадлежит к слою, в котором он в конечном итоге оказался, без других подтверждающих доказательств. С другой стороны, в наши дни мы всегда можем применить чисто археологический тест, который зависит от тщательного изучения стиля искусства или способа письма.

Некоторые из этих досаргонских правителей, о которых уже упоминалось, можно расположить в строго хронологическом порядке, то есть правителей города Лагаш, одного из самых ранних центров шумерской цивилизации в Вавилонии. Лагаш расположен в пятнадцати часах пути к северу от Ура и в двух часах к востоку от Варки (древнего Эреха), и именно Лагаш дал нам больше материала для изучения ранней шумерской жизни и культуры, чем любой другой город в долине Евфрата.

Порядок ранних досаргоновских правителей Лагаша следующий: Ур-Нина, по-видимому, основатель династии, поскольку он не передал царский титул ни своему отцу, ни деду, а его преемники восходят к нему; Акургал, Эаннатум, Эаннатум I, Энтемена, Эаннатум II, Энатарци, Энлитарци, Лугаль-анда и Урукагина. Но хотя их хронологический порядок определен, продолжительность их правления неизвестна, и их даты могут быть установлены лишь приблизительно, и даже эти приблизительные и относительные даты полностью зависят от даты Шар-Гани-шарри. Если предположить, что дата последнего была около 2650 года до нашей эры, дата Ур-Нина будет приблизительно равна 3000 г. до н.э. Первый

представитель династии Ур-Нина оставил нам ряд своих скульптур и стел, но есть и другие безымянные произведения искусства, обнаруженные либо по соседству, либо в самом Лагаше, которые представляют собой менее развитую форму искусства, а если говорить о надписях, то более архаичный стиль письма, а в некоторых случаях памятники, о которых идет речь, были обнаружены в толще под зданием Ур-Нина, и с них начинается история месопотамского искусства и цивилизации, о которой оно так красноречиво свидетельствует.

РАСА

Раса, к которой принадлежали шумеры, неизвестна, но тот факт, что их язык, будучи агглютинативным, а не инфлексивным, не был ни арийским, ни семитским, но, по крайней мере, и в этом отношении сродни монгольским языкам, наиболее яркими примерами которых сегодня являются турецкий, финский, китайский и японский, заставил некоторых ученых искать связь между некоторыми шумерскими корнями и некоторыми китайскими словами, однако следует признать, что эта предполагаемая связь в настоящее время является скорее гипотетической. Лакупер и другие ученые также пытались установить параллели между китайским искусством и культурой и культурой шумеров, но доказательства не слишком убедительны.

ПОЧВА

Поскольку поверхностный слой почвы Вавилонии не возник там, а был принесен реками и отложен ими, когда их течения теряли импульс при приближении к морю и, таким образом, не могли нести свое бремя дальше, хорошо проследить эту почву до ее первоначального источника. И Евфрат, и Тигр берут начало в горах Армении,⁵ геологическая формация которых состоит в основном из гранита, гнейса и других полевых пород. Эти породы постепенно разлагались дождями, и их обломки быстро уносились вниз по течению; реки на своем пути проходят через различные геологические формации, включая известняк, песчаник и кварц, все из которых вносят свой вклад в ил, которому суждено стать частью почвы дельты; последняя, состоящая в основном из мела, песка и глины, чрезвычайно плодородна, что завоевало ей репутацию, засвидетельствованную даже классическими писателями: так, Геродот, который процветал в седьмом веке до нашей эры, рассказывает (I, 29). С. говорит нам (I, 293), что "из всех стран, которые мы знаем, нет ни одной, которая была бы так плодородна на зерно". Она не претендует на то, чтобы выращивать оливы, виноградную лозу или любые другие деревья подобного рода; но в зерне она настолько плодородна, что обычно дает урожай в двести раз, а когда урожай наибольший - даже в триста раз. Лопать пшеницы и ячменя часто достигает четырех пальцев в ширину. Что касается проса и кунжута, то я не буду говорить, до какой высоты они растут, хотя и в пределах моего собственного знания, ибо не знаю, что то, что я уже написал о плодородности Вавилонии, должно показаться невероятным тем, кто никогда не посещал эту страну..... Пальмы растут в огромном количестве по всей равнинной стране, в основном те, которые приносят плоды, и эти плоды снабжают их хлебом, вином и медом". Каким бы преувеличенным ни был этот рассказ, все древние писатели сходятся в том, что приписывают вавилонской земле плодородие и продуктивность, превосходящие плодородие и продуктивность любой другой страны, с которой они были знакомы.

Но нынешнее состояние страны сильно отличается от того, что было: пренебрежение культивацией вновь превратило ее в пустыню или, в непосредственной близости от рек, в болото, зараженное вредителями. Кроме того, реки то и дело меняли свое русло, хотя это замечание относится скорее к вялому течению Евфрата с его низкими берегами, чем к более

быстрому Тигру, чье течение ограничено более высокими берегами, и чей курс, следовательно, претерпевает меньше изменений. В настоящее время прилагаются большие усилия, чтобы исправить то пренебрежение, которому некогда плодородная равнина Вавилонии подвергалась так долго, и в начале прошлого года (1911) фирма сэра Джона Джексона (Limited), подрядчики и инженеры, получила контракт на строительство большой плотины у истоков канала Хиндия: Этот канал - русло, для которого Евфрат оставил свое собственное русло, и, следовательно, русло Евфрата, на берегу которого расположен город Вавилон, в летнее время совершенно сухое, вся вода стекает в канал Хиндия, за исключением времени наводнения. Таким образом, население практически перестало пытаться возделывать берега Евфрата и в большинстве своем переселилось через всю страну к этому каналу. Однако последний, будучи совершенно не приспособленным к той нагрузке, которую на него возложили неразделенные воды Евфрата, сильно заболотился, и многие хорошие земли превратились в болото. Турки долгое время пытались возвести плотину, которая оттеснила бы часть воды в русло реки и тем самым сделала бы возможным регулирование потока в канале, но так и не достигли своей цели. Инженерам сэра Уильяма Уиллкокса удалось заполнить пространство между двумя рукавами заграждения, но плотина почти сразу же была прорвана в другом месте. Однако, когда задуманный план будет реализован, берега Евфрата вновь станут плодородными, как в былые времена, а район, процветание которого зависит от условий канала Хиндия, также улучшится.

По берегам этих рек процветали акация, гранат и тополь, но самым лучшим деревом для вавилонян была финиковая пальма, из сока которой они делали сахар и перебродивший ликер, а ее волокнистая кора служила для изготовления веревок, а древесина, одновременно легкая и прочная, широко использовалась в качестве строительного материала. Так много и разнообразно было применений финиковой пальмы, что у вавилонян была популярная песня⁶, в которой они воспевали триста шестьдесят преимуществ этого бесценного дерева. На важную роль, которую оно играло в жизни раннего шумерского населения, указывает эпитет, примененный Энтемной к богине Нина, к которой он обращается как к даме, "которая заставляет финики расти", а различные амфоры, а также овальный бассейн, очевидно, использовавшийся для производства или хранения финикового вина, были обнаружены де Сарзекон в Телло.

Финиковое дерево встречается на ассирийских барельефах, но следует признать, что художественные изделия вавилонян и ассирийцев не дают нам столько информации о флоре и фауне страны, сколько можно было бы ожидать. Виноградные лозы и пальмы часто встречаются на поздних барельефах, дубы и теребины также были известны, поскольку Эсархаддон использовал их в качестве материала для строительства в Вавилоне, а кедровые деревья регулярно закупались для той же цели.

Из различных деревьев, изображенных на ранних печатях, почти ни одно не может быть идентифицировано с какой-либо степенью уверенности, исключение составляет финиковая пальма: тростник болот появляется довольно рано, но смоковница, напротив, встречается только в более поздние времена, что согласуется с замечанием Геродота о том, что в его время они не выращивались в Месопотамии; несмотря на это, они должны были быть известны и предположительно выращиваться достаточно рано, поскольку среди подношений, сделанных Гудеа (2450 г. до н. э.) богине. Среди подношений, сделанных Гудеем (2450 г. до н. э.) богине Бау, перечислены фиги, а оливковое дерево, должно быть, также было известно в ранние времена, поскольку глиняные предметы в форме оливы, относящиеся ко временам Урукагины, сохранились до наших дней.

Лотос иногда выгравирован на печати, всегда в руке бога, а вместе с другими египетскими элементами он часто встречается на слоновой кости и бронзовых блюдах из Нимруда.

Просо и другие злаки были предметом художественного изображения; в более поздние времена появляются цветы, не носящие описательного характера, хотя традиционные узоры в виде розочек, столь знакомые в ассирийском искусстве, пример которых можно найти на пл. XXX, без сомнения, обязан своим происхождением реальной попытке воспроизвести живой цветок, в то время как плющ встречается только на позднем греко-египетском цилиндре, а на сиро-хеттском цилиндре мы находим изображение чертополоха.

Камыш встречается чаще, чем любое другое дерево или растение, как на цилиндрических печатях, так и на барельефах. Они пользовались большим спросом для строительства хижин и легких лодок, но глина их родной почвы служила универсальным и изобильным материалом для строительства дворцов, храмов и домов; ее возможности были осознаны очень рано, и использовались соответствующим образом. Камень практически неизвестен на низменных равнинах Вавилонии, а когда он требовался, его приходилось добывать далеко в горах и перевозить с большими затратами и трудом, поэтому он сравнительно редко использовался для художественных или декоративных эффектов, а скорее применялся там, где требовалась долговечность; по этой причине в Вавилонии обычно использовался базальт, диорит, долерит или другой твердый камень вулканического происхождения. С другой стороны, в Ассирии легко можно было достать алебастр и различные виды известняка, которые использовались в основном для строительства, а также легко поддавались резцу скульптора, чьей обязанностью было запечатлеть главные события царствования царя в живописной форме на стенах его дворца.

Из зерновых культур наиболее важными были пшеница, ячмень, вика и просо, которые выращивались в больших количествах, а из домашних животных - лошади, волы, овцы, свиньи, козы, ослы и собаки; На барельефах из Кюнджика, одного из курганов, представляющих древнюю Ниневию (другой - Неби Юнус ("Пророк Иона"), так называемый местными жителями, из-за их веры в то, что пророк Иона был похоронен там), можно найти верблюдов, они также являются частью дани, которую принцы-притоки приносили Шалманесеру II, царю Ассирии 860-825 гг. до н.э.С., и, соответственно, представлены на бронзовых воротах из Балавата и на так называемом Черном обелиске, знаменитом в первую очередь своим изображением Иеху и его данников. Представленные здесь верблюды принадлежат к двугорбой бактрийской породе, которая обладает меньшей выносливостью, чем одnogорбые дромадеры Аравии и Африки. В современной Вавилонии эти двугорбые верблюды являются важнейшим средством передвижения, но в холмистой Ассирии они менее полезны из-за их склонности к скольжению на любой, кроме самой ровной поверхности. Существует, по-видимому, только один случай изображения верблюда на цилиндрической печати, и он относится к персидскому периоду. Ассирийское слово, используемое для обозначения верблюда, вероятно, арабского происхождения, а Аравия, несомненно, была родиной верблюда. Что касается лошадей, быков, овец, коз и собак, то они постоянно изображаются в ассирийском искусстве. Лошадь, будучи родом из Азии, по всей вероятности, была одомашнена в Месопотамии раньше, чем в Египте; очень ранним доказательством ее существования в Месопотамии считается архаичная печать-цилиндр, хранящаяся сейчас в музее Метрополитен в Нью-Йорке, на которой изображен бог, управляющий четырехколесной колесницей, в отличие от ассирийских военных колесниц, которые были двухколесными; Колесница запряжена животным неопределенного характера, которое Уорд первоначально считал лошадью, но в связи с изображением быка, запряженного колесницей, найденным на ранней ассирийской печати, которую он датирует

около 2000 г. до н. э.С., стало ясно, что бык использовался для запряжки колесниц в ранние времена, и Уорд, соответственно, рассматривает неоднозначное животное, о котором шла речь, как быка. Шумерское название лошади - "осел гор" - указывает на то, что животное было впервые известно им в диком виде: мы находим его изображение на одном из пограничных камней Навуходоносора I (ок. 1120 г. до н. э.), но, несомненно, оно было известно в долине гораздо раньше. Гиксосы, или цари-пастухи из Азии, завезли лошадь в Египет около 1700 г. до н. э., а в письме вавилонского царя Буррабуриаша к царю Египта Аменетепу около 1400 г. до н. э. упоминается о лошадях.

Чрезвычайно ранний фрагмент из Ниппура (см. рис. 25, E), опубликованный Хильпрехтом, процитированный и воспроизведенный Уордом,⁷ показывает нам рогатое животное, тянущее плуг, которое, по мнению Уорда, может быть газелью или антилопой; если это так, то мы можем сделать вывод, что животное этого вида использовалось для тяговых целей раньше быка и уж точно раньше лошади. Как бы то ни было, в более поздние времена лошадь, по-видимому, предназначалась для поля боя и погони. Ассирийские солдаты ездили на них и запрягали их в свои боевые колесницы, и стоит отметить, насколько успешнее ассирийские скульпторы изображали лошадь, чем египтяне. Лошади на барельефах, очевидно, принадлежат к более мелкой, коротконогой и плотной породе, чем арабы, и предполагается, что эта порода до сих пор сохранилась в Курдистане. Ассирийцы, похоже, не имели привычки наделять лошадь крыльями или человеческой головой, как они иногда делали с быком и львом, хотя на некоторых печатях и кольцах Пехлеви⁸ более позднего времени (226-632 гг. н. э.) изображены фигуры крылатых лошадей.

Бык с "длинными прямыми и загнутыми рогами", по-видимому, был одомашнен с самого раннего периода, и он изображен на цилиндрических печатях, которые своими надписями показывают, что они принадлежат к раннему периоду, когда строчная письменность еще не была вытеснена ее более поздней дочерней клинописью, а на одной из этих ранних печатей (см. рис. 63) сам бог изображен верхом на одном из этих быков; однако следует заметить, что бык играет менее заметную роль в художественных изображениях Месопотамии, чем в других. Однако следует отметить, что бык играет менее заметную роль в художественных изображениях Месопотамии, чем в Египте, где в гробницах так часто изображаются повседневные сцены сельскохозяйственной жизни. Лишь очень редко бык изображается на цилиндрических печатях или скульптурах в качестве жертвенной жертвы, лучший пример - фрагмент стелы стервятника из Эннатума; тот же царь сообщает нам в другом месте, что он приносил быков в жертву богу солнца в Ларсе, а теленка - Эн-лиллу, владыке Ниппура, который более известен под семитским именем Бел, имя, которое, однако, он никогда не носил;⁹ Если бык и использовался редко в жертвоприношениях, нет сомнений, что на протяжении всей месопотамской истории он считался воплощением и, следовательно, естественным символом силы и плодородия, а крылатые быки Саргона (см. Пл. XXV) являются наиболее знакомыми и, возможно, наиболее характерными памятниками ассирийского искусства.

Мул использовался в качестве носильного животного; мулы запрягали повозки, на них перевозили женщин и детей, их использовали для перевозки товаров и всевозможной ручной работы; они изредка встречаются на ассирийских барельефах и являются одним из сюжетов знаменитых сцен охоты Ашур-бани-пала, где они управляют царскими слугами.

Овца была одомашнена с древнейших времен, но изображения козла встречаются чаще; на рис. 62 мы имеем чрезвычайно архаичную печать, на которой изображен человек, ведущий козла, за которым следуют две овцы. Еще один пример козла и овцы можно найти на раннем каменном рельефе, изображенном на рис. 25, F.

Коза часто встречается как на печатях, так и на барельефах. Насколько мы можем судить, коза была наиболее распространенной жертвой, и поклоняющийся часто изображался несущим козу на руках. (Ранний пример козла в вавилонском искусстве - медная голова козла из Фары, 40, В.) Рис. Борода иногда четко очерчена, 10 тем самым показывая, что это козел, а не антилопа, в то время как и овца, и козел хорошо представлены на бронзовых воротах-ножницах из Балавата. Хотя овца, как представляется, не играла столь важной роли, как коза, в жертвенном поклонении, она играла гораздо более заметную роль в предсказаниях, и бесчисленные предзнаменования были выведены из осмотра различных частей ее печени.

Осел был известен с самого раннего периода, как дикий осел, на которого, похоже, так любил охотиться Ашур-бани-пал (см. пл. XX), так и одомашненный осел. Уорд нашел только один пример его раннего изображения на цилиндрических печатях, но колесница бога Нингирсу на знаменитой Стеле стервятника запряжена ослом, а тот факт, что Урукагина, один из царей Первой династии Лагаша, постановил, что если в хлеву одного из подданных царя жеребится хороший осел, царь может купить его только предложив справедливую цену, и даже тогда он не может заставить владельца расстаться с ним, показывает, что осел был в обиходе в его времена.

Собака встречается на некоторых из самых ранних печатей Вавилонии, особенно часто на тех, где изображена легенда об Этане и орле (см. рис. 62): она также появляется на более поздних вавилонских печатях и очень часто встречается на ассирийских барельефах.

Здесь они представлены в погоне (ср. пл. XX). Ассирийские гончие, очевидно, напоминали мастифов, и, по мнению Лэйарда, эта порода до сих пор сохранилась в Тибете, но не в Месопотамии. У нас есть еще одна хорошая репродукция собаки на терракотовой табличке, найденной сэром Х. Роулинсоном в Бирс-Нимруде (см. рис. 88), а Ашур-бани-пал оставил нам несколько глиняных моделей своих собак, сделанных в одном куске, как колоссальные быки, но довольно грубых по исполнению. Хотя мы мало знаем о породах собак, с которыми были знакомы ассирийцы и вавилоняне, мы, во всяком случае, знаем, что они были знакомы с собаками различных цветов, поскольку они получали предзнаменования от пестрых собак, желтых собак, черных собак, белых собак и других.

Газель была известна в Месопотамии с ранних времен, и иногда она занимает место козла в качестве жертвы для жертвоприношения.

Антилопа часто изображается на ранних цилиндрических печатях, и, очевидно, иногда ее привязывали к плугу, как видно из раннего каменного рельефа из Ниппура, 11, но не всегда легко отличить антилопу от козла в вавилонском искусстве.

Ибекса также можно спутать с горным бараном из-за формы его рогов, но там, где он изображен правильно, у него есть борода. Хороший и очень ранний пример ибекса можно найти выгравированным на фрагменте раковины, относящейся к самому раннему шумерскому периоду (см. Лувр, кат. № 222).

Кабан изображался нечасто, но, несомненно, был достаточно распространен, как и сегодня; он встречается на чрезвычайно архаичной печати (см. рис. 54), а на более поздней цилиндрической печати в четырех регистрах повторяются цифры маленьких свиней, в то время как на других печатях охотник колет кабана, и, наконец, свиноматка с молодым кабачком изображена на одном из настенных рельефов из дворца Сеннахериба в Кюнджике.

Интересно отметить, что уже во времена Хаммурапи¹² свинина была высоко ценимой пищей, настолько, что часто входила в состав храмовых подношений, и Унгнад обращает внимание на один случай, когда некий злонамеренный человек украл одного из храмовых свиней и поплатился за это крупным штрафом, а в официальных списках провизии для храма различные части свиньи специально перечислены, в то время как от осмотра свиней были получены благоприятные и неблагоприятные предзнаменования.

Кролик или *заяц* редко встречается в ранних скульптурах и гравюрах, но он есть на более поздних, так называемых сиро-хеттских цилиндрах, и иногда изображается на ассирийских барельефах.¹³

Орикс, *горный баран*, *олень*, *черепаха*, *дикобраз*, *обезьяна* - все они изредка встречаются на цилиндрах, а что касается обезьяны, то она входит в состав дани, принесенной подвластными народами Шалманезеру II на Черном обелиске, а также изображена на барельефах, украшавших стены дворца Ашшура в Нимруде. В обоих случаях изображенные обезьяны принадлежат к индийскому виду и были явной новинкой в глазах ассирийцев, которые, несомненно, ценили их соответствующим образом.

Есть единичные экземпляры *лисы*, *лягушки* и *медведя*, но ни один из них не играет важной роли в истории искусства этой страны. *Лев* и *змея* занимают видное место в художественных изображениях и, несомненно, были знакомыми и грозными существами в реальной жизни, а величия первого и тонкости второго было достаточно, чтобы они заняли место в мифологической и геральдической символике жителей Месопотамии. Лев был известен повсюду, как в горах, так и в низинах, а в Вавилонии он до сих пор обитает в болотистой местности. На цилиндрических печатях он обычно изображен в смертельной схватке с Гильгамешем, героем вавилонского фольклора, или его другом Эа-бани, который, конечно, во всех случаях одерживает над ним верх; он изображен в глине и камне от самых ранних (см. рис. 26, В) до самых поздних времен, он вышивается на одежде и украшает ножны, а также играет важную роль в геральдическом устройстве древнего города Лагаш, которое состоит из орла с распростертыми крыльями, сжимающего двух львов, обращенных в противоположные стороны (см. рис. 27), несомненно, символизируя власть, которую царь Лагаша осуществлял над народами Востока и Запада соответственно. Он пользуется сомнительной честью быть особым объектом внимания ассирийского царя в более поздние времена и предоставлять ему спорт, который он любил больше всего остального (см. пл. XIX); отдельные цари убивали огромное количество львов, и Тукульти-Ниниб I (1275 г. до н. э.), в качестве примера, сообщает, что он убил около 920 львов, так же как Аменетеп III, царь Египта, аналогичным образом хвастается тем, что убил 102 льва за первые десять лет своего правления. Первоначально, несомненно, львы были достаточно многочисленны, но по мере того, как их численность сокращалась, возникла необходимость отлавливать и сохранять их в клетках до тех пор, пока они не потребуются для царской охоты (см. пл. XXVII). Иногда лев воспроизводится в колоссальных размерах, наделен крыльями и головой человека, и в этом качестве, стоящий у порталов королевского дворца, призван отражать атаки злобных и недоброжелательных демонов, в то время как в другие времена он менее полно оснащен и имеет только голову, бюст и руки человека. Его тело, всегда имеющее вес, не случайно приспособлено к требованиям весов; до нас дошло значительное количество бронзовых львиных гирь, которые, вероятно, были изготовлены в Финикии (как и изделия из слоновой кости в Ассирийской империи), а вес, представляемый каждым львом, был написан финикийскими буквами. Иногда полая бронзовая голова льва служила украшением конца колесничного столба. Как правило, лев олицетворял врагов царя, поэтому, когда бы он ни был замечен в конфликте, его всегда одолевали либо с помощью телесной силы, как в случае

с Гильгамешем, либо уязвляли стрелой, копьем или ножом, как мы часто видим на барельефах ассирийских дворцов. Но львы, вероятно, время от времени одомашнивались, как и в наши дни. Во время первого визита сэра Генри Лэйарда в Хиллу Осман-паша подарил ему двух львов; один из них, по его словам, был известным завсегдатаем базаров, мясные лавки которых он имел привычку регулярно грабить, но, кроме этой милой маленькой причуды, он, похоже, был довольно хорошо воспитан. В своем описании животного Лэйард говорит, что оно было "выше и крупнее сенбернара, и, как лев, обычно встречающийся на берегах рек Месопотамии, не имело темной и лохматой гривы африканского вида". Далее он сообщает, что, однако, видел львов с длинной черной гривой на реке Карун, которая впадает в залив недалеко от Мохаммеры на крайнем юге Вавилонии; но львы любого класса очень редко встречаются в Месопотамии в наши дни, и, как правило, только на расстоянии.

Змея играла в месопотамском искусстве меньшую роль, чем лев, но, по крайней мере, с некоторых точек зрения, не менее значимую. Две змеи, переплетенные вокруг шеста, составляют центр устройства, выгравированного на знаменитой чаше (см. рис. 90), посвященной Гудеа, патеси или царем-жрецом Лагаша около 2450 года до н.э., своему богу Нин-гиш-зи-да, который, очевидно, был эмблематизирован змеями, а по обе стороны от переплетенных рептилий - два крылатых и змееголовых чудовища, а на нескольких цилиндрических печатях более древнего периода мы находим бородатого бога, тело которого состоит из змеиной спирали. В этой связи мы можем сравнить устройство на цилиндрической печати того же Гудеа (см. рис. 64), где бог-посредник, представляющий патеси сидящему божеству, которого Уорд с некоторым основанием считает Эа, характеризуется змеями, поднимающимися с его плеч.

Но самым известным примером змеи в вавилонской мифологии является печать, на которой два существа, возможно божественные, возможно человеческие, сидят по обе стороны дерева, а позади одного из них изображен прямоходящий змей; эта печать обязана своей известностью мнению ранних ученых, что эта сцена представляет собой живописный аналог в Вавилонии древнееврейской традиции грехопадения.

Судя по изображениям змей, найденным на вазах, межевых камнях, печатях цилиндров и в других местах, змеи, распространенные в Месопотамии в то время, когда были созданы эти памятники, должны были быть значительных размеров, а из литературы мы знаем, что некоторые из этих змей были ядовитыми. Ассирийские цари также упоминают о распространенности змей в некоторых странах, куда они совершали походы или которые были им подвластны, так, например, Эсархаддон говорит нам, что земля Базу кишит змеями и скорпионами, похожими на кузнечиков.

Среди других зверей, знакомых жителям Месопотамии, можно упомянуть зубра ("риму"), животное гор и лесов, которое играет заметную роль в истории о Гильгамеше; старая пиктограмма зубра состоит из головы быка, в которую вписаны три диагональных клина, которые вместе означают "гора" и таким образом указывают на место его происхождения. На цилиндрических печатях Вавилонии были обнаружены различные виды крупного рогатого скота, что свидетельствует о том, что во время изготовления печатей память об их существовании и, возможно, реальность их присутствия все еще ощущались и были известны. *Буйвол*, обитающий в болотах Южной Вавилонии, часто встречается на цилиндрических печатях, относящихся ко времени Шар-Гани-Шарри и его преемников, а также выгравирован на фрагментах раковин, относящихся к самому раннему шумерскому периоду. Лэйард рассказывает, что эти уродливые животные, процветающие в болотах, и по сей день поставляют арабам большое количество молока и масла; обычно с ними легко управляться, но они испытывают особую антипатию к запаху мыла, и поэтому запах

свежевыстиранной одежды вызывает у них сильное раздражение. На дикого быка усердно охотились ассирийские цари эпохи Саргонидов, среди которых в этой связи можно особо отметить Ашшура-на-Ир-пала. (Графическую иллюстрацию подвигов этого царя в погоне см. на пл. XVI). После Саргонидов охота на быков перестала быть одним из главных царских видов спорта, возможно, из-за утомимости, с которой эти животные выслеживались царями этой династии. В джунглях, во всяком случае, во времена Лэйарда, по-прежнему водились львы, леопарды, рыси, дикие кошки, шакалы, гиены, волки, олени, дикобразы и кабаны, а гиены достаточно распространены и в наши дни.

Леопард иногда изображается на более архаичных печатях, но редко на более поздних, его отличают пятна; хороший пример леопарда дает архаичная печать, сделанная гораздо раньше времени Шар-Гани-Шарри.¹⁴ Таким образом, видно, что художественные и литературные памятники Месопотамии в немалой степени помогли нам в попытке составить общее представление о животном мире этой страны в прошлые времена. Однако лишь в очень ограниченной степени это касается птиц, где цвет является более определяющим фактором в их бесконечных вариациях, чем форма и очертания: именно здесь египтянин блеснул всем своим гением и преуспел в ярком изображении стольких различных видов птиц на стенах своих гробниц с помощью кисти и красок. С другой стороны, в Ассирии и Вавилонии, где художественный гений народа никогда не использовал только краски в качестве средства выражения, единственными часто встречающимися птицами были орел и гриф - орел как эмблема королевской власти, гриф как всегда готовый пожирать останки убитых врагов - хотя, без сомнения, на равнинах и болотах, как и в наши дни, обитало великое множество птиц.

Орел, царская птица, олицетворяет царскую власть в геральдических гербах Лагаша уже во времена первой династии, а ко времени Гудеа (2450 г. до н. э.) появляется двуглавый орел, вообще характерный для хеттского искусства. Именно на орлиных шестеренках Этана безуспешно пытается вознестись на небо, и эта легенда живописно представлена (см. рис. 62) на различных архаических печатях. Со временем орел становится воздушной опорой Ашшура, бога, от которого Ассирия получила свое название, и придает свою форму крылатому диску, который, как хорошо сказал М. Ассирийцы также считали его достойным чести быть соединенным с телом человека, и полученное таким образом составное существо наделялось способностями, превышающими те, которыми обладают простые люди, и, очевидно, имело полубожественный характер, в то время как в других случаях мы видим его крылья, прикрепленные к человеческой голове быка (ср. Pl. XXV) или льва. Pl. XXV) или льва, что в совокупности должно было ошеломить самого смелого из подземных демонов.

Длинный и голый *гриф* не часто встречается в месопотамском искусстве, а на цилиндрических печатях - только на тех, которые известны как сиро-хеттские. Хищные птицы, от которых происходит название "Vulture-stele", несомненно, изображают грифов; так же как и птицы, изображенные на барельефах, украшавших стены дворца Ашшур-бани-пала в Ниневии,¹⁵ поскольку в обоих случаях они заняты тем, что уносят резко отрубленные конечности и головы павших врагов.

Страус появляется в месопотамском искусстве только в поздний период, хотя в Эламе на ранней керамике изображены ряды страусов, близко и необъяснимо напоминающие знакомых страусов на додинастической керамике Древнего Египта. Иногда, однако, он занимает видное место в вышивке на одеянии ассирийского царя, а также встречается на халцедоновой печати в Париже.¹⁶

Аист, который в зимнее время кормится на вавилонских болотах, встречается на цилиндрических печатях, но в некоторых случаях трудно определить изображенную птицу; *журавль* и *дрофа* оба, кажется, представлены, в то время как у нас есть несомненный случай *лебедя* на мягкой серпентиновой печати, которую Уорд считает ранней ассирийской.¹⁷ *Петух* ограничивается или практически ограничивается цилиндрическими печатями персидского периода.

О существовании *уток* стало известно благодаря находке каменных и мраморных гирь в виде уток, на одной из которых начертано имя Набу-шума, а на другой - Эрба-Мардука.

Голуби использовались и ценились с древнейших времен, так как Эаннатум сообщает нам, что он принес четырех голубей в жертву богу Энзу. *Ласточки* и *вороны* были в изобилии, так как в истории о потопе и ласточка, и ворон, и голубь были посланы Напиштимом, чтобы узнать, как далеко утихли воды.¹⁸

Саранча встречается на одной или двух печатях, а также появляется в качестве предмета питания на ассирийских барельефах (ср. Layard, Series II, Pl. 9), где она нанизана на палку, в то время как скорпион часто встречается на цилиндрических печатях, причем на некоторых из самых ранних.

Рыбы одинаково часто встречаются на печатях и на стенах дворцов, но их присутствие, как правило, объясняется желанием художника устранить все сомнения зрителя в отношении воды, в успехе своей репродукции, в чем он отнюдь не слишком уверен. Один юмористический эпизод из жизни рыб изображен на стенах дворца Сеннахериба в Куюнджике, где видно, как краб эффективно вдавливая свои щипцы в тело незадачливой рыбы, а также один раз на цилиндрической печати.

Рыбу, несомненно, использовали в пищу с древнейших времен; так, Эаннатум сообщает, что он преподнес несколько рыб в качестве подношения своим богам, а одной из реформ, проведенных Урукагиной, царем первой династии Лагаша, было лишение должности инспекторов рыболовства, занимавшихся вымогательством. Болота по-прежнему изобилуют рыбой, некоторые из которых достигают значительных размеров; в основном это барбель или карп, а их мясо, хотя и грубое, регулярно поставляется в пищу арабам.

В стране, которая была создана и ежегодно создается из моря и за его счет и в которой основными путями сообщения являются реки и каналы, рыба как повелительница вод должна занимать важное место в мифологических и религиозных представлениях жителей этой страны: Так, бог Эа из Эриду, один из самых известных и значимых вавилонских богов, и Оаннес греков, который, по одной версии, был создателем мира, был представлен в виде рыбы.

Однако не следует впадать в опасность предположения, что все животные, птицы, рыбы и деревья, изображенные на памятниках или упоминаемые в античной литературе, принадлежали к фауне или флоре Месопотамии в то время, когда были выполнены эти гравюры и скульптуры; Единственный абсолютно определенный и столь же очевидный вывод состоит в том, что о существовании такой фауны или флоры было известно, а степень знакомства художника с данным образцом можно, с большой долей оговорки и с учетом грубости раннего искусства, определить по сравнительной точности, с которой он его воспроизвел, а также по частоте его встречаемости на современных произведениях искусства. Что касается литературных свидетельств, то, к сожалению, во многих случаях существует некоторая неопределенность в идентификации животных и растений, о которых идет речь, и, кроме того, многие животные, изображенные на памятниках или упоминаемые в

литературе, являются частью дани, приносимой подвластными государствами, точное местонахождение которых, что еще больше усложняет дело, часто остается неопределенным. Иногда, как в случае с лошадью (см. с. 15), ранняя идеографическая форма письма учит нас чему-то о происхождении упоминаемого объекта, а появление животного или дерева в раннем месопотамском искусстве и существование того же дерева или животного в Месопотамии в наши дни является хорошим аргументом для включения его в древнюю фауну и флору страны. Опять же, за некоторыми исключениями, можно предположить, что животные, предлагаемые и принимаемые в качестве дани царями Вавилонии и Ассирии, использовались как-то иначе, чем просто для размещения в зоологических садах, в связи с чем можно сделать справедливый вывод, что цари Ассирии, принимавшие верблюдов от вассальных вождей, находили им применение в качестве средства передвижения. Хотя в пересеченной местности самой Ассирии верблюд был бы не более полезен, чем сегодня, из-за склонности верблюдов к скольжению на неровной поверхности, и, следовательно, практической необходимости ограничить их использование ровной песчаной поверхностью, как в Вавилонии, где их можно увидеть тысячами и сегодня.

(b) Краткое описание истории Вавилонии и Ассирии

В начале вавилонской истории страна была разделена на множество мелких княжеств или городов-государств, и практическое воплощение утвержденного трюизма "единство - сила" было достигнуто лишь позднее. В этом отношении ранняя история вавилонской цивилизации также представляет собой параллель с историей древнего Египта, где мы находим страну, аналогично разделенную на ряд районов или номов, которые со временем имели тенденцию к слиянию и фактически выкристаллизовались в северное и южное царства. Но в Египте процесс унификации зашел еще дальше, и примерно во времена Первой династии жители Египта были обязаны верностью одному и только одному владыке - царю севера и юга, причем его двойной суверенитет олицетворялся принятием им короны севера и короны юга.

Конечно, невозможно установить дату первого появления шумеров в Вавилонии, но места их самых ранних известных поселений находились в Шумере или Южной Вавилонии, а их главными городами были Ур, Эрех, Ниппур, Ларса, Эриду, Лагаш и Умма. В равной степени невозможно назвать какую-либо определенную дату оккупации Северной Вавилонии или Аккада семитами, достаточно сказать, что в самый ранний период, о котором дошли исторические записи, имеются свидетельства присутствия семитов или аккадцев в Аккаде наряду с шумерами в Шумере. Основными центрами семитской оккупации были город Аккад или Агаде, Вавилон, Борсиппа (Бирс-Нимруд), Кутха, Опис, Сиппар и Киш.

Город Киш с древнейших времен стал влиятельным фактором в вавилонской политике.

Так, некий Месилим, царь Киша, чья буланая головка с надписью была обнаружена в Телло (Лагаш), [19](#) сообщает нам, что он посвятил ее богу Нин-гирсу во время патесиата Лугаль-шар-енгура в Лагаше и что он же впоследствии восстановил храм этого же бога. Больше ничего не известно о этого патеси Лагаша, но Месилим правил в Кише очень рано, так как Энтемена из Лагаша начинает свой исторический очерк отношений, существовавших между его собственным городом и городом Умма, с периода правления Месилима.

Расовое происхождение Месилима вызывает сомнения, но нет никаких сомнений в семитском происхождении Шарру-Ги, Маништусу и Урумуша, более поздних царей Киша, чье правление следует отнести к досаргонскому периоду, и, возможно, поэтому разумно

предположить, что более ранний Месилим также был семитом. Если это так, то булавовидная голова этого правителя содержит свидетельство того, что ранний шумерский город Лагаш в свое время находился под властью семитов, и убедительно доказывает, что, насколько можно судить по документальным свидетельствам, шумеры и семиты существовали бок о бок в Вавилонии с самого раннего периода месопотамской цивилизации.

Спустя некоторое время Лагашу удалось отстоять свою независимость, и многие из его последующих правителей называют себя "царями". Первая династия Лагаша, основанная, по-видимому, Ур-Ниной, прочно обосновалась на некоторое время, но в правление Урукагины династия прекратилась, а город был захвачен и разграблен Лугаль-Заггиси, правителем соседнего города Умма.

Пределы империи Лугаль-заггиси включали Ур, Эрех, Ларсу и Ниппур, и он, несомненно, был одним из самых могущественных правителей своего времени. Другими досаргонскими царями, чья власть ассоциировалась именно с Эрехом и Уром, были Лугаль-кигуб-нидуду и Лугаль-кисальси, но масштабы их владычества нельзя оценить с какой-либо степенью уверенности.

Во времена, непосредственно предшествовавшие установлению империи Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, центром сосредоточения семитских сил Аккада, по-видимому, был город Киш, завоевания которого тремя царями Шарру-Ги Маништусу и Урумушем подготовили путь для их преемников в Агаде. Таким образом, и Маништусу, и Урумуш, похоже, распространили свою власть на юг, в земли Шумера, а оба этих царя успешно воевали против Элама.

Однако империи Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина было суждено полностью затмить империю их предшественников, поскольку она охватывала не только Месопотамию на севере и юге, но также Сирию и Палестину, и фактически стала первой вавилонской империей, достойной этого названия.

Тем временем власть шумеров на юге получила временный отпор, и патеси Лагаша и других шумерских центров того времени явно правили по принуждению, а не на основе прав, которые они были готовы успешно отстаивать на поле боя.

Но после воцарения Гудеа около 2450 года до н. э. мгновенно угасшее пламя шумерского влияния в Вавилонии разгорелось с новой силой, и поднялась мощная антисемитская волна. Эта волна, по-видимому, не характеризовалась серией войн или сражений, поскольку записи Гудеа, самого могущественного правителя среди поздних патетиков Лагаша, редко упоминают о военных достижениях, но обширность его строительных работ свидетельствует об изобилии ресурсов в его распоряжении, а названия стран, которые он отдал под строительные материалы, убедительно доказывают, что влияние Лагаша во время правления Гудеа было значительным. Список мест, откуда он брал древесину и камень, включает горы в Аравии и на сирийском побережье, а медь он получал из рудников на территории эламитов к востоку от Тигра.

Но значение Лагаша вскоре сошло на нет, и Ур стал доминирующей державой в Вавилонии. Династия Ура (ок. 2400 г. до н. э.), продолжавшаяся около 120 лет, была основана Ур-Энгуrom. Он включил в сферу своего влияния всю Южную Вавилонию, а на севере оставил свидетельства своих архитектурных начинаний в Ниппуре; поэтому он называл себя "царем Шумера и Аккада", но тот факт, что его сын и преемник Дунги счел необходимым уменьшить Вавилон, указывает на то, что его власть в Аккаде не была непререкаемой. Дунги царствовал 58 лет, в течение которых он подчинил себе всю Вавилонию и, по-видимому, аннексировал большую часть Элама. Он настолько прочно установил свой контроль над Эламом, что

столица этой страны (Сузы) до сих пор сохраняется за его преемниками, хотя для поддержания "статус-кво" приходится предпринимать частые экспедиции.

Династия Ура, по-видимому, была прекращена вторжением эламитов; во всяком случае, Иби-Син, последний царь Ура, был унесен эламитами, и власть в Вавилонии перешла к городу Исину. Династия Исины просуществовала около 225 лет, в течение которых Вавилония наслаждалась великим процветанием.

Во второй половине первого периода власть в Вавилонии, по-видимому, временно перешла в руки Гунгуну, царя Ура и Ларсы, который претендовал на власть над всем Шумером и Аккадом, но его господство было недолгим, и вскоре Исин восстановил свое положение в качестве первостепенной власти в Вавилонии.

Тем временем семитский элемент на севере постепенно восстанавливал свои позиции и, наконец, заявил о себе как о конкретном факте, основав династию Суму-абу в самом Вавилоне около 2000 года до нашей эры.

Примерно в это же время эламитами обосновались в Южной Вавилонии в Уре и Ларсе под властью Кудур-Мабука и его сыновей Арад-Сина и Рим-Сина, и в течение раннего периода правления династии осуществляли сюзеренитет над всем этим регионом. Впоследствии Рим-Син потерпел тяжелое поражение от Хаммурапи, самого прославленного царя династии и Амрафела из Книги Бытия, а сам погиб от рук Самсу-илуны, преемника Хаммурапи. Со смертью Рим-Сина эламская власть в Вавилонии прекратилась.

Хаммурапи укрепил власть Вавилона и распространил свое влияние на все стороны, но главная его слава связана с кодификацией вавилонского права. Однако господство Вавилона на юге вскоре было успешно оспорено Илума-илу, который основал царство на берегах Персидского залива и положил начало так называемой "Второй династии" в списках царей.

Илума-илу был современником Самсу-илуны, нападения которого он дважды отражал. Преемник Самсу-илуны на вавилонском престоле Абешу также пытался подчинить своей власти непокорную "Страну моря", но безуспешно, и с этого времени Южная Вавилония оказалась под властью царей "Страны моря".

Но у Самсу-илуны, кроме южных мятежников, был еще один враг, которому в конечном итоге суждено было подчинить себе всю Вавилонию, под властью которой она находилась в течение нескольких столетий.

Касситы были воинственным народом, чья родина лежала к востоку от Тигра и к северу от Элама, и они, очевидно, начали совершать набеги на вавилонскую территорию в царствование Самсу-илуны, хотя, похоже, не оказали существенного влияния на вавилонскую державу. Однако примерно столетие спустя вавилонская династия прекратила свое существование в результате вторжения хеттов из Каппадокии, которые разграбили город, разрушили храм великого бога города Мардука и унесли его статую в качестве трофея. Хеттское завоевание должно было подготовить почву для вторжения касситов, которые прочно утвердились на вавилонском троне на очень долгий период. Сначала сфера их влияния ограничивалась северной половиной равнины, но позже они распространили свою власть на Страну моря.

Тем временем Ассирия в Северной Месопотамии сформировалась как отдельное и независимое царство, и на горизонте уже виднелись признаки ее будущего величия.

Дата колонизации Ассирии неизвестна, но в любом случае она должна была произойти до времен Хаммурапи, так как в его время страна носила название "Ассирия" и была включена в пределы его империи. Борьба за господство в конце концов закончилась победой северян, которые под предводительством своего царя Тукульти-Ниниба (ок. 1275 г. до н. э.) завоевали Вавилонию. В дополнение к титулу "царь Ассирии" Тукульти-Ниниб называл себя "царем Кардуниаша (т.е. Вавилона), царем Шумера и Аккада". С этой даты и вплоть до разрушения Ниневии (около 606 г. до н. э.) и основания Набополассаром недолговечной Невавилонской империи Вавилония занимает вспомогательное место в политической истории Западной Азии.

Непосредственные преемники Тукульти-Ниниба I, по-видимому, постоянно воевали с вавилонянами, которые ни в один из периодов своей истории не покорялись ассирийскому игу. Вступление Тиглата-Пилесера I на престол около 1100 года до н. э. открыло новый период в истории ассирийской экспансии. Некоторые горные племена, которые были обязаны верностью прежним ассирийским монархам, подняли восстание, и Тиглат-Пилесер решил их подавить. Северные мосхи, которые шестьдесят лет назад были вассалами Ассирии, под предводительством пяти царей вторглись на территорию Коммагены, но Тиглат-Пилесер эффективно подавил их, и земля Коммагены была завоевана "на всем ее протяжении".

Различные другие племена на севере, из которых Наири, по-видимому, были наиболее важными, также были подчинены ассирийцам.

В походе против Вавилонии он также добился успеха, взяв Вавилон, Сиппар, Opis и другие города в Нижней Месопотамии. Но его триумф здесь был недолгим, и ассирийцы были изгнаны Мардук-надин-ахом, царем Вавилона, который в дальнейшем вторгся в Ассирию и унес статуи некоторых ассирийских богов.

Ашшур-бел-кала, сын и преемник Тиглата-Пилесера I, вернул удачу ассирийскому оружию на юге и заставил Мардук-шапик-зерима, преемника Мардук-надин-аха, заключить мир.

Но после правления двух сыновей Тиглата-Пилесера I Ассирия потерпела тяжелое бедствие от рук хеттов и потеряла территорию, завоеванную Тиглатом-Пилесером. Северная Сирия, вынужденная признать сюзеренитет Тиглата-Пилесера, теперь утвердила свою независимость и некоторое время оставалась хозяйкой своей судьбы.

Таким образом, Ассирия на время утратила свое положение мировой державы, и только в правление Тукульти-Ниниба II (890-885 гг. до н. э.) ее судьба начала возрождаться. При этом царе Наири были вновь покорены, и, по-видимому, вся долина верхнего Тигра была вновь подчинена. Ашшур-нахир-пал (885-860 гг. до н. э.) продолжил дело экспансии и повторных завоеваний. С дальнейшим распространением ассирийской власти на север сразу же возникла необходимость в столице, занимающей более центральное положение, чем древний Ашшур, и, соответственно, Ашшур-нахир-пал перенес место своего правления в Калах (Нимруд) примерно в сорока милях к северу от Ашшура.

Почти за 500 лет до этого Шалманесер I заложил в Калахе фундамент города, но беспокойная обстановка того времени замедлила его рост. Ашшур-нахир-пал разрушил то, что осталось от старого города, и основал на том же месте новый город, и по крайней мере в течение столетия Калах оставался столицей империи.

Ашшур-нахир-пал также расширил сферу своего влияния в западном направлении и совершил триумфальное шествие по Северной Сирии, но, судя по всему, он осторожно воздерживался от столкновений с могущественным царем Дамаска.

Сын и преемник Ашшура - Шалманесер II (860-825 гг.) - укрепил дело своего отца и деда и в то же время сам совершил новые завоевания. Его походы на запад привели его к столкновению с израильтянами, и мы видим, что Ахав, царь Израиля, упоминается как один из сирийских союзников, восставших против него. Несколько лет спустя Шалманесер стал сюзереном Израиля и получал дань от узурпатора Иеху.

После правления ближайших преемников Шалманесера власть Ассирии начала временно ослабевать, а подвластные народы утверждали свою независимость, но в 745 году до н. э. Тиглат-Пилесер III, или Пул, как его называют во 2 Царств хв. 19 и других местах, вззошел на престол и восстановил влияние и власть Ассирии в Западной Азии. Его войны в Сирии означали катастрофу для Израиля и потерю независимости для Иудеи. Ахаз, царь Иудеи, обратился за помощью к Тиглату-Пилесеру против союзных войск Резина, царя Дамаска, и Пеаха, царя Израиля. Тиглат-Пилесер сразу же воспользовался этой прекрасной возможностью вмешаться во внутренние дела Палестины, разгромил Израиль и Дамаск и увел в плен израильские племена Рувима, Гада и полуколено Манассии (734 г. до н. э.). Хошеа, убийца и узурпатор, купил право на престол Израиля за десять талантов золота и некоторое количество серебра, но в правление преемника Тиглата-Пилесера, Шалманесера IV (727-722 гг. до н. э.), он оказался вовлечен в интригу с Египтом, что привело к его депортации в Ассирию, где он провел остаток своих дней в качестве пленника. Тем временем Самария, столица его царства, была осаждена и после двухлетней осады взята Саргоном, который депортировал большую половину населения в Ассирию. Саргон, "сын ничтожества", то есть узурпатор, был одним из величайших ассирийских царей (722-705 гг. до н. э.) и первым вступил в фактический конфликт с египтянами. Палестина в целом не проявила готовности взяться за оружие против своего могущественного повелителя, но филистимский город Газа, полагаясь на поддержку Египта, отказался покориться. Филистимский полководец Ганнон, не сумев отбить ассирийскую армию, отступил на Рафию, город, граничащий с египетской границей, где к нему присоединился египетский полководец Шабек. У Рафии противоборствующие армии вступили в бой, и после ожесточенной схватки союзники были вынуждены отступить перед лучше оснащенной и более дисциплинированной армией Саргона. По возвращении Саргон счел необходимым вновь покорить Вавилонию, а также вел войну с Эламом. Ему на смену пришел его сын Сеннахериб (705-681 гг. до н. э.). Подавив восстания, которые, по-видимому, всегда были сигналом к приходу нового царя, Сеннахериб вторгся в Сирию, установил свою власть над северной Палестиной, разрушил непокорный филистимский город Аскелон, а затем напал на город Экрон, на помощь которому подросла египетская армия. Их объединенные силы были разбиты Сеннахерибом при Алтаку, и Экрон пал. Затем его внимание привлекла Иудея; захватив множество небольших городов и обратив в рабство около 200 000 жителей, он приступил к осаде Иерусалима. Езекия, царь Иудеи, некоторое время выдерживал осаду, но, подавленный голодом, был вынужден сдаться и выкупил безопасность своего города, лишив Храм его сокровищ. После этого Сеннахериб вернулся в Ассирию, но через два года после этого отречение Езекии от своего сюзеренитета послужило поводом для новой экспедиции в Палестину. Сначала ассирийские войска расположились Лахише, откуда Сеннахериб отправил к Езекии гонца с требованием немедленной капитуляции. Тем временем Сеннахериб двинулся на запад, намереваясь столкнуться с египетской армией, стоявшей у Пелусия, одного из пограничных городов Египта. Но внезапная катастрофа - возможно, вспышка чумы - погубила ассирийское войско, и Сеннахериб вернулся в Ниневию. По

прибытии домой он счел необходимым вновь подавить мятежный Вавилон и, чтобы сделать свою работу более долговечной, полностью разрушил город (689 г. до н. э.). В конце своего правления он провел кампанию в Киликии, где разбил греков и, как говорят, заложил основание города Тарса. В 681 году до н. э. он был убит своими сыновьями, и корона в итоге осела на голове Эсархаддона (681-668 гг. до н. э.). Самым ярким событием его правления стало завоевание Нижнего Египта (672 г. до н. э.), но к концу его правления Тирхака, эфиопский царь Египта, захватил Мемфис и угрожал положить конец ассирийскому господству; его покорение стало одним из первых деяний Ашшур-бани-пала, преемника Эсархаддона. Иуда также стала проявлять недовольство, но ее быстро привели к покорности, а ее царя Манассию увели в плен.

Ашшур-бани-пал сменил Эсархаддона в 668 году до н. э. Работа по восстановлению ассирийской власти в Египте заняла некоторое время и была завершена взятием Фив (666 год до н. э.). При Ашшур-бани-пале Ассирия достигла вершины своего могущества как внутри страны, так и за ее пределами, а пределы ее империи были расширены как никогда ранее. После продолжительной войны Элам был покорен, но впоследствии он присоединился к Шамаш-шум-укину, брату Ашшур-бани-пала и наместнику Вавилонии, в организованном восстании против Ассирии, которое привело к поражению Шамаш-шум-укина и окончательному захвату и разграблению эламской столицы Сузы (ок. 640 г. до н. э.).

Пока Ашшур-бани-пал был занят Вавилонией и Эламом, Лидия, с одной стороны, и Египет, с другой, воспользовались возможностью сбросить иго своего сюзерена. Лидия была низложена, но Египту удалось сохранить свою независимость. К концу правления Ашшур-бани-пала колесо фортуны начало поворачиваться, и на восточном горизонте уже сгущались тучи. Перед его смертью в 626 году до н. э. мидийцы вторглись на территорию Ассирии, а через несколько лет после этого события мидийский царь Киаксарес нанес поражение ассирийской армии и осадил Ниневию. Но наступление скифских полчищ на время приостановило его конец.

Вскоре после этого Ниневию вновь атаковали Киаксарес и Набополассар, ассирийский полководец, командовавший Вавилонией, и после двухлетней осады город был взят и разрушен (ок. 606 г. до н. э.). Ассирия перешла под власть мидов, а Вавилония досталась Набополассару, который основал Новую или Невавилонскую империю. Эта поздняя Вавилонская империя просуществовала в общей сложности около семидесяти лет. Набополассара сменил Навуходоносор, который во время смерти своего отца участвовал в кампании против египетского царя Нехо, которому он нанес тяжелое поражение при Кархемише. Его палестинские походы привели к захвату Иерусалима и уведению в плен значительной части населения Иудеи. И Иехония, и Седекия, цари Иудеи, пытались сбросить вавилонское иго, но безуспешно. Преемники Навуходоносора мало что сделали, заслуживающего повествования, а в царствование Набонида Вавилон, находившийся под властью Вельшаззара, был захвачен Киром в 539 году до н. э., и Вавилония перешла под власть персов. Она оставалась под властью персов вплоть до прихода к власти Александра Македонского, когда стала греческой провинцией.

ГЛАВА II-РАСКОПКИ

История раскопок начинается с первой экспедиции, отправленной на раскопки, но есть один ученый, который, хотя и не проводил масштабных раскопок, первым привез клинописные надписи в Европу, и поэтому заслуживает особого упоминания.

С. Дж. Рич, родившийся в 1787 году в Дижоне, с девяти лет увлекся изучением восточных языков и со временем овладел ивритом, персидским, арамейским и арабским, а в феноменальном четырнадцатилетнем возрасте, как говорят, попытался прочесть китайские иероглифы. В 1803 году он стал кадетом на службе Ост-Индской компании, впоследствии его военная должность была заменена на гражданскую. Посетив Египет, Палестину, Малую Азию и другие страны, он вернулся в Бомбей, но еще до двадцати четырех лет был назначен резидентом Ост-Индской компании в Багдаде. В 1811 году он посетил руины Вавилона, рассказ о которых можно найти в его "Мемуарах о руинах Вавилона", а его визит в Ниневию записан в *"Описании пребывания в Коордистане и на месте древней Ниневии, с дневником путешествия вниз по Тигру до Багдада и рассказом о посещении Шираза и Персеполя"*. Кроме того, именно Ричу мы обязаны первыми точными планами Ниневии и Вавилона. Во время своих путешествий он собрал большую коллекцию, состоящую в основном из арабских, персидских, турецких, арамейских и сирийских рукописей, множества греческих и восточных монет, а также многих древностей из Вавилона и Ниневии, включая первые клинописные таблички, увиденные в Европе: его коллекции были приобретены попечителями Британского музея после его смерти от холеры в 1820 году.

Но пионером в области раскопок стал М. Ботта, французский консул в Мосуле, который занял первое место по времени. В 1842 году, по совету Моля, он начал исследовать курган Куюнджик, один из двух курганов, обозначающих местоположение города Ниневии, но, не добившись успеха, в 1843 году перенес свое внимание на курган Хорсабад (город Хосроев) в нескольких милях к северу от Мосула, где он обнаружил руины дворца, который оказался дворцом Саргона, царя Ассирии (722-705 гг. до н. э.) и отца Хосроя. До н. э.) и отца Сеннахериба. В 1851 году французская Ассамблея выделила деньги на экспедицию в Вавилонию, а также на другую экспедицию в Ассирию, целью которой было завершить раскопки, начатые в Хорсабаде с такими большими перспективами: этой экспедицией руководил Виктор Пляс, который в то же время сменил Ботту на посту французского консульского агента в Мосуле. В течение 1851-1855 годов Плейс завершил раскопки дворца Саргона, а также обнажил окружающие здания и помещения, доведя свою работу до самой городской стены; оказалось, что Хорсабад содержит руины целого укрепленного города, который оставался замурованным в течение примерно 2500 лет: город был назван Дур-Шаррукин в честь его основателя Саргона. Четыре угла городских стен были ориентированы на четыре кардинальные точки, а сами стены пронзали восемь огромных ворот, каждые из которых были названы в честь одного из ассирийских божеств. Дворец был построен на террасированной насыпи высотой 45 футов, сложенной из сырцового или необожженного кирпича, и защищен обсадной стеной из больших квадратных камней. Дворец состоял из широких залов, украшенных скульптурами, крылатыми быками и тому подобным. Полы в различных камерах состояли, как правило, из утрамбованной глины и, несомненно, были скрыты от глаз искусными коврами, иногда, однако, плитка или мраморные блоки скрывали неприглядную глину.

Стены были большой толщины, от 9-1/2 до 16 футов, а в одном месте достигали 25-1/2 футов. Внутренние стены менее важных покоев были покрыты лишь белой штукатуркой, окруженной черными линиями; так называемые женские апартаменты, напротив, были украшены фресками и белыми или черными арабесками. Во дворе гарема были обнаружены

мраморные статуи, а также остатки зиккурата или сценической башни - характерной черты месопотамских храмов. Раскопки Плейса не были столь плодотворными в плане крупных скульптур и памятников, как раскопки Ботты, но они были особенно плодотворны в отношении небольших предметов из стекла, камня, глины и металла.

Первым англичанином, приступившим к раскопкам, был Лэйард, который в 1845 году, спустя всего два года после первой экспедиции Ботты, начал раскопки разрушенных курганов Нимруда. Нимруд, который оказался древним Калахом, был построен на прямоугольном плато, как и Хорсабад, и исследование его территории дало богатый урожай новых материалов для реконструкции истории прошлого. Ашшур-нахир-пал, царь Ассирии (885-860 гг.), следуя примеру Шалманесера I (около 1300 г.), перенес резиденцию правительства из Ашшура на сорок миль к северу, в Калах, где построил для себя дворец, раскопки которого стали одним из величайших триумфов Лэйарда. Этот дворец занимал северо-западную часть кургана и был частично восстановлен Саргоном; к северу от дворца Ашшура-на-Ир-пале находился храм Ниниба или Адара, бога войны. Шалманесер II (860-825), преемник Ашшура, также построил дворец в Калахе, к юго-востоку от дворца своего предшественника; этот дворец, известный как центральный дворец, был почти полностью перестроен Тиглатом-Пилесером III, библейским Пулом (745-727 гг. до н. э.).

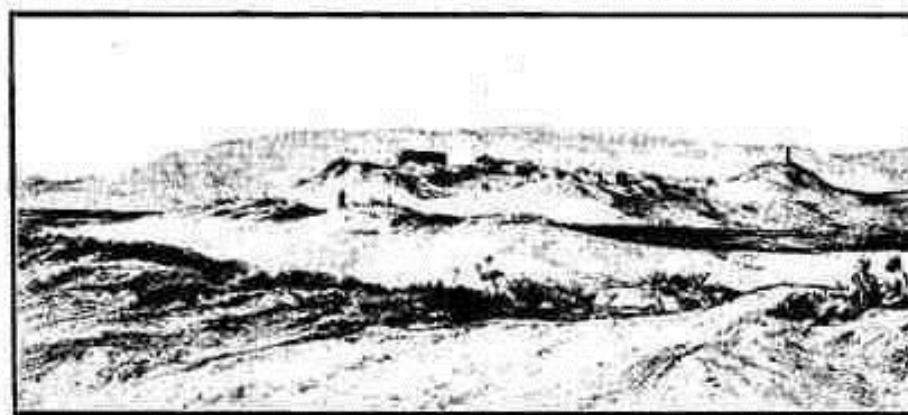
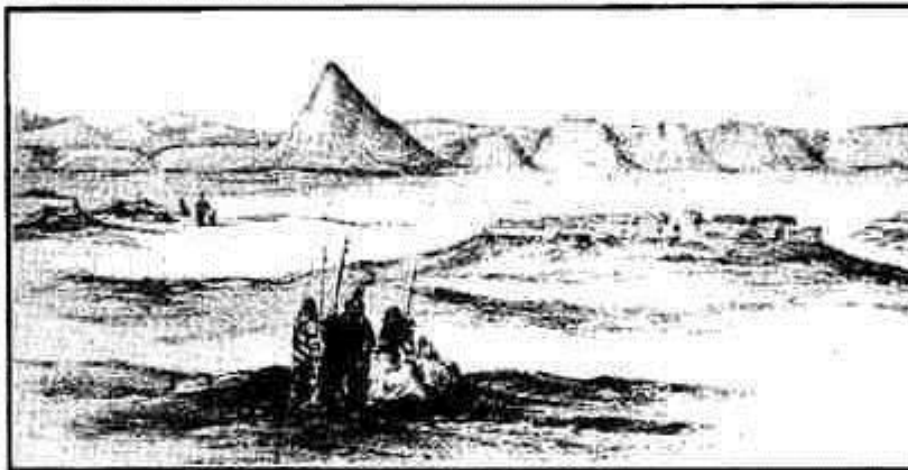
ПЛИТА II

1

2

1. Куюнджик и Неби Юнус с
севера	3. Нимруд (Калах)
2. Куюнджик и Неби Юнус из
Мосула	4. Хорсабад

В юго-западном углу был раскопан дворец Эсархаддона (681-668 гг.), при строительстве которого этот царь самым бессовестным образом использовал материалы старых дворцов, но здание, как выяснилось, сильно пострадало от пожара. К северу от дворца Эсархаддона и к югу от дворца Ашшур-нахир-пала находился сравнительно небольшой дворец Адад-нирари III (812-783 гг. до н. э.), а в юго-восточном углу параллелограмма были обнаружены незначительные остатки дворца одного из последних монархов Ассирии Ашшур-этил-илани (около 625 г.).

Таким образом, Лэйард обнаружил и раскопал остатки примерно семи царских дворцов в Нимруде; из этих семи дворец Ашшур-нахир-пала был, безусловно, самым важным с археологической и исторической точки зрения.

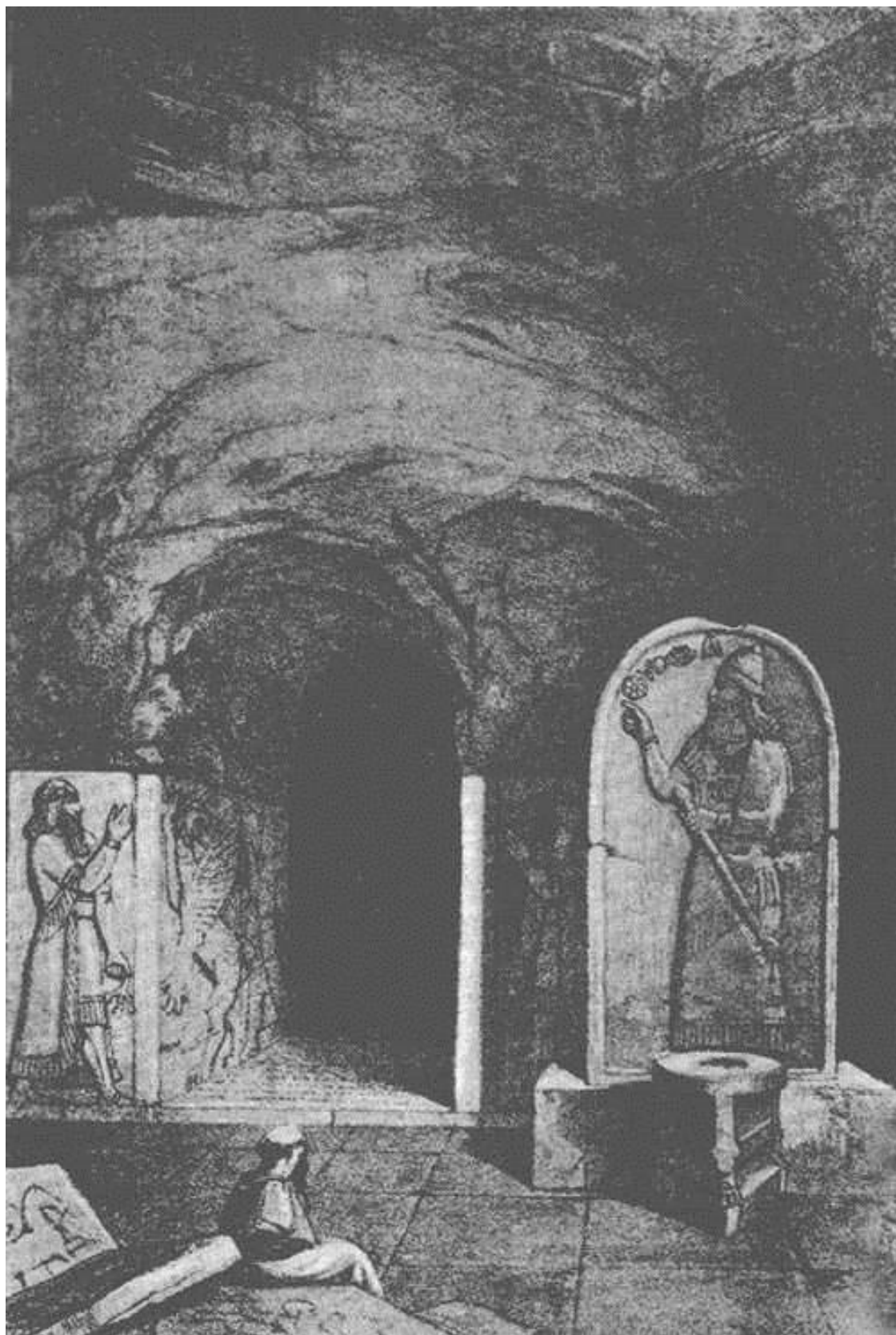
Настенные барельефы, крылатые львы и быки с человеческими головами (см. пл. XXV), обелиски, бронзовые чаши, железные жатвенные крюки и наконечники копий, резные панели и зеркала из слоновой кости, "посеребренный" наконечник скипетра, разнообразные колокольчики - вот лишь некоторые из многих ценных находок Нимруда, каждая из которых вносит свой вклад, малый или большой, в восстановление одной из страниц человеческой истории и культурной эволюции.

Но, несомненно, самые впечатляющие памятники, найденные в результате ассирийских раскопок, - это гигантские крылатые быки и львы, которые стояли у ворот царского дворца. Устранение этих монстров восточной древности было еще более сложной задачей, чем их раскопки, и потребовало максимальной изобретательности как французских, так и английских исследователей.

Те, что французы раскопали в Хорсабаде, были отправлены в Париж по частям, а части, на которые они были распилены, чтобы облегчить их транспортировку, были снова собраны вместе в Лувре, музей, который они сейчас украшают. Однако при транспортировке крылатых быков из Нимруда в Лондон Лэйард использовал другой метод, с помощью которого он успешно доставил их в целостности и сохранности, ни в коем случае не разбив; чрезвычайные трудности, связанные с этим подвигом, дают нам яркое представление о тех же трудностях, которые ассирийцы должны были преодолеть при переносе этих цельных каменных масс из каменоломни к входам во дворцы и при точной установке их на свои места. Лэйард дает нам подробное описание [20](#) плана, который он разработал для перемещения некоторых из этих громоздких монстров, которых уже было обнаружено тринадцать пар. Его первые усилия были направлены на два небольших колосса. Первая и самая большая проблема, которую нужно было решить, заключалась в том, как опустить их без риска, что они упадут и разобьются. Прежде всего скульптуры были обернуты в циновки или войлок, чтобы смягчить последствия любого несчастья, которое может с ними случиться - либо из-за того, что веревки разойдутся, либо из-за того, что они порежут мягкий камень. С гор были доставлены тяжелые деревянные катки; их положили на шпалы, уложенные параллельно скульптуре, и теперь оставалось только опустить крылатое существо на катки; это было сделано с помощью искусно натянутых веревок, причем падение постепенно опускающегося памятника сдерживалось толстыми балками, которые поддерживали его во время падения и постепенно убирались, когда того требовал случай. Когда бык приблизился к роликам, балки пришлось полностью убрать, весь вес и нагрузка пришлось на тросы и канаты, которые растянулись до предела, и бык упал на четыре фута или более на землю, но, к счастью, без повреждений. Была сделана траншея длиной около 200 футов, шириной 15 футов, а местами и глубиной 20 футов, через которую бык мог проехать на роликах к краю кургана - это было необходимо из-за невозможности поднять такой огромный вес - гигантское животное было медленно оттащено большим количеством арабов к концу траншеи и вниз по склону кургана, где его опустили на специально построенную телегу, которая с момента своего появления была девятидневным чудом для туземцев. Сама тележка была оснащена двумя прочными осями, которые Ботта использовал при вывозе скульптур из Хорсабада. "Каждое колесо было сделано из трех цельных кусков толщиной почти в фут, от ствола тутового дерева, скрепленных железными обручами. Поперек осей были положены три балки, а над ними несколько поперечных балоков, все из того же дерева. К одной оси был прикреплен шест, к которому также были прикреплены железные кольца для веревок, чтобы повозку могли тянуть как люди, так и буйволы. Колеса были снабжены подвижными крюками для той же цели". Используемое тутовое дерево, конечно же, нужно было добывать в горах, так как в Месопотамской долине не было дерева нужной плотности и размера. Сначала буйволы были привязаны к столбу, в то время как несколько человек натягивали веревки, прикрепленные к колесам и подвижным крюкам, но буйволы, похоже, вскоре захворали, и их убрали, а всю работу теперь выполняли триста арабов. В конце концов, после многочисленных усилий, бык добрался до реки, где его посадили на специально подготовленную платформу, с которой он мог соскользнуть на плот. Таким образом, мы можем составить небольшое и очень неадекватное представление о том, с каким неукротимым рвением и непобедимой энергией ассирийцы двадцать шесть или двадцать

семь веков назад добывали, высекали, перевозили и закрепляли гениев-хранителей, преодолевая эти огромные каменные глыбы.

ПЛИТА III

Из Лэйарда

Раскопки в Нимруде (Калах) во дворце Ашшура-на-Ир-пала

Калах (Нимруд) был столицей Ассирии в течение 220 лет (885-668 гг.), но в конце этого периода ей пришлось уступить первенство Ниневии, которую Сеннахериб отстроил и которая была столицей империи с его времени до конца главы, т.е. примерно до 630 г. до н.э. То есть примерно до 630 года до н. э. Сеннахериб, естественно, построил дворец в своей новой столице, Ниневии, и открытие и раскопки этого дворца также обязаны неутомимым усилиям покойного сэра Генри Лэйарда и его помощника Ормузда Рассама. Дворец Сеннахериба занимал юго-западный угол северной из двух групп курганов, известных как Куюнджик, которые отмечают местоположение древней Ниневии, а дворец Ашшур-бани-пала (668-626 гг. до н.э.) находился непосредственно к северу от него. К сожалению, дворец Сеннахериба пострадал от пожара при взятии города мидянами в 606 году до н.э., в результате чего большинство его настенных барельефов сильно пострадали. Полные раскопки этого дворца стали великим триумфом второй кампании Лэйарда (1849-1851), и барельефы, снятые со стен семидесяти с лишним залов и покоев, теперь, несмотря на их сравнительно плохую сохранность, являются одним из самых бесценных достояний Британского музея. Но еще одно эпохальное открытие в летописи месопотамских раскопок должно быть приписано этому всемирно известному экскаватору.

Однажды Лэйард обнаружил две камеры, соединенные между собой, и, разобрав завалы, обнаружил, что "на высоте фута или более от пола они были полностью заполнены клинописными табличками из обожженной глины, некоторые целые, но большая часть разбита на множество фрагментов".

В действительности он наткнулся на часть библиотеки Ашшур-бани-пала, одного из величайших царей Ассирии; библиотека, по-видимому, хранилась частично в северном дворце Ашшур-бани-пала, а частично в юго-западном дворце, построенном Сеннахерибом; именно в последнем и были найдены упомянутые комнаты; вторая половина этой великой библиотеки поздних ассирийских царей была впоследствии раскопана Рассамом. Содержание этих табличек, сделанных из тончайшей глины и размером от одного до пятнадцати дюймов, столь же разнообразно, как и сами таблички. Некоторые из них содержат исторические записи, другие - астрономические отчеты или математические расчеты: есть также письма частного и государственного характера, но большинство табличек посвящено астрологии и медицине, обе эти темы были тесно связаны в сознании вавилонянина. Молитвы, заклинания, псалмы и религиозные тексты в целом составляют значительную часть этой библиотеки, а поскольку большая часть "томов" или табличек - это не оригинальные произведения, а копии с более ранних вавилонских произведений, ценность библиотеки, известной сейчас под названием "коллекция Куюнджика", для изучения религиозных и мифологических представлений вавилонян и ассирийцев более чем адекватно оценена. Многие из табличек двуязычны, идеографический шумерский язык снабжен ассирийским подстрочным переводом, и эти таблички, а также другие таблички коллекции, содержащие слоговые таблицы, в которых дается шумерское значение, ассирийское название, а иногда и ассирийское значение различных знаков, были чрезвычайно полезны для повторного открытия языков Месопотамии. Лэйард также посетил Вавилонию и начал раскопки в Вавилоне и Ниппуре, но его вавилонские работы не увенчались таким же успехом, как раскопки в Ниневии и Кале.

В 1851 году в Вавилонию была отправлена французская экспедиция под руководством Френеля и Жюль Опперта: они собрали различные реликвии из разрушенных вавилонских

курганов, среди которых можно особенно отметить прекрасную коллекцию фрагментов цветного кирпича, но, к сожалению, все они были утрачены в результате несчастного случая на Тигре в 1855 году.

В 1852 году Рассам сменил Лэйарда на этом поприще и сразу же столкнулся с трудностями, вызванными уступками Роулинсона Виктору Плейсу, которому тот передал право на раскопки в Куюнджике, который, с точки зрения Рассама, входил в сферу британского влияния и на который, следовательно, британские экскаваторы имели право претендовать заранее. В 1853 году Рассам начал работы в *Ḳalat Sherḳât*, но, кроме обнаружения двух глиняных призм с летописью Тиглата-Пилесера I (1100-1080 гг. до н.э.), древний Ашур не принес особых плодов. В Калахе, месте блестящих побед Лаярда, Рассам обнаружил Э-зиду, храм Небо, бога, который соперничал с Мардуком за первое место в вавилонском пантеоне более поздних времен и чье имя запечатлено в именах нескольких царей первой Вавилонской империи, а также трех царей второй империи, самым известным из которых является библейский Навуходоносор; были обнаружены шесть больших статуй бога, две из которых, судя по надписям, относятся к периоду правления ассирийского царя Адад-нирари III (812-783 гг.); стела царя Шамши-Адада II (825-812 гг. до н. э.) и останки царя Шамши-Адада II (825-812 гг. до н. э.) и остатки обелиска с надписью Ашшур-нахир-пала завершают список его главных находок на этом месте. Но его имя навсегда останется связанным с Куюнджиком; его первые усилия не принесли особых результатов, кроме открытия известнякового обелиска Ашур-на-Мир-пала, покрытого барельефами и находящегося сейчас в Ассирийском трансепте Британского музея, и женского торса из дворца Ашур-бек-кала, царя Ассирии около 1080 года до н. э. (см. пл. XXIV). Рассам воспользовался тем, что Виктор Пляс не использовал разрешение Роулинсона на исследование северной части Куюнджика, но в то же время принял меры предосторожности и провел первые операции под покровом ночи. Его ночные труды увенчались величайшим успехом, на который были способны раскопки тех дней, - открытием нового дворца, и после того, как он был удовлетворен этим, раскопки разрешили продолжать днем, так как это признанное правило, согласно которому первооткрыватель нового дворца утверждает свое право на его полное раскопки, в отличие от остального мира. Новооткрытый дворец оказался дворцом Ашшур-бани-пала, царя Ассирии (668-626 гг. до н.э.), в правление которого Ассирия достигла вершины своего могущества как внутри страны, так и за ее пределами, распространив свое влияние даже на Фивы, столицу Верхнего Египта, которая была взята и разграблена этим царем в 666 г. до н.э. Но Ашшур-бани-пал был не только великим воином, но и прекрасным охотником, и барельефы, которые он изваял на стенах своего дворца в Куюнджике в память о своих подвигах в погоне, вероятно, являются шедеврами ассирийского искусства. Они свидетельствуют не только о спортивном мастерстве этого царя, но и о поощрении, которое он оказывал искусству, а дальнейшее открытие Рассамом второй половины библиотеки Ашшур-бани-пала показало, что этот царь был еще большим покровителем литературы, чем можно было предположить до сих пор.

ПЛИТА IV

"Бог-рыба", Куюнджик

Оба рисунка из Лэйарда

Входной проход, Куюнджик

Весной 1854 года Рассам был вынужден вернуться, но вскоре после этого он принял политическое назначение в Аден. Тем временем в Вавилонии уже начал работать У. К. Лофтус, который провел небольшие раскопки в Варке, древнем Эрехе, руины которого являются самыми большими в Вавилонии, но, хотя было найдено много интересных древностей, ни одна из них не имеет эпохального характера, а гробы в форме тапочек, относящиеся к парфянскому периоду, являются, пожалуй, самыми известными. Из-за того, что Эрех был занят на протяжении большей части своей истории, т.е. около 5000 лет, он не является плодотворной шахтой для ранних древностей. С другой стороны, Сенкерех (Ларса), который был отождествлен с Элласаром из Бытия *xiv*. 1, кажется, оставался более или менее незанятым после персидского периода, и поэтому он является лучшим местом для исследования и изучения ранней истории Южной Месопотамии. Кирпичи с надписями из Сенкереха показывают, что Хаммурапи (Амрафель из Бытия *xiv*.?), самый известный царь первой династии Вавилона, отремонтировал здесь древний храм-башню, как и его преемник в Невавилоне, Набонид, четырнадцать веков спустя, а знаменитый Навуходоносор из Ветхого Завета также не обошел его вниманием в своих восстановительных работах. Нижние слои кургана свидетельствуют о том, что Ур-Энгур, царь Ура, чье правление, вероятно, можно отнести ко второй половине третьего тысячелетия до нашей эры, также оставил свой след в этом древнем городе Ларса. Впоследствии Ларса разделила судьбу других раннеавилонских городов и использовалась в качестве кладбища: таблички, найденные рядом с гробами, очевидно, относятся к более раннему времени и, вероятно, были найдены

гробокопателями, которым и следует приписать их измененное положение. В это же время проводились раскопки в Телль-Сифре, в результате которых было обнаружено около сотни так называемых case-tablets (то есть табличек, защищенных глиняной крышкой или оболочкой), относящихся ко времени первой династии Вавилона, что в свою очередь привело к открытию доселе неизвестного царя этой династии, Самсу-илуны, преемника Хаммурапи.

В начале 1854 года, когда Лофтус вел раскопки в Варке, Дж. Э. Тейлор, вице-консул в Басре, по поручению Британского музея начал раскопки в Мухейере, на месте древнего города Ур. Он начал работы на месте, которое в то время казалось и в конечном итоге оказалось главным зданием города, храмом бога Луны Сина, в четырех углах которого он обнаружил четыре глиняных цилиндра, а также еще один цилиндр в форме бочки, надпись на котором имеет еще большее значение, чем на угловых цилиндрах. Мы узнаем, что Ур-Энгур, царь Ура, построил этот храм, его сын Дунги отремонтировал его, а Набонид, последний царь Вавилона, восстановил его около двух тысяч лет спустя. Эти фундаменты-цилиндры Набонида представляют большой исторический интерес: надпись на каждом из них завершается молитвой о Bêl-shar-uşur, сыне и наследнике царя, Белшаззаре из Даниила V., который командовал Вавилоном во время взятия города Киром. Тейлор проводил раскопки и в других вавилонских местах, самым важным из которых был Абу Шахрейн, древний Эриду, чей бог Эа был одним из самых известных и почитаемых богов в Вавилонии. Его руины меньше, чем в Уре, но они содержат остатки храма-башни, состоящего из двух этажей, которые Тейлор обнажил. По найденным кирпичам с надписями было установлено, что это место идентифицируется с древним Эриду.

В конце 1854 года сэр Генри Роулинсон приступил к раскопкам Бирс-Нимруда, древней Борсиппы; он начал копать по четырем углам того, что в итоге оказалось знаменитой Э-зидой, храмом Небо, в поисках глиняных цилиндров, подобных тем, что были найдены по углам других вавилонских зданий; Он нашел два таких цилиндра, которые оказались дубликатами, а также фрагменты других цилиндров, которые были оставлены там Навуходоносором.

Вскоре после возвращения Рассама из Ассирии в 1854 году Лофтус поступил на службу к попечителям Британского музея и был направлен для продолжения раскопок Кундучика. Лофтус умело продолжил работу своего предшественника; были обнаружены новые рельефы, самым знаменитым из которых, возможно, является рельеф Ашшур-бани-пала и его царицы, возлежащих за мясом в саду (ср. пл. XXI), но, хотя дух был готов, средства были слабы, и Лофтусу пришлось отказаться от всякой надежды завершить раскопки дворца самого знаменитого царя Ассирии.

Обильный урожай, собранный в результате многочисленных раскопок в Месопотамии и хранящийся в музеях, обеспечил достаточно богатый материал, чтобы занять интеллектуальные способности ученых на некоторое время вперед, в то время как широкая публика, чей интерес к этим археологическим экспедициям зависел от осязаемых результатов, была склонна ожидать расшифровки и публикации накопленной массы глиняных табличек, памятников и стел, уже имеющихся под рукой, И только в 1873 году Джордж Смит, умелый помощник сэра Генри Роулинсона, чье открытие вавилонского рассказа о потопе принесло ему огромную славу, а также вновь разожгло энтузиазм публики в деле раскопок, благодаря щедрости владельцев газеты "Дейли телеграф" смог лично отправиться в экспедицию в Месопотамию. В январе того же года Смит отправился в Мосул, но по прибытии к своему ужасу обнаружил, что требуемый фирман еще не был предоставлен турецким правительством, поэтому он отправился на юг, по пути осмотрев разрушенные

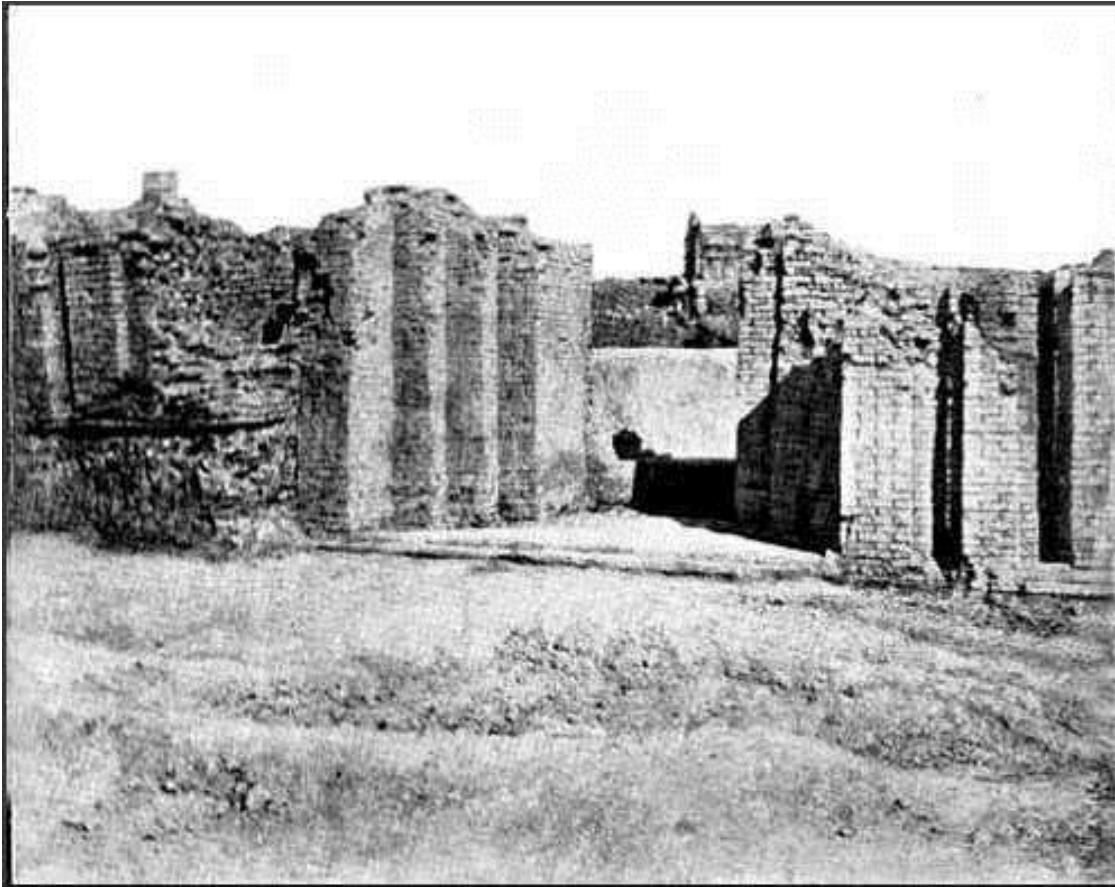
курганы Нимруда и Халат Шерхата. В северной Вавилонии он провел совсем немного времени, которое потратил на осмотр Вавилона, Борсиппы (Бирс-Нимруд) и других древних руин, но уже в начале апреля получил необходимое разрешение на раскопки в Ассирии и, соответственно, сразу же вернулся в Мосул. Его внимание в первую очередь было направлено на Нимруд, место многих триумфов Лэйарда, но его предшественники на этом поприще собрали урожай сполна, и оставшиеся находки были бедны и скудны.

В следующем месяце он перенес место своих работ в Куюнджик, чтобы обнаружить остатки библиотеки Ашур-бани-пала. Работа была далеко не легкой из-за полного беспорядка, в котором находились руины, отчасти из-за работы предыдущих раскопок, отчасти из-за строителей моста в Мосуле, которые использовали остатки древних зданий Ассирии для строительства моста, а отчасти из-за неустойчивости некоторых туннелей Лэйарда, которые тем временем обрушились. Урожай был собран, лето ассирийских раскопок закончилось, но цель, которую преследовали владельцы "Дейли телеграф", была достигнута - был обнаружен еще один фрагмент вавилонского рассказа о потопе, который заполнил главный пробел в этой истории. Смит надеялся, что это важное открытие побудит его финансистов выделить дополнительную сумму на продолжение работы, но они отказались. Смит пришлось с неохотой повернуться лицом к западу и вернуться в Лондон, но еще до конца года он снова отправился на Восток, поскольку попечители Британского музея выделили 1000 фунтов стерлингов на очередную экспедицию. Он прибыл в Мосул на Новый год 1874 года и возобновил поиски табличек, но времени в его распоряжении было мало - срок его контракта истек в марте следующего года; несмотря на это, за три месяца, проведенные в Куюнджике во время этих двух экспедиций, он обнаружил около трех тысяч табличек, касающихся самых разных тем и дающих бесценный материал для изучающих вавилонскую и ассирийскую астрономию, теологию и хронологию. Ему принадлежит не только открытие вавилонской истории о потопе, но и части легенд о сотворении мира, а также эпоса о Гильгамеше, герое вавилонского фольклора, а для изучающих историю Ветхого Завета первостепенное значение имеет открытие рассказа Саргона о его походе на город Ашдо, записанного в двадцатой главе книги пророка Исаии. Весной 1876 года Смит совершил свою третью и последнюю экспедицию в Ассирию под эгидой Британского музея, ценность коллекций которого он уже так сильно увеличил. Но, прибыв на место, он обнаружил, что по всей стране свирепствует холера, а повсюду царят неразбериха и беспорядок. Вести раскопки в таких условиях было невозможно, но Смит не жалел сил в своем тщетном стремлении преодолеть невозможное, смело встречая все опасности и трудности, но в конце концов он поддался губительному воздействию климата и облучения и умер в Алеппо в августе 1876 года, став мучеником за дело науки. Джордж Смит был не только раскопщиком, но и ученым, и его научные достижения тем более достойны похвалы, если вспомнить, что он был практически самообразованным человеком, который благодаря своему необычайному упорству и несгибаемой воле добился успеха там, где другие люди, возможно, более способные, потерпели неудачу, и только поэтому имеет право на то выдающееся место, которое он занимает в анналах ассириологии.

Вскоре после смерти Джорджа Смита в 1876 году попечители Британского музея обратились к Рассаму с просьбой возобновить давно заброшенные работы в Ассирии, и после некоторой неизбежной задержки в январе 1878 года работы были начаты. Работу значительно облегчало присутствие сэра Генри Лэйарда в качестве британского специального представителя в Константинополе, поскольку последний всегда был в дружеских отношениях с турецким правительством и поэтому смог добиться уступок, в которых вполне могло быть отказано кому-либо другому. Приказы Рассамы были достаточно четкими, его отправили продолжать раскопки Ниневии, но его сердце было приковано к открытию

дворцов и храмов, а не к сравнительно неинтересной задаче поиска табличек, важность или неважность которых никогда нельзя было определить с ходу, без детального изучения их содержимого. Его амбиции были удовлетворены вскоре после его прибытия: за год до того, как он возобновил работу по исследованию Ассирии, два фрагмента бронзовой дверной панели, покрытой фигурами и клинописью, были присланы ему другом, и сразу же по возвращении в Ассирию он навел справки о том, где были найдены эти куски обработанного металла. Вскоре он обнаружил, что они являются частью большой бронзовой дверной панели, случайно обнаруженной крестьянином в кургане, расположенном примерно в пятнадцати милях к востоку от Мосула, под названием Балават (Balâwât). Соответственно, его немедленным желанием было обнаружить остатки этого уникального памятника древней металлургии, и с этой целью он решил исследовать курган Балават. Он обнаружил, что это место использовалось жителями окрестностей в качестве кладбища и, следовательно, находилось за пределами его фирмы, но, не обращая внимания на риск столкновения с властями и еще более неминуемый риск подстрекательства местного населения к открытому сопротивлению, поскольку ни один цивилизованный или нецивилизованный народ не имеет привычки пассивно соглашаться на захоронение своих мертвых, он решил рискнуть всем в погоне за своей наградой. Его усилия увенчались успехом, и вскоре после рытья первых траншей были обнаружены фрагменты бронзовых пластин, похожие на те, что были найдены ранее. В течение короткого времени оставшиеся панели были должным образом восстановлены: когда-то эти панели украшали деревянные ворота большого здания, к которым они были прикреплены. Изображенные на них сцены представляют собой эпизоды из жизни и походов Шалманесера II (860-825 гг. до н. э.), преемника Ашшура-на-Ир-пала, и первого ассирийского царя, который, как известно, вступил в непосредственный контакт с Израилем. В ходе раскопок кургана он обнаружил руины небольшого храма и большой сундук из мрамора, в котором находились две таблички из того же материала с надписями Ашшура-на-Ир-пала. Работа Рассама в Кюнджике и Нимруде также была далеко не бесплодной, хотя Нимруд, конечно, не дал урожая, хоть сколько-нибудь сравнимого с тем, что было в прошлые времена: несколько барельефов, несколько глиняных табличек и несколько эмалированных плиток - практически все, что Нимруд внес в изучение ассирийской древности по этому случаю. Так и в Кюнджике глиняные надписи были главным и практически единственным плодом раскопок, проведенных Рассамом во время его четырех экспедиций (1878-1882). Наиболее эпохальные из этих надписей состояли из десятигранной призмы из обожженной глины, содержащей летопись Ашшур-бани-пала, и четырех бочкообразных цилиндров с надписями о различных походах Сеннахериба. Далее Рассам попытался полностью исследовать Неби-Юнус, второй большой курган, который отмечает место или часть места древней Ниневии, но он не встретил успеха, которого заслуживали его неутомимые усилия. В силу врожденной фактичности и склонности к интригам, которые дремлют в восточной груди даже в лучшие времена, и которые в данном случае далеко не дремлют, а проявляются во всей своей первозданной силе, результатом чего стало прекращение трудов Рассама и окончательное крушение всех его надежд.

ПЛИТА V

Déc. en Chald., Plate 53, ii

Дверной проем в Телло, возведенный Гудеей; слева - более позднее здание селевкидского периода

Déc. en Chald., Plate 54

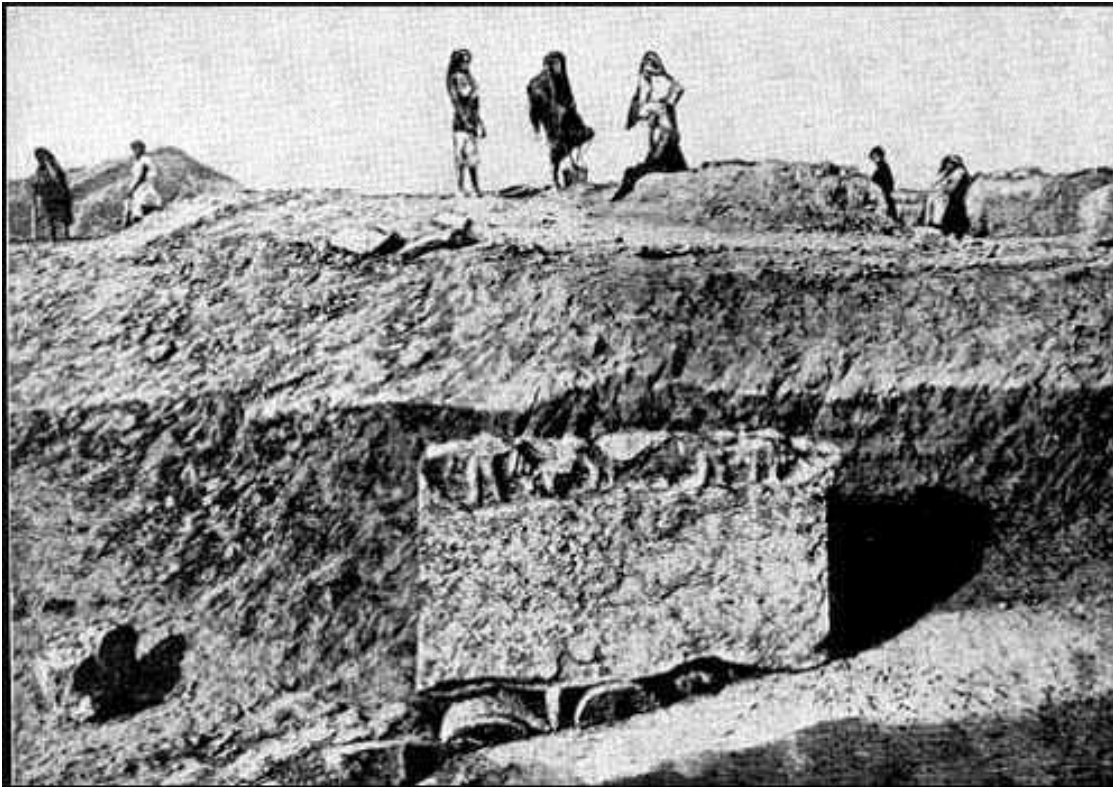
Юго-восточный фасад здания Ур-Нина в Телло

Тем временем в Вавилонии продолжались раскопки, которым суждено было открыть новую эру вавилонских исследований и которые оказались неисчислимо ценными как для археолога, так и для изучающего раннее искусство. Весной 1877 года, за несколько месяцев до возвращения Рассама в Ассирию после четвертьвекового перерыва, Эрнест де Сарсек, французский вице-консул в Басре, начал предварительные работы на разрушенных курганах Телло, куда его направил Ж. Асфар, местный христианин, в прошлом торговец древностями. Телло уже завоевал себе репутацию места, способного окупить труд, затраченный на его методичные раскопки, благодаря обнаружению в его руинах конусов и кирпичей с надписями, и нет нужды говорить, что он более чем оправдал свою раннюю репутацию, поскольку из всех древних мест вавилонской цивилизации Телло дал самый богатый урожай материалов для реконструкции шумерской истории и систематического изучения шумерского искусства и культуры. Было бы невозможно описать здесь все далеко идущие результаты бессмертной работы де Сарсека, поэтому мы должны довольствоваться описанием наиболее важных из его открытий. Во время своего первого визита в Телло ему посчастливилось найти часть долеритовой статуи, лежащей у подножия одного из курганов, из чего он сделал правильный вывод, что сама статуя, должно быть, первоначально занимала место в каком-то большом здании, руины которого, как он предполагал, были скрыты в этом кургане. Он приступил к раскопкам кургана и вскоре обнаружил, что в нем находится здание немалых размеров, возведенное на большой платформе из сырцового или высушенного на солнце кирпича: предметы, которые он раскопал, состояли из большой статуи из долерита с надписью Гудеа, царя-жреца Лагаша около 2450 года до нашей эры, дверные розетки с надписями, скульптуры и вазы, медные статуэтки votivного характера и, наконец, самое важное - первые фрагменты стелы стервятника из Эаннатума, одного из самых известных произведений ранневавилонского искусства, как в отношении его древности, так и в отношении того, как он иллюстрирует не только художественные, но и военные действия шумеров в этот отдаленный период (см. пл. XII). В ходе следующих двух кампаний (1880-81 гг.) он систематически раскапывал здание в кургане, известном под названием "А", в ходе чего обнаружил девять или десять долеритовых статуй, множество статуэток и каменную вазу Нарам-Сина, сына Шар-Гани-Шарри из Агаде, который, вероятно, жил за несколько веков до Гудеа. Само здание, которое в основном относится к парфянскому периоду, но в которое была встроена часть старого дворца Гудеа, кратко рассматривается на странице 149. Но, как справедливо отмечает профессор Хильпрехт²¹, долеритовые статуи из Гудеа "навсегда останутся главным открытием, связанным с именем де Сарсека", знаменитые как оживлением и жизнью, которыми они одушевлены, так и мастерством и ловкостью, которые эти ранние вавилоняне проявили в обработке самых твердых камней. Среди других ценных или скорее бесценных находок можно упомянуть знаменитую серебряную вазу Энтемена (см. рис. 45), резной буланый наконечник Месилима, огромный медный наконечник копья и несколько барельефов Ур-Нина, основателя Первой династии Лагаша. В кургане "В" раскопки де Сарсека не только обнажили здание Ур-Нина (см. пл. V), но и обнаружили остатки еще более ранней постройки, лежащей под зданием этого древнего правителя и покоящейся на мостовой примерно в 16 футах ниже платформы Ур-Нина. Медные статуэтки и каменные барельефы самого архаичного характера также были обнаружены в этом месте.

В 1889 году де Сарсек покинул Вавилонию и вернулся только в 1894 году, когда возобновил свои раскопки в кургане "Б". Были обнаружены два колодца и водоток времен Эаннатума, а среди мелких реликвий этой давно забытой эпохи - различные куски раковины с вырезанными на них изображениями деревьев и животных. Невозможно переоценить тот долг, которым историк ранней Вавилонии и исследователь раннего месопотамского искусства обязаны работе этого выдающегося раскопчика; если Лэйярду, Ботта и Плейсу

принадлежит открытие книги древней истории Ассирии и снятие печатей, которые держали эту книгу закрытой в течение столь долгого периода, то де Сарзеку мы обязаны восстановлением еще более ранней страницы в истории человеческой жизни и прогресса. Последняя четверть XIX века, на которую пришлось необычайная активность де Сарзека на археологическом поприще (первая из его экспедиций состоялась в 1877 году, а последняя - в 1900-м), навсегда останется памятной эпохальными открытиями в Вавилонии, которые потомки навсегда свяжут с именем прославленного французского экскаватора.

ПЛИТА VI

Déc. en Chald., Pl. 56, ii

Остатки стелы в здании под Ур-Нином

Déc. en Chald., Pl. 57, ii

Колодец Эаннатум

Тем временем Рассам максимально использовал возможности, предоставленные ему щедрыми условиями фирманна 1878 года, и охватил как можно больше территории и посетил как можно больше мест, хотя вопрос о том, выиграла ли бы наука от систематического исследования нескольких курганов, а не от разграбления многих, скорее всего, требует утвердительного ответа. В 1879 году он начал работы в Вавилонии, первыми его внимание привлекли разрушенные курганы Вавилона и Борсиппы. По прибытии он обнаружил несколько арабов, занятых добычей строительного материала в Вавилонском кургане, и в процессе копания они наткнулись на четыре колодца глубиной около 140 футов, сделанные из блоков красного гранита, каждый из которых был высотой около 3 футов и подогнан к соседнему блоку с необычайной точностью. Судя по общему виду кургана, а также по величине разрушенных стен, которые он покрывал, Рассам пришел к выводу, к которому почти за столетие до него пришел Рич, а несколькими годами позже согласился Хильпрехт, что в Бабиле следует искать всемирно известные висячие сады Диодора и Плиния.

Траншеи Рассама на кургане *Qasr* не принесли значительных результатов, но его работа на кургане Джумджума на юге, названном так по названию современной деревни, которая сейчас там расположена, принесла богатый урожай табличек, в основном торгового характера. Борсиппа так же откликнулась на призыв, обращенный к ней лопатой Рассама: было найдено множество табличек, а большая часть знаменитого храма Э-зида, посвященного богу Небо, снова увидела свет: среди более мелких реликвий особого упоминания заслуживает бронзовая ступенька знаменитого Навуходоносора, а также цилиндр из обожженной глины времен Антиоха Сотера 270 г. до н.э., Последний, согласно Хильпрехта, является "последним царским документом, составленным на старовавилонском письме и языке". Но, пожалуй, самым ценным вкладом Рассама в ассириологию стало

определение места расположения древнего Сиппара. Ранее предпринималось много неудачных попыток определить местонахождение этого города, столь часто упоминаемого в клинописных надписях, и уже Джордж Смит предположил, что курган Абу-Хабба, расположенный примерно в тридцати милях к северу от Вавилона, является его возможным местом, но именно Рассаму мы обязаны фактическим определением места этого древнего центра поклонения Шамашу, богу Солнца, на Вавилонской равнине. Руины Абу-Хаббы невысоки, но обширны: самая длинная из древних городских стен составляет около 1400 ярдов, а на западной стороне до сих пор видны остатки старого зиккурата, или храма-башни. Раскопки Рассам на этом месте были весьма успешными, и самым важным из его открытий в области древнего строительства, которым он в основном занимался, была знаменитая каменная табличка Набу-аплу-иддина, царя Вавилонии, около 870 г. до н. э. Надпись, которая фиксирует восстановление храма бога Солнца этим царем, на лицевой стороне дополнена великолепным барельефом, изображающим поклонение богу Солнца (см. Pl. XIV и стр. 205). Находка этой замечательной таблички, помимо ценности ее как произведения искусства и исторического документа, означала также идентификацию одного из самых ранних мест месопотамской цивилизации и открытие заново освященного святилища Шамаша. Среди других надписей, раскопанных по этому случаю, первостепенное значение имеют большие глиняные цилиндры Набонида (555-538 гг. до н. э.), последнего царя неовавилонской династии. Уже упоминалась традиция, записанная Набонидом на его цилиндре, относительно датировки Шар-Гани-Шарри из Агаде и его сына Нарам-Сина, а также археологические свидетельства, призванные уменьшить историческую ценность записи Набонида (см. с. 5). Рассам исследовал многие другие места в Вавилонии, в частности Телло, из которого он извлек несколько предметов, в том числе несколько табличек и два подножия с надписью имени Гудеа, во время своего быстрого и несколько скрытного визита в начале 1879 года. Но тремя великими триумфами раскопок, чья долгая карьера завершилась в 1910 году, стали идентификация давно забытого места Сиппара, открытие бронзовых ворот в Балавате и, наконец, раскопки северного дворца Ашшур-бани-пала в Ниневии и раскрытие бесценных реликвий искусства и литературы, которые он, как оказалось, содержит.

Тем временем и другие страны, помимо французов и англичан, готовились к работе, столь замечательно начатой и полной перспектив на будущее. Германия медлила, но благодаря щедрости г-на Л. Симона осенью 1886 года на Восток была отправлена экспедиция под эгидой Берлинского королевского прусского музея и под руководством Б. Морица, Р. Кольдевея и Л. Мейера. Но, несмотря на медлительность немецкой активности в области исследований, никогда не следует забывать, что Фридриху Делицшу принадлежит уникальная честь и слава поставить ассириологию на научную основу, и в реальном смысле этот выдающийся ученый может считаться отцом этой науки. В то же время предшественник Делицша, Шрадер, заслуживает особого упоминания, поскольку он первым начал читать лекции в Германии на эту тему, и его лекциям Делицш и другие ученые, несомненно, во многом обязаны. Экспедиция 1886 года начала работы в начале 1887 года на развалинах Эль-Хиббы и Сургуля, двух курганов, расположенных близко друг к другу к северо-востоку от Телло, в результате которых было обнаружено бесчисленное количество зданий, в основном частного характера; небольшие реликвии, найденные немецкими раскопками на этих двух местах, в большинстве своем были значительно повреждены огнем, который сыграл большую роль в обоих местах.

Но главный интерес в раскопках в Эль-Хиббе и Сургуле представляло обнаружение нескольких ранних захоронений. Многие тела были сожжены, из чего Колдевей сделал вывод, что кремация²² была одним из способов, которым шумеры древности избавлялись от своих мертвых. Многие из найденных надписей были опубликованы недавно скончавшимся доктором Мессершмидтом. Среди табличек, о которых идет речь, есть тексты, относящиеся как к первой, так и ко второй династии Лагаша (Телло). Одна из табличек, найденная в Сургуле и написанная Гудеа, самым известным правителем Второй династии Лагаша, показывает, что и Эль-Хибба, и Сургул признали Гудеа своим сюзереном-владыкой.

Примерно в то же время дух раскопок в Америке также постепенно разгорался, и сегодня Америка проводит больше археологических работ, чем любая другая страна мира.

Древний город Ниппур был давно известен как один из самых известных центров вавилонской религии и поклонения великому богу Эн-лилю, и, соответственно, именно на этот город американцы впервые обратили свое внимание, и именно здесь они сделали те эпохальные открытия, которые заняли для них столь видное место в истории месопотамских раскопок, и это несмотря на все споры, которые возникли в связи с этими открытиями. Американцы действительно отправили экспедицию в Вавилонию еще в 1884 году под руководством доктора У. Хейса Уорда из нью-йоркской "Индепендент", но целью ее была общая разведка, а не реальные раскопки. Первая экспедиция (1888-89 гг.) в Ниппур, организованная главным образом профессором Дж. П. Питерсом, которому помогали доктор Вм. Пеппер, проректор Харрисон, господа Э. В. Клей, К. Х. Кларк, В. В. Фрейзер и другие, носила в основном предварительный характер и служила скорее для демонстрации масштабов предстоящей работы, чем для достижения каких-либо определенных и практических результатов. Питерс был директором первой и второй (1889-90) экспедиций, а профессор Р. Ф. Харпер и профессор Х. В. Хильпрехт были назначены ассириологами первой экспедиции, архитектором был назначен мистер Филд. Первая экспедиция занималась раскопками в течение двух месяцев и девяти дней, вторая - в течение трех месяцев и одиннадцати дней. Доктор Хейнс был полевым директором третьей экспедиции (1893-96) и пробыл на курганах Ниппура почти три года без перерыва. Четвертая экспедиция (1898-1900) проводилась Хилпрехтом в качестве научного руководителя, Хейнсом в качестве полевого директора, и господами К. С. Фишером и Х. В. Гиром в качестве архитекторов, и во время последней кампании раскопки велись около шестнадцати месяцев и привели ко многим важным открытиям.

Первая экспедиция, как уже говорилось, носила подготовительный характер, и, следовательно, ее результаты нельзя оценивать только по количеству сделанных открытий. В течение двух месяцев, в течение которых экскаваторы продолжали работы, было обнаружено большое здание, характеризующееся огромными контрфорсами и двумя круглыми башнями. Это здание - несомненно, крепость - сравнительно позднего времени, относящееся к парфянскому периоду, и было построено на месте древнего храма Эн-лиль с его ступенчатой башней.

Курган Бинт-эль-Амир, в котором находились руины этого знаменитого храма, имел коническую форму и занимал площадь более восьми акров.²³ Научное исследование кургана таких гигантских размеров само по себе было нелегкой задачей, а исследование погребенного храма было делом первопроходцев: ни один из крупных вавилонских храмов до сих пор не был полностью раскопан.

Раскопки в храмовом дворе: Ниппур

(Из книги К. С. Фишера "Раскопки в Ниппуре", с разрешения автора)

Раскопки этого храма показали, что сценическая башня "не занимала центральную часть храмового двора", и хотя она, несомненно, была самой заметной особенностью храмовой зоны, на самом деле она не была храмом: последний находится в большом здании, примыкающем к сценической башне. Это здание, по всей видимости, относится ко времени Шар-Гани-Шарри и его сына Нарам-Сина. Своей последней формой башня, которая, вероятно, никогда не имела более трех ступеней, обязана Ур-Энгуру, царю Ура (ок. 2400 г.), хотя Ашшур-бани-пал, царь Ассирии, почти две тысячи лет спустя, имел возможность отремонтировать и восстановить ее. На кирпичях Ашшур-бани-пала, которые перемешаны с кирпичами Ур-Энгура, выбита надпись: "Бел, царь земель, его царь, Ашшур-бани-пал, его любимый пастух, могущественный царь, царь четырех четвертей земли, построил Э-кур, свой любимый храм, из обожженных кирпичей". В четырех футах за облицовочной стеной Ур-Энгура были обнаружены крупные кирпичи, характерные для эпохи Нарам-Сина, а кирпичи, из которых было сложено внутреннее ядро башни, относятся к досаргонской и раннешумерской эпохе.²⁴

О чрезвычайной древности нижних слоев в этом кургане можно судить по тому факту, что Хейнс, спустившись в досаргонский период ниже мостовой Нарам-Сина, прошел около тридцати футов руин, прежде чем добрался до девственной почвы.

Одной из самых интересных находок в ранних слоях был сводчатый водосток (см. рис. 15 и с. 170), который считается самой ранней из известных вавилонских арок, также было обнаружено большое количество терракотовых труб и терракотовый водосток. Среди более

мелких предметов - votивные стелы (см. рис. 25), таблички, цилиндрические печати и терракотовые вазы (см. рис. 92, 93). Но большое количество реликвий, содержащихся в слоях выше уровня Нарам-Сина, несмотря на их положение в кургане, оказались досаргонскими. Среди них были дверные проемы, фрагменты ваз, плиты, статуи и более пятидесяти кирпичных клейм с надписью Саргона или Нарам-Сина.

Но открытие и частичные раскопки храмовой "библиотеки"²⁵ или "архива" в Ниппуре принесли самые далеко идущие и эпохальные результаты, так как здесь были обнаружены буквально тысячи табличек, дающих новый материал для ассириологических исследований, редко имеющих аналогов в истории вавилонских изысканий.

Большая часть раскопанных материалов²⁶ носит научный или литературный характер. Большинство табличек не обгорело и, следовательно, пострадало от пагубного влияния времени, климата и других воздействий, среди которых можно особенно выделить хаос, учиненный вторгшимися эламитами в третьем тысячелетии до нашей эры. Вследствие этого задача дешифровщика намного сложнее, чем могла бы быть в противном случае, но, несмотря на вандализм эламитов и разрушительную работу, которую они пытались и в какой-то степени осуществили, археолог, вероятно, обязан сохранностью этих табличек их захоронению в разрушенных обломках, частью которых они являлись. Эти необожженные глиняные таблички, похоже, были в целом расположены на полках из глины шириной около 1-1/2 фута, и содержат всевозможную "литературу", трактующую об астрономии, астрологии, математике, географии, истории, медицине, грамматике и религии. Одна из табличек дает нам ценную информацию о самом храме; название большого зала храма - Эмах, и хотя Эн-лил и его супруга, несомненно, были главными божествами этого места, здесь было около двадцати четырех святилищ, посвященных другим богам, как и в Э-сагиле, великом храме Мардука в Вавилоне, недавно раскопанном Немецким восточным обществом.

Поздний ассирийский, неовавилонский и персидский периоды также хорошо представлены в огромном количестве клинописных табличек, найденных на этом месте, среди которых наиболее интересными являются "Таблички Мурашу", семьсот или более табличек, которые были обнаружены в разрушенном здании на глубине около двадцати футов под землей. Тщательность, с которой были сделаны эти таблички, и многочисленные оттиски печатей, которые на них были, сразу привлекли внимание Хильпрехта. Оказалось, что они принадлежат к деловым архивам Мурашу-сынов, брокеров и банкиров из Ниппура, процветавших во времена персидских царей Артаксеркса I (464-424 гг. до н. э.) и Дария II (423-405 гг. до н. э.). Но помимо обычных банковских дел, фирма выступала в качестве агента персидских царей. По-видимому, персидские цари имели привычку отчислять налоги, как римские императоры в более поздние времена, и Мурашу-сыновья брали на себя обязанность взимать царские налоги со своих вавилонских подданных в Ниппуре и других местах. Однако интерес этих табличек не ограничивается информацией, которую они дают нам о способах ведения бизнеса в тот период; еще большую ценность они представляют для нас в связи с тем, что дают представление о повседневной жизни людей.

Именно во время последней экспедиции были тщательно изучены городские стены, а также то, что ограждали территорию храма, название первого - Нимит-Мардук, а второго - Имгур-Мардук. Вход в храм осуществлялся через ворота в южной стене, которые, по всей вероятности, были старыми еще во времена Шар-Гани-Шарри из Агаде. Абуллу Рабу", большие ворота города, находились к северо-востоку от храма; их длина составляет 35 футов, по которым мы знаем, что такова была толщина самой стены, хотя, к сожалению, от старой городской стены в этом месте ничего не осталось: грубые кирпичи, из которых она была сложена, были вывезены и использованы для строительства более поздних ниппурских

сооружений. Сами ворота состояли из центральной дороги шириной около 13 футов, используемой для обычного движения, по обе стороны которой находился приподнятый проход для пешеходов, а вся конструкция была построена из кирпича с маркировкой в виде большого пальца и, следовательно, является досаргонской. Под центральной проезжей частью был обнаружен фундамент, состоящий из массивных каменных блоков, уложенных на битум. На некотором расстоянии к северу от этих ворот была обнаружена большая часть старой городской стены, относящейся в основном ко временам Нарам-Сина и Ур-Энгура, соответственно, причем работа последнего царя, конечно же, была наложена на работу Нарам-Сина. До сих пор видны следы около сотни футов стены Нарам-Сина, а также водовод, состоящий из обожженных кирпичей, обмазанных битумом. Стена была перестроена Ур-Энгуром, который украсил ее внешнюю сторону серией панелей шириной 11 футов, расположенных с интервалом в 30 футов, из которых около семнадцати были найдены в своем первоначальном положении; раскопщики не смогли определить толщину стены, но в одном месте она была обнаружена сохранившейся до толщины более 25 футов. Во внутренней стороне этой более поздней стены было построено несколько небольших камер, в которых были найдены реликвии, представляющие различный интерес; описание более поздней парфянской крепости и маленького парфянского дворца, обнаруженного на другой стороне канала Шатт-ан-Ниль, будет относиться к периоду, которым этот том не занимается, и читатель должен, соответственно, обратиться к стандартным работам некоторых раскопщиков (Петерс, Хильпрехт или Фишер) за информацией об этих более поздних зданиях, а также за подробностями относительно всех сооружений и находок в Ниппуре. Тем не менее, было рассказано достаточно, чтобы показать необычайную важность американских экспедиций в Ниппур, хотя даже сегодня мы не в состоянии адекватно оценить всю ценность самоотверженного труда раскопщиков и те обширные результаты, к которым этот труд приводил и приводит.

Тем временем сами турки, осознав важность памятников и реликвий, извлеченных из разрушенных курганов, которые со времени отъезда Рассама из Багдада в 1882 году с большим успехом эксплуатировались агентами торговцев древностями, решили отправить собственную экспедицию. Экспедицией руководили молодой французский ассириолог отец Шейль и османский инспектор древностей Бедри-бей, которые весной 1894 года начали работы в Абу-Хаббе (Сиппар), месте, которое было особым объектом охоты торговцев и которое, по расчетам, должно было быть исследовано с научной точки зрения. Самым важным результатом экспедиции стало обнаружение около семисот табличек, в основном писем или договоров, относящихся ко времени первой вавилонской династии, и особенно к правлению Самсу-илуны, сына и преемника Хаммурапи. В 1891 году доктор Уоллис Бадж раскопал соседний курган Дэр и обнаружил множество текстов и т.д.; сейчас они хранятся в Британском музее.

26 марта 1899 года доктор Колдевей, чьи раскопки в Эль-Хиббе и Сургуле были более чем успешными, начал работы на кургане Qasr в Вавилоне, кургане, который отмечает место, где находился всемирно известный дворец Навуходоносора.

Немецкие раскопки в Вавилоне, предпринятые Кольдевеем, Мейсснером, Андрае и М. Л. Мейером, действительно не принесли столь богатого урожая, как ожидалось, исходя из той важной роли, которую этот город играл в истории страны, начиная со времен Хаммурапи и далее, поскольку разрушение города Сеннахерибом в 689 году до н. э. было проведено с такой тщательностью. Разрушение города Сеннахерибом в 689 году до н. э. было проведено с такой жестокостью, что мало что осталось, чтобы рассказать о величии Вавилона до его времени; это немного состоит в основном из табличек с договорами, относящихся ко

времени Первой династии, и нескольких погребений в горшках, относящихся к еще более раннему периоду. Но как бы мы ни сожалели о скудости материала, предоставленного разрушенными курганами Вавилона, для реконструкции его ранней истории, периода, когда он находился на пике своего могущества, - периода правления великого царя Навуходоносора (604-561 гг. до н. э.) - немецкие раскопки дали нам много ценной информации. Курган Qasr, скрывающий остатки знаменитого дворца Навуходоносора, дворца, в котором он жил большую часть своего правления и в котором умер Александр Македонский, похоже, был новым пригородом Вавилона, и в нем не было ничего ранее седьмого века. Была обнаружена массивная городская стена толщиной около 136 футов, частично раскопан дворец Навуходоносора, но двумя самыми важными находками лета 1899 года стали стела из долерита и барельеф из песчаника. Стела из долерита высотой 4 фута 2 дюйма, на гладкой стороне которой изображена фигура хеттского бога, а на обратной - хеттская надпись. Бог поднял две руки и размахивает трезубцем в одной руке, большим молотом в другой, а с боку у него свисает меч. Длинная коса волос свисает вниз по спине, головной убор - фригийский колпак, обувь - - остроносые башмаки, столь характерные для хеттов, а туника, украшенная бахромой, доходит до колен. Вторая находка состояла из плиты песчаника длиной более 4 футов и высотой около 4-1/2 футов, на которой рельефно изображена группа фигур, из которых две наиболее примечательные - бог Адад, вооруженный двумя вспышками молнии в каждой руке, и богиня Иштар.

В следующем году Кольдевей смог дать более подробную информацию об общем плане и устройстве дворца Навуходоносора. Дворец состоял из множества комнат, расположенных вокруг больших центральных дворов. Стены различных зданий покоились на массивном фундаменте, сложенном из кирпичей и обломков. На этом фундаменте была обнаружена вал-стена, идущая с востока на запад, толщиной более 56 футов и пробитая одними воротами, а на углу этой стены - еще одно здание, более древнее, чем сама стена. Это здание было построено из жженого кирпича и асфальта, а на самих кирпичах была выбита арамейская надпись и изображен идущий лев.

На восточном фасаде Qasr в Вавилоне брусчатка улицы сделана из белого известняка или красной и белой брекчии, но единственная часть мостовой, найденная в своем первоначальном положении, - это слой обожженного кирпича, покрытый асфальтом, который служил основанием для каменной мостовой выше. Огромные известняковые блоки имеют площадь более 3 футов и толщину около 13-1/2 дюймов. На некоторых из этих известняковых блоков была найдена надпись с именем Навуходоносора, в которой говорилось, что он вымостил Вавилонскую улицу для шествия великого повелителя Мардука плитами из "горного камня". Плиты из брекчии, ни одна из которых не была найдена полностью, были, очевидно, более скромных размеров - всего около 26 дюймов в квадрате и 8 дюймов толщиной. Нет сомнений, что это те самые камни, которыми Навуходоносор вымостил "улицу шествий Мардука", местоположение которой теперь точно установлено. Брекчию использовали для строительства еще до Навуходоносора: так, известно, что Набополассар, основатель неовавилонской династии, использовал ее для мощения улицы процессий, а в кургане Амран был найден блок брекчии с надписью Сеннахериба.

Открытие улицы процессии Мардука имело огромное значение для топографии древнего Вавилона, а подтверждение теории Делицша и других - до сих пор основанной главным образом на выводах, сделанных из текстов Навуходоносора, - об идентификации храма Мардука, Э-сагила, со старым вавилонским зданием, скрытым в кургане Амран, во время раскопок в мае 1900 года, имело еще большее значение.

Кроме того, Колдевею посчастливилось обнаружить храм, воздвигнутый в честь богини Нинмах (Великой Госпожи), которую в более поздние времена отождествляли с Иштар.²⁷ Важность открытия заключалась в завершенности постройки, а не в ее размерах, ведь она совсем небольшая. При раскопках этого храма был найден хорошо сохранившийся ассирийский цилиндр, на котором Ашшур-бани-пал пишет, что он недавно построил храм Нин-маха в Вавилоне, в ответ на этот акт благочестия он явно ожидал богатой награды, поскольку он просит "возвышенного Нин-маха сострадательно смотреть вниз" на его благочестивые дела, ежедневно провозглашать его процветание перед Белем и Белитом, предписывать "жизнь многих дней как его судьбу" и твердо установить его правительство.

Еще одной интересной находкой стала терракотовая фигурка обнаженной богини, несомненно, реликвия культа Нинмах (см. рис. 86).

Раскопки на холме Амран показали наличие построек, относящихся ко времени Навуходоносора. Верхние слои кургана относятся в основном к парфянскому и селевкидскому времени, но на глубине 68 футов под поверхностью кургана был вскрыт пол вавилонского здания, а глиняные стены этого здания толщиной более 9 футов сохранились на значительной высоте. Сам пол был сложен из обожженных кирпичей, покрытых асфальтом, причем только кирпичи верхнего слоя несли на себе отпечаток печати Навуходоносора, в связи с чем представляется вероятным, что фундамент здания был заложен до эпохи этого царя. Под самым нижним этажом был обнаружен прочный фундамент из кирпича толщиной около 6-1/2 футов. На самом верхнем этаже были обнаружены различные предметы, представляющие интерес: тонкая пластина из золота, серебряная ручка, золотое кольцо и фрагменты гравированных раковин. Но настоящее значение раскопок в кургане Амран связано с открытием знаменитого храма Мардука - Э-Сагила, что означает "дом неба и земли". Храм был основан царем Забумом во времена Первой династии Вавилона (ок. 2000 г. до н.э.), то есть в период, когда город Вавилон стал самым могущественным городом-государством в Южной Месопотамии. Но верховенство Вавилона означало верховенство вавилонского бога, и о престиже, которого достиг Мардук в это время, свидетельствует его отождествление с Белем, древним богом Ниппура. Но несколько сотен лет спустя, когда сила и влияние Вавилона уменьшились, а господство в Месопотамской долине перешло к более воинственным ассирийцам на севере, Э-сагила и ее бог пострадали вместе с народом Вавилона: храм был разграблен, а бог Мардук унесен Тукульти-Нинибом, царем Ассирии (ок. Спустя шесть столетий ассирийцы по-прежнему были всесильны, хотя постоянно занимались подавлением восстаний недовольных вавилонских князей, пока, наконец, Сеннахериб не решил стереть Вавилон с лица земли. Сагила разделила общую катастрофу, и от раннего города или храма ее почитаемого бога мало что осталось, хотя, к счастью, различные документы, сосуды и другие реликвии, относящиеся ко времени до Сеннахериба, избежали ярости этого царя и были недавно найдены немецкими раскопщиками. Однако Эсархаддон, преемник Сеннахериба и один из самых гуманных ассирийских монархов, что, пожалуй, говорит не о многом, сделал своим особым делом восстановление города Вавилона и храма его бога, но он не дожидаясь реализации своего проекта, и завершение работ было оставлено преемникам Эсархаддона, Ашшур-бани-палу и Шамаш-шум-укину. Храм был покрыт кедровым и кипарисовым деревом, богато украшен золотом, серебром и драгоценными камнями. Когда все было закончено, возвращение Мардука на родину было отпраздновано с большой помпой и пышностью: бог солнца Шамаш, почтенный отец Мардука Эа, его прославленный сын Небо, даже бог мертвых Нергал пришли, чтобы приветствовать изгнанное божество. Но как ни величественна была

реконструкция древнего храма Мардука Ашшур-бани-палом, самым могущественным царем Ассирии, ее превзошли вавилонские цари - Набополассар (625-604) и его сын Навуходоносор. Ашшур-бани-пал, похоже, не стал восстанавливать храм-башню, который Сеннахериб, конечно же, разрушил, но Набополассар вновь воздвиг возвышенную башню - Э-темен-ан-ки ("дом основания неба и земли"), а Навуходоносор, его сын, продолжил это похвальное дело. Он построил стены палаты Экуа из чистого золота, а крышу сделал из кедрового дерева, которое покрыл золотом и драгоценными камнями. Святилища Нево и Зарпанита были отделаны таким же роскошным образом, то время как все жертвенные сосуды, похоже, были сделаны из чистого золота. Нериглиссар (559-556 гг. до н. э.), преемник Навуходоносора, построил четверо ворот в этот храм, а когда город был окончательно взят Киром, следует напомнить, что этот царь поклонился Мардуку, по чьему приказу, как он утверждает, был взят город: "Он (Мардук) искал праведного князя, человека по своему сердцу, которого он мог бы взять за руку; и он назвал его имя Кир".

В ходе раскопок в Вавилоне были обнаружены различные захоронения, но в основном позднего времени. В 1910 году был обнаружен очень интересный саркофаг,²⁸ "головном" конце терракотовой крышки которого была рельефно изображена бородатая голова мужчины с длинными волосами и египетским типом лица. В это же время были найдены еще два саркофага, и все эти захоронения находились внутри разрушенных домов.

Из многих других важных результатов, полученных в результате работы Кольдевея и его коллег, особенно заслуживают упоминания открытие древнего канала Арахту, прослеживание его причальных стенок, раскопки большой стены между северным и южным замками и расчистка западной стены южной цитадели, а за подробностями читатель должен обратиться к *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*.

Но Вавилон был не единственным местом в Нижней Месопотамии, на которое обратили внимание немцы во время этой экспедиции. 14 июня 1902 года Кольдевей, Делицш и Баумгартен с партией рабочих отправились на лодке вниз по Евфрату и 18 числа прибыли к разрушенным курганам Фара. Раскопки были начаты в северной части руин, и очень скоро стало очевидно, что все место очень древнее, даже самые верхние слои курганов не содержат ничего, что можно было бы отнести к позднему периоду. Различные орудия из кости и камня, включая несколько каменных топориков, а также пилы и ножи из кремня или обсидиана, свидетельствовали о древности поселения, а поскольку на глубине более 6-7 футов ничего не было обнаружено, Фара с самого начала обещала стать одним из важнейших мест для изучения ранней шумерской цивилизации. Разрушенные курганы других давно забытых городов действительно содержали реликвии прошлого, столь же древние, как и те, что были раскопаны в Фаре, но почти в каждом случае верхние слои таких курганов оказывались останками более позднего времени и более поздней оккупации; Фара, однако, уникальна в этом отношении, поскольку по неизвестным причинам она, по-видимому, была занята только в самый ранний период истории Вавилонии, в течение которого она, несомненно, "имела свой день", но с тех пор "перестала быть", пока немецкие экскаваторы наконец не спасли ее от окончательного забвения. Среди мелких предметов, обнаруженных на этом месте, было несколько цилиндров для печатей, большинство из которых были сделаны из алебаstra, иногда из раковин, но очень редко из твердых камней, которые так часто использовались в более поздние времена. Они были найдены иногда среди общего мусора, иногда в гробницах; в большинстве случаев на них изображены сцены сражений, в которых участвуют либо люди, либо звери, либо мифические чудовища, в зависимости от обстоятельств. Более простые образцы керамики напоминают те, что были найдены Кольдевеем в Сургуле, в то время как другие были более искусно украшены. Было

найденно несколько табличек, в основном круглой формы, и все они были начертаны архаичными символами. Жители Фары помещали тела своих умерших либо в глиняные саркофаги, либо в тростниковые циновки. Глиняные саркофаги имеют овальную форму и около шести футов в длину; стороны перпендикулярны, и они закрываются глиняной крышкой. Труп обычно находили лежащим на боку с вытянутыми в эмбриональном направлении ногами, как это было в додинастическом Египте, а одна из рук прижимает ко рту чашу из камня, раковины, меди или глины - случайное доказательство веры вавилонян в реальность жизни после смерти даже в столь отдаленный период. В гробницах лучших классов также хранятся орудия труда, оружие и украшения покойного. Оружие включает копья, поньяры и секиры из "бронзы" (?), украшения имеют форму цепочек, бусины которых у более богатых сделаны из лазурита и агата, в то время как более бедным приходилось довольствоваться обычным стеклом. Также были обнаружены браслеты и кольца из серебра и бронзы, а также "бронзовые" посохи с ляписными остриями на обоих концах. Среди инструментов можно перечислить рыболовные крючки и топоры из "бронзы", а коробочки с красками из алебаstra или раковины обычно хоронили вместе с трупом, и поэтому, предположительно, считали их туалетными принадлежностями в потусторонней жизни, как и в жизни нынешней. Краски в большинстве случаев были найдены хорошо сохранившимися, основными из них были черные, желтые, красные и светло-зеленые. Было найдено множество каменных сосудов различных размеров и форм, большинство из которых были сделаны из алебаstra, причем алебастр использовался на этом месте довольно широко, в отличие от вавилонян более позднего времени, которые редко использовали более мягкие камни, которые их ассирийские соседи использовали так часто и для столь разнообразных целей. Раскопки сообщают, что они не смогли определить, были ли саркофаги или погребения на циновках более древними, так как оба вида погребений использовались синхронно; предположение, что саркофаги использовались лучшими классами, а циновки-вкладыши - более бедными, было бы достаточно обоснованным, если бы не тот неудобный факт, что циновки-могилы так же богато снабжены принадлежностями, украшениями и орудиями покойного, как и сами саркофаги. Скульптур было найдено очень мало, большинство из них выполнены на алебастре и демонстрируют значительное мастерство в общем исполнении. Начало 1903 года ознаменовалось открытием здания из хорошо обожженного кирпича, в разрушенных обломках которого было обнаружено большое количество хорошо сохранившихся табличек.

Одновременно велись раскопки на кургане Абу Хатаб, когда Колдевей получил сообщение о находке на этом месте кирпичей с надписями. Работы здесь были начаты 24 декабря 1902 года, в результате чего было обнаружено несколько небольших зданий, стены которых отличались своей непрочностью. На некоторых кирпичах была обнаружена надпись Бур-Сина, царя Ура (ок. 2350 г. до н.э.). Но Абу Хатаб не представляет особого интереса для исследователя ранних доисторических останков. Погребения здесь в основном состояли из двух больших горшков, "установленных своими краями в горизонтальном положении", - форма саркофага, найденная также в ранних слоях в Вавилоне и Мухейере (Ур). Труп лежал либо на спине, либо на боку, но в обоих случаях он был скорчен, что, очевидно, было вызвано ограничениями саркофага, как это было и в ранних горшечных погребениях Древнего Египта. Возле головы трупа обычно находили глиняный или медный сосуд, который, несомненно, предназначался для выполнения цели, подобной той, которую выполняли кубки для питья, найденные в могилах в Фаре.

Примерно в это время Андрае, помощник Колдевея, завершил раскопки храма Небо в Бирс-Нимруде (Борсиппа), откуда Небо наносил ежегодный визит Мардуку в первый день нового года.

Зиккурат и дворец Ашшур-нахир-пала: Ашур
(С разрешения Немецкого восточного общества)

Однако Колдевей и Андрае не ограничились разрушенными курганами Вавилонии, а в 1903 году начали раскопки в *Ḳalat Sherḳat*, месте Ашшура, древней столицы Ассирии и имени бога, от которого Ассирия ведет свое название. Еще в 1852 году сэр Генри Лэйард провел на этом месте раскопки, главным вещественным результатом которых стала находка глиняных цилиндров Тиглата-Пилесера I, хотя фрагменты барельефов и других надписей были обнаружены здесь как Лэйардом, так и Рассамом. Шалманесер I (ок. 1300 г. до н. э.) перенес резиденцию своего правительства из Ашшура в Калах, но его преемник Тукульти-Ниниб (ок. 1275 г. до н. э.) вернул столицу империи в Ашшур. Курганы, которые отмечают местоположение этого древнего города, в значительной степени естественного происхождения (см. пл. VIII), тем самым отличаясь от большинства разрушенных курганов Месопотамии, которые обязаны своим существованием искусственному формированию. С сентября 1903 по апрель 1904 года работы носили предварительный характер и состояли из пробных траншей, но в апреле 1904 года немцы приступили к раскопкам большого кургана из глинобитного кирпича, зиккурата, восточного плато и большого двора храма Ашшура, часть крепостной стены также получила внимание, а основные работы сосредоточились вокруг дворцовых построек Шалманесера I (ок. 1300 г. до н.э.). Большой храм Ашшура, построенный или восстановленный Ушпией, ранним правителем города, который предшествовал Иришуму, расположен в северо-восточном углу и примыкает к дворцу Шалманесера I. Зиккурат или башня-ступенчатая башня находится к западу-юго-западу, а дворец Ашшур-нахир-пала примыкает к храму Ану и Адада, который, похоже, является наиболее сохранившимся зданием в Ашшуре. Были обнаружены и другие постройки, среди которых особо можно отметить храм Небо и дворец Тукульти-Ниниба I (ок. 1275 г. до н. э.). Было найдено множество могил разного типа, причем те, что имели кирпичные стены, были, несомненно, ассирийскими. Было найдено множество ценных исторических надписей, а

еще одним интересным результатом стало обнаружение настенного украшения, состоящего из ряда розочек. Так называемая "Мушлала" Адад-нирари I (ок. 1325 г. до н. э.), которая, по словам автора, была частью храма Ашшура, оказалась идентичной той, что была восстановлена Сеннахерибом из "горного камня", а затем отремонтирована Эсархаддоном (681-668 гг. до н. э.) из "пилу" - камня. Фундамент здания, расположенного на южной стороне восточного плато, оказался очень глубоким, а план самого здания, как говорят, очень напоминает ранний вавилонский тип. О храме Ашшура, великого владыки Ассирии, упоминают Иришум, царь Ассирии (ок. 2000 г. до н. э.), Шамши-Адад, называющий себя строителем храма Ашшура, Адад-нирари и Шалманесир I. В правление Шалманесира I он был разрушен пожаром, и этот царь взялся за его восстановление. Надпись Тиглата-Пилесера II сообщает нам, что он украсил храм эмалированными кирпичами. Некоторые из этих надписей были найдены "in situ", что позволило точно установить местоположение знаменитой святыни Ашшура. Храм находился на крайнем севере города, три его стороны выходили на открытую местность, а четвертая возвышалась над зиккуратом. В фундаменте и мостовой, построенной этим царем, были найдены остатки работы Шалманесера, некоторые из эмалированных кирпичей, украшавших здания Саргона, а также мостовая большого двора, куски эмалированного кирпича и глиняные конусы Тиглата-Пилесера II. Сам храм изначально находился высоко над уровнем улицы. Далее был найден второй зиккурат меньшего размера, который оказался частью храма Ану и Адада, и в этом сооружении прослеживается работа трех различных периодов.²⁹ Из интересных реликвий, найденных здесь, можно особо отметить трехконечную громовую молнию из дерева, покрытую золотом.

Были раскопаны остатки различных дворцов, в том числе дворцов Адад-нирари и Шалманесера I, а также царской резиденции Тукульти-Ниниба. Было найдено множество табличек, а также горшок, содержащий 113 необожженных глиняных табличек: таблички написаны шрифтом, характерным для эпохи Тиглата-Пилесера I, и в основном касаются расписок за скот. Было найдено много керамики, а также различные предметы, включая несколько римских имперских монет II века. Северная часть города была той, которой благоволители ассирийские цари, и, соответственно, содержит остатки нескольких храмов и дворцов, но руины частных домов представляют, пожалуй, даже больший интерес, чем дворцы царей и обители богов. Они невелики по размеру, но, очевидно, были тщательно осушены. Внутри домов было обнаружено множество могил, относящихся, по-видимому, к тому же периоду, что и сами дома. Во многих случаях раскопщики утверждают, что обнаружили в могилах явные следы кремации. В Ашуре было найдено семь различных видов могил: склепы, глиняные саркофаги, поддоны из обожженной глины, которые ставили над трупом, кувшины, кирпичные могилы, горшечные могилы и земляные могилы. Склепы³⁰ имеют различные формы и размеры, сделаны из обожженного кирпича и состоят, как правило, из довольно просторной камеры и входной шахты. Тела - всегда более одного в каждом склепе - лежали на полу в сжатом положении, окруженные сосудами для питья всех видов, и во всех случаях имела небольшая ниша для светильника. Глиняные саркофаги отличаются еще большим разнообразием, включая кувшины, в которые вдавливали тела, и высокие и короткие ванны, в которые труп помещали в сидячем положении, причем оба эти класса включают в себя множество различных типов.

Другой класс кувшинных захоронений, известный как "капсула", состоял из двух кувшинов, надетых на ноги и голову соответственно и прижатых друг к другу, пока они не встретились, образуя таким образом "капсулу". Кирпичные могилы были практически кирпичными саркофагами, могилы строились в форме гроба, но таких было найдено немного. Горшечные могилы называются так из-за использования горшков для покрытия трупа. По-видимому, эти

различные способы захоронения сосуществовали одновременно, и, соответственно, их нельзя разделить на периоды, как это в некоторой степени происходит в раннем Египте.

Что касается городских укреплений, то надписи различных царей, которые их строили, ремонтировали или перестраивали, дают нам много информации, но сами раскопки до сих пор не дали нам столько, сколько мы могли бы пожелать. Работа Шалманесера II по восстановлению южной стены была идентифицирована по глиняным конусам этого царя, найденным в верхней части стены, а в некоторых своих надписях Шалманесер называет себя строителем самого "Дуру". Причальная стена, построенная Адад-нирари I, восстановленная Адад-нирари II, а затем Адад-нирари III, была раскопана на протяжении почти 490 ярдов своей длины; она построена из блоков известняка и облицована кирпичом со стороны реки, связности всему этому добавляет обильное использование асфальта и глиняного раствора. Также была найдена часть городской крыши, построенной Тукульти-Нинибом I. В ходе раскопок была обнаружена реставрация городской стены, за которую, вероятно, отвечал Ашур-нахир-пал.

В 1908 году были проведены раскопки храма, воздвигнутого в честь бога Небо в Ашшуре последним царем Ассирии Син-шар-ишкуном (ок. 615 г. до н. э.).³¹ Общий план этого позднеассирийского храма, как выяснилось, соответствует плану храма Ану-Адада, а также храма, построенного Саргоном в Хорсабаде.³² Из руин Ашшура были извлечены многочисленные стелы и другие памятники из камня; Среди них базальтовая стела Тукульти-Ниниба,³³ стела Тиглата-Пилесера III и стела Ашшур-реш-иши II,³⁴ известняковая стела Ашшур-нахир-пала, алебастровая стела с изображением царя, поклоняющегося богу и богине, которая чем-то напоминает бавианский рельеф Сеннахериба,³⁵ и фрагменты диоритовой скульптуры³⁶ с маленькими фигурками, напоминающими стиль искусства, характерный для эпохи Хаммурапи. Интерес к этим памятникам в первую очередь представляют надписи, которые бросают новый свет на число и порядок ассирийских царей.

Тем временем американцы, чьи раскопки в Вавилонии были начаты с таким многообещающим успехом, снова взялись за дело. На Рождество 1903 года экспедиция, отправленная Фондом восточных исследований Чикагского университета под руководством профессора Р. Ф. Харпера (полевой директор - Э. Дж. Бэнкс), начала раскопки в Бисмае, так называется группа курганов, расположенных между Тигром и Евфратом, к югу от Багдада. Курганы очень обширны, около мили в длину и полмили в ширину, но их высота очень мала по сравнению с другими курганами, такими как Эрех, Ниппур (см. пл. X) или Борсиппа. Храм был первой постройкой в Бисмае, на которую обратили внимание, отчасти из-за того, что он оказался скрыт под одним из самых высоких курганов Бисмаяна, а отчасти потому, что общая форма кургана наводила на мысль о возможном существовании под его разрушенными обломками сценической башни. Траншеи, вырытые со всех сторон кургана по направлению к центру, вскоре обнаружили нижний этаж одной из этих храмовых башен, второй этаж которой исчез, хотя некоторые обожженные кирпичи, составлявшие ее внешнюю оболочку, были найдены лежащими рядом. Сохранившийся нижний этаж состоял из грубых кирпичей и глины, но был снабжен облицовкой из жженого кирпича толщиной около четырех футов. На многих из этих кирпичей была надпись с именем Дунги, царя Ура (ок. 2400 г. до н. э.). Под кирпичами Дунги был обнаружен еще один слой обожженных кирпичей, на некоторых из которых было написано имя Ур-Энгура, непосредственного предшественника Дунги на троне Ура. Из мелких предметов, найденных на раскопках, наиболее интересны три : тонкая полоска золота, найденная примерно в двух футах под обожженными кирпичами Дунги и носящая имя знаменитого Нарам-Сина, сына Шар-Гани-Шарри из Агады, и небольшая статуэтка из белого мрамора, найденная на небольшом расстоянии от полосы золота,

Третья - мраморная статуэтка, относящаяся к раннему шумерскому периоду и очень похожая на те, что были раскопаны в самых нижних слоях в Телло (Лагаш). Эта статуя (см. рис. 32), вероятно, уникальна как круглая статуя, относящаяся к столь раннему периоду, и особенно примечательна тем, что руки в данном случае полностью свободны от тела и вырезаны полностью в круглой форме.

Чуть ниже того места, где было найдено золото Нарам-Сина, были обнаружены большие кирпичи площадью около 18 дюймов квадратных, относящиеся к эпохе Шар-Гани-Шарри, а из некоторых других курганов Бисмая были найдены многочисленные надписи этого же царя. Под большими саргонскими кирпичами находился слой тонких продолговатых кирпичей с пальцевой маркировкой, а еще ниже, примерно в пяти футах под поверхностью, были обнаружены небольшие плосковыпуклые кирпичи, залитые битумом.

Вокруг храмовой башни было найдено множество фрагментов ваз из мрамора, порфира, гранита, алебаstra и оникса, а также бесчисленные предметы из слоновой кости, перламутра, металла и камня.

Что касается самого храма, то на юго-восточной стороне был обнаружен вход, от которого сохранились мраморные ворота-розетка, опирающиеся на две плиты из розового мрамора. В южном углу было обнаружено помещение овальной формы, которое когда-то было покрыто куполообразной крышей. Но основание храмовой башни уходило в глубину даже ниже пласта, содержащего маленькие плосковыпуклые кирпичики, которые еще предстояло исследовать.

Примерно в шестнадцати или семнадцати футах под поверхностью был найден большой металлический шип (см. рис. 40), заканчивающийся львиной головой, а еще ниже, примерно в тридцати девяти - сорока футах под уровнем кургана, было обнаружено несколько фрагментов черной керамики, изготовленной на колесе. Дата изготовления этой керамики, конечно, неизвестна, но, судя по глубине, на которой она была найдена, доктор Бэнкс, полевой директор экспедиции, предполагает дату 10 000 лет до нашей эры. В том же году (1903), когда велись эти успешные раскопки в Бисмае, Ниневия, разрушенные курганы которой, некогда знаменитого города, уже принесли столь богатый урожай великим первопроходцам в области исследования Месопотамии, получила дальнейшее внимание со стороны попечителей Британского музея, которые отправили экспедицию под руководством господ Л. У. Кинга и Р. К. Томпсона с целью дальнейших раскопок кургана Куюнджик. Главным результатом раскопок, проводившихся в 1903-1905 годах, стало обнаружение места, где находился храм Набу, который, однако, был так безжалостно разрушен - предположительно, эламитами, - что не удалось составить его полный план.

Тем временем раскопки в Телло (Лагаш), которые были внезапно прекращены из-за смерти блестящего французского экскаваторщика (М. де Сарзека) в мае 1901 года, были возобновлены в январе 1903 года под руководством капитана Гастона Кроса. Главным новым открытием стала массивная крепостная стена, построенная Гудеа (ок. 2450 г. до н.э.). Ее толщина составляет около тридцати двух с половиной футов, а в некоторых местах она до сих пор сохранилась на высоте двадцати шести футов. Капитан Крос также раскопал большое прямоугольное здание и обнаружил различные предметы, представляющие интерес, включая орудия из кремня и меди, а также кирпичную печать Нарам-Сина, которая может рассматриваться как доказательство того, что строительные работы в Лагаше велись семитским царем Агаде в период господства семитов.

ГЛАВА III-ДЕШИФРОВКА КЛИНОПИСНЫХ НАДПИСЕЙ

Первым человеком, принесшим в Европу сведения о клинописных надписях, был Пьетро делла Валле, итальянец из знатной римской семьи. В 1614-26 годах он совершил путешествие в Турцию, Египет, Палестину, Персию и Индию и опубликовал отчет о своих путешествиях в 1650 году, но первое сообщение о его открытии клинописи в Персеполисе содержалось в письме, написанном из Шираза и датированном 21 октября 1621 года. Джосафат Барбаро в конце XV века уже обратил внимание на странные знаки, обнаруженные на памятниках в Персеполисе, но Пьетро делла Валле первым заподозрил, что эти надписи - нечто большее, чем просто декоративные надписи на скале. Но хотя Пьетро делла Валле сделал копии нескольких надписей на стенах разрушенных дворцов Персеполиса еще в 1621 году, Шардену (1674) принадлежит честь сделать первую копию полной клинописи, так называемой "Оконной надписи", самой короткой из трехязычных ахеменидских надписей, и его копию можно найти в отчете о его путешествиях (опубликованном в 1711 году). Эта же надпись была скопирована в 1694 году Кампфером, который также скопировал вавилонский текст надписи "Н", найденной в Персеполисе, и который первым ввел термин "клинопись". В работе, опубликованной им в 1712 году, он обсуждает, является ли неизвестная письменность алфавитной, слоговой или идеографической, и принимает решение в пользу последней. В 1701 году голландец де Бруин начал свои путешествия: он посвятил 1704 год исследованию руин Персеполиса, а десять лет спустя опубликовал две новые трехязычные надписи в дополнение к древнеперсидской и вавилонской, но копировать - это одно, а расшифровывать - совсем другое, и прошло почти столетие, прежде чем был достигнут реальный прогресс в разгадывании этих криптографических знаков и реконструкции языков, которые они воплощали. В 1762 году была опубликована надпись на вазе Ксеркса, найденной графом Кайлузом, и в том же году была опубликована четырехязычная надпись этого царя. В 1765 году датчанин Карстен Нибур скопировал несколько ахеменидских надписей в Персеполисе и отметил, что первая из трех колонок каждой из найденных трехязычных надписей содержит всего сорок две разновидности клинописных знаков, из чего он сделал правильный вывод, что система в первой колонке не идеографическая (каждый знак представляет слово), не слоговая (каждый знак представляет слог), а алфавитная. С 1798 года Тихсен и Мюнтер, также датчанин, продолжили работу, начатую Нибуrom, и опубликовали свои результаты в 1802 году. Мюнтер правильно догадался, что вездесущий диагональный клин служит для отделения слов друг от друга, а одно слово, встречающееся в начале каждой надписи, он справедливо определил как слово, означающее "король". Тем временем был заново открыт язык Зенд³⁷ позднейшей зороастрийской веры, и с его помощью де Саси смог расшифровать надписи Пехлеви³⁸. Теперь оставалось расшифровать более древние персидские надписи ахеменидских царей. В 1802 году Г. Фридрих Гротефенд из Ганновера, школьный учитель по профессии, вступил в эту область, и в результате последующих рассуждений он стал первооткрывателем части персидского клинописного алфавита и первым расшифровщиком полной клинописи. Старые писатели предоставили ему важную информацию о том, что дворцы Персеполиса, среди руин которых было найдено так много клинописных надписей, были построены ахеменидскими царями. Пехлевийские надписи, также найденные на этом месте и расшифрованные де Саси, заставили его ожидать, что клинописные надписи будут содержать нечто подобное. Гротефенд уже убедился, что надписи читаются слева направо, и, выбрав две короткие надписи, одна из которых была выгравирована на столбе ворот здания второго дворца-террасы, а другая - на стене здания третьего дворца-террасы в

Персеполисе, он приступил к успешному исследованию. Обе надписи содержали группу знаков, которая, как справедливо предположил Мюнтер, обозначала "царя", хотя что означало "царь" по-персидски, оставалось пока неизвестным. Единственное различие заключалось в том, что в надписи I "царю" предшествовала группа знаков, которую удобно обозначить "X", а в надписи II "царю" предшествовала группа знаков, которую можно назвать "Y", и что, кроме того, в надписи II "X" и следующее за ним слово "царь" стояли после "Y" + "царь". В I, напротив, за "X" + "царь" следовала другая группа знаков, которую можно обозначить как "Z", без обычного сопутствующего "царя".

Таким образом, I читается как "X" + король..... "Z".....

А II читает "Y" + король..... "X" + король.

Из этого Гротефенд заключил, что группы знаков "X" "Y" и "Z" представляют имена собственные, и что поскольку "X" и "Y" сопровождаются "царем", они должны быть царскими именами, и, наконец, именами ахеменидских царей, поскольку древние писатели утверждали, что эти дворцы в Персеполисе были построены ахеменидскими царями, и, кроме того, их положение предполагает, что эти собственные имена должны стоять в генеалогическом отношении друг к другу. В I "X" должен быть сыном "Z", а во II "Y" - сыном "X"; "X" и "Y" сопровождаются знаком "царь", "Z" - нет, следовательно, "Z", отец "X", не является царем, а значит, "X" - предположительно основатель династии. Но и помимо этой гипотезы, некоторые из имен пяти царей, составлявших (к счастью) короткую династию Ахеменидов - Кир, Камбиз, Дарий, Ксеркс и Артаксеркс - были сразу же исключены из числа придворных: Таким образом, о Кире и Камбисе не могло быть и речи, поскольку "X" и "Y" не начинались с одной и той же клинописной буквы (следует помнить, что уже справедливо предполагалось, что система была алфавитной), и, кроме того, отец и сын Кира носили имя Камбис, и, соответственно, если "X" - это Кир, то "Y" и "Z" должны быть одинаковыми, а это не так. Кир и Артаксеркс также были дисквалифицированы, поскольку не было такого расхождения в длине слов, таким образом, оставались только Дарий и Ксеркс, и поскольку отец "X" "Z" не называется царем, а также известно, что Гистаспес, отец Дария, не назван классическими писателями "царем", "X" был справедливо принят за Дария. Выяснив древнейшие формы имен ахеменидских царей, о которых идет речь, у классических писателей, а также в древнееврейской и персидской литературе, он применил эти формы к группам клинописных знаков, которые, как его убедили, они представляли, и обнаружил, что соответствующие группы содержат такое же количество отдельных знаков, сколько собственные имена содержат букв, и для буквы

"X" он, соответственно, прочитал-D A R - - U SH = Дарий

"Z" он прочитал как G O SH T A S P = Hystaspes

- зендская форма имени.

Но "Y", которое по его гипотезе должно быть Ксерксом, было не так легко объяснить. Он уже знал значения четырех или пяти из семи знаков, составляющих группу "Y", и эти известные значения встречались в том порядке, который он ожидал, но с первым и третьим знаками в группе еще предстояло разобраться. Гротефенд заметил, что первый знак был таким же, как

и первый знак группы, правильно угаданный Мюнтером для обозначения "царя": он установил, что греческая буква "х" транслитерируется в зендском языке как "kh", и справедливо заключил, что греческая "х", начинающая собственное имя Ксеркс, будет аналогично транслитерирована "kh" в староперсидском, другими словами, первый знак в группе должен читаться как "Kh". Результатом исследований Гротефенда стало открытие правильных значений восьми букв персидского клинописного алфавита, причем буква "а" уже была правильно прочитана Тихсенем и Мюнтером. Правильность его метода дешифровки доказала уже упоминавшаяся четырехъярусная ваза-надпись. Первая версия этой последней надписи написана египетскими иероглифами и была расшифрована Шампольоном как имя Ксеркса. Остальные три версии написаны клинописью, первая из которых, древнеперсидская, дает точно такую же группу знаков, как та, которую Гротефенд прочитал как Ксеркс на надписи из Персеполя. Как хорошо сказал Сайс³⁹, расшифровка клинописи и все далеко идущие последствия, вытекающие из нее, зависели от удачной догадки, но догадки, сделанной "в соответствии с научным методом", и именно на открытии Гротефенда основывались все последующие попытки расшифровать клинопись - персидскую, мидийскую или ассирийскую. Но, к сожалению, несмотря на то, что Гротефенд дал ключ к разгадке и наметил путь для всех будущих ученых, его собственное незнание восточных языков не позволило ему в полной мере воспользоваться плодами своего блестящего начинания, и столь благородно начатая работа была завершена лишь в более поздние времена.

Следующий большой шаг вперед был сделан французским ученым Эмилем Бурнуфом в 1836 году; он обнаружил, что одна надпись содержит список сатрапий, а поскольку названия сатрапий были известны от греческих писателей, он смог на основе уже достигнутого частичного знания алфавита подогнать названия к клинописным знакам, и в результате у него получился алфавит из тридцати букв, в основном правильный. Примерно в то же время Лассен определил правильные значения почти всех букв алфавита и продемонстрировал, что язык надписей сродни языку зендов, а также санскриту, хотя и не идентичен ни одному из них.

Тем временем Роулинсон вступил в дело, и, будучи прикрепленным к Британской миссии в Персии, он имел возможности, которых не хватало другим: его положение позволило ему скопировать и в последующем сфотографировать⁴⁰ надпись на священной скале Бехистуна, испещренную именами собственных имен. Французский путешественник Оттер был, по-видимому, первым европейцем, обратившим внимание на Бехистунскую скалу с надписями, примерно в 1734 году, о ней также упоминает Оливер, но самое раннее упоминание о ней содержится в "Истории" Диодора Сикула, жившего в I веке н. э. Киннейр, видевший ее в 1810 году, утверждает, что очевидно, что изображенные на ней фигуры имеют тот же возраст и характер, что и фигуры из Персеполиса. В 1818 году Портер сделал набросок фигур, но не попытался скопировать надпись, несмотря на опыт, приобретенный им при копировании надписи в Персеполисе. Копирование надписи было нелегкой задачей, так как Роулинсона пришлось спускаться в корзине с вершины, а лестницы, которую он имел с собой, были недостаточно длинными, чтобы достать до верхней части надписи снизу. Он отправил свою копию⁴¹ Эдвину Норрису, секретарю Королевского азиатского общества, который тщательно отредактировал ее, а в 1849 году были опубликованы анализ и комментарии к тексту. Вместе с Роулинсоном и Норрисом следует упомянуть ирландского священника Хинкса, который благодаря своему непревзойденному гению в расшифровке надписей первым обнаружил, что алфавит не является настоящим, а к каждой согласной прилагается гласный звук; а также Бира Хольцмана и Вестергаарда, которые внесли свой вклад в исследование и сделали открытия в области грамматики и лексики. Роулинсон не может

утверждать, что он действительно обнаружил первую подсказку, которая привела к расшифровке клинописи, но его перевод Бехистунской надписи был, несомненно, самым ценным вкладом, когда-либо сделанным в разгадку древнеперсидского языка. Более того, его работа сначала была совершенно независимой от работы Гротефенда, и без какой-либо помощи со стороны последнего он расшифровал имена Кира, Гистаспеса и Дария на надписях из Эльвенда и Хамадана еще в 1835 году. Таким образом, полувековые усилия привели к открытию нового алфавита и возрождению старого языка. Персидские тексты на надписях сопровождались двумя другими текстами, которые, как предположил Гротефенд, должны были быть двумя другими основными языками, используемыми в Персидской империи. Третий текст, очень похожий на надписи на кирпичах и цилиндрических печатях, найденных в Вавилоне, естественно и правильно был принят за ассирийский.⁴² Расшифровка этой третьей надписи была сопряжена с трудностями любого рода: бесконечное разнообразие знаков простого и сложного порядка, отсутствие чего-либо, что указывало бы на начало или конец слова или предложения, а кроме того, знаки на памятниках из Персеполиса очень сильно отличались от вавилонских, которые также сильно различались между собой. Особенно сложными они были на печатях-цилиндрах, и почти невозможно было увидеть какое-либо сходство между знаками на последних и персепольскими надписями.

Но свет должен был прийти с другой стороны: в 1842 году Ботта, французский консул в Мосуле, начал раскопки на месте Ниневии, но, не встретив успеха, перенес свои работы в Хорсабад, расположенный дальше к северу, и там раскопал большой дворец, который впоследствии оказался дворцом Саргона. В 1845 году Лэйард начал работу и провел успешные раскопки в Нимруде (древний Калах), а затем в Куюнджике, одном из курганов, который представляет собой место Ниневии.

Ботта опубликовал найденные им надписи в 1846-50 годах, а также классифицировал знаки, которых насчитывалось 642, и доказал идентичность клинописной системы ниневийских надписей с третьей колонкой на персепольских памятниках, но несравненный Хинкс открыл тот факт, что ассирийская клинописная система была слоговой, а не алфавитной, как персидская.

Имена собственные в персидских колонках дали первый ключ к расшифровке ассирийских. Полученные таким образом значения некоторых ассирийских знаков позволили прочитать многие слова, а их значения были определены путем сравнения с персидскими колонками. После этого стало ясно, что ассирийский язык является семитским и особенно похож на иврит; это было окончательно доказано де Сольси в 1849 году. В 1850 году Роулинсон представил Королевскому азиатскому обществу перевод надписи на Черном обелиске Шалманесера II, который в основном оказался правильным, а в следующем году он опубликовал текст и перевод ассирийской транскрипции на Бехистунской надписи и объявил о двух фактах, один из которых уже был известен, а именно: ассирийские знаки могут использоваться идеографически, т.е. для обозначения предмета. Другой факт заключался в том, что знаки были полифоничны, т.е. могли обозначать более одного слога каждый: это было еще раз наглядно доказано незабвенным Хинксом. Оба факта в равной степени доказывали, что скорописная ассирийская клинопись произошла от картинного письма, так как и в позднейшие времена, когда клинопись была полностью стереотипной, знаки все еще использовались по отдельности для обозначения объекта или идеи, а полифоничность отдельных знаков свидетельствовала о том же происхождении, например, изображение руки означало не только "руку", но и "силу", "мощь", "хватку" и т.д., и, таким

образом, хотя знак, по крайней мере первоначально, имел только одну общую идею, он имел довольно много фонетических значений: эти фонетические значения сначала были неразрывно связаны с корневой *идеей*, но со временем, когда знак стал скорописью, развился и перестал напоминать первоначальное изображение, различные фонетические значения знака не обязательно имели какое-либо отношение к первоначальной корневой идее.

Например, знак, имеющий *значение* и *фонетическое* значение слова "win", в более поздние времена будет представлять слог "win" совершенно отдельно от основного значения слова win, таким образом, знак может быть использован для обозначения первого слога в слове win-ter.

В 1857 году Королевское азиатское общество предложило проверить достоверность переводов, сделанных учеными, изучающими ассирийские надписи, следующим образом: около восьмисот строк клинописи, содержащихся на глиняных цилиндрах, найденных Лэйярдом в Kalat Sherkat, древнем Ашуре, должны были быть независимо переведены любыми учеными, готовыми принять это предложение; переводы должны были быть отправлены за печатью секретарю общества, вскрыты вместе и рассмотрены перед комиссией в назначенный день. Роулинсон, Фокс Тальбот, Хинкс и Опперт вошли в список, и 25 мая их работы были вскрыты и сравнены. Большое сходство, которое все они продемонстрировали, послужило убедительным доказательством правильности метода дешифровки и окончательно показало, что проведенные исследования и их результаты не были просто умозрительными предположениями, а основывались на здравых научных принципах.

Многие другие ученые заслуживают нашей благодарности за ту долю, которую они приняли в расшифровке клинописных надписей, среди них можно особо назвать Вестергаарде, Левенштерна, де Сольси и Лонгперье, но за описанием конкретных достижений каждого из них читатель должен обратиться к общим работам по этой теме.⁴³

ГЛАВА IV КЛИНОПИСНЫЕ НАДПИСИ

Все алфавиты и все способы письма имеют своим конечным источником рисунки или иероглифы, и клинопись не является исключением из этого универсального правила. Когда ранние пиктографические символы используются для обозначения объектов и идей, отличных от конкретного объекта, который этот символ изображает, точность или неточность изображения становится вопросом малой важности, и неизбежная тенденция набросать рисунок наиболее быстрым способом заканчивается, в конце концов, эволюцией чисто скорописного письма. В Месопотамии этот процесс развития или деградации был ускорен природой материала, использовавшегося в более поздние времена для всех обычных письменных целей, то есть глиной, которой в долине было предостаточно: на таком пластичном веществе, как глина, невозможно нарисовать линии и кривые, необходимые для создания рисунков. Форма, которую принимали знаки, образующие иероглифы, объяснялась той же причиной: точка, в которой стилус впервые соприкасается с мягкой глиной, неизбежно толще, чем остальная часть штриха, которая автоматически сужается до формы клина. Но так сильно влияние привычки и так сильна тенденция к подражанию, что

мы видим клинописные знаки, которые обязаны своим клиновидным образованием исключительно и только принятию глины в качестве материала для письма, точно и рабски скопированные на колоссальных каменных быках, стелах и настенных рельефах поздних ассирийских царей.

Первые дешифровщики клинописи не имели конкретного представления о ее пиктографическом происхождении, поскольку все обнаруженные в то время надписи имели один и тот же стереотип и скоропись, но с тех пор было обнаружено огромное количество архаичных надписей, которые убедительно доказывают, что клинопись как таковая не была изобретением ни семитов, ни шумеров, а была просто последней стадией процесса вырождения, которому подверглись ранние изображения досемитских шумеров. На следующих иллюстрациях (рис. 1 и 2) мы имеем ряд знаков, взятых из реальных надписей и расположенных, так сказать, в порядке эволюции: 44 знак в левой колонке содержит самую архаичную форму знака, которая еще не обнаружена, знаки в правой колонке показывают постепенный переход к скорописной клинописи, а последний знак в колонке - это обычная позднеассирийская идеограмма. Таким образом, в "А" мы имеем грубое изображение лежащего человека, и можно проследить ход его развития или деградации по различным формам, которые оно приняло на памятниках и кирпичах, расположенных в порядке последовательности. Учитывая обычный клинописный знак "человек" сам по себе, было бы совершенно невозможно предположить, что он вообще возник на изображении человека. Ниже ("В") находится древний шумерский иероглиф, обозначающий "царя", в виде лежащего человека, над которым возвышается либо корона, либо зонтик как часть знака отличия царской власти. В букве "С" изображена голова человека в лежащем положении, губы представлены двумя наклонными линиями, а ряд иероглифов в центре иллюстрирует различные формы, которые этот знак принимал на кирпичах и памятниках, а расположение показывает процесс, в ходе которого первоначальный иероглиф постепенно утратил все следы своего живописного происхождения и превратился в скорописный стереотипный знак, основным значением которого является "рот". Ниже мы видим еще одно грубое изображение головы мужчины, но в данном случае он носит бороду, что наводит на мысль о взрослом мужчине; следовательно, значение ассирийской идеограммы - "сила", "быть сильным" или "защита". На рисунке "Е" изображено растение в горшке: этот знак, вместо того чтобы упрощаться по мере продвижения к клинописи, становится парадоксально сложнее, пока, наконец, не затихает и не принимает свою обычную скорописную форму, основным значением которой является "кипарисовое дерево". Ниже ("F") изображены два растения, растущие одинаково в горшке: прогресс снова очевиден, значения идеограммы - "растение" и "одежда"; последнее значение, вероятно, связано с использованием льна в качестве материала для одежды. "G", по-видимому, представляет собой дерево, растущее у воды; поздний клинописный знак имеет множество значений, но ни одно из них не предполагает непосредственной связи с очевидным значением рисунка-символа, из которого он был развит. "H" дает нам изображение тростника, поздний клинописный знак - идеограмма "kanu", что означает "тростник".

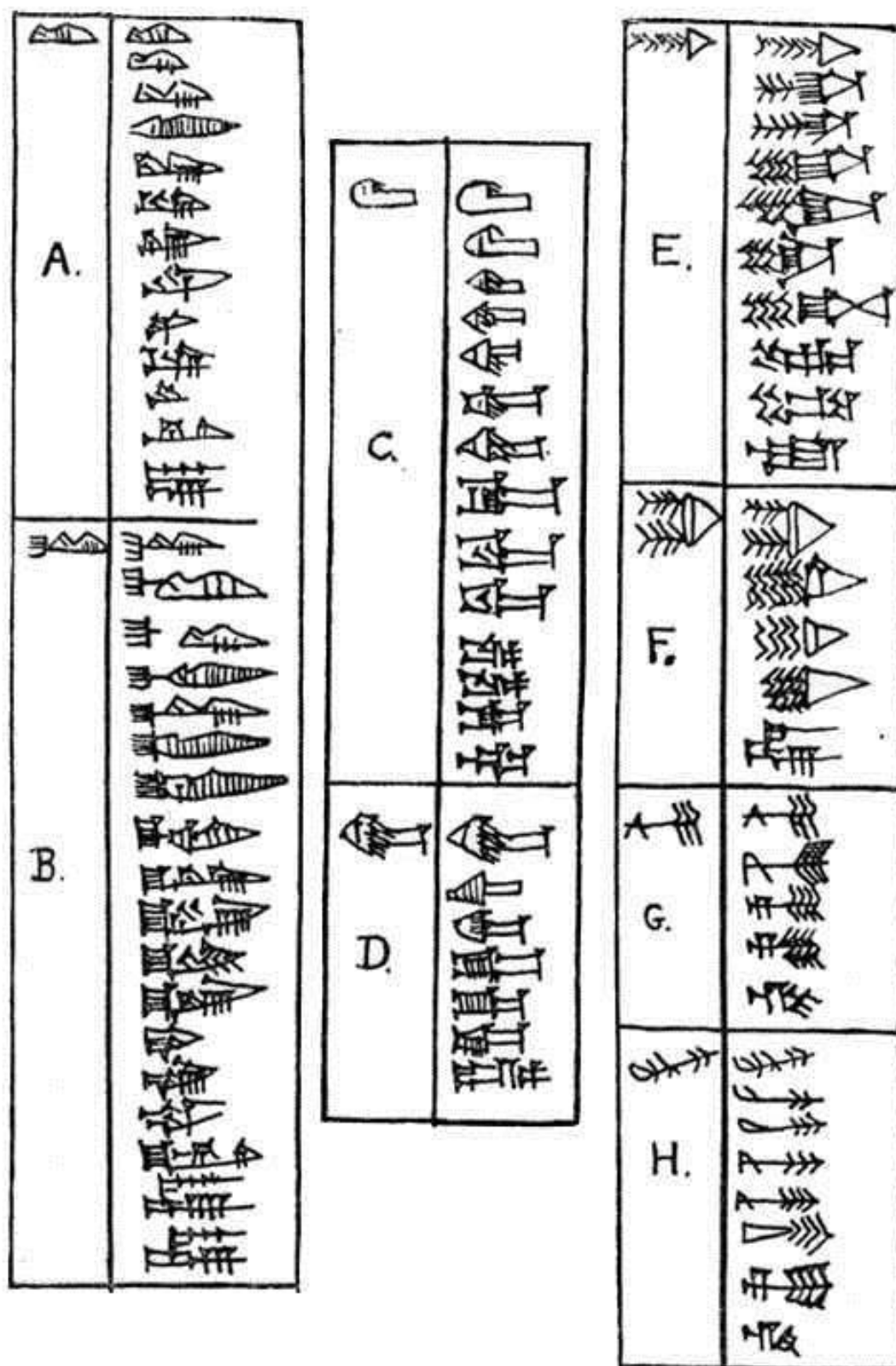

Рис. 1.- Из Harper's *Old Testament and Semitic Studies*, Vol. II, pp. 241 ff.- С разрешения.

На рис. 2, "Q", мы имеем изображение рыбы; значение ассирийской идеогаммы, выведенной из нее, - "рыба", "чистить" (от подготовки рыбы к употреблению), бог Эа, поскольку он иногда изображался в виде рыбы, и, наконец, "князь" и "великий" из его ассоциации с Эа. Ниже ("R") изображена другая рыба, снабженная, по-видимому, спинным плавником, отсюда и значение ассирийского знака - "широкий" или "чудовище".

Следующая иллюстрация ("I") связана с водой: здесь мы видим волнистые линии, обозначающие воду, которые аналогичным образом представлены как в египетских, так и в китайских иероглифах. Ниже ("J") изображены маленькие ирригационные каналы, которыми поливают сады: отсюда клинописная идеограмма берет значение "поле" и обозначает два разных ассирийских слова - "ginu" и "iklu", оба из которых означают "поле". Несколько сомнительно, что иероглиф на букве "K" должен был изображать: Хоммель считает его изображением кожаной бутылки, что неестественно наводит на мысль о значении "пустыня"; Бартон же, напротив, с большей вероятностью рассматривает его как грубый контур долины Евфрата с двумя реками и "случайными участками орошаемой и плодородной земли", обозначенными поперечными линиями, и справедливо говорит, что это объясняет значения "равнина" и "земли", а также "пустыня", "возвышенная страна" и, наконец, "спина". В "L" мы видим изображение дома, которое, однако, вряд ли соответствует нашему представлению о том, каким должен быть дом: клинописный знак, полученный из него, является идеограммой для "биту" (еврейское "бет", встречающееся в собственных именах Вифлеем, "дом хлеба", Вифшемеш, "дом солнца", и т. д.), обычного ассирийского слова для "дома".

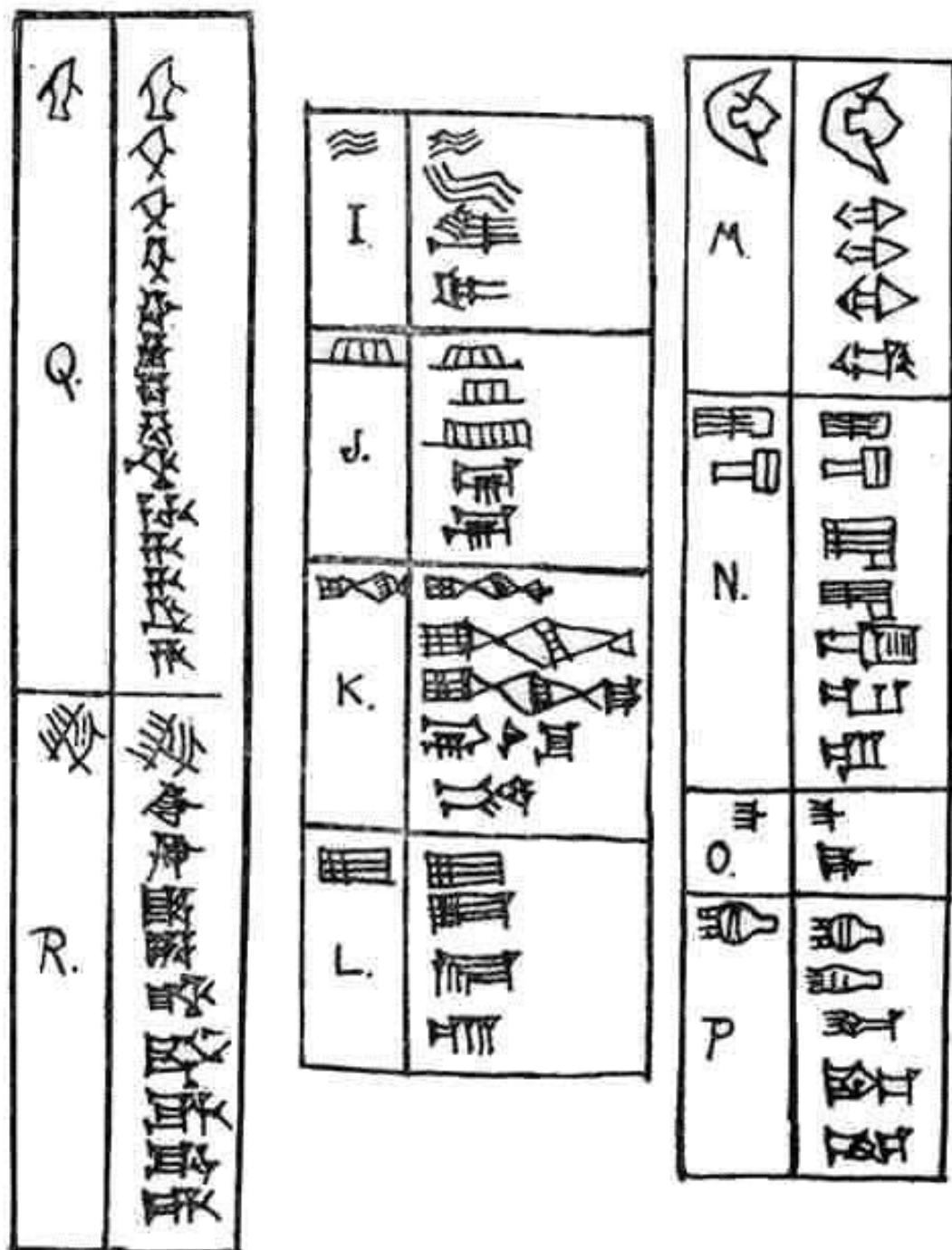

Рис. 2.- Из Harper's *Old Testament and Semitic Studies*, Vol. II, pp. 241 ff.- С разрешения.

Следующий рисунок ("М") показывает нам накрытый и пышущий паром горшок; следовательно, значение более позднего клинописного знака - "вырываться", "ликовать", "радоваться". "N" вызывает некоторые сомнения, но, вероятно, представляет собой "священническую одежду", поскольку клинописный знак, образованный от нее, является ассирийской идеограммой для "šangu" - "священник". "O" - это, по-видимому, грубое изображение либо короны, либо церемониального зонтика, как эмблемы величия; изображение ассирийского царя в сопровождении раба, в обязанности которого входит держать зонтик над головой своего царственного господина, достаточно знакомо благодаря его частому появлению на барельефах, украшавших стены дворцов. Как бы то ни было, клинописный знак представляет собой обычную идеограмму для "рабу" (корень, который

встречается в Рабшаке, Рабсарисе и т.д.), что означает "великий"; мы уже видели этот знак, соединенный с изображением человека, и оба они вместе означают "царь". В "П" мы видим изображение чаши, в которую вставлены две палочки для розжига с целью их воспламенения от трения; отсюда вытекает значение клинописного знака, развитого из него, - "огонь".

Как уже отмечалось, ассирийские и вавилонские писцы для письма в основном использовали глину, но камень также широко применялся с древнейших до новейших времен. Каменные обелиски, колоссальные статуи быков и львов и, наконец, барельефы, украшавшие стены царских дворцов, как правило, были покрыты надписями, причем клинья иногда достигали двух дюймов. При нанесении надписей на скульптуру резные фигуры полностью игнорировались, надпись высекалась независимо от всех деталей резьбы. Однако камень иногда использовался исключительно в качестве материального носителя для увековечивания юридического соглашения или увековечивания работы какого-нибудь довольного собой вельможи, и таблички из известняка или алебастра существуют в большом количестве, хорошими примерами которых являются таблички Рим-Сина и Син-Гамила, правителей древнего города Ларса.

Межевые камни или земельные знаки составляют еще один интересный класс каменных предметов с надписями. Тексты относятся к вопросам землевладения и передачи собственности, а верхняя часть большинства этих валунообразных памятников рельефно украшена мифологическими эмблемами. Они относятся почти исключительно к касситскому периоду. Иногда на камне, обозначавшем его границу, высекался план поля. Хорошим примером такого межевого камня является камень Навуходоносора I, обнаруженный в Ниппуре и опубликованный В. Дж. Хинке;⁴⁵ еще одним интересным моментом в этом камне является то, что на нем начертан гимн Эн-лилю, богу Ниппура.

Но ни вавилоняне, ни ассирийцы не ограничивались исключительно глиной и известковым камнем в качестве материала для надписей. Иногда для этой цели использовались самые твердые вулканические породы, несомненно, с учетом их долговечности и способности противостоять разрушительному влиянию времени и климата. Так, во время немецких раскопок в Вавилоне была обнаружена плита из долерита размером около полутора футов в квадрате с надписью Адад-нирари, сына Ашур-дана. Также Дунги и Бур-Син, цари Ура (ок. 2350 г. до н.э.), оставили нам надписи, выбитые на твердом диорите, причем сами надписи носят вотивный характер, а в Вавилоне была найдена булава-пуговица из того же материала с надписью в десять строк. Различные статуи и стелы из этих твердых магматических камней, найденные как в Ассирии, так и в Вавилонии, хотя чаще в родной стране, практически всегда содержат надписи. Хорошим примером ассирийской надписи на базальте является надпись на базальтовой статуе Шалманесера II (860-825 гг. до н. э.), которая была обнаружена в ходе недавних раскопок, проведенных Немецким восточным обществом в Ашуре. Опять же, многочисленные каменные ворота-розетки, обнаруженные в руинах ранних зданий в Вавилонии, почти все надписаны именем и титулами того, кто возвел здание, а иногда первоначальная надпись была стерта или стерта, чтобы освободить место для надписи более позднего правителя, который, прекрасно зная о трудностях добычи камня в низменной стране Вавилонии, не был настолько недалек, чтобы выбросить ворота-розетки своего побежденного предшественника, а наоборот, использовал их для своего собственного нового здания. Так, например, ворота-розетка Лугаль-Кигуб-нидуду, раннего царя Шумера, были впоследствии использованы Шар-Гани-Шарри, царем Аккада, при строительстве своего храма в Ниппуре.

Но иногда камни сравнительной редкости, такие как лазурит, использовались в качестве материала для гравировки надписей: так, в Британском музее хранится табличка из этого материала, посвященная Лугаль-тарси, ранним царем Киша, богу Ану и богине Нинни, а в ходе недавних раскопок в Вавилоне были обнаружены два бруска лазурита с рельефами и клинописью. На одном из них изображен стоящий бог, увенчанный короной из перьев и держащий в каждой руке символ молнии, а его одежда украшена тремя щитами, к которым добавлена клинописная надпись из пяти строк; на другом изображен бог в такой же позе и одежде, но держащий на груди посох и кольцо и держащий в правой руке хвост двурогого дракона: Пояс бога украшен фигурами, а на одном из трех щитов, украшающих одеяние, изображены кони, и имеется сопроводительная надпись из восьми строк.

Не обошлось и без использования металла, в основном это бронза и медь. Так, на женских статуэтках из Телло есть надпись, эламская или вавилонская, в зависимости от случая, общий смысл которой заключается в том, что статуэтка посвящена сохранению жизни дарителя: так же и на колоссальном медном наконечнике копья, найденном на том же месте, есть царская надпись, а знаменитые бронзовые ножны ворот из Балавата, относящиеся ко времени Шалманесера II, являются, возможно, самым известным примером клинописных надписей, выгравированных на бронзе. Было найдено множество бронзовых табличек ассирийского периода, а известный бронзовый порог Навуходоносора II представляет нам еще один прекрасный пример надписи, выгравированной на металле. Кроме того, иногда надписи наносились и на более драгоценные металлы, такие как серебро и золото. Надписи на золоте очень редки, но отнюдь не неизвестны. М. де Сарсек, например, нашел золотую пластину с клинописью в Телло, а полоска золота с именем прославленного Нарам-Сина из Агаде была обнаружена в ходе американских раскопок в Бисмае.

Но глиняные таблички с надписями, бесчисленные по количеству и бесконечно разнообразные по размеру, форме и содержанию, намного превосходят по важности все другие виды существующих клинописных надписей. Подробное рассмотрение последних намного превысило бы необходимые рамки этого небольшого тома, но несколько слов можно сказать об основных классах обнаруженных табличек. Их размер и форма иногда указывают на период, к которому они относятся, иногда - на предмет, которому они посвящены. Очень ранний тип представлен табличками, найденными под уровнем здания Ур-Нина в Телло; эти таблички, которые не были запечены в печи и имеют круглую форму, касаются купли-продажи земли. Такие же круглые таблички были найдены немецкими раскопщиками в Фаре, однако они были обожжены, а не высушены на солнце. Такие же округлые таблички из обожженной глины, очевидно, были в моде во времена Бур-Сина, так как было найдено несколько табличек, датированных его правлением и содержащих подробные сведения о некоторых земельных владениях. Но самый распространенный тип глиняных табличек - это таблички прямоугольной формы, иногда квадратные, но чаще продолговатые, и сильно различающиеся по размеру. Планшеты из коллекции Куюнджика, которая представляет собой самую большую и, в некотором смысле, единственную ассирийскую библиотеку, обнаруженную до сих пор, имеют длину от одного до пятнадцати дюймов, многие из них сделаны из тончайшей глины. Письмена иногда очень мелкие, но удивительно четкие и ясные, и в большей или меньшей степени стереотипные. Астрология, астрономия, история, мифология, магия, медицина, математика, молитвы, гимны, списки богов, предзнаменования, лексикография и грамматика - все это хорошо представлено в этой знаменитой библиотеке. Многие из текстов являются копиями более древней вавилонской литературы, сделанными писцами Ашшур-бани-пала и хранящимися в царских архивах. Некоторые из текстов двуязычны: верхняя строка содержит шумерскую идеографическую версию, а нижняя - ассирийский перевод, и эти двуязычные надписи

вместе со слоговыми таблицами позволили ученым разгадать и в какой-то мере прояснить древний шумерский язык.

К 1873 году все ученые были согласны с тем, что клинопись была изобретена не семитскими вавилонянами, а народом, который говорил на агглютинативном, а не инфлексивном языке, языке, который, по крайней мере в этом отношении, был сродни тартарским языкам. Однако в следующем году Жозеф Халеви, известный французский семитолог, выдвинул теорию, которая отрицала существование шумерского языка вообще и объясняла идеографические тексты в двуязычных надписях, о которых уже упоминалось, как тайное письмо, понятное только жрецам; но *prima facie* теории не хватало вероятности и даже правдоподобия. Халеви, правда, выдвинул свою теорию в то время, когда изучение шумерского языка находилось в зачаточном состоянии, хотя вряд ли можно сказать, что оно вышло из детского возраста даже в наши дни, но, несмотря на это, было бы действительно необычно, если бы жрецы приняли меры предосторожности и записали свои тайные знания на загадочном языке, а затем разочаровали себя, подписавшись под ассирийским переводом. Более того, многие шумерские надписи посвящены таким обычным вопросам, что крайне трудно понять, как могла возникнуть необходимость в использовании загадочного языка для их сокрытия. Более готовое объяснение можно найти в теории, принятой большинством современных ученых, - о том, что шумерский язык существовал бок о бок с семитским вавилонским и использовался так же, как сегодня латынь.

Один из классов табличек, которые особенно легко отличить по форме и размеру, - это юридические контракты по обмену землей, скотом и имуществом любого рода. Они имеют небольшой размер, продолговатую форму, обе стороны слегка вогнуты, и в целом по внешнему виду напоминают небольшую узкую подушку. Многие из этих договорных табличек были вложены в глиняные конверты, чтобы обеспечить их сохранность. Когда вавилоняне заключали договор, стороны обращались к юристу или жрецу, и условия соглашения излагались на глиняной табличке, которая хранилась либо в храме, либо в камере записей; кроме того, она защищалась глиняным конвертом, на котором копировались в двух экземплярах условия, записанные на табличке; таким образом, принимались все меры для обеспечения сохранности оригинального документа. Иногда текст на конверте несколько отличается от того, что содержится в самом документе, и в таких случаях конверты представляют не только чисто архаический интерес, но и реальную лингвистическую ценность. С договора делались одна или две копии, которые хранились у одной или обеих договаривающихся сторон. Договор подписывали свидетели, один из которых был писцом, составлявшим документ и скреплявшим его печатью. Как правило, печать ставилась путем прокатывания небольшой цилиндрической печати по еще влажной табличке, хотя иногда оттиск печати наносился на трехгранный глиняный конус, который прикреплялся к табличке с помощью трости, вставленной в вершину конуса, а другой конец трости соединялся с табличкой куском влажной глины. Многие из этих договорных "футлярных" табличек относятся ко временам Хаммурапи, самого знаменитого царя Первой династии Вавилона (ок. 1900 г. до н. э.). Некоторые из конвертов этих табличек несут отпечаток цилиндрической печати, хороший пример которой можно найти на табличке с записью продажи участка земли Син-эрибамом и его братом Син-икишамом (Brit. Mus. No. 92649). Глина на табличках этого типа, как правило, несколько темного цвета, и символы часто трудно читаемы.

Британский музей

Надписи на глине, иллюстрирующие размеры и формы табличек и т. д., использовавшихся вавилонянами и ассирийцами

Поздние, или неовавилонские, юридические и коммерческие документы отличаются большим разнообразием размеров и форм, чем те, что относятся ко времени Первой династии Вавилона. Они, как правило, продолговатые, но на небольших табличках текст обычно написан таким образом, что каждая строка занимает всю длину таблички, а не ее ширину. Более крупные юридические документы этого периода иногда начертаны на табличках совершенно исключительной толщины, их общий размер и форма не похожи на старый латинский молитвенник.

Но договоры были не единственным видом надписей, защищенных глиняным конвертом или "футляром"; письма и депеши иногда пользовались тем же соображением. Как и договоры, письма писались на небольших продолговатых табличках, таких, которые можно было легко передать через вавилонскую и ассирийскую почту, то есть унести с собой гонцу, в обязанности которого входило доставить письмо по назначению. Как и следовало ожидать, на конверте в этом случае указывалось имя человека, которому было адресовано письмо, а иногда и имя отправителя, подобно тому, как в наши дни на конвертах писем иногда ставятся инициалы. Многие из этих писем носят королевский характер и исходят от королей и принцев. До нас дошло довольно много писем и депеш от первых вавилонских царей к их

чиновникам и правителям. Они касаются самых разных вопросов: в одном из них Хаммурапи пишет Син-Идиннаму, приказывая ему отправить в Вавилон сорок семь пастухов, чтобы они дали отчет царю о стадах, находящихся под их опекой (Brit. Mus. No. 23122). В другом письме царь обращается к тому же принцу с указанием арестовать трех чиновников и отправить их в Вавилон, а в другом Хаммурапи пишет Син-Идиннаму с приказом восстановить в прежней должности некоего пекаря. Сохранилась и часть официальной переписки Син-Идиннама. В одном из них он приказывает чиновнику вызвать определенного человека в суд (Brit. Mus. No. 12868). Очевидно, что обязанности Син-Идиннама были весьма разнообразны и, должно быть, достаточно тяжелы. В одной из этих депеш Хаммураби приказывает Син-Идиннаму срубить несколько деревьев "абба", необходимых плавильщикам металла (Brit. Mus. No. 26234). В другой он приказывает тому же человеку позаботиться о сборе экипажей для транспортных барж (Brit. Mus. No. 27288). Другие содержат инструкции по ремонту берегов Евфрата в различных местах. Но его обязанности не были исключительно гражданскими; в его ведении находились и судебные дела; так, ему пишет царь по поводу спора между домовладельцем и арендатором о выплате арендной платы за землю, а он постоянно получает приказы об аресте провинившихся чиновников и других провинившихся лиц. В одном из писем (Brit. Mus. № 12827) Хаммурапи приказывает Син-Идиннаму перенести дату судебного разбирательства по причине присутствия истца, некоего Или-Иппалзама, в городе Ур на определенном празднике.

В другом месте (Brit. Mus. No. 12841) Хаммурапи докладывает тому же перегруженному чиновнику, что некие лица аннулировали закладную, и требует немедленного присутствия в Вавилоне Энуби-Мардука, который получил их земли по закладной. Многие из писем этих первых вавилонских царей содержат царские пожелания относительно даты стрижки овец или жатвы кукурузы, а также указания относительно оросительных каналов.

В одном из писем Самсу-илуна (Brit. Mus. No. 27269) приказывает Син-Идиннаму и судьям Сиппара запретить определенным рыбакам ловить рыбу в запретных водах; в других случаях тем же судьям предписывается отправить конкретное дело на суд в столицу (ср. Brit. Mus. No. 27266). Другим собранием писем, написанных клинописью на глиняных табличках, являются знаменитые письма Телль-эль-Амарны, - как правило, несколько большего размера и менее четко выраженной продолговатой формы, чем обычные вавилонские депеши. Большинство из них прямоугольные, хотя некоторые овальные. Некоторые из них выпуклые с обеих сторон, некоторые плоские с обеих сторон, а другие плосковыпуклые или подушкообразные. Эти таблички были обнаружены в Телль-эль-Амарне в Египте; они представляют собой почти все, что осталось от официальной и дипломатической переписки, которая велась между фараонами Аменхетепом III и Аменхетепом IV из Восемнадцатой династии (то есть они относятся к четырнадцатому или пятнадцатому веку до нашей эры), и их различными чиновниками и вассалами в Палестине. Некоторые из табличек, найденных в Телль-эль-Амарне, содержат письма от вавилонского царя, от царя Митани, от царя Алашии и других царственных особ, но поскольку они представляют в основном палестинский и египетский интерес, их подробное рассмотрение было бы неуместным в данном томе.

Среди сохранившихся больших прямоугольных глиняных табличек есть и те, что содержат слоговые таблицы. Из-за ухудшения и упрощения клинописных знаков, которые происходили с течением времени, ассирийские писцы сочли необходимым составить списки ранних вавилонских знаков, добавив к ним то, что они считали более поздними ассирийскими эквивалентами. Большинство этих слоговых таблиц состоит из трех колонок; в средней колонке приводится объясняемый ассирийский знак, слева - его шумерское значение, а в правой - либо ассирийское название знака, либо его ассирийское значение, а

иногда и то, и другое. Эти слоговые таблицы, очевидно, имеют огромное значение для реконструкции древнешумерского языка.

Среди других табличек ненормально большого размера - те, что посвящены астрологии, магии и медицине: два последних предмета неразрывно связаны между собой из-за того, что они шли рука об руку; лекарства выписывались и принимались, но одного лекарства было недостаточно для излечения пациента, это могло быть сделано только с помощью мощных заклинаний мага.

Но самые большие глиняные таблички происходят из Вавилонии и содержат списки счетов, в основном касающихся зерна, крупного рогатого скота, ослов, ягнят, овец. Некоторые из этих табличек совершенно квадратные и достигают фута в длину, в то время как почти все они скорее квадратные, чем продолговатые: глина, из которой они сделаны, прекрасного качества, а вавилонские символы, которыми они начертаны, необычайно четкие. Большинство из них можно отнести ко второй половине третьего тысячелетия до н.э., а многие из них конкретно датируются временем правления Дунги, царя Ура около 2400 г. до н.э. Но, как уже говорилось, таблички не всегда были прямоугольными; иногда они принимали круглую форму. Такие таблички обычно написаны на шумерском языке и содержат списки земельных владений и полей, с информацией об их размерах, способности давать урожай и другими подробностями. Многие из этих круглых табличек датированы, причем год получил свое название в честь какого-то примечательного события, как это было принято на заре вавилонской цивилизации. Так, многие из этих списков датированы "в год после того, как земля Хухнури была опустошена", и были составлены в царствование Бур-Сина и других царей Ура, то есть во второй половине третьего тысячелетия до нашей эры.

Глина, из которой сделаны эти таблички, - тончайшая, а письмо - очень четкое; их диаметр варьируется от двух до шести дюймов, они овальные с одной стороны и более или менее плоские с другой.

На других больших прямоугольных табличках начертаны списки основных событий правления различных царей, которые, очевидно, имеют огромное значение для реконструкции вавилонской и ассирийской истории. Одна из табличек этого класса (Brit. Mus. No. 92702) дает нам список главных событий, после которых названы различные годы правления Суму-абуб, Суму-ла-илу, Забума, Апил-сина, Син-мубаллита, Хаммурапи и Самсу-илуна, царей первой династии Вавилона (примерно конец третьего и начало второго тысячелетия до н.э.). Другая книга того же класса (Brit. Mus. No. 92502) дает нам список основных событий, происходивших в Вавилонии и Ассирии с третьего года правления Набонассара, царя Вавилона 744 г. до н.э., и первого года правления Шамаш-шум-укина, современника Ашшур-бани-пала (668 г. до н.э.). Одним из самых интересных событий, о которых здесь говорится, является убийство Сеннахериба его сыном в 20-й день месяца Тебет и в 23-й год его царствования. Среди других исторических документов первостепенной важности на первое место следует поставить табличку, известную под названием "Синхроническая история". Этот документ представляет собой соглашение, составленное примерно во времена Ашшур-бани-пала, и его целью было урегулирование пограничных споров между Вавилонией и Ассирией, а его историческая ценность заключается в кратком описании различных конфликтов и союзов между двумя странами примерно в 1600-800 гг. до н.э. Еще одна большая прямоугольная табличка (K. 3751), представляющая исключительный интерес как для историка, так и для библейского студента, - это документ, в котором Тиглат-Пилесер III, царь Ассирии 745-727 гг. до н.э., дает нам отчет о своих строительных работах и завоеваниях и упоминает "Ахаза, царя Иуды" в качестве одного из своих князей-вкладчиков. Эта табличка, должно быть, была очень большой в законченном виде, так как размер того,

что от нее осталось, составляет девять дюймов на семь с половиной. Самая большая табличка в коллекции Куюнджика, однако, не имеет исторического характера, а содержит список имен и титулов различных богов, и в своем нынешнем фрагментарном состоянии достигает пятнадцати дюймов в длину.

Другие клинописные надписи были написаны на кусках глины в форме конусов. Большинство этих терракотовых конусов датируется временем правления династии Ура, то есть второй половиной третьего тысячелетия до н. э. Два хороших примера такой клинописи носят имя Син-гашида, царя Эреха, и содержат запись о посвящении храма богу Лугаль-банде и богине Нинсун, а также цены на шерсть, зерно, масло и медь во время правления Син-гашида (Brit. Mus. 91, 150). На другом конусе из обожженной глины написано имя Син-идиннама, царя Ларсы около 2300 г. до н. э., и также зафиксировано посвящение храма - в данном случае богу Солнца, поскольку Ларса была одним из главных центров поклонения богу Солнца. Но эламиты-завоеватели, которые во многом подражали своим покоренным врагам, вавилонянам, также переняли практику писать клинопись на глиняных конусах; пример эламского конуса мы можем сравнить с Brit. Mus. 91, 149, который носит имя Кудур-Мабуг. Но привычка писать надписи на глиняных конусах не прекратилась в этот период, по крайней мере, не навсегда, поскольку существует подобный конус с именем неовавилонского царя Набополассара (625-604 гг. до н. э.), и, как и более древние конусы, на нем записано посвящение храма, на этот раз храма Мардука в Вавилоне. (Brit. Mus. No. 91 090.)

Но вавилонские и ассирийские надписи на глине не всегда имели форму прямоугольных или круглых табличек; часто они принимали форму больших шестиугольных, восьмиугольных или десятиугольных призм, а в случае Вавилонии - бочкообразных цилиндров. В Вавилонии и Ассирии было принято помещать эти большие глиняные памятники в четыре угла фундамента здания, хороший пример такой практики был найден в Мухейере (Ур): цилиндры из Ура были помещены в четыре угла фундамента храма Сина, бога Луны, Набонидом, и они фиксируют перестройку храма Набонидом (555-538 гг. до н. э.). Текст находит достойное завершение в молитве к богу, чей храм он восстанавливает, от имени своего старшего сына Бал-Шар-Ура, библейского Белшаззара. Три восьмиугольные призмы из обожженной глины рассказывают о походах и строительных работах Тиглата-Пилесера I, царя Ассирии около 1100 г. до н. э. (Brit. Mus. 91033-91035). На другой призме начертан отчет о походах Саргона, царя Ассирии 721-705 гг. до н. э. (Brit. Mus. No. 22505), а фрагменты восьмиугольной призмы того же царя, также хранящиеся в Британском музее (К. 1668 и др.), представляют особый интерес тем, что в них приводится собственный отчет Саргона о его походе против филистимского города Ашдод, о котором говорится в книге Исаяи XX. I. Иуда упоминается как один из союзников Ашдода, но ассирийцы в конечном счете добились успеха в усмирении непокорного города. Преемник Саргона, Сеннахериб (705-681 гг. до н. э.), также стал записывать свои военные достижения на больших глиняных призмах, и самый интересный документ его правления сохранился на шести гранях шестиугольной призмы, хранящейся сейчас в Британском музее (91032). В нем говорится о поражении вавилонского царя Меродах-Баладана и покорении различных других народов, но особый интерес к этому цилиндру заключается в ссылках на палестинскую кампанию 2 Царств xviii. Сеннахериб утверждает, что он жестоко наказал непокорный народ Экрона и восстановил изгнанного Пади на своем троне; затем он напал на Езекию в Иерусалиме, "царском городе его"; он осадил Иерусалим и закрыл Езекию, как птицу в клетке, но, несмотря на эту демонстрацию, он явно не смог открыть клетку и схватить птицу. Однако на Езекию, похоже, это произвело должное впечатление, и он поспешил откупиться от Сеннахериба подарками и данью: "тридцать талантов золота, восемьсот талантов серебра, драгоценные камни, краски для

глаз... кушетки и троны из слоновой кости, шкуры и бивни, драгоценные породы дерева и различные предметы", а также его дочери, его женщины, мужчины и женщины-музыканты - очевидно, такова была цена.

Еще одна интересная восьмиугольная призма этого же короля была недавно приобретена Британским музеем (№ 103 000). Она содержит информацию о двух кампаниях, не описанных в других источниках. Первая из них, состоявшаяся в 698 году до н. э., была предпринята для подавления восстания в Киликии; кампания была полностью успешной, и ассирийская власть была полностью восстановлена в этих регионах. Интересно отметить, что город Тарс был одним из тех, которые Сеннахериб разграбил по этому случаю. Вторая кампания состоялась три года спустя, в 695 году до н. э., и завершилась осадой и взятием некоего города под названием Тил-Гаримум в земле Тубал, который лежал к северо-востоку от Киликии. Мы также располагаем отчетом о перестройке и укреплении Ниневии Сеннахерибом, который содержит ценную информацию о внутренней и внешней стене города, а также о расположении и названиях пятнадцати ворот. Он датирован в эпонимии⁴⁶ Илу-Иттиа, ассирийского правителя Дамаска. Этот цилиндр, по-видимому, был зарыт как памятник фундаменту в конструкции одних из городских ворот, о которых идет речь в тексте.

Эсархаддон, сын и преемник Сеннахериба, также оставил нам ряд шестигранных призм, имеющих историческое значение. Одним из главных событий, о которых повествуют цилиндры Эсархаддона, является осада и взятие Сидона и покорение прилегающей к нему страны. Ашшур-бани-пал, знаменитый сын и преемник Эсархаддона, оставил нам ряд цилиндров и призм, но, безусловно, наиболее важной является та, на которой начертан рассказ о главных событиях начала его правления (Brit. Mus., No. 91 026). Здесь мы имеем запись о его первом и втором египетских походах, о поражении, которое он нанес Тирхаку, эфиопскому царю Египта, и о разграблении Фив, столицы страны. Также рассказывается о взятии Тира и о походе против Те-Уммана, царя Элама, которого Ашшур-бани-пал убил и чья отрубленная голова висит на дереве на барельефе, где Ашшур-бани-пал и его жена возлежат за мясом в своем саду. Также рассказывается об осаде и взятии Вавилона, царь которого Шамаш-шум-укин сбросил с себя сюзеренитет Ассирии; описывается завоевание Аравии и окончательный триумф ассирийского оружия над Эламом, а завершается текст рассказом о строительных работах Ашшур-бани-пала.

Мы уже упоминали о глиняном цилиндре, принадлежавшем неовавилонскому царю Набониду, а другой цилиндр того же царя, который обсуждался в другом месте (см. с. 7), не менее примечателен, поскольку на его содержимом основана полная система хронологии. Навуходоносор II, царь Вавилона 604-561 гг. до н. э., принадлежавший к той же династии, также оставил нам ряд бочкообразных цилиндров, надписи на которых в основном касаются перечисления его строительных достижений, а на цилиндр Кира, персидского завоевателя Вавилонии (538 г. до н. э.), уже делалась ссылка в другом месте (см. с. 74). Но практика написания клинописных надписей на цилиндрах из обожженной глины не прекратилась даже при персидских царях Вавилонии, поскольку у нас есть цилиндр (Brit. Mus. 36277) с надписью архаичными вавилонскими буквами Антиоха Сотера, царя Вавилонии около 280 года до н. э.; в нем говорится о восстановлении храмов Э-Сагила и Э-зида в Вавилоне и Борсиппе в 270 году до н. э. и завершается молитвой богу Небо от имени Антиоха, его сына Селевка и его жены.

Но кроме прямоугольных, круглых, бочкообразных, цилиндрических и конусообразных глиняных надписей существуют и другие разновидности. Среди них заслуживает

упоминания четырехгранный блок из глины, образующий вытянутое подобие куба, высота которого 9-1/2 дюйма, а ширина каждой из четырех сторон 3-3/4 дюйма (Brit. Mus. No. 92611); его дата - около 2100 г. до н. э., и он испещрен списками названий рыб, птиц, растений, камней и предметов одежды.

Еще один уникальный предмет - глиняная модель копыта быка (Brit. Mus. No. R. 620), на которой начертаны предсказания. Несколько похожий предмет находится в глиняной модели печени овцы, также хранящейся в Британском музее (№ 92 668); надпись, которую она несет, носит магический характер, и этот предмет, вероятно, использовался для гадания. Другие таблички, хотя и не вылепленные в форме овечьей печени, имеют вырезанные контуры различных частей печени. Гепатоскопия, или практика извлечения предзнаменований из формы, размера или состояния печени, была одной из самых популярных форм магии среди вавилонян и ассирийцев.

Планы городов, похоже, иногда рисовали на глиняных табличках, хорошим примером чего может служить табличка, найденная в Ниппуре, с планом этого города, который, несмотря на свою древность, в немалой степени помог работе раскопщиков. Другой пример - фрагмент из Британского музея (№ 35385), на котором до сих пор можно увидеть план части города Вавилона. Иногда это просто план усадьбы (ср. Brit. Mus. No. 31483), но в одном случае предметом изображения является сам мир (Brit. Mus. No. 92687), наиболее интересной особенностью которого с географической точки зрения является окружающий мир океан - вавилоняне считали, что земля окружена водой и, по-видимому, опирается на нее: сама земля по форме напоминала перевернутое блюдо, а небеса имели ту же форму, с той лишь разницей, что они были явно более обширными, и нижние края опирались на саму землю, а край земли опирался на океан.

Иногда амулеты изготавливали из глины, хороший пример которого находится в Brit. Mus. No. 85-4-8, 1; он имеет форму цилиндра-печати, и на нем написано заклинание для Шамаша-Киллани.

Другие глиняные предметы с надписями известны как астролябии или инструменты для астрологических расчетов.

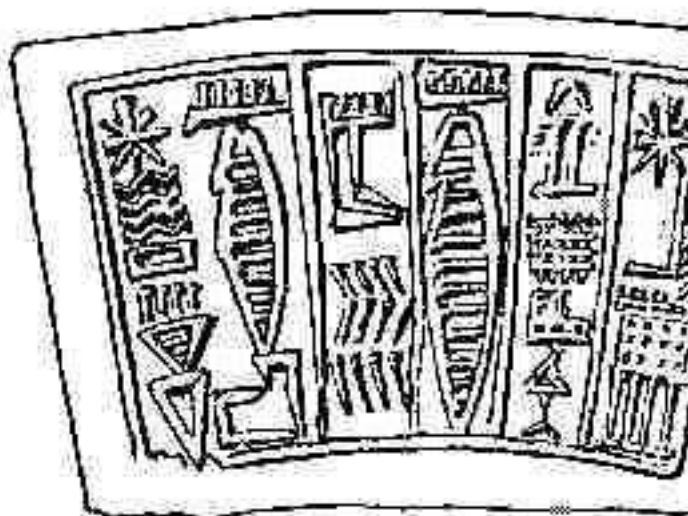

Рис. 3.

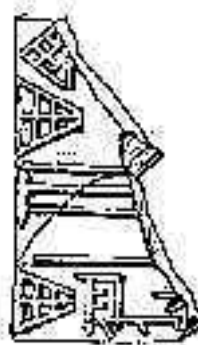

Рис. 4. (Brit. Mus., 103040.)

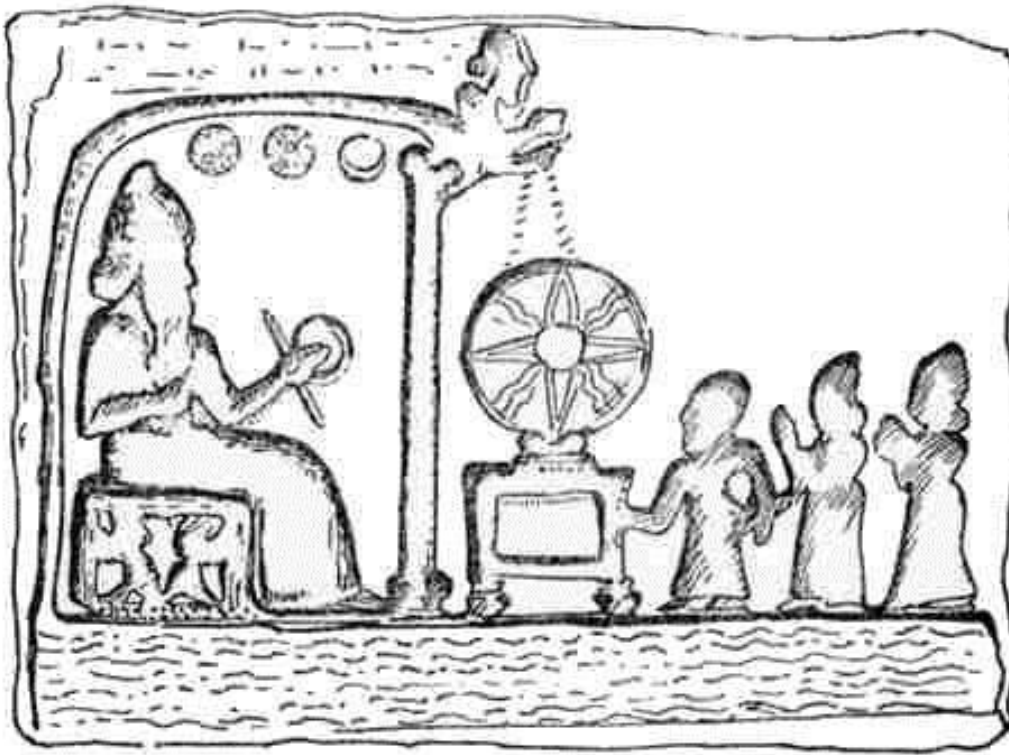

Рис. 5. (Brit. Mus., 91102.)

Этикетки также были сделаны из глины: две маленькие глиняные этикетки (Brit. Mus. К. 1400, К. 1539) дают нам названия двух серий астрологических табличек и табличек предзнаменований; другая (К. 3787) дает нам имя Хипы, женщины-рабыни; она датируется 11-м годом Мардук-аплу-иддина, т.е. ок. 710 г. до н. э. Существуют различные глиняные предметы, которые не относятся к терракотовым фигуркам или глиняным барельефам, и поэтому могут быть упомянуты здесь. Иногда глиняные выдавливания или оттиски делались с ранних надписей; прекрасный пример таких выдавливаний был приобретен несколько лет назад Пенсильванским университетом (см. рис. 3);⁴⁷ это выдавливание, сделанное неовавилонским писцом шестого века до н.э. с надписи, принадлежащей Шар-Гани-Шарри, царю Аккада. Иероглифы, разумеется, рельефно выведены и читаются задом наперед. В другом месте упоминаются глиняные штампы, которыми вавилонские цари имели обыкновение наносить надписи на свои строительные кирпичи: интересный образец глиняного штампа показан на рис. 4. Это фрагмент печати, принадлежавшей Нарам-Сину, сыну Шар-Гани-Шарри. Символы здесь, конечно, рельефные и перевернутые, как на печати. Еще один глиняный предмет, представляющий исключительный интерес, показан на рис. 5; это глиняное покрытие, сделанное по приказу Набополассара, вавилонского царя 625-604 гг. до н. э., для сохранения каменной таблички его предшественника Набу-аплу-иддина (ок. 870 г. до н. э.). Предположительно, именно во время работ по восстановлению храма бога Солнца в Сиппаре он наткнулся на эту раннюю табличку. На глиняной крышке с обратной стороны выбита надпись Набополассара и записаны различные подношения, которые он положил в святилище бога Солнца. Сама крышка была найдена в коробке из обожженной глины, также хранящейся в Британском музее и, вероятно, относящейся к тому же царствованию. Глина использовалась скульптором для предварительных набросков, а камнеписцем - для грубых черновиков. Так, скульптор, которому мы обязаны изображением Ашшур-бани-пала, царя Ассирии, колющего льва, набросал свое изображение в глине перед тем, как высечь его на каменных плитах, и его первоначальный эскиз сохранился до сих пор (см. Brit. Mus. 93011), в то время как мы все еще можем видеть два черновых наброска на

глине эпитафий, начертанных на барельефах Ашшур-бани-пала (см. Brit. Mus. Sm. 1350 и K. 4453 + K. 4515).

ГЛАВА V - АРХИТЕКТУРА

Архитектура страны во многом определяется материалами, которыми природа наделила эту страну; на нее также влияет конфигурация самой страны и климат, влияние которого строитель должен регулировать или противодействовать. Физические характеристики Месопотамской долины, а также преобладающие там климатические условия уже рассматривались, но, возможно, будет не лишним посвятить несколько страниц обзору материалов, которые использовались для строительства, прежде чем мы перейдем к обсуждению руин самих зданий.

Уже говорилось, что в низменной и болотистой местности Вавилонии практически нет камня, поэтому он никогда не занимал важного места в вавилонской архитектуре; любой необходимый камень приходилось добывать далеко в горах и перевозить с большими затратами, поэтому его использовали только в исключительных случаях, когда требовалась постоянная прочность. Поэтому, как правило, использовался диорит, базальт или другой твердый камень вулканического происхождения, что разительно отличается от более мягкого камня, который так свободно использовали ассирийцы. Ассирия, напротив, была более удачлива в этом отношении и имела очень хорошие запасы известняка и алебастра, которые широко использовались ее скульпторами и строителями, хотя глина, которую так легко достать по всей долине, была единственным обязательным элементом при возведении храмов, дворцов или домов в обеих странах. Поставки древесины также были крайне скудными не только в Вавилонии, но и в Ассирии, и любое дерево, используемое для колонн, перемычек или порогов, обычно привозилось из Ливана, Амануса или других отдаленных мест.

Таким образом, мы видим, что искусство кирпичного строительства было почти навязано жителям Месопотамии в силу самой необходимости.

Глина, используемая для этих целей, отнюдь не была однородной ни по цвету, ни по качеству. Иногда она светло-желтого цвета, иногда почти черная, в то время как глина, из которой делают другие кирпичи, имеет красноватый оттенок. Кирпичи из светло-желтой глины являются лучшими с точки зрения прочности. Кирпичи также различаются по размеру и форме в зависимости от периода, к которому они относятся, так что часто можно предварительно определить дату постройки или остатков здания, изучив стиль использованного кирпича. Тип кирпича, характерный для ранних периодов шумерской истории, известен как планочно-выпуклый⁴⁸; так, обожженные в печи кирпичи, из которых было сложено хранилище Ур-Нина, первого царя Лагаша, продолговатые и планочно-выпуклые, а на выпуклой стороне каждого из них сохранился отпечаток следа большого пальца.

Но еще более ранняя форма кирпича⁴⁹ была найдена в здании под хранилищем Ур-Нина: кирпичи, из которых было сложено это здание, действительно были плосковыпуклыми, как и кирпичи Ур-Нина, но они были меньше, не имели следов большого пальца или пальцев и, к сожалению, не были надписаны.

В Мухейере (Ур) Тейлор наткнулся на мостовую из плосковыпуклых кирпичей, о древности которой свидетельствовал как внешний вид этого типа кирпичей, так и глубина под поверхностью, на которой была найдена платформа. Этот раскопщик обнаружил подобные кирпичи в Абу Шахрейне (Эриду), что еще раз подтверждает традиционную древность некогда знаменитого города Эа. Раскопки в других ранних местах также дали те же результаты; в Фаре (Шуруппак), традиционном месте потопа, а также в Йокхе, Бисмае и в досаргонических слоях Ниппура были найдены кирпичи того же стиля.

Но с распространением семитов, кульминацией которого стало создание империи Шар-Гани-Шарри и его сына Нарам-Сина, сравнительно небольшой, продолговатый и плосковыпуклый кирпич вышел из употребления и уступил место большому квадратному кирпичу. Непосредственно под платформой из сырцового кирпича Ур-Энгур (ок. 2400 г. до н. э.) в Ниппуре была обнаружена часть ранних работ Нарам-Сина и Шар-Гани-Шарри. Кирпичи использовались уже не плосковыпуклые и продолговатые, а плоские и квадратные, размером 20 x 20 x 3-1/2 дюйма; они сделаны из глины, смешанной с соломой, и в то же время хорошо высушены и очень твердые; этот тип кирпича использовался во всех постройках этих двух царей.

Следующий период в истории вавилонского кирпичного производства относится ко времени правления второй династии Лагаша и первой династии Ура (т.е. около 2450 г. до н.э.). Тип кирпича, характерный для этой эпохи, напоминает предыдущий по форме, но не по размеру. Кирпичи Ур-Энгур, царя Ура, и Гудеа, самого знаменитого правителя второй династии Лагаша (ок. 2450 г. до н. э.), квадратные, как у их семитских предшественников, Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, но гораздо меньше, размером чуть более 12 x 12 дюймов, и этот маленький квадратный кирпич оставался в употреблении, с небольшими изменениями, до конца месопотамской истории. Переход от большого кирпича, использовавшегося царями Агаде, к маленькому кирпичу, о котором идет речь, несомненно, происходил постепенно, поскольку кирпичи Ур-бау, правителя Лагаша за некоторое время до Гудеа, больше, чем кирпичи последнего царя, но после Гудеа и Ур-Энгур форма и размер кирпичей стали более или менее стереотипными. Кирпичи самого Ур-Энгур несколько отличаются от кирпичей Гудеа: так, сплошная масса, лежащая в основе храма-башни в Ниппуре, который был построен Ур-Энгуром, состоит из кирпичей размером всего 9 x 6 x 3 дюйма, а рукава мостовой, напротив, построены из более крупных кирпичей размером 14 x 14 x 6 дюймов. Для важных частей здания в Вавилонии всегда использовался обожженный кирпич, а грубые кирпичи, высушенные на солнце, которые, как правило, составляли основу террасных платформ, были облицованы стеной из обожженного кирпича или иногда, в случае Ассирии, опорной стеной из камня. Причина этого, конечно же, заключалась в неспособности высушенного на солнце кирпича противостоять сырости, а также в его склонности к разрушению. Кирпичи, как правило, переносили на землю, как только они становились достаточно сухими и твердыми, и укладывали, пока они еще были мягкими.

Как правило, на кирпичах написано имя царя, по приказу которого было построено сооружение. Так, на большинстве кирпичей Навуходоносора, царя Вавилона (604-561 гг. до н. э.), есть надпись: "Навуходоносор, царь Вавилона, восстановитель пирамиды и башни, старший сын Набополассара, царя Вавилона, я". Интересно отметить, что хотя на плитках западной стороны дворца Навуходоносора в Вавилоне стоит обычная печать этого царя, на плитках восточной стороны изображен лев и арамейская надпись. Колдевей действительно говорит, что нет никаких сомнений в том, что эта часть здания также была возведена Навуходоносором, поскольку там были найдены настенные плитки с обычной дворцовой надписью царя. Однако профессор Ютинг, исходя из форм арамейских иероглифов, отнес бы

эти кирпичи с арамейскими надписями к середине седьмого века, то есть примерно к 650 году до н. э. Ни на одном из кирпичей, найденных на кургане Каср, нет печати ассирийских царей, последние, очевидно, оставили свои следы только на кирпичах пола Э-сагилы, храма Мардука. Иероглифы, как правило, оттискивались штампом, хотя на ассирийских и вавилонских кирпичах надпись иногда гравировалась вручную. Штампы изготавливались из терракоты; хорошо сохранившимся образцом терракотового штампа является штамп Нарам-Сина, упомянутый выше (см. рис. 4), терракотовый штамп Шар-Гани-Шарри, отца Нарам-Сина, был обнаружен в Ниппуре, а одним из незначительных результатов экспедиции в Бисмаю под руководством Харпера стало обнаружение нескольких глиняных штампов. Многие ассирийские и вавилонские кирпичи покрыты глазурью или эмалью и раскрашены самым нарядным образом, с самыми поразительными рисунками и узорами, но их рассмотрение, естественно, займет место в главе, посвященной "Живописи".

Иногда архитекторы Вавилонии приспосабливали глину, используемую в строительстве, для декоративных целей. Так было в Варке (Эрех), где Лофтус обнаружил стену длиной около тридцати футов, полностью состоящую из глиняных конусов, закрепленных в цементе из грязи и соломы, и уложенных горизонтально основаниями наружу. Некоторые из этих конусов были окрашены в красный или черный цвет и выложены в виде различных геометрических узоров. Иногда на них были надписи, иногда нет. Но глиняные конусы, по-видимому, были не единственным видом конусов, использовавшихся для архитектурных украшений, поскольку во время раскопок в Абу Шахрейне Тейлор⁵⁰ обнаружил конусы из известняка и мрамора, некоторые из которых имели "обод по краю, заполненный медью"; длина этих конусов варьируется от четырех до десяти дюймов, а диаметр - от одного до трех дюймов.

МОРТАРЬ

Слои и ряды глиняных кирпичей, из которых по большей части состояли здания в Месопотамии, в самые ранние времена скреплялись грязью; эту глиняную грязь обычно можно отличить от кирпичей, которые она соединяет, по разнице в цвете. Грязевой раствор был найден на некоторых из самых ранних участков и в некоторых из самых древних зданий, а в Ассирии он, похоже, был обычной формой цемента, используемой во все времена. В городе Вавилоне, как ни странно, глиняный раствор, похоже, использовался вместо извести или асфальта в поздних постройках сасанидских времен. Этот глиняный раствор состоял из глины, смешанной с водой и, возможно, с небольшим количеством соломы, как это было в конусной стене в Варке,⁵¹ а иногда между кирпичами прокладывали тростник, утопленный в глине, как это было в Варке и Хаммаме, но в чрезвычайно отдаленный период вавилонский архитектор начал использовать богатые запасы битума, безвозмездно предоставляемые почвой его родной земли, для рассматриваемой цели.

Самыми известными битумными источниками в Месопотамии были источники на Евфрате. Их слава достигла Египта еще во времена XVIII династии, поскольку Тотмес III привез оттуда битум в Египет. Геродот тысячелетие спустя - около 450 г. до н. э. - упоминает о том, что Хит славится своим битумом, и последующие авторы также упоминают об этих источниках. Хороший пример раннего использования битума в Вавилонии был найден в Абу-Шахрейне, на месте древнего Эриду, где Тейлор раскопал очень раннее здание, древность которого была доказана досаргонскими плосковыпуклыми кирпичами, использованными в его строительстве, и все эти кирпичи были уложены в битум; то же самое было обнаружено в

здании из кирпичей с пальцевыми метками в Уре (Мухейер), все из которых были уложены в битум.

Платформа, на которой было возведено хранилище Ур-Нина в Телло, состояла из трех слоев плосковыпуклых и пальцевых кирпичей, уложенных на битум, а в здании под хранилищем Ур-Нина битум также использовался свободно.⁵²

Подобным образом в Ниппуре кирпичи, из которых были построены городские ворота, были уложены на битум, хотя кирпичи, составляющие раннюю арку, найденную на этом месте, были уложены на грязь, что, вероятно, свидетельствует о том, что в то время, когда арка была построена, битум не использовался; С другой стороны, вокруг основания зиккурата Ур-Энгура было покрытие из битума, а грубый кирпичный алтарь, найденный Хейнсом в самом нижнем слое в Ниппуре, имел обод из битума; но в более поздние времена он был дополнен более стойким известковым раствором, хотя лишь частично, так как даже во времена Навуходоносора (604-561 гг. до н. э.) его практическая польза как раствора была невелика. до н. э.) его практическая польза как средства защиты от разрушительных сил дождя все еще признавалась: подпорные стены из обожженного кирпича его дворца в Вавилоне были фактически выложены битумом. Таким же образом кирпичи, составляющие старую крепостную стену, стали клейкими благодаря обильному использованию асфальта, настолько клейкими, что зачастую их очень трудно отделить друг от друга. К счастью, сторона, на которой выбита надпись, обращена вниз и поэтому не находится в непосредственном контакте с асфальтом, от которого ее отделяет слой тростника и глины, о котором уже упоминалось.

В более поздних постройках Вавилона, однако, также используется известковый раствор, причем переходный период отмечен применением обоих в одном и том же здании, и Колдевей обнаружил, что в случае одной из стен здания Навуходоносора одна половина стены была скреплена асфальтом, а в другой половине использовался только известковый раствор. Но в новом замке, который Навуходоносор построил для себя на Касре, использовались самые лучшие материалы, кирпичи бледно-желтого цвета и очень прочные, в отличие от кирпичей, использовавшихся в его прежних постройках, красновато-коричневого цвета и менее прочных, а в этом новом сооружении использовалась только белая известь-мертель. В Ниппуре, как и в Бирс-Нимруде (Борсиппа), использовался известковый раствор, а также глинобитный цемент и битум, причем раствор обладал такими клеящими свойствами, что кирпичи можно было разделить, только разбив их, а в Мухейере (Ур) использовался раствор, состоящий из смеси извести и золы.

В Ассирии, с другой стороны, раствор, по-видимому, использовался более экономно; когда в качестве строительного материала использовался камень, как правило, не применялся какой-либо цемент, а камни тщательно обтесывались, чтобы не было промежутков, как, например, в случае с каменной подпорной стеной вокруг зиккурата в Нимруде; Если использовался обычный сырцовый кирпич, то его укладывали в достаточно влажном состоянии, чтобы он стал клейким; если же речь шла об обожженном кирпиче, то в качестве раствора использовалась смесь глины и воды. Битум, однако, был отнюдь не неизвестен в Ассирии, но он использовался главным образом под тротуарами или известняковыми полами сточных канав, чтобы предотвратить протечки или инфильтрацию.

КАМЕНЬ

Использование камня в Вавилонии в качестве строительного аксессуара, хотя и редко в качестве основного материала, восходит к древнейшим шумерским временам. Очень

ранним примером использования камня для определенных архитектурных целей в Вавилонии является мостовая, на которой было возведено здание в Лагаше, найденное под строением Ур-Нина. Мостовая⁵³ состоит из плит известняка длиной три-четыре фута, шириной полтора-два фута и толщиной около шести дюймов. Также были обнаружены дверные розетки некоторых из самых ранних правителей Лагаша, среди которых можно упомянуть прославленных Эаннатума и Энтемена. Все они были сделаны из мрамора или другого твердого камня, а в Эриду, одном из самых древних мест цивилизации в долине Евфрата, камень, похоже, использовался довольно широко. Террасированная искусственная платформа, на которой были построены храм и город Эриду, была укреплена стеной из песчаника, а лестница, которая вела на первую ступень зиккурата, была сделана из полированных мраморных плит, которые сейчас случайно валяются на кургане; были обнаружены куски агата и алебаstra, также здесь использовался гранит. Каменные ворота-розетки были найдены в Ниппуре и в руинах других ранних городов Вавилонии, а семитский Нарам-Син и шумерский Гудеа чуть позже привезли тяжелые блоки диорита из Магана или Синая, хотя, очевидно, для скульптурных, а не для архитектурных целей.

В неовавилонскую эпоху камень использовался в большей степени: Мостовая процессии бога Мардука в Вавилоне, недавно обнаруженная немцами, была сложена из плит известняка с надписью Навуходоносора, а Геродот рассказывает, что мост, соединявший тогда два берега Евфрата, был сделан из "очень больших камней"⁵⁴, а согласно классикам, Страбону и Диодору, знаменитые висячие сады Вавилона, которые Кольдевей расположил бы к востоку от дворца, поддерживались каменными архитравами. Но камень, использовавшийся в Вавилонии только в исключительных целях, использовался снова и снова, поскольку руины рассматривались как каменоломня, и поэтому камень по большей части полностью исчез.

В Ассирии, напротив, камень было легко достать и, следовательно, его охотно использовали, хотя и не в той степени, в которой можно было бы ожидать. Причина в том, что ассириец был не изобретателем, а подражателем своего предшественника, вавилонянина, который практически не дал ему примера в обработке камня. Поэтому даже в Ассирии камень использовался по большей части только для мостовых, цоколей и облицовки стен: иногда, однако, его применяли и для подпорных стен, ограждавших искусственную насыпь. Каменные блоки, использовавшиеся для этих целей, иногда достигали колоссальных размеров, достигая 6 × 6 × 9 футов и веса несколько тонн. Основными видами камня, использовавшимися ассирийскими архитекторами, были известняк разной степени твердости и алебастр, который часто находили в самой Ассирии немного ниже поверхности почвы. Алебастр - это сульфат мела, он серого цвета, мягкий, допускает высокую полировку, но хрупкий и со временем разрушается. В Нимруде (Калах) некоторые дренажные каналы были покрыты большими плитами из известняка, а зиккурат Нимруда, от которого остался только один этаж, был облицован массивной каменной стеной, иногда использовались каменные колонны, а одна часть колонны из резного известняка высотой около сорока дюймов, включающая в себя и столицу, и верхнюю часть вала, была обнаружена в одном куске. Лэйард также обнаружил четыре базы колонн из известняка на северной стороне дворца Сеннахериба в Ниневии (см. рис. 14). Иногда перемычки дверей были сделаны из камня; одна такая каменная перемычка была найдена Джорджем Смитом у входа в зал во дворце Сеннахериба, в то время как порог или порог обычно, или, во всяком случае, очень часто, состоял из алебаstra или известняка. Точно так же полы в более важных помещениях были сложены из известняковых плит.

Более твердые камни, тем не менее, иногда использовались в Ассирии, так же как известняк иногда использовался в Вавилонии, но, как правило, в обоих случаях для скульптурных, а не строительных целей. Известный черный обелиск Шалманесера II (860-825 гг. до н. э.), о котором уже упоминалось, должен был служить хорошим примером использования вулканических камней в северной стране, но материал, из которого он сделан, скорее всего, алебастр. Базальтовая статуя этого же царя, однако, была обнаружена немецкими раскопками в Ашуре несколько лет назад, а найденная на том же месте колонна, возможно, относящаяся ко времени Тиглата-Пилесера I, дает нам иллюстрацию использования ассирийцами твердых камней в чисто архитектурных целях. Неизвестно, откуда они получали эти твердые камни, но базальт и другие магматические породы могли добываться в долинах ручьев, впадающих в Тигр и Евфрат, а в долине Хабур, по словам Лэйярда, он обнаружил множество потухших вулканов.

ДРОВА

В Ассирии было больше древесины, чем в Вавилонии: последняя страна была так же бедна деревом, как и камнем. Единственными деревьями, из которых можно было получить достаточно длинные балки, чтобы их можно было использовать, были тополь и пальма. Древесина более скоропортящаяся, чем глина или камень, поэтому мы, естественно, не ожидаем найти такое же количество материальных свидетельств ее использования; тем не менее, в Месопотамии сохранилось достаточно материалов, чтобы с уверенностью утверждать, что она использовалась в качестве строительного материала от самых ранних до самых поздних времен. Так, например, в Ниппуре Петерс нашел обугленные балки из пальмового дерева, которые, очевидно, когда-то служили крышей коридора, в котором они были обнаружены; куски тамариска были найдены на кирпичном пороге дверного проема, который, вероятно, представлял собой все, что осталось от дверей и дверных косяков. Точно так же в Лагаше, недалеко от хранилища Ур-Нина, были найдены обугленные остатки столбов из кедрового дерева, которые, несомненно, когда-то поддерживали портик из того же материала, а сам Ур-Нин, как и его потомки в более поздние времена, пишет, что он добывал древесину в горах. Подобным образом крыша храма, возведенного Эннантумом I, преемником Ур-Нина, была построена из кедрового дерева. Также в Мухейере (Ур) было обнаружено большое количество обугленной древесины,⁵⁵ а в Абу-Шахрейне (Эриду) створчатая стена зиккурата усеяна квадратными отверстиями в три дюйма квадратных, которые заполнены древесиной.⁵⁶ После установления вавилонского суверенитета над землей Амурру (т.е. Сирией и Палестиной) Шар-Гани-Шарри и Нарам-Син царя Вавилонии регулярно получали кедровое дерево из Ливана, как и ранние цари Египта. В комнате в Ниппуре, использовавшейся, по-видимому, для хранения непропеченных табличек во времена Гимил-Сина (ок. 2350 г. до н. э.), были деревянные полки, а крыша знаменитого замка в Вавилоне, перестроенного Навуходоносором, была сделана из кедрового дерева, как и двери, а похожий на портал вход одного из зданий в Вавилоне, раскопанного Кольдеем, был покрыт потолком из дерева.

О том, что в Ассирии использовалось дерево, достаточно свидетельствуют только настенные рельефы, поскольку некоторые из встречающихся там сооружений могли быть сделаны только из дерева. Шалманесер II (860-825 гг. до н. э.) в память о реконструкции храма Ану и Адада в Ашшуре говорит, что покрыл его кедровыми балками, а те из больших помещений дворцов, которые не имели сводов, должны были быть покрыты деревом, поскольку нет никаких доказательств существования каменных плит достаточного размера для достижения этой цели, а о больших плоских кирпичных крышах не может быть и речи. Подобным образом Тиглат-Пилесер III утверждает, что построил дворец из кедрового дерева⁵⁷, а Эсархаддон

говорит, что двери одного из дворцов, которые он возвел для себя, были сделаны из кипарисового дерева и покрыты серебром и медью⁵⁸, а в другом отрывке он утверждает, что в своих строительных работах в Вавилоне он использовал дубы, теребины и пальмы. В Хорсабаде Плейс также нашел фрагменты кедровых балок, которые явно использовались в архитектурных целях и, вероятно, являлись частью перемычек дверных проемов, в которых они были найдены; так и Лэйард в ходе своих раскопок нашел обугленные остатки дерева вместе с балкой из кедрового дерева, которые сейчас хранятся в Британском музее. Незначительное количество остатков дерева, использованного таким образом, вполне объясняется разрушаемостью этого материала.

МЕТАЛЛ

Едва ли можно сказать, что металл вообще использовался в чисто архитектурных целях, а если и применялся, то скорее для украшения наиболее заметных частей здания, а не как неотъемлемая часть конструкции. Однако из этого обобщения есть одно или два исключения. В более роскошных зданиях подоконники иногда изготавливались из металла, и бронзовый подоконник размером 60 × 20 × 3-1/2 дюйма с надписью Навуходоносора действительно был обнаружен и сейчас находится в Британском музее, а другой объект необычайно уникального характера, состоящий из бронзовых ворот-розетки, оправленных в свинец, также попал в это знаменитое учреждение. Кроме того, Геродот в своем рассказе о Вавилоне сообщает нам, что в стенах было сто ворот "все из бронзы; их косяки и перемычки были из того же материала". Некоторые барельефы также демонстрируют сооружения, части которых, по-видимому, были сделаны из металла: например, царский павильон, вырезанный на табличке из Абу Хаббы (Сиппар) (см. пл. XIV), имеет изогнутую заднюю стену, которая в то же время изогнута прямо, чтобы образовать крышу; эта стена и крыша действительно могли быть построены из дерева, но металл, очевидно, легче приспособился бы к такой форме. О других второстепенных строительных материалах, таких как инструменты и гвозди, которые играли вспомогательную роль в месопотамской архитектуре, мы знаем сравнительно мало, хотя несколько гвоздей было найдено на разных участках.

ХРАМЫ

Было бы совершенно невозможно рассказать обо всех храмах и дворцах Месопотамии, раскопанных за последние шестьдесят лет, поэтому мы должны ограничиться кратким описанием нескольких наиболее изученных зданий, которые можно с уверенностью считать типичными. Храмы не так хорошо перенесли разрушительное воздействие времени и климата, как дворцы, и причина этого кроется в том, что, вообще говоря, целью строителя храма было, насколько это возможно, возвести сооружение, вершина которого должна была метафорически "достигать небес", тогда как кульминационная слава дворцов заключалась не в высоте, на которую они были возведены, а в площади, которую они занимали.

ПЛИТА X

Разрушенные курганы Ниппура

Двор людей с северо-востока: Ниппур

(Обе иллюстрации взяты из книги К. С. Фишера "Раскопки в Ниппуре", с разрешения автора)

Что касается общего плана шумерских храмов, то мы все еще находимся в неведении, поскольку на самых ранних участках вавилонской оккупации было раскопано мало важных

зданий. Лучшее всего сохранился и наиболее тщательно исследован храм Энлиля в Ниппуре в Южной Вавилонии. Вавилонский план этого некогда знаменитого святилища, начертанный на глиняной табличке и относящийся, вероятно, к первой половине второго тысячелетия до н.э. был обнаружен Хейнсом в ходе его раскопок и оказал немалую помощь в определении общего характера этого вавилонского храма в его более позднем реконструированном состоянии, хотя в действительности он может быть копией более раннего плана,⁵⁹ поскольку он так хорошо согласуется с общими выводами, которые можно сделать относительно конфигурации храма во времена Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, оба из которых, особенно последний, много сделали для ремонта этого древнего фейна.

Наиболее заметным объектом, связанным с храмом Ниппура, как показали раскопки, является зиккурат, или башня, возведенная Ур-Энгуром, царем Ура (ок. 2400 г. до н. э.). Разрушенные курганы Нуффара, или Нифера (см. пл. X), расположены на восточной стороне канала Шатт-ан-Нил, который в свое время служил коммуникацией между Персидским заливом и Вавилоном. Курганы, главный из которых отмечает место зиккурата Ур-Энгур, были раскопаны Петерсом, Харпером, Хейнсом и Хильпрехтом под эгидой Пенсильванского университета в 1889-1900 годах. Башня возвышается над искусственной платформой размером примерно 192 × 127 футов, и в соответствии с обычным вавилонским принципом ориентации, ее четыре угла обращены к кардинальным точкам компаса. Зиккурат, очевидно, имел только три ступени, в отличие от семиступенчатой башни, характерной для вавилонских и ассирийских храмов более позднего времени, хотя храм Гудеа в Э-па, возведенный в честь его бога Нин-гирсу, был семизональным, что, вероятно, означает, что это была семиступенчатая башня. Зиккурат в Мухейере⁶⁰ (Ур), раскопанный Тейлором, похоже, был трехэтажным или, возможно, только двухэтажным. Нижний этаж, защищенный стеной из жженого кирпича толщиной в четыре фута, был дополнительно укреплен контрфорсами, хотя следует отметить, что так называемые "контрфорсы" сценических башен Вавилонии и Ассирии в большинстве случаев являются водоводами для осушения верхних платформ. Второй этаж, основание которого соединено с нижним этажом лестницей шириной в три ярда, сложен из кирпичей, совершенно отличных от кирпичей нижнего этажа: кирпичи нижнего этажа имеют размеры 11-1/4 × 11-1/4 × 2-1/4 дюйма и небольшое клеймо размером 3-1/4 дюйма в квадрате, а кирпичи второго этажа - 13 × 13 × 3 дюйма, клеймо размером 8 × 4 дюйма. Кирпичи первого этажа были уложены на битум, а кирпичи второго - за исключением кирпичей на северной стороне - на раствор, состоящий из извести и золы. Подъем на вершину второго этажа осуществлялся по наклонной дорожке: из этих фактов следует, что два этажа были построены не одновременно. Зиккурат в Абу-Шахрейне,⁶¹ также раскопанный Тейлором, имеет высоту около семидесяти футов и, как и в Мухейере, обнесен стеной из обожженного кирпича. Здесь также на вершину первого этажа ведет лестница шириной пятнадцать футов, а на вершину второго этажа ведет наклонная дорога, как в Мухейере.

Подход к зиккурату Энлиля в Ниппуре находится с юго-восточной стороны и отмечен двумя стенами из обожженного кирпича, высотой около десяти или более футов и длиной более пятидесяти двух футов, пространство около двадцати трех футов отделяет эти две стены друг от друга, а сама дорога, которая вела к зиккурату, была сложена из сырцового кирпича. Все ограждение храма было окружено массивной стеной, и около тридцати курсов кирпичей, из которых она состояла, все еще сохранились. Под платформой из сырцового кирпича, на которой была возведена башня, было обнаружено еще одно покрытие гораздо более тонкой конструкции, сделанное из больших хорошо обожженных кирпичей, почти все из которых были надписаны печатями Шар-Гани-Шарри или Нарам-Сина. Непосредственно к юго-востоку от зиккурата была обнаружена большая камера длиной около тридцати шести футов,

шириной более одиннадцати футов и высотой около восьми футов, пол которой покоился на платформе Нарам-Сина. Кирпичи с надписями доказывали, что эта камера, как и сам зиккурат, была построена Ур-Энгуrom. Непосредственно под ней была обнаружена вторая такая же камера, в которой была найдена кирпичная печать Шар-Гани-Шарри: вокруг стен этой камеры проходила узкая полка, на которой, как говорят, были найдены какие-то таблички. Хейнс провел раскопки вплоть до девственной почвы и утверждает, что обнаружил по меньшей мере два храма ниже мостовой Нарам-Сина; в самом нижнем слое был найден алтарь из сырцового кирпича размером 13 × 8 футов, на котором лежал большой слой белого пепла. Вокруг алтаря была низкая стена, окружавшая священное помещение, на внешней стороне которой были обнаружены две глиняные вазы высотой около двадцати пяти дюймов, украшенные веревочным узором. На юго-востоке от "алтаря" находится платформа из сырцового кирпича площадью почти двадцать три фута и толщиной более девяти с половиной футов. Вокруг ее основания, по словам Хейнса, он обнаружил несколько вентиляционных отверстий, а под этой твердой массой - сток, проходящий под платформой, в крыше которой была обнаружена настоящая арка с ключевым камнем. Эта арка была обнаружена примерно на двадцать три фута ниже мостовой Ур-Энгура и более чем на четырнадцать с половиной футов ниже платформы Нарам-Сина. К сожалению, самые нижние слои в кургане были настолько сильно нарушены, а здания так безжалостно разграблены, что невозможно догматически определить даты всего того, что было обнаружено в ходе раскопок.

Что касается самого зиккурата, то самая нижняя из трех его ступеней, по-видимому, была высотой около двадцати с половиной футов: уклон сторон вверх составляет примерно один к четырем, а вторая терраса отстоит на тринадцать с половиной футов от поверхности той, что находится ниже. С юго-восточной стороны нижняя терраса защищена жженым кирпичом, а со всех остальных сторон фундамент из жженого кирпича, высотой в четыре и шириной в восемь рядов, над которым возвышаются грубые кирпичи, покрытые штукатуркой, состоящей из глины и измельченной соломы, которая помогла сохранить грубую кирпичную кладку. В центре каждой из этих трех сторон находился водовод, по которому осушались верхние части зиккурата (см. пл. [XI](#)); водовод был сделан из жженого кирпича, имел десять с половиной футов в глубину и три с половиной фута в ширину. Вокруг основания зиккурата было нанесено покрытие из битума, наклоненное наружу, с желобами для отвода воды и, таким образом, сохранения грубых кирпичей от растворения.

Из этого краткого описания архитектурных остатков, обнаруженных в Ниппуре, сразу видно, что, несмотря на исключительную важность и ценность полученной информации, мы все еще находимся в растерянности относительно общего вида раннеавилонского храма, исключая, конечно, храм-башню более позднего Ур-Энгура. Хильпрехт и Фишер восстановили храм в том виде, в каком он, вероятно, выглядел во времена Ур-Энгура, и с их любезного разрешения воспроизводят его на рис. [6](#).

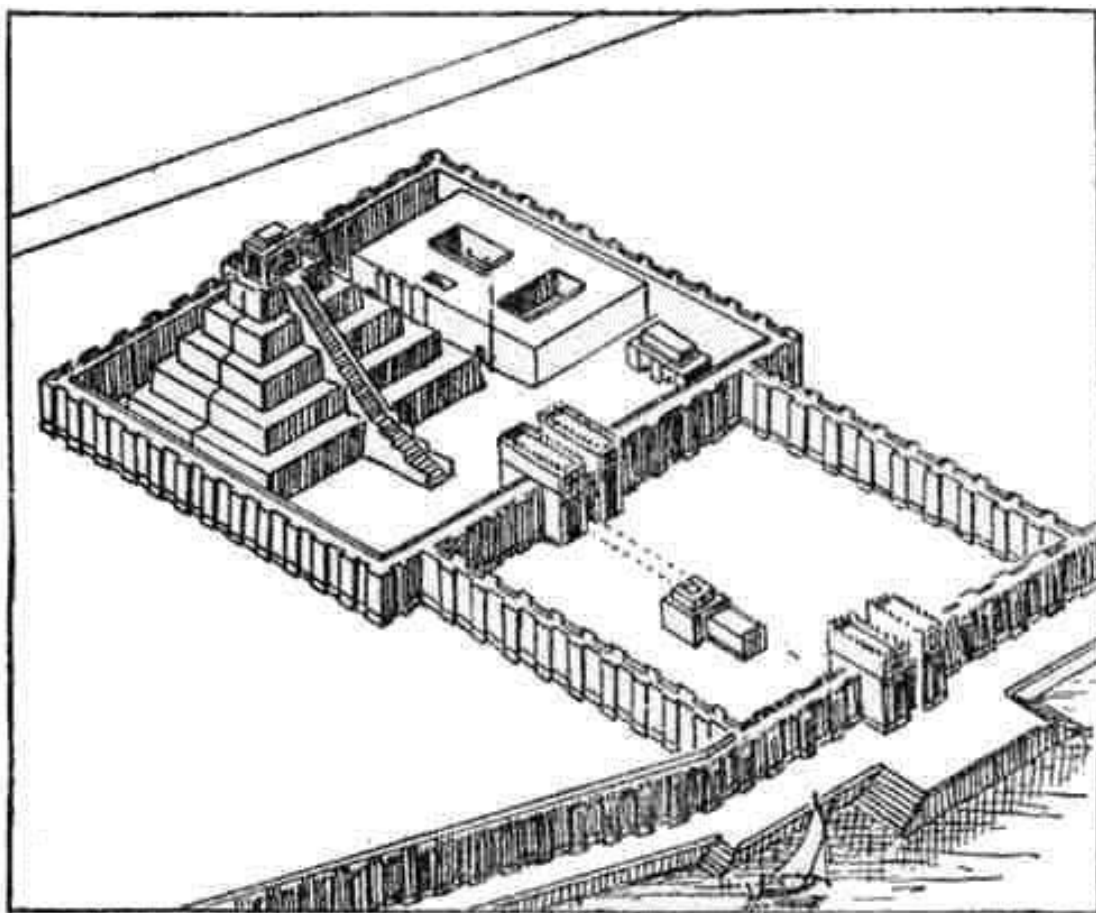
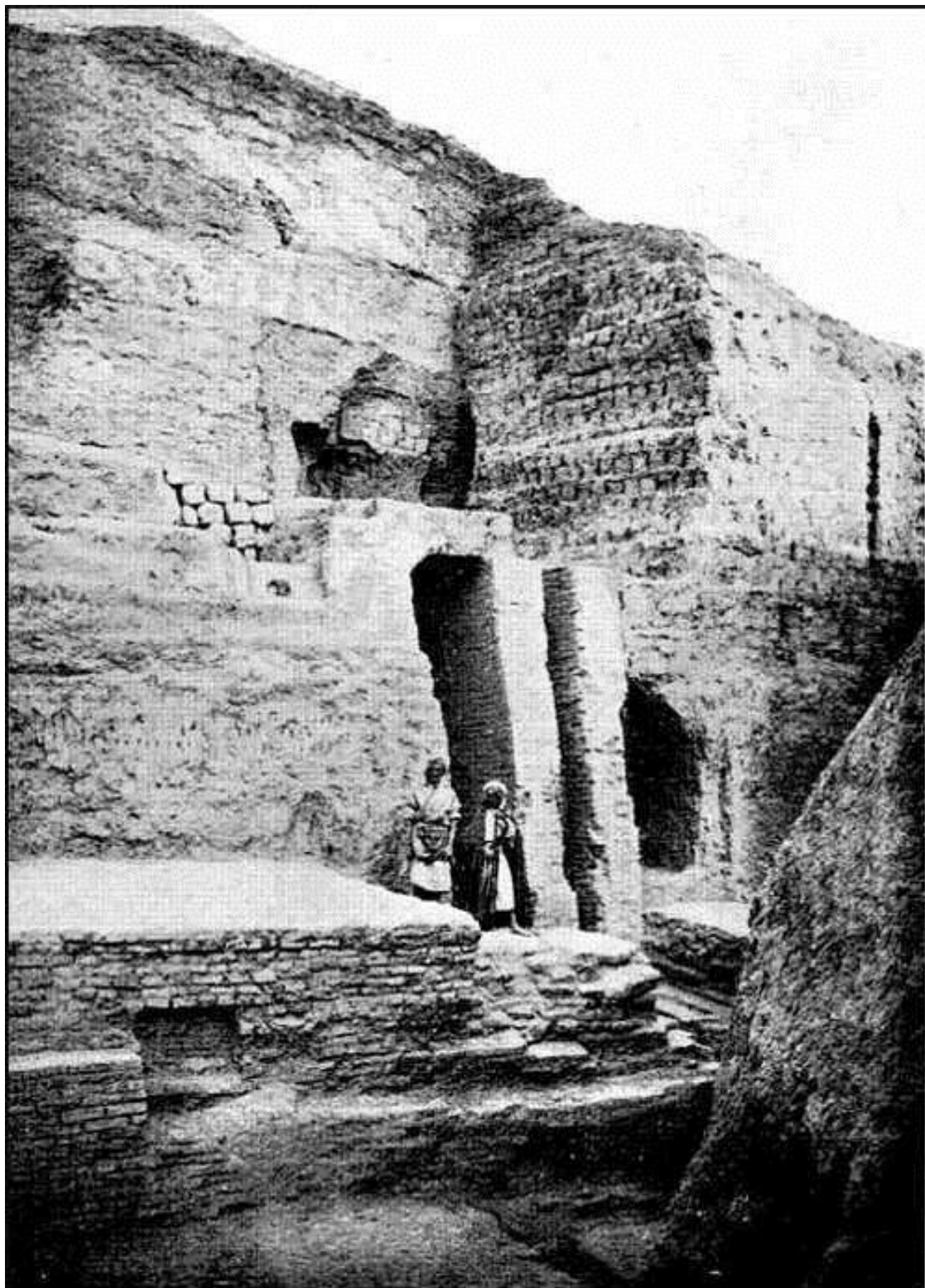

Рис. 6.- Реставрация храма в Ниппуре. (По Хильпрехту и Фишеру.)

О храме, воздвигнутом Гудеа в честь и во славу своего бога Нин-гирсу, мы знаем сравнительно мало, кроме его рассказов, но, судя по его рассказу, он, очевидно, был очень продуманным, поскольку в нем были палаты для жрецов, сокровищницы, зернохранилища и помещения для различных жертвоприношений. В более поздние времена в Вавилонии, по-видимому, существовало два общих типа храмов, один из которых отличался ступенчатой башней, а другой - ее отсутствием. Хорошим примером последнего типа является храм Нинмах в Вавилоне, раскопанный Deutsche Orient-Gesellschaft. Богиня Нинмах почиталась еще во времена первой династии Лагаша, так как уже во времена Энтемена в ее честь были возведены храмы. Ее храм в Вавилоне был построен в основном из высушенного на солнце кирпича, четыре угла которого, как обычно, были ориентированы на четыре точки компаса: он состоял из внутреннего двора, а также ряда помещений, некоторые из которых были расписаны, а следы белой отделки видны до сих пор. Видимо, вестибюль вел во внутренний двор или зал, вокруг которого располагались различные комнаты и залы, и в который они также открывались. Внутренний двор представляет собой контраст с ассирийским храмом в Нимруде, в котором нет такого внутреннего зала. Рядом с руинами этого храма находились знаменитые ворота Иштар, по бокам которых возвышались массивные стены, сохранившиеся на высоту тридцати девяти футов. Эти стены были украшены рельефами на эмалированных кирпичах, изображающими животных как нормального, так и ненормального характера. По всей видимости, было не менее одиннадцати рядов таких рельефов, изображающих быков или драконов, расположенных один над другим.

Водопровод Ур-Энгура: Ниппур

(Из книги К. С. Фишера *"Раскопки в Ниппуре"*, с разрешения)

Но из всех вавилонских храмов самым известным является храм Э-темен-ан-ки, построенный вавилонским царем Навуходоносором на месте древнего святилища. Этот храм Геродот (I, 181) называет храмом Белуса, и это, несомненно, было очень величественное здание как по размерам, так и по великолепию. В описании Геродота говорится, что он был сложен из цельного блока каменной кладки, на который был наложен другой блок меньшего размера, и так далее, пока в итоге не оказалось восемь блоков, первый или самый низкий, однако, был

просто основанием всего зиккурата и не должен рассматриваться как "ступень"; соответственно, это была идеальная семиступенчатая башня, самый верхний блок которой поддерживал святилище. На вершину можно было подняться по лестнице, идущей вокруг сооружения. По словам покойного Джорджа Смита, чьи оценки были основаны на вавилонском описании, содержащемся в табличке, которая в свое время была в его распоряжении, высота башни составляла 300 футов, стороны ее квадратного основания были тех же размеров; площадь второго этажа составляла 260 футов, а его высота - 60 футов. Третий, четвертый и пятый этажи были высотой 20 футов каждый, а их площадь составляла 200, 170 и 140 футов соответственно. Разброс в высоте различных этажей контрастирует с регулярностью зиккурата в Хорсабаде, от которого до сих пор видны остатки четырех этажей. О шестой ступени вавилонская табличка, очевидно, умалчивает, в то время как верхний этаж, поддерживающий святилище бога, по утверждениям, имел размеры 80 × 70 футов и высоту 50 футов. Семь ступеней, несомненно, в свое время светились семью планетарными цветами, как и семиступенчатая башня в Хорсабаде, на нижних ступенях которой до сих пор сохранились краски, причем порядок цветов был следующим: белый для самой нижней ступени, черный для следующей, а последующие этажи были окрашены в синий, желтый, серебряный и золотой цвета. Зиккурат был окружен оградой площадью около 400 ярдов, вход и выход из которой осуществлялся через бронзовые ворота. Двустороннее здание на западе, предположительно святилище бога, содержало золотую кушетку и трон со ступенями также из золота, а в самом храме находилось изображение самого бога, сделанное из чистого золота. Вавилонский рассказ сообщает нам, что храм состоял из двух продолговатых дворов, один в другом, а здание в целом - из ряда святилищ, хотя, конечно, самым заметным и, возможно, самым важным элементом в его композиции был зиккурат.

Но строительные работы Навуходоносора не ограничились возведением храма в честь Белуса: он перестроил или восстановил великие стены города Вавилона, Имгур-Бекл и Нимитти-Бекл, построил храмы для бога солнца Шамаша в Сиппаре и Ларсе, оба города были древними центрами культа этого бога, а в Вавилоне возвел храм богине Нин-мах. В Борсиппе (Бирс-Нимруд) он уделил много внимания и заботы древнему святилищу Небо, и некоторые ученые отождествляют его работу на этом месте с описанным выше великолепным храмом, о котором так подробно упоминает Геродот, хотя, как отмечают Хоммель и Пинчес, удаленность Борсиппы от Вавилона скорее противоречит этой идентификации. С другой стороны, в Борсиппе есть остатки того, что когда-то вполне могло быть великолепным храмом, о котором идет речь, в то время как в самом Вавилоне таких остатков не видно; А что касается возражения против отождествления этих останков со знаменитым храмом Белуса на том основании, что Борсиппа находилась слишком далеко, то следует вспомнить, что мы не знаем, насколько далеко простирался город, возможно, он даже не включал Борсиппу в свои границы, поскольку, согласно Геродоту, окружность города составляла около пятидесяти шести миль. Рассказ самого Навуходоносора о своих архитектурных достижениях записан на нескольких бочкообразных глиняных цилиндрах и на известной надписи East India House.

Ассирийские храмы, по-видимому, в большинстве своем соответствовали тому же общему типу, что и храмы Вавилонии. Одним из самых ранних и, возможно, самым известным в настоящее время является храм, раскопанный Лэйярдом в Нимруде (Калах).⁶² Он состоял из внешнего двора, из которого поклоняющийся входил в вестибюль размером 46 футов на 19 футов,⁶³ за которым находилась боковая камера и зал длиной 47 футов и шириной 31 фут, заканчивающийся нишей, вымощенной огромной алебастровой плитой длиной 21 фут,

шириной 16 футов 7 дюймов и толщиной 1 фут 1 дюйм, в которой, вероятно, было установлено изображение бога; внутри было найдено много каменных плит религиозного характера, а на каменной мостовой была начертана история правления Ашшур-на-Ир-пала. Главный вход был украшен и защищен крылатыми человекообразными львами высотой 16-1/2 фута и длиной 15 футов, чья роль стража у порталов царского дворца была заменена на еще более высокую и возвышенную должность, а вход в боковую комнату был покрыт рельефами, изображающими бога в момент изгнания злобного демона. Боковой вход находился в тридцати футах справа от главного входа, а комната, в которую он вел, была соединена двумя коридорами с притвором и главным залом. Именно справа от этого маленького входа был обнаружен знаменитый монолит Ашур-на-Шир-пала (см. пл. III), увенчанный аркой. На небольшом расстоянии от описанного здания, на самом краю искусственной платформы, был обнаружен еще один храм. Вход в него охраняли два колоссальных льва (см. пл. XXVI) высотой 8 футов и длиной 13 футов, а ворота шириной около 8 футов были вымощены одной плитой с надписью. Перед львами стояли два алтаря, похожие на алтарь на рельефе из Хорсабада, изображенном на рис. 14, С. Ворота вели в помещение длиной 57 футов и шириной 25 футов, заканчивающееся нишей, вымощенной огромной алебастровой плитой с надписями на обеих сторонах и размером 19-1/2 фута на 12 футов. Именно в этом храме была обнаружена статуя Ашшур-на-Ир-пала (см. пл. XXIV).

Сходство ступенчатых башен Месопотамии с пирамидами Египта, естественно, привело к вопросу о том, не похожи ли они на них и в отношении использования, которому они подвергались. Поэтому Лэйард попытался ответить на вопрос, на который уже категорически ответили Ктесий и Овидий, сделав разрезы в зиккурате в Нимруде с целью выяснить, содержатся ли в них пустоты, в которые когда-то могли быть помещены тела царей или героев, были ли зиккураты в действительности гробницами, подобными пирамидам Мираима. Возможность этого была доказана обнаружением склепа, расположенного на одном уровне с платформой, размером 100 футов в длину, 6 футов в ширину и 12 футов в высоту, хотя если это действительно было последнее пристанище усопшего царя, то оно было полностью разграблено. От зиккурата, о котором идет речь, остался только один этаж, защищенный массивной каменной облицовкой, высотой около двадцати футов; камни, похоже, были уложены без раствора, как это часто бывало в ассирийской кладке.

Еще один прекрасный пример ассирийского храма - храм Ану-Адада в Ашуре, недавно раскопанный Немецким восточным обществом. Кодекс Хаммурапи показывает, что этот город существовал уже в его время, а немецкие раскопки доказали, что он не утратил своего значения, когда резиденция правительства была перенесена в Калах (Нимруд) около 1300 года до н.э., а наоборот, продолжал быть царским городом и сохранял свое значение до седьмого века до н.э., а возможно, и позже.

Храм Ану-Адада был основан Ашшур-реш-иши (ок. 1140 г. до н. э.). Он состоял из прямоугольной террасы, на которую можно было попасть через дверной проем, окруженный башнями: под террасой находилось несколько комнат. Две башни храма были отделены друг от друга длинным проходом, с каждой стороны которого находилось по четыре небольших помещения, окружавших большую камеру в центре, которая вполне могла быть святилищем. Одна из этих больших камер была посвящена Ану, а другая - Ададу. Две храмовые башни были, согласно Андрае, четырехступенчатыми зиккуратами, и, несомненно, на самом верхнем этаже находилось святилище, как в храме Белуса в Вавилоне. На многих кирпичах, составлявших башни, были надписи, как это почти всегда бывало. Тиглат-Пилесеру I (1100 г. до н. э.), сыну и преемнику Ашшур-реш-иши, довелось отремонтировать или перестраивать этот

храм, и он сообщает, что поднял его башни к небу и выстроил крепостные стены из обожженного кирпича.⁶⁴ Его рассказ гласит: "В начале моего правления Анур-реш-иши

"В начале моего правления Ану и Адад, великие боги, мои владыки, которые любят мой жреческий сан, потребовали от меня восстановить это их священное жилище. Я сделал кирпичи и расчистил землю, пока не достиг искусственной плоской террасы, на которой был построен старый храм. Я положил его фундамент на твердую скалу, обложил все кирпичом, как камин, наложил на него слой в пятьдесят кирпичей глубиной и построил на нем фундамент храма Ану и Адада из больших квадратных камней. Я построил его от фундамента до крыши больше и грандиознее, чем прежде, и воздвиг также две большие башни храма, подходящие для украшения их великих божеств. Великолепный храм, блестящее и великолепное жилище, обитель их радостей, дом для их наслаждения, сияющий, как звезды на небесной тверди, и богато украшенный орнаментами благодаря мастерству моих художников, я спланировал, придумал и продумал, построил и завершил. Я сделал его внутреннее убранство блестящим, как купол небес; украсил его стены, как блеск восходящих звезд, и сделал его грандиозным и сверкающим. Я вознес его храмовые башни к небу и завершил его крышу обожженным кирпичом; разместил в нем верхнюю террасу, содержащую покои их великих божеств; ввел в его внутренность Ану и Адада, великих богов, и заставил их обитать в этом их возвышенном доме, радуя тем самым сердце их великих божеств. Я также расчистил место для сокровищницы Адада, моего господина, которую построил тот же Шамши-Адад, жрец Ашшура, сын Ишме-Дагана, тоже жреца Ашшура, и которая пришла в упадок и разрушилась, и отстроил ее от фундамента до крыши из обожженного кирпича, сделав ее красивее и намного прочнее, чем прежде. Я зарезал в нем чистых животных в жертву Ададу, моему господину".

Этот же царь, со свойственной ассирийским монархам прозорливостью, молится о том, чтобы в случае, если здание придет в упадок, будущий царь мог восстановить его, и просит, чтобы этот царь помазал маслом его собственные скрижали с надписями и цилиндры фундамента. Его молитва была оправдана последующими событиями, так как во времена Шалманесера II (860-825 гг. до н. э.) храм уже пострадал от воздействия времени и климата, и этот царь, соответственно, перестроил его полностью. Перестройка Шалманесера не была столь масштабной, как у Ашшура-реш-иши, первоначального основателя храма. Он возвел две храмовые башни (см. рис. 7), параллельные башням своего предшественника, но отличающиеся от башен Ашшур-реш-иши, согласно в Андрае, тем, что они были обшиты панелями, а не простыми, как зиккурат (так называемая "Обсерватория") в Хорсабаде и зиккурат Белуса в Вавилоне. Но Шалманесер был не последним царем, которому была предоставлена привилегия отремонтировать этот древний фантом: Саргон 722-705 гг. до н. э., преемник Шалманесера IV и непосредственный предшественник Сеннахериба, также нашел повод посвятить себя этому благочестивому делу, и во дворе Шалманесера II почти все тротуарные плитки носят имя Саргона, что является постоянным свидетельством его чувства религиозного долга в этом вопросе. Уникальной особенностью этого храма является его двойное владение.

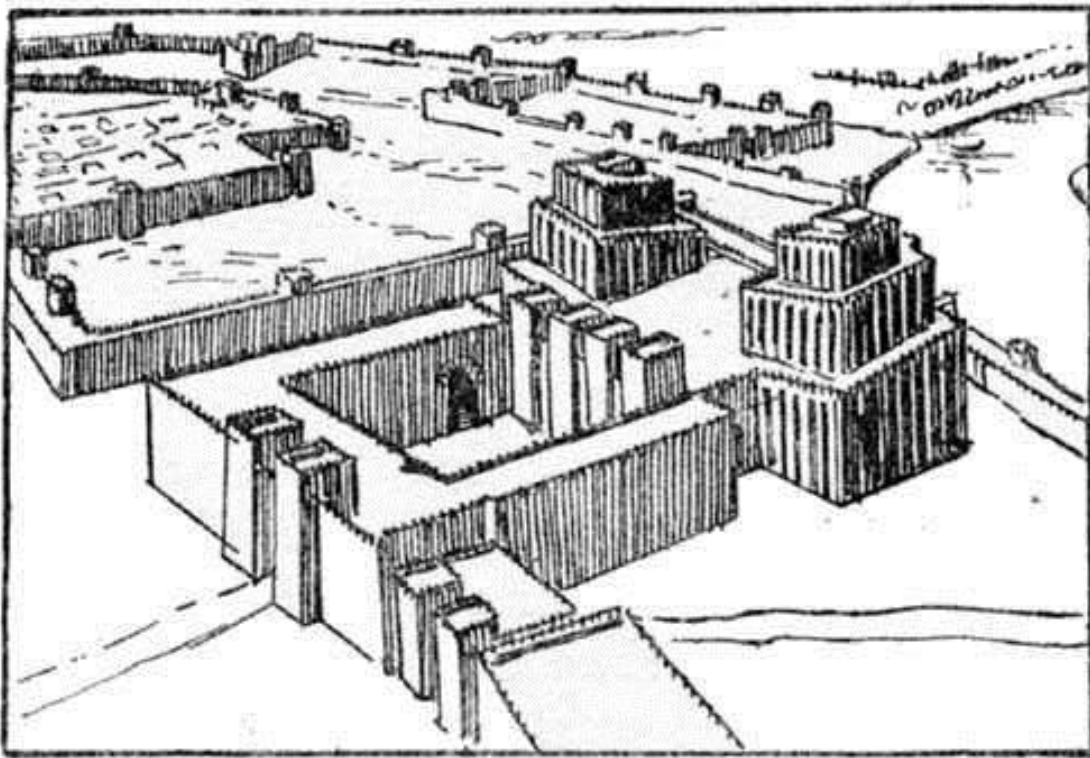

Рис. 7 (по Andrae, *Der Anu-Adad Tempel*, Tafel IX.)

Еще один храм, недавно раскопанный в Ашуре Колдеевым и Андрае, - это храм, возведенный Син-шар-ишкун в честь бога Небо. Син-шар-ишкун был последним царем Ассирии и правил около 615 года до н. э. Этот храм, состоящий из большого количества помещений различных форм и размеров, был разделен на два основных отдела, оба из которых состояли из группы помещений, ведущих в главный двор, причем эти два двора были соединены между собой. Доступ в храм снаружи осуществлялся через дверь и притвор, ведущие в северный двор, хотя, возможно, южный двор, с которым он соединен, когда-то имел аналогичный вход.

Южный двор имеет более девяноста футов в длину и около тридцати семи футов в ширину и окружен комнатами с южной, восточной и северной сторон, а с северной стороны он соединен с северным двором. Но именно на западной стороне этого южного двора расположены основные помещения храма. Благодаря прекрасной сохранности кирпичной кладки фундамента стен, раскопщикам удалось определить план двух параллельных рядов помещений, в каждый из которых из двора вели входные ворота с башней; как северный, так и южный ряд помещений содержал прежде всего широкую комнату, сообщавшуюся с длинным помещением, в крайнем конце которого находилась ниша для статуи бога. Углубление в конце длинной комнаты в северной серии настолько хорошо сохранилось, что общий план его реконструкции вполне определен. К вымощенному известняком постаменту в нише вел небольшой двойной пролет низких ступеней, которые были вымощены известняком и насчитывали четыре ступени. Все эти помещения, включая южный и западный коридоры и южный двор, были вымощены кирпичом, на некоторых кирпичах была надпись "Син-шар-ишкун", а на кирпичах как в южной, так и в северной широкой комнате была надпись "храм Небо", доказывая тем самым, что вся эта часть здания принадлежала храму этого бога, и что его храм был двойным по характеру.

Син-Шар-ишкун, очевидно, не преминул воспользоваться строительными материалами своих предшественников, поскольку на одном из дверных проемов было написано имя

Ашур-нахир-пала, а среди других обнаруженных предметов с надписями были фрагменты полых терракотовых цилиндров и призм, а также глиняные конусы с надписью Син-Шар-ишкуна. План южной части этого храма Небо во всех существенных чертах соответствует плану обычного ассирийского храма, выдающимися характеристиками которого, помимо зиккурата, были широкая комната, зал с углублением для статуи бога, группа окружающих комнат и коридор.

Самым известным храмом в Ашшуре был храм самого бога Ашшура, но, к сожалению, он плохо сохранился и, следовательно, имеет меньшее археологическое значение, чем храм Ану-Адада или храм Небо. Древний храм Ашшура интересен тем, что его помещения были скорее широкими, чем длинными. В самой древней части здания был обнаружен алебастровый блок⁶⁵ с надписью из двадцати четырех строк, написанных архаичными иероглифами. Символы несколько напоминают те, что встречаются в надписях Иришума, и похожи на символы, используемые в ранних вавилонских надписях, но, как и они, читаются продольно, а не поперечно, а строки идут слева направо, а не справа налево, и в этом они напоминают несколько надписей, найденных в Телло.⁶⁶ Этот алебастровый блок, возможно, является самой древней ассирийской надписью из тех, что были обнаружены до сих пор. В переднем дворе этого же храма было найдено несколько фрагментов диоритовой скульптуры с маленькими фигурками, похожими на те, что относятся к периоду Хаммурапи.

Лучше всего в Месопотамии сохранился зиккурат, обнаруженный в Хорсабаде; четыре ступени этой башни до сих пор сохранились, и краски, которыми они были окрашены, еще видны. Она находится в непосредственной близости от группы зданий, которые раньше считались гаремом дворца, но недавно Колдевей⁶⁷ показал, что на самом деле это группа храмов (см. рис. 24 В), хотя и не в непосредственной связи с ними. Аргументом, на котором основывалась теория гарема, был тот факт, что этот блок зданий находится отдельно от дворца, но этот аргумент может быть использован с еще большей силой в поддержку теории храма, а его близость к зиккурату и общее соответствие формы и очертаний нескольких зданий, в которые он входит, обычному ассирийскому храму, выявленному в результате раскопок, делает утверждение Колдевея практически неопровержимым. Более того, хотя зиккурат, как и в случае с Борсиппой, не связан с теоретическим "храмовым комплексом", нет никаких сомнений в том, что они принадлежат друг другу, поскольку в окрестностях нет места для храма, а прилегающие части дворца, безусловно, использовались для светских, а не религиозных целей. В блоке, по-видимому, находилось три храма, вход в каждый из которых был через центральный двор; храмы состояли из широкой комнаты или вестибюля, длинной комнаты или зала, в конце которого находилось еще одно помещение - предположительно, святилище, где была установлена статуя бога. Вход в святилище из зала осуществлялся через широкий проем и по лестнице.

В дополнение к этим основным частям здания были различные подчиненные помещения, которые в одном храме фланкировали правую сторону, в другом - левую, а в третьем - обе стороны главного зала; эти помещения были связаны в одном случае с широким залом, залом и святилищем, во втором - с залом и святилищем, а в третьем - только с залом. Иногда они имеют прилегающие коридоры; таким образом, видно, что, хотя они значительно отличаются друг от друга, они демонстрируют один и тот же общий тип, совершенно отличный от того типа, которому соответствуют ассирийские дворцы и дома, общая форма которых была скорее широкой, чем длинной.

Но, несмотря на общее сходство ассирийских храмов, ранние здания отличаются от более поздних, по крайней мере, в одном важном отношении; в первых святилище представляет собой просто глубокую нишу в задней стене главного длинного помещения или зала, тогда

как в более поздних храмах Саргона эта ниша была разработана в специальную камеру святилища.

Уже было показано, что зиккураты в Месопотамии отнюдь не все соответствовали одному и тому же плану; варьировалось не только количество ступеней, но иногда и их форма. Как правило, они были квадратными или, в крайнем случае, прямоугольными, но зиккурат, раскопанный в Эль-Хиббе Немецким восточным обществом, оказался исключением из этого общего правила. Башня, о которой идет речь, имеет круглую форму и состоит из двух этажей; она построена не на искусственной насыпи, а на естественной почве, и до сих пор сохранилась на высоте двадцати четырех футов. Диаметр первого этажа ⁶⁸ составляет более четырехсот футов, в то время как диаметр верхнего этажа - чуть более трехсот футов. Последний этаж защищен стеной из обожженного кирпича, обмазанного битумом, а верхние поверхности обоих этажей были покрыты тем же материалом, чтобы защитить их от разрушающего воздействия дождя. Для водоотвода использовались каналы из жженого кирпича, которые служили еще и для укрепления нижнего этажа и фактически выполняли роль контрфорсов. На поверхности верхнего этажа было найдено несколько глиняных конусов или гвоздей, похожих на те, что были найдены у подножия зиккурата Ниппура, но ни на одном из них, по-видимому, не было никаких надписей.

ПАЛАЦЫ

Другие здания в Вавилонии более светского характера сохранились в более удовлетворительном состоянии, чем те, что были посвящены богам, но сами царские дворцы в большинстве своем подверглись такой реконструкции, что очень трудно определить точную форму, которую имело первоначальное здание. Ур-Нина завещал нам остатки сложного здания, которое он возвел в своем царском городе Лагаш, но, похоже, это скорее хранилище, чем неотъемлемая часть дворца; Ур-Бау и Гудеа несколько веков спустя также оставили безошибочные следы своей строительной деятельности в этом знаменитом городе прошлого. При раскопках большого дворца в одном из разрушенных курганов Телло было найдено множество кирпичей с надписью имени Гудеа, и это открытие невольно привело к поспешному выводу, что это сложное здание, так прекрасно сохранившееся, на самом деле было царской резиденцией этого давно умершего правителя. Но более тщательное исследование показало наличие других кирпичей с именем Хададнадинахе, написанным как греческими, так и арамейскими буквами, тем самым убедительно доказав, что данное здание относится к парфянскому периоду и не может быть датировано ранее второй половины второго века до нашей эры. Кирпичи, принадлежавшие раннему зданию Гудеа, были повторно использованы в качестве материала для этой более поздней постройки - практика, к которой часто прибегали в Месопотамии. Однако части раннего здания Гудеа были включены в парфянский дворец, из которых лучше всего сохранились ворота (см. пл. V) и часть башни, а под одним из углов дворца была обнаружена часть стены, возведенной Ур-Бау, одним из непосредственных предшественников Гудеа.

Еще один дворец Навуходоносора в Вавилоне, известный как Эль-Аср (см. с. ⁶⁹), пользовался большой славой. Этот дворец был раскопан Колдеевым и Андрае. Внешняя стена была сложена из кирпича с именем Навуходоносора и имела толщину около 23-1/2 футов, внутренняя стена также была сложена из кирпича и имела толщину более 44 футов, а пространство между двумя стенами, около 70 футов, было заполнено песком и другими материалами, общая толщина которых составила почти 136-1/2 фута. Жженный кирпич, из которого сложены подпорные стены, был уложен в асфальт и настолько плотно соединен, что разделить его на слои невозможно. Курган Qasr, представляющий собой новый пригород Вавилона, не обнаружил ничего более раннего, чем седьмой век. Ашшур-бани-пал (668-626

гг. до н. э.) построил здесь храм, который был должным образом раскопан, но дворец Навуходоносора - главное здание, которое было обнаружено на этом знаменитом месте. До Навуходоносора здесь, по-видимому, был дворец, который подвергся реконструкции при Набополассаре (625-604 гг. до н. э.), основателе неовавилонской династии, но впоследствии сильно пострадал от наводнения Евфрата и был отремонтирован и расширен Навуходоносором, который перестроил его из жженого кирпича; его работа была настолько долговечной, что нижние части дворца сохранились до наших дней.

Внутреннее убранство дворца состояло из множества комнат, расположенных вокруг внутренних дворов. Большой зал, расположенный к югу от главного двора, имел нишу в южной стене и три двери в северной стене, где также были обнаружены следы того, что, возможно, когда-то было колоннадой. Крыша дворца была сделана из кедрового дерева, как и двери, которые были покрыты бронзой, как и знаменитые ворота в Балавате (см. рис. 43). Пороги были сделаны из того же металла, как и ступени в храме Э-зида в Борсиппе, одна из которых дошла до нас и носит имя этого царя, а золото, серебро и драгоценные камни разных видов использовались в украшении царской резиденции с неумеренной расточительностью.

Далее Навуходоносор возвел еще одно здание на северной стороне стены, которое, очевидно, было крепостью и было связано с дворцом. Согласно надписи "Дом Индии" и утверждению вавилонского историка Бероса (около 300 г. до н. э.), чья история, к сожалению, утрачена, но отрывки из которой передал нам Иосиф, это здание было завершено за невероятно короткий срок - пятнадцать дней.

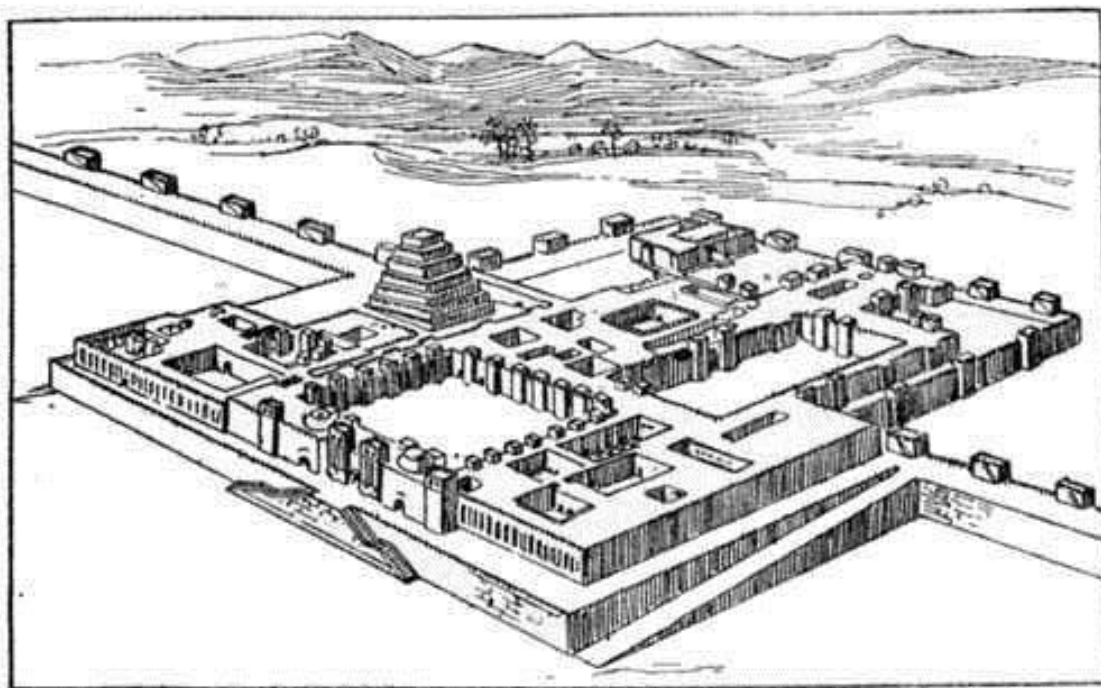

Рис. 8.- Реставрация "Дворца Саргона" в Хорсабаде. (После места.)

Однако ассирийские дворцы сохранились лучше, чем вавилонские, и дают больше материала для изучения месопотамской архитектуры. В первую очередь следует упомянуть дворец, построенный Саргоном (722-705 гг. до н. э.) в Хорсабаде (см. рис. 8). Дворец, о котором идет речь, был построен на искусственной насыпи, как и большинство важных сооружений в Вавилонии и Ассирии. В Южной Месопотамии эти насыпи имели более практическое значение, так как с их помощью здания возвышались над водами

затопляемого Евфрата. Курганы, иногда сложенные из массы сырцового кирпича, иногда из песка, гравия и других материалов, держались вместе и были защищены створчатой стеной из жженого кирпича или камня. Ограждающие стены в Хорсабаде, сложенные из каменных блоков весом иногда до двадцати трех тонн и размером 6 × 6 × 9 футов, постепенно становились тоньше к вершине. Внутренняя поверхность каменной стены, непосредственно соприкасающаяся с грубой кирпичной массой, была оставлена шероховатой, что добавляло общей связности всему сооружению. Общая высота стены в Хорсабаде составляла около 60 футов, фундамент - 9 футов, подпорная стена - 46 футов, парапет - 5 футов, что в сумме составляло 60 футов. Когда крыша была плоской, ее, по-видимому, как правило, возвышал парапет, верхняя часть которого была украшена кренделями. Почти все здания, изображенные на ассирийских барельефах, имеют такую кренуляцию, которая, по-видимому, была характерной особенностью месопотамской архитектуры, и действительно, этот стиль расположения стал настолько популярным в более поздние времена, что даже вершины алтарей и стел иногда были кренулированы (см. рис. 14, С). Однако в Вавилонии здания с кренделями не встречаются до времен Гудеа и династии Ура (ок. 2450 г. до н. э.). Фундамент, на котором была построена кирпичная городская стена Дур-Шаррукина (Хорсабада), также был облицован камнем, а сам курган состоял из камней и щебня, но внутри дворца камень использовался только для облицовки стен, для пола более важных помещений, а также для стволов, капителей и баз колонн и других архитектурных аксессуаров, а основная часть здания была построена полностью из кирпича. Внешние стены зданий, как правило, укреплялись "контрфорсами", сделанными из более прочного и долговечного материала, чем сами стены, а единственным фундаментом, по-видимому, были искусственные насыпи, на которых возводились здания. К сожалению, о внутреннем устройстве зданий известно очень мало, и даже способ перекрытия различных помещений вызывает у нас большие сомнения.

Комнаты во дворце Саргона почти все прямоугольной формы, иногда квадратной, но в целом очень длинные пропорционально своей ширине. Стены комнат были феноменально толстыми и варьировались от двенадцати до двадцати восьми футов. Крыши этих длинных помещений должны были быть либо сводчатыми, либо построенными из деревянных балок, хотя первый вариант был бы более удобным в климате, характеризующемся экстремальной жарой с одной стороны и экстремальным холодом с другой. Ведь толстые своды в равной степени защищали бы от палящих лучей летнего солнца и пронизывающего холода суровой зимы, а обнаружение огромного количества битого кирпича, обломков и щебня, а также отсутствие каких-либо следов дерева в раскопанных помещениях подтверждает теорию о том, что крыши были сделаны из глины, а не из дерева; и, наконец, единственное легкодоступное дерево, по-видимому, было бы совершенно недостаточным, чтобы выдержать нагрузку наложенной плоской крыши из грязи. Кроме того, Виктор Плейс обнаружил остатки обрушившихся сводов, а широкое использование арки как в городских стенах Хорсабада, так и в дренаже дворца служит дополнительным аргументом и еще больше увеличивает вероятность теории. Исчезновение каких-либо следов дерева в самих комнатах можно было бы объяснить хрупкостью и недолговечностью этого материала, но возле дверных проемов, которые, очевидно, не могли быть сформированы из глины или камня, были найдены фрагменты дерева, а также дверные панели, и, без сомнения, если бы потолки комнат также были сделаны из дерева, были бы найдены аналогичные доказательства этого факта. Далее Плейс упоминает об обнаружении в некоторых камерах роликов из известняка: возможно, эти ролики использовались для расплющивания и застывания крыш из пшеницы после ливня и тем самым предотвращали растворение и общее разрушение этой неотъемлемой части строения. Но эти глиняные крыши, какими бы неудовлетворительными они ни были в прошлые времена с точки зрения архитектуры,

оказались неисчислимо ценными для археолога наших дней, ведь благодаря мягкости материала, из которого они состояли, прекрасно сохранились скульптуры и статуи, которым было суждено быть замурованными в течение столь долгого периода времени.

Как уже говорилось, перегородки комнат отличаются той же необычайной прочностью, которая заметна как во внешних стенах дворца, так и в городских, причем самые тонкие из них имеют толщину около десяти футов. Массивность этих перегородок подтверждает теорию о том, что крыши были сложены не из деревянных балок, а из глиняных сводов, и, таким образом, является дополнительным доказательством к тому, что дает отсутствие каких-либо следов дерева в самих комнатах, с одной стороны, и обнаружение фрагментов дерева в дверных проемах, с другой; ведь единственное доступное объяснение и общий *смысл существования* таких толстых внутренних стен заключается в том, что сводчатые крыши из мягкой глины могли поддерживаться только стенами более чем обычной прочности. Несомненно, сводчатая кровля также была определяющим фактором в форме и общих очертаниях комнат, и именно недостатку дерева, пригодного для строительства, и, как следствие, использованию глины для кровли, а также для других частей структуры мы должны приписать узость большинства комнат, которые действительно больше напоминают галереи, чем залы или комнаты.

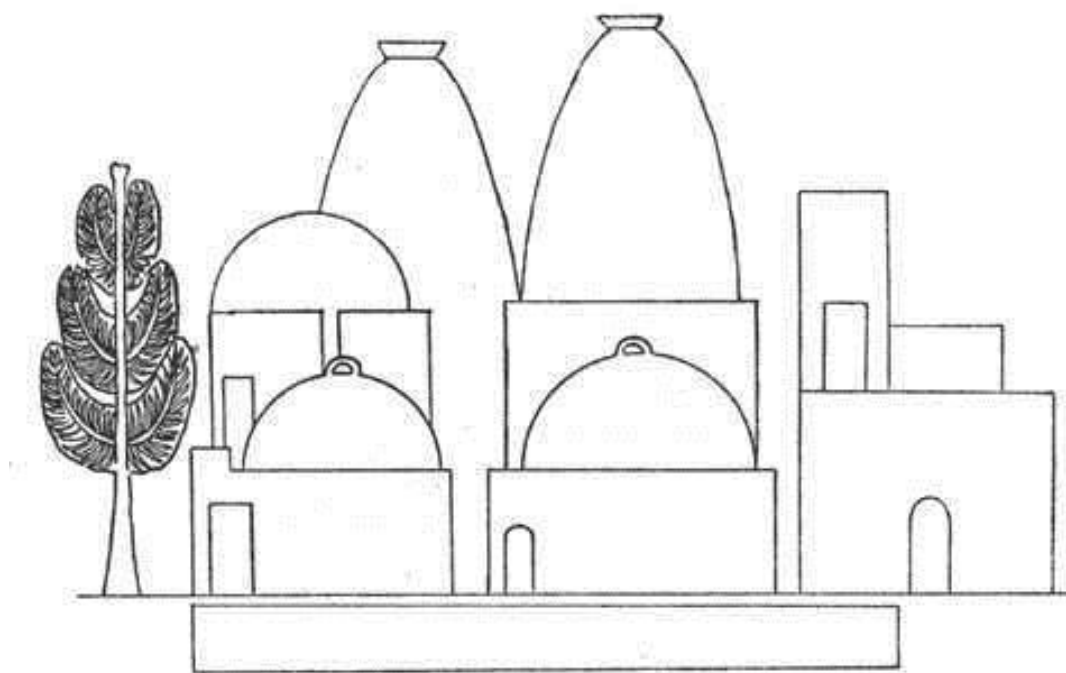

Рис. 9.- С ассирийского барельефа. (По Layard, Ser. 2, Pl. 17.)

Однако не следует думать, что все комнаты во дворце Саргона или во дворцах других ассирийских царей были похожи на проходы, или что все они были покрыты бочкообразными сводами. В рассматриваемом нами дворце были обнаружены квадратные комнаты, некоторые из которых были немалых размеров и составляли сорок восемь футов в каждую сторону; они явно не могли быть покрыты бочкообразными сводами, а трудности с приобретением древесины достаточной длины больше проявились бы в случае большой квадратной камеры, чем в вытянутой галерее. Таким образом, проблема сводится к выяснению того, какие еще способы покрытия крыш были приняты ассирийцами, кроме крыш из деревянных балок, которые, очевидно, использовались только в исключительных случаях, и бочкообразных сводов, о которых не могло быть и речи в этих больших квадратных камерах. Именно здесь нам на помощь приходят барельефы, украшающие стены царских

дворцов. На одном из таких рельефов из Куюнджика (см. рис. 9) изображен ряд зданий, над которыми возвышаются купола различных форм и размеров, что убедительно доказывает, что ассирийцы времен Сеннахериба развили искусство строительства купольных крыш, или, возможно, мы должны сказать, что заимствовали это искусство у своей материнской страны, так как принцип купольной крыши, похоже, был известен в Вавилонии в досаргонский период, Американские раскопки в Бисмае обнаружили овальную комнату шумерского периода, снабженную куполообразной крышей, большая часть которой все еще сохранилась, и, несомненно, квадратные палаты во дворце Саргона в Хорсабаде, а также во дворцах других ассирийских царей были покрыты подобным образом. Здания справа (см. рис. 9) имеют плоские крыши, а слева - либо полусферические купола, либо купола конической формы; большинство дверей имеют прямоугольную форму, две из них, однако, арочные, как знаменитые ворота в Хорсабаде. Эти округлые крыши можно увидеть по всему Востоку и в наши дни, настолько сильно влияние обычаев и привычек, в то время как и те, и другие являются лишь отпрысками естественных климатических условий и обязаны своим происхождением великой матери изобретений.

ЧАСТНЫЕ ДОМА

Об устройстве частных домов в Вавилонии мы знаем сравнительно мало. Тейлор раскопал небольшой дом неопределенной даты в Мухейере, также был составлен план некоторых покоев в Абу Шахрейне. Дом в Мухейере был возведен на искусственной насыпи из сырцового кирпича, на которую было уложено покрытие из жженого кирпича, а сам дом был построен из того же материала. Стены были очень неровными, но общий план здания, по-видимому, был крестообразным. Внешний слой кирпичей, по-видимому, был залит битумом, для остальной части использовался глинобитный раствор, а пол, который, как и стены, был сделан из жженого кирпича, был залит битумом. Что касается дверных проемов, то два из них состояли из арочных сводов, арка была полукруглой и сложена из клиновидных кирпичей, а внутри были найдены обугленные остатки деревянных стропил или балок. Снаружи дом был украшен перпендикулярными желобками, или "ступенчатыми углублениями",⁶⁹, а многие кирпичи были покрыты эмалью или гипсом и имели надписи.

Внешнее убранство здания в Варке (Эрех), раскопанного Лофтусом, состояло, с другой стороны, из ряда цветных глиняных конусов⁷⁰, утопленных в грязь или штукатурку и расположенных в виде различных узоров, круглыми основаниями наружу. Узоры были в основном треугольными, полосатыми, ромбовидными или зигзагообразными, а стена, частью которой они являлись, измерялась тридцатью футами в длину. Плоская часть этой стены выступала на один фут девять дюймов за пределы полукруглых полуколонн, которые располагались через определенные промежутки, как на фасаде Вусваса.

Комнаты, раскопанные в Абу Шахрейне, были построены из сырцового кирпича, стены были покрыты штукатуркой изнутри и окрашены. В одной из этих комнат стены были украшены белыми, черными и красными полосами шириной около трех дюймов, а в другой - грубым красным изображением человека, держащего на запястье птицу, и стоящей рядом фигуры поменьше.

Здания, обнаруженные в ходе немецких раскопок в Фаре, характеризуются главным образом слабостью стен и проработанностью дренажной системы. Общий план этих кирпичных зданий состоял из центрального двора, окруженного палатами очень маленьких размеров. Частные дома, как и дворцы, часто занимались по несколько раз: так, в Ниппуре некоторые из домов, раскопанных Хейнсом, занимались по меньшей мере три раза, а в одном из них видны три разных дверных проема, причем самый низкий и, следовательно, самый ранний

был перекрыт сегментной аркой. Но и в Сургуле, и в Фаре были найдены здания совершенно иной формы и характера; эти постройки не прямоугольные, а круглые по форме и имеют в поперечнике от шести с половиной до шестнадцати футов. Эти ротонды, которых особенно много в Фаре, были возвышены арочными сводами, а в одной из них были найдены четыре черепа. Для чего использовались эти круглые сооружения, сказать сложно. Об обычных домах более поздних времен мы кое-что знаем от классиков: Например, Геродот сообщает нам, что дома были, как правило, высокими, трех- и даже четырехэтажными (Herod. I, 180), а Страбон говорит нам, что крыши домов были сводчатыми. Последний сообщает нам, что столбы дома - когда таковые существовали - в стволах пальм, вокруг которых были вплетены куски камыша; все это было покрыто чем-то вроде штукатурки, а затем окрашено (Strab. XVI, I, 85).

О частных домах в Ассирии мы осведомлены немногим лучше, чем о домах в Вавилонии. Однако немецкие раскопки в *Ḳalat Sherḳat* (Ашур) пролили свет на этот вопрос. Фундаменты стен домов, обнаруженных на этом месте, показали, что в целом они соответствуют плану старого вавилонского дома, как показано в Фаре. Сами фундаменты представляют несколько новых разновидностей для изучающих месопотамскую архитектуру; стены фундамента, о которых идет речь, были опущены вниз через нагромождение обломков, которыми было покрыто плато, до самого основания скалы; эти стены были покрыты слоем камней, на которые были наложены настоящие стены здания. Один из домов, о котором идет речь, имеет прямоугольную форму 86 × 61 фут. Как и в Фаре, комнаты окружают центральный двор. С южной стороны здания два узких коридора идут на восток и запад и прослеживаются в фундаменте, а попасть во двор можно, только пройдя через внешний коридор и повернув за два угла.

В завалах под этим домом были найдены различные могилы капсульного типа.⁷¹

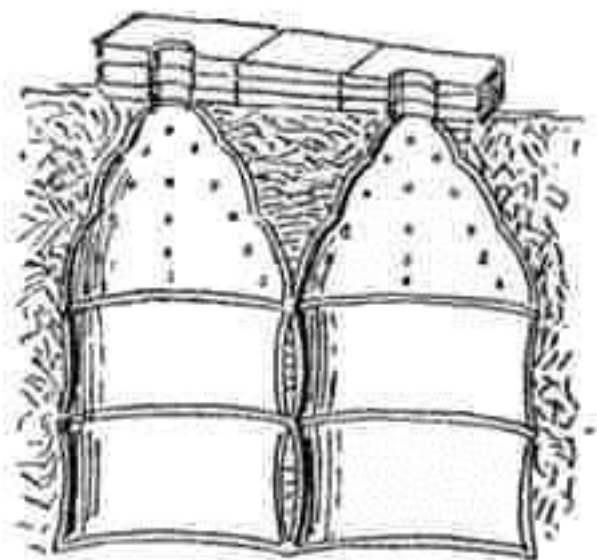

Рис. 10. (По Хильпрехту.)

Рис. 11. (По Тейлору.)

Водостоки ранних вавилонян были сделаны либо из кирпича, либо из колец обожженной глины. Более крупный тип дренажа или водовода, обычно использовавшийся для отвода воды с верхних этажей зиккуратов, мы можем видеть в качестве примера на пл. [XI](#). Подобные стоки были обнаружены Лофтусом в Эрехе, хотя он принял их за опорные контрфорсы, [72](#) с которыми они имеют поразительное сходство. Во дворе храма в Ниппуре были обнаружены многочисленные водостоки второго класса. Они были построены из терракотовых колец, поставленных одно на другое, и иногда снабжены колоколообразным верхом, а иногда над ними возвышалось терракотовое дно, [73](#) как на рис. [10](#). Средний диаметр колец, составляющих этот сток, составлял два фута и три четверти, а спускался он на шесть с половиной футов. В Бисмае был обнаружен сток, состоящий из круглых плиток диаметром около восьми дюймов, а подобные стоки из терракотовых колец, наложенных одно на другое, были обнаружены Тейлором в Мухейере (Ур). Часто эти шахты были двойными, как на иллюстрации (рис. [11](#)). Кольца, составляющие этот дренаж, были диаметром два фута и шириной около полутора футов, и в некоторых случаях они были скреплены тонким слоем битума. "На протяжении примерно фута вокруг этих дренажных труб и по всей их длине лежали куски разбитой керамики, чтобы эффективнее осушать курган". [74](#) Над устьем верхнего кольца, которое по форме отличается от остальных, находились слои перфорированного кирпича, ведущие к вершине кургана. Иногда эти дренажи состоят из сорока таких колец. Многочисленные дренажи из кирпича и черепицы были обнаружены в Бисмае, а дренажная система в Фаре и других ранних вавилонских поселениях, по-видимому, была очень обширной.

Главные стоки в Вавилонии и Ассирии часто принимали форму сводчатых акведуков. Что касается дренажа внутренних помещений, то дворец Саргона в Хорсабаде - наш лучший источник информации. Почти все комнаты осушались через отверстие, вырубленное в камне в центре пола, к которому кирпичный пол постепенно наклонялся; вода проходила через отверстие в круглый кирпичный канал, который спускался в горизонтальный сток, соединенный с главным сводчатым стоком, о котором будет сказано позже (см. с. 174).

Окна, которые в нашем представлении являются одной из важнейших частей здания, вавилоняне и ассирийцы, по-видимому, не принимали во внимание. В одноэтажных зданиях единственными окнами, по-видимому, были световые люки. Во всяком случае, Плейс обнаружил в нескольких комнатах Хорсабада терракотовые цилиндры, которые, по его мнению, должны были составлять часть крыши, через которую в помещение поступал воздух и немного света. Здания, изображенные на барельефах, действительно снабжены небольшими отверстиями, но это, скорее, амбразуры, чем окна, как их правильно называть. Но в любом случае, даже если бы в стенах были прорезаны окна, их огромная толщина исключала бы попадание почти всего света.

КОЛОННА

В истории месопотамской архитектуры колонна, похоже, никогда не занимала видного места, что опять же объясняется нехваткой камня и дерева; однако есть достаточно свидетельств, доказывающих, что она не была неизвестна, хотя и не очень часто использовалась. В современной архитектуре колонна является главной опорой арок, но в вавилонской и ассирийской архитектуре архивольты и маятники арки обычно поддерживаются толстыми стенами; об этом свидетельствуют как остатки древних зданий, так и фигурные изображения таких зданий, встречающиеся на барельефах.

Вероятно, лучшими примерами ранневавилонских колонн являются те, что были обнаружены де Сарзекком в Телло в 1881 году, хотя, строго говоря, это не колонны, а опоры, образованные соединением четырех круглых колонн (см. рис. 12). Опоры сложены из круглых, полукруглых или треугольных кирпичей, на которых выбита надпись:

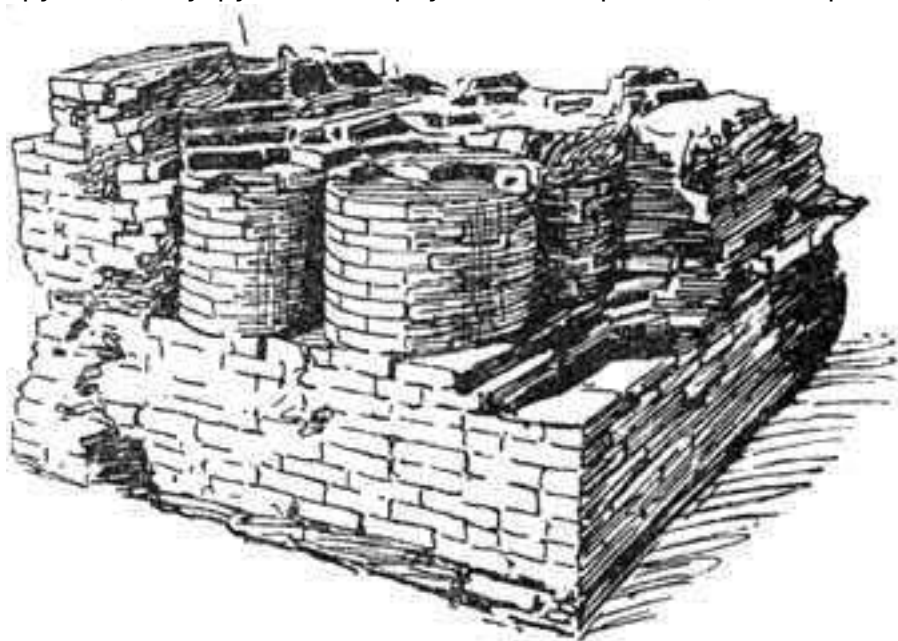

Рис. 12. (Ср. *Déc. en Chald.*,

Pl 53, 2.), из которой следует, что новая постройка, частью которой они, предположительно, являлись, была сделана в основном из кедрового дерева, что подтверждается обнаружением фрагментов этого дерева среди руин.

Свидетельством очень раннего использования колонны на том же месте стало обнаружение серии из восьми кирпичных баз, расположенных примерно в тринадцати футах от древнего здания Ур-Нина, где до сих пор видны обугленные остатки столбов из кедрового дерева, которыми когда-то были увенчаны эти базы. Вероятно, самым известным примером использования колонн в Вавилонии, который можно увидеть благодаря раскопкам, является Двор колонн в Ниппуре (см. пл. X). Площадь этого двора составляет более сорока восьми футов; его пол состоит из толстого покрытия из необожженного кирпича и имеет глубину более шести футов; вокруг трех сторон этого квадрата, как рассказывает Петерс, проходил своеобразный бордюр, образованный двойным рядом обожженного кирпича, из которого возникли четыре кирпичные колонны, круглые по форме, но опирающиеся на квадратные кирпичные столбы, которые спускались примерно на три фута под поверхность; Четвертая сторона, несомненно, была также занята колоннами, но почти все следы даже их фундаментов были смыты из-за склона холма. На других сторонах платформы сохранились колонны высотой около трех футов; судя по всему, они сужались кверху, а их диаметр у основания составлял чуть больше трех футов. Они были построены из кирпичей, специально изготовленных для этой цели: по форме эти кирпичи представляют собой сегменты кругов, вершины которых усечены, а пустота, оставшаяся в центре круга, составленного из этих деформированных сегментов, была заполнена фрагментами кирпичей. Сегментные кирпичи хорошо обожжены, хотя и несколько хрупки, и были уложены на раствор. По словам Питерса, эти колонны были тщательно обработаны острым инструментом, чтобы удалить все неровные выступы, которые могли возникнуть из-за деформации одного из составляющих кирпичей. Кроме того, колонны расположены не с математической точностью, а лишь приблизительно равноудалены друг от друга. Угловые колонны отличаются от остальных тем, что они полукруглые и полуквадратные. Петерс датирует эту колоннаду вторым тысячелетием и относит ее к касситскому периоду. Однако Хильпрехт считает ее продуктом парфянских времен и датирует примерно 300 годом до нашей эры.

Но в Ниппуре были найдены и другие колонны, одни прямоугольные и продолговатые, другие - овальной формы, но и те и другие были сделаны из кирпича, как и колонны во дворе. В одной из комнат здания, расположенного рядом со двором, были найдены две колонны, встроенные в стену, и еще две круглые колонны на квадратных основаниях, которые были сложены из четырех рядов кирпича и стояли на фундаменте из глинобитного кирпича. Окружность этих круглых колонн составляет более двенадцати футов. На юго-востоке двора были обнаружены остатки еще одной пары круглых колонн гигантского размера; основание одной из них было найдено все еще в своем первоначальном положении, а остатки стволов беспорядочно валялись вокруг. Диаметр этих колонн у основания, должно быть, составлял от шести до семи футов, то есть более чем вдвое превышал размер колонн в самом дворе.

Однако Телло и Ниппур - не единственные места, где были найдены свидетельства использования колонн в Вавилонии древности. Лофтус при раскопках кургана Вусвас в Варке (Эрех) наткнулся на остатки семи полуколонн, повторенных семь раз,⁷⁵ и использованных для украшения фасада; эти полуколонны были сделаны из полукруглых кирпичей. На них нет следов капители, базы, карниза или каких-либо других элементов, которые обычно присущи колоннам, поэтому они занимают раннее место в развитии колонной архитектуры, и Лофтус относит здание, в котором они были обнаружены, ко второму тысячелетию до н.э., - не позднее 1500 г. до н.э. При раскопках Абу Адхам, кургана, расположенного недалеко от Телло, было обнаружено здание с кирпичными колоннами, точно такими же, как найденные Петерсом в Ниппуре, а в Абу Шахрейн (Эриду) Тейлор обнаружил остатки колонны⁷⁶, состоящей, в отличие от вышеупомянутых, из "плит песчаника двадцать дюймов квадратных и четыре дюйма толщиной, которые располагались в форме круга и соединялись известью,

составляя основной материал; Между каждым слоем находились цилиндрические куски мрамора, и все было покрыто толстым слоем извести; последующие слои, смешанные с мелким камнем и галькой, укладывались, пока не достигли желаемого размера и толщины. Ее основание имело форму чаши и покоилось на слое высушенного на солнце кирпича, под которым снова был мелкий песок". Несомненно, колонны использовались в Вавилонии чаще, чем можно было бы предположить по скудости случаев, когда раскопки привели к материальным свидетельствам их применения, и тот факт, что Навуходоносор изобразил колонны с большими объемными капителями на цветных плитках в *Qasr*, показывает, что они должны были быть сравнительно привычной архитектурной особенностью в его дни, Несмотря на то, что, как указывает Колдевей, их изображение на цветных плитках было, вероятно, художественной заменой реальных вещей, для которых, очевидно, не было ни места, ни применения, так как во всех местах, где их можно было ожидать, найдены простые двери; Два вала колонн, состоящих из пальмовых стволов, утопленных в землю и окруженных у подножия круглой кирпичной стеной, укрепленной асфальтом и известью, были, однако, действительно найдены в одном из дворов, но Колдевей относит восстановленное здание, частью которого они являются, к персидскому периоду. В кургане Амран⁷⁷ в Вавилоне Колдевей обнаружил усеченные остатки двадцати двух кирпичных колонн, которые, очевидно, были частью здания с колоннами, но дата этого здания представляется неопределенной.

Однако именно здесь нам на помощь приходят барельефы; на пл. *XIV* мы имеем репродукцию знаменитой Скрижали бога Солнца, которая была сделана Набу-аплу-иддиной, царем Вавилонии в первой половине девятого века до нашей эры, В ней изображено святилище, крышу которого поддерживает колонна в виде пальмового ствола, которая, вероятно, была покрыта пластинами из металла, поскольку простое, ничем не украшенное дерево вряд ли подошло бы для святилища Шамаша, и, кроме того, столица и база, обе во многом одинаковые, могли принять такую форму только в металле, единственном материале, который легко приспособился бы к таким мотивам. Точно так же изогнутая задняя стенка и крыша, вероятно, были сделаны из металла, так как дерево, которое можно было купить в Вавилонии, не могло легко согнуться таким образом. Но, несмотря на это, колонна всегда занимала подчиненное положение в вавилонской архитектуре.

Похоже, что так было и в Ассирии: там тоже раскопки мало что дали для восстановления реальных колонн, используемых ассирийскими монархами, и для нашего знания общей формы и внешнего вида ассирийских колонн мы в основном зависим от информации, предоставленной нам настенными барельефами. Другим плодотворным источником может стать серия слоновых костей, найденных в северо-западном дворце Нимруда (Калаха), но поскольку они являются работой египетских или финикийских художников, представленные на них колонны вряд ли можно рассматривать как иллюстрации ассирийских колонн.

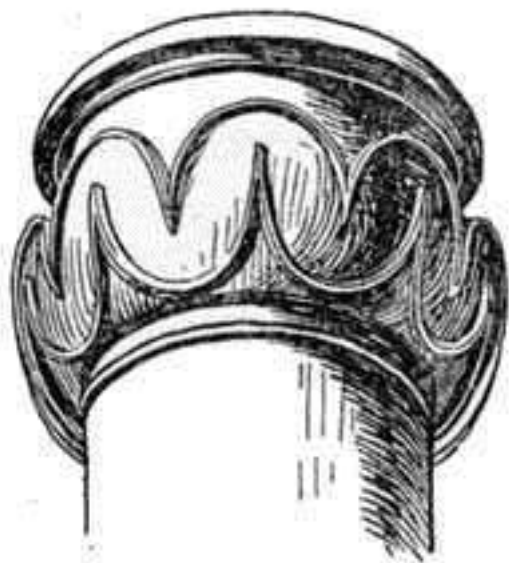

Рис. 13, а. - Капитель большой колонны.
(Место, *Ниневия*, пл. 35.)

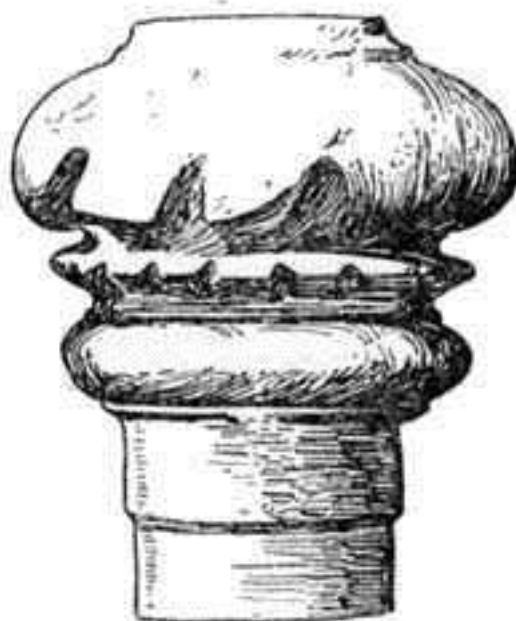

Рис. 13, b.-Капитель малой колонны. (Brit.
Mus.)

Из остатков настоящих колонн лучше всего сохранилась, вероятно, та, что была обнаружена Виктором Плейсом в Хорсабаде; она состоит из капители и части вала (см. рис. 13, а), обе целые; она сделана из известняка, а высота сохранившегося фрагмента составляет около сорока дюймов. Украшение столицы представляет собой разновидность волюты, которая, вероятно, возникла в результате более или менее точного подражания рогам козла и является характерной чертой вавилонского и ассирийского декора.

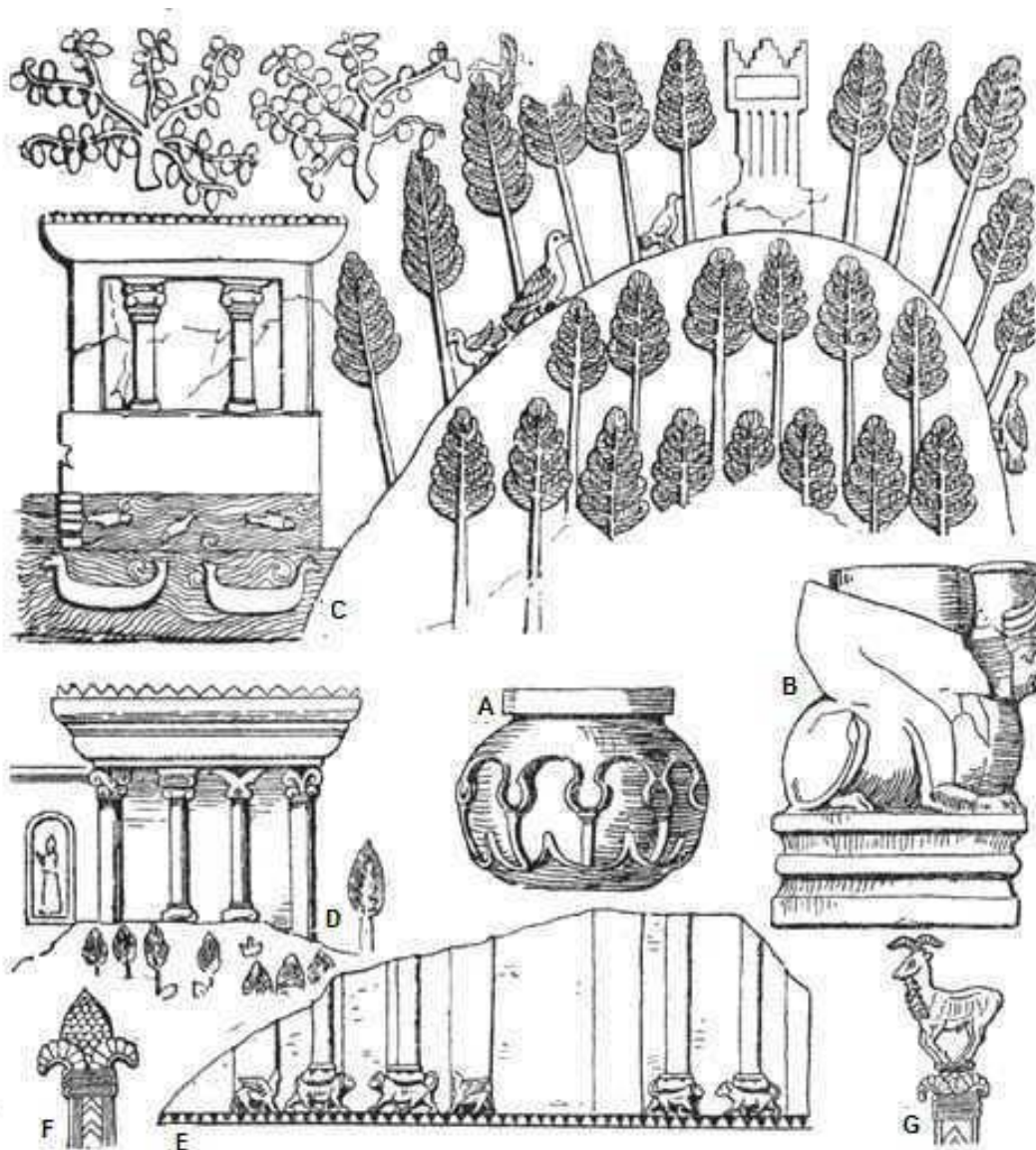

Рис. 14.-А, ср. Layard *Discoveries*, p. 590.
 В, см. Layard, *Mon*, Ser. I, Pl. 95.
 С, ср. Botta, *Ruines de Ninive*, II, p. 114.
 D, E, Барельефы из Кюнджика.

Иногда колонны, изображенные на барельефах, действительно увенчаны козлами (см. рис. 14, G), но чаще роговые волюты (см. рис. 14, F) являются единственными художественными элементами, заимствованными ассирийцами из животного мира при формировании капителей своих колонн. Разновидность того же дизайна можно увидеть на четырех круглых известняковых постаментах, обнаруженных Лэйардом в Ниневии⁷⁸ (см. рис. 14, A), которые, несомненно, когда-то поддерживали деревянные колонны; диаметр этих оснований варьировался от одиннадцати с половиной дюймов в самой узкой части до двух футов семи дюймов в самой широкой.

Иногда спины львов (см. рис. 14, E), сфинксов или других составных чудовищ служили основанием колонн, и два таких основания в виде крылатых сфинксов были найдены Лэйардом в юго-западном дворце Нимруда, но они находились в таком состоянии, что

вскоре после раскопок рассыпались, хотя Лэйард успел сделать зарисовку одного из них (см. рис. 14, В).

Интересным примером капители колонны является небольшая каменная капитель, хранящаяся в Британском музее (см. рис. 13, б). Она, вероятно, являлась верхней частью одной из миниатюрных колонн, украшавших балюстраду, и, несомненно, в завершенном виде представляла собой более или менее точную миниатюрную копию полноразмерной столицы, обнаруженной Плейсом (рис. 13, а).

До недавнего времени из-за того, что колонны, изображенные на ассирийских барельефах, а также скудные остатки реальных колонн, которые были найдены, не давали примеров валов, отличных от круглых,⁷⁹ или, возможно, квадратных (ср. рис. 14, С), и считалось, что колонны с многоугольным валом неизвестны, но немецкие раскопки в Ашуре позволили обнаружить капитель колонны из черного базальта,⁸⁰ вместе с частью вала, который является шестнадцатигранным и, вероятно, относится примерно ко времени Тиглата-Пилесера I (1100 г. до н. э.).

На этой колонне когда-то была надпись, но, к сожалению, она стерлась. На том же месте были обнаружены остатки еще одной базальтовой колонны многоугольной формы⁸¹. Она восьмигранная, и на ней имеется надпись Шамхси-Адада, сына Тиглата-Пилесера I.

Две интересные колонны-основания из известняка были также обнаружены в Ашуре,⁸² под кирпичной кладкой позднеассирийского жилого дома. Одна из них состоит цоколя, тора и тонкой накладной плиты, выполненных одним куском, а в другом случае вместе с тором сохранилась часть вала.

Судя по барельефам, угловые колонны здания обычно были более массивными, чем промежуточные (см. рис. 14, С, D), и это обстоятельство придавало не только устойчивость самому зданию, но и элегантность его внешнему виду. Но и в Вавилонии, и в Ассирии колонны чаще использовались как украшение фасадов зданий, чем как фактическая опора для самой конструкции. Поскольку у нас так мало положительных свидетельств использования каменных колонн в Месопотамии, кажется вероятным, что, как правило, колонны делались из дерева или кирпича, исчезновение почти всех следов которых можно объяснить естественной разрушаемостью этих материалов, хотя исчезновение каменных колонн, поскольку они явно использовались, по крайней мере, иногда, можно легко объяснить предположением, что они впоследствии использовались в качестве валиков или для каких-то других целей.

АРКА

Было верно сказано, что арка была впервые изобретена людьми, чьи строительные материалы были небольшого размера, и как бы ни было открыто для возражений это обобщение, оно, безусловно, верно в случае вавилонской архитектуры, а также в несколько меньшей степени в случае более поздней ассирийской архитектуры. Страбон сообщает нам, что "все дома в Вавилонии были сводчатыми" - διὰ τὴν ἀξυλίαν - "из-за нехватки дерева", XVI, 1, 5 - но каким бы достоверным или недостоверным ни было его утверждение, нехватка дерева и камня на аллювиальной равнине Нижней Месопотамии неизбежно заставляла вавилонского архитектора максимально напрягать изобретательские способности, когда он сталкивался с проблемой кровли возведенных им зданий и различных помещений, которые они должны были содержать. Но его гений, по-видимому, не остался в стороне и разработал принцип арки как лучшее и даже единственное средство для преодоления непреодолимой трудности, ведь строительство плоских крыш зависело от наличия каменных плит или

деревянных балок, одинаково больших по размеру и прочных, но ни камня, ни дерева такого рода в Вавилонии было не найти, и архитектор явно не смог бы принести дерево или камень с далеких гор для покрытия крыши обычного дома. Таким образом, его изобретательские способности были стимулированы срочностью дела, и результат, полученный под воздействием этих факторов, можно увидеть в раннем появлении арки, грубой по своей структуре, но, тем не менее, включающей те же принципы, на которых построены все арки.

Предполагается, что ранние арки в проходах гробниц в Египте обязаны своим появлением удалению нижней части контрфорсных стен, возведенных для удержания боковых стен проходов от обрушения: такие контрфорсные стены, конечно, выполнили бы свою функцию, предотвратив обрушение боковых стен, но они бы сорвали свои собственные цели, полностью перекрыв проход, сделав его совершенно бесполезным. Поэтому нижняя часть контрфорсной стены удалялась, а верхняя оставалась, образуя, по сути, рудиментарную арку, и вполне возможно, что вавилонская арка обязана своим происхождением подобным удачным обстоятельствам. Однако более вероятно, что происхождение арочной конструкции, если не открытие принципа арки, связано с особой формой тростниковых хижин, которые, несомненно, имели близкое сходство с теми, что используются в долине Евфрата в наши дни. Эту точку зрения отстаивает Хойзи, а также Хильпрехт.

Рис. 15. Ранняя Т-образная арка в Ниппуре.
(См. Hilprecht, *Explorations*, p. 399.)

Рис. 16.- Арка в Телло.
(Ср. *Déc. en Chald.*, Pl. 57 (bis), 1.)

Большинство древних зданий Вавилонии подверглись одновременному воздействию времени и климата и, следовательно, оставили нам очень мало материала для изучения вавилонской архитектуры; Крыши зданий и камер, входящих в их состав, давно исчезли, и мы можем только теоретизировать относительно общего способа покрытия крыш, но стоки и

акведуки, построенные под зданиями, к счастью, сохранились, чтобы рассказать о себе, и мы обязаны нашим знаниям о раннем существовании арки в Вавилонии в основном благодаря этим сравнительно незначительным останкам.

Одна из самых древних арок, обнаруженных до сих пор, была найдена во время раскопок, проводимых Питерсом, Харпером, Хейнсом и Хилпрехтом в древнем городе Ниппур (см. рис. 15). Он был найден на большой глубине под поверхностью кургана, более чем на двадцать два с половиной фута ниже мостовой Ур-Энгура (ок. 2400 г. до н. э.) и на четырнадцать футов ниже мостовой Нарам-Сина (ок. 2700 г. до н. э.); это настоящая арка заостренной формы, сделанная из хорошо обожженного планово-выпуклого кирпича, высотой чуть более двух футов и пролетом около одного фута восьми дюймов, а длиной около трех футов, но кажется вероятным, что первоначально туннель был сводчатым. Неравномерность его конструкции несколько снижает значение, которое он мог бы иметь в противном случае, но он представляет огромный интерес как свидетельство того, что принцип арки был известен в этот очень отдаленный период, каким бы грубым ни было воплощение этого принципа. Планочно-выпуклые кирпичи, составляющие эту арку, имеют размеры 12 × 6 × 2-1/2 дюйма и несут на своей выпуклой стороне следы пальцев, характерные для досаргонского кирпича в Ниппуре, Телло и других местах, а глина, из которой сделаны кирпичи, имеет светло-желтый цвет. Сам туннель, по-видимому, был "защитным сооружением для стока"⁸³, а не стоком, поскольку под мостовой были обнаружены две терракотовые трубы, существование которых можно объяснить только в рамках этой гипотезы. На вершине арки были найдены остатки еще одной терракотовой трубы, целью которой должно было быть отведение просачивающейся дождевой воды и, таким образом, предотвращение ее проникновения и разрушения сводчатой конструкции внизу. Т-образная центральная часть, выполненная из плосковыпуклых кирпичей, несомненно, служила для того, чтобы удерживать стороны арки от обрушения. Хейнс также сообщает, что в одном из частных домов в Ниппуре, который был занят по меньшей мере трижды, самый ранний из трех дверных проемов, обнаруженных в руинах, состоял из сегментной арки.

Еще одна очень ранняя арка была обнаружена М. де Сарзекком в Телло, недалеко от здания Ур-Нина (см. рис. 16), имеющая во многом ту же форму, что и ниппурская арка, показанная на рис. 15, и, несомненно, использовавшаяся для аналогичной цели. Сводчатые проходы, арка которых была полукруглой, были обнаружены Тейлором⁸⁴ при раскопках в Мухейере (Ур) еще в 1855 году.

Опять же, немецкие раскопки в Фаре (Шуруппак) в 1902 и 1903 годах обнаружили ряд круглых комнат, каждая из которых была покрыта аркой, образованной наложенными друг на друга кирпичами, расположенными горизонтально, несколько по образцу более поздней венчанной арки в Ниппуре, показанной на рис. Мы знаем, что купол был изобретен в Вавилонии очень рано, благодаря открытию д-ром Бэнксом в Бисмае помещения овальной формы вблизи храма, нижние части купольной крыши которого были найдены на месте. Древность храма подтверждается его датировкой, которая, по-видимому, относится к досаргонскому периоду, так как зиккурат был облицован планово-выпуклыми кирпичами, характерными для этого периода, а гончарная печь, расположенная неподалеку, была сложена из таких же кирпичей.

В более поздние времена арка, несомненно, использовалась в Вавилонии чаще. Хороший пример поздней вавилонской арки был обнаружен немецкими раскопщиками на Qasr в Вавилоне; арка (см. рис. 18), имеющая римский характер, образует крышу высоких ворот, прорезанных в крепостной стене. Колдевей⁸⁵ считает, что стена, в которой находятся эти арочные ворота, намного старше периода Навуходоносора.

Но Ассирия, более или менее верный подражатель Вавилонии во всех больших и малых делах, также, как известно, использовала арку в качестве архитектурного приема, хотя, как и в Вавилонии, большинство ассирийских арок, которые удалось обнаружить в результате раскопок, связаны с дренажной системой, которой были снабжены все основные здания. Лучшими примерами ассирийских арок обычных размеров являются арки, найденные в Хорсабаде, ворота которого были покрыты полукруглыми сводами. Одни из этих ворот были снесены Плейсом, чтобы внимательно изучить их конструкцию. Высота от мостовой до верха арки составила двадцать четыре с половиной фута, ширина - чуть больше четырнадцати футов. Арка была сложена из грубых кирпичей, одинаковых по размеру и форме, скрепленных между собой мягкой глиной. Сам свод давно разрушился, но материалы, из которых он был сделан, были обнаружены в руинах. О блестяще расписанных фризах, украшавших эти округлые проемы (см. пл. XXX), будет сказано в главе о живописи.

Рис. 17. Арки в Ниппуре.
(Ср. Hilprecht, *Explorations*, p. 420.)

Рис. 18. Арка в Вавилоне.
(Ср. *Mitteil.*, 8, *Abb.* 1.)

Но для изучения того, что можно назвать принципом арки, большее значение имеют подземные каналы, которые были частью системы дренажа, использовавшейся ассирийцами. Эти акведуки встречаются во всех дворцах, как в Нимруде, так и в Куюнджике, но Хорсабад предоставил наиболее хорошо сохранившиеся примеры, а значит, и наиболее ценный материал для тщательного изучения этого архитектурного сооружения. На сайте Хорсабад Плейс обнаружил несколько арочных водостоків различной формы, некоторые из них были круглыми, другие - эллиптическими, третьи - остроконечными, но, очевидно, в каждом случае камни или кирпичи были установлены под углом, так что каждый ряд опирался на предыдущий, и таким образом давление на центр арки было сведено к минимуму. В случае с остроконечными арочными акведуками, найденными Плейсом, арки, о которых идет речь, не являются настоящими арками с траверсами, более того, они вообще не имеют траверсов, как видно на рис. 19, 20; этот арочный водосток измеряет четыре фута

восемь дюймов от земли до центра свода, его ширина около трех футов девяти дюймов, а его первоначальная длина, к сожалению, не известна, хотя Плейсу удалось проследить его на протяжении примерно двухсот двадцати футов. Пол был сделан из больших плит известняка, уложенных в асфальт, а концы каменных плит выходили за пределы стен свода с обеих сторон. Округлый тип арки показан на рис. 21; он имеет полукруглую форму и состоит из трех вуазуаров с каждой стороны, которые вместе с ключом составляют семь, но из-за некоторого просчета ключевой камень, по-видимому, был слишком мал, в результате чего между ним и верхним вуазуаром справа образовался зазор, который был заполнен с помощью каменного клина, который виден на рисунке. Его ширина и высота варьируются в разных местах, в некоторых местах, как говорят, он был достаточно широк, чтобы в нем могли пройти два человека.⁸⁶ Пол был сложен из плит известняка, которые были уложены в асфальт, как и пол остроконечной арки, описанной выше. Арка эллиптической формы, также найденная в Хорсабаде, показана на рис. 22: она состоит из восьми вусуаров и ключевого камня, зазор с обеих сторон которого заполнен двумя каменными клиньями. Неудачная попытка сделать ключевые камни достаточно большими и, как следствие, необходимость в этих дополнительных клиньях может быть вызвана тем, что архитекторы не учли усадку кирпича.

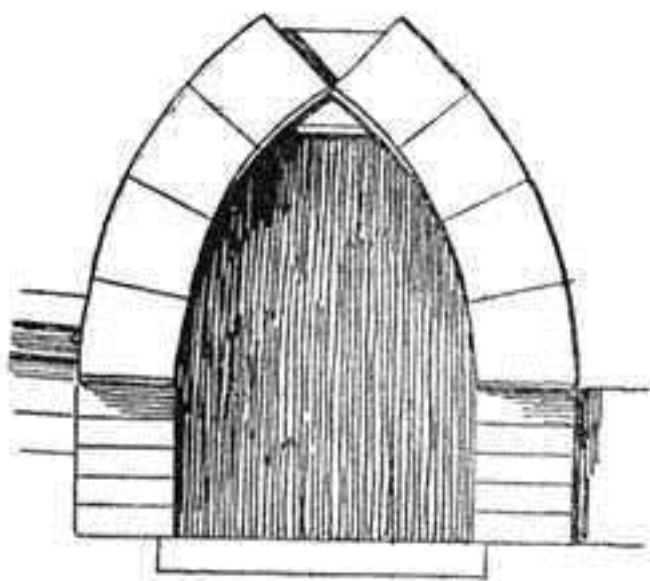

Рис. 19. (Место, *Ниневия*, пл. 38.)

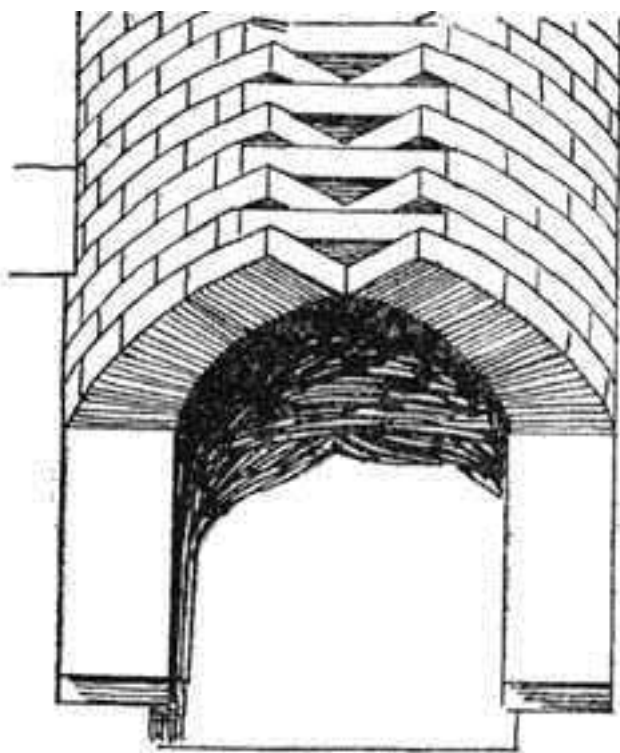

Рис. 20. (Место, *Ниневия*, пл. 38.)

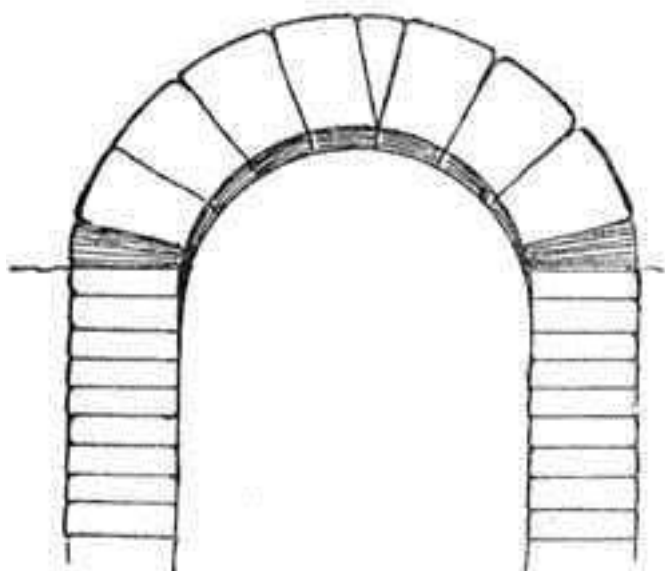

Рис. 21. (Место, *Ниневия*, пл. 39.)

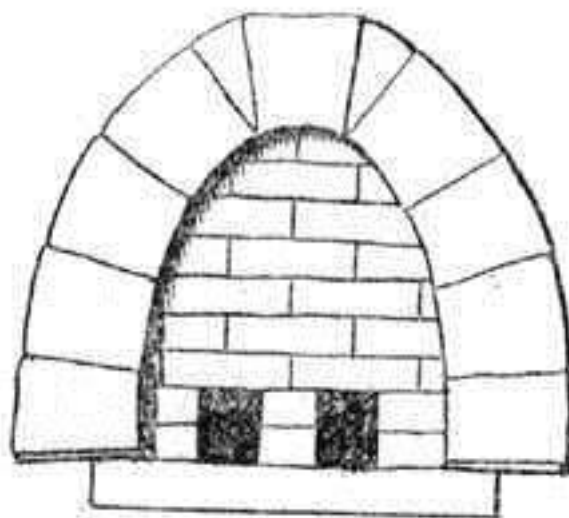

Рис. 22. (Место, *Ниневия*, пл. 39.)

Что касается арочных сооружений в Нимруде (Калахе), Лейард говорит, что обнаружил сводчатое помещение и более одной арки. Он говорит нам, что "арка была построена по хорошо известному принципу сводчатых крыш, кирпичи были положены боком, один к другому, и, вероятно, поддерживались каркасом до завершения свода". О знании принципа куполообразных крыш в Ассирии, как и на родине, свидетельствуют как обнаружение помещений, размеры которых сделали бы невозможным любой другой способ кровли, так и изображения на ассирийских барельефах, как мы уже видели.⁸⁷

Рис. 23. (После Андрае.)

Рис. 24. (После Тейлора.)

Принцип арки также воплощен в некоторых вавилонских и ассирийских могилах, и поскольку в этом томе нет другой возможности обсудить захоронения вавилонян и ассирийцев, можно дать краткое и общее описание одного или двух наиболее хорошо сохранившихся погребальных склепов. В Мухейере (Ур) Тейлор обнаружил ряд арочных склепов (см. рис. 24), высота которых в большинстве случаев составляла около 5 футов, ширина - 3 фута 7 дюймов, а длина - около 7 футов внизу и 5 футов вверху. Арка образована последовательными слоями перекрывающих друг друга кирпичей. Интересно сравнить погребальные склепы, обнаруженные Андрае в Kalat Sherkat (Ашур), один из наиболее хорошо сохранившихся из которых показан на рис. 23.88 Этот свод был обнаружен примерно на 16 футов ниже уровня пола парфянской двери по соседству и более чем на 13 футов ниже более позднего ассирийского покрытия. Во время строительства свод, по-видимому, находился на глубине около 9 футов под поверхностью почвы. Перпендикулярные стены, образующие стороны нижней части гробницы, стоят на кирпичном покрытии, кирпичи имеют площадь около 10-1/2 дюймов и толщину почти 2-1/2 дюйма. Высота этих перпендикулярных стен составляет примерно 30-1/2 дюйма, а слоев кирпича в каждом из них - 13. Сам свод, который, разумеется, начинается там, где заканчиваются перпендикулярные стены, имеет более или менее овальную форму, его пролет составляет 5 футов 2 дюйма, а высота - 2 фута 11 дюймов. Общая высота гробницы от пола до вершины арки составляет почти 5-1/2 фута. Арка, над строительством которой явно потрудились, была сформирована из сорока шести ярусов кирпичей квази-клиновидной формы, каждый из которых напоминал усеченный сегмент круга. Промежутки между ярусами были заполнены камнями, битыми кусками глины и глиняным раствором. Снаружи свод был обмазан глиной, а внутри оставлен чистым. Стены с обоих концов наклонены внутрь, они построены отдельно от свода и тоже довольно высокие. Доступ в гробницу снаружи осуществляется через наклонный и несколько извилистый вход-шахту, построенный вплотную к западной стене, в

которой имеется небольшой арочный проем. Порог этого проема, заполненного неплотно уложенными кирпичами, находится на 23-1/2 дюйма выше пола гробницы. В восточной стене было обнаружено обычное углубление, пол которого находился на высоте около 35 дюймов над полом погребальной камеры. Это углубление было около 19 дюймов в высоту и 13 дюймов в ширину, а глубина углубления была больше, чем глубина стены, и поэтому пришлось построить еще одну стену снаружи, чтобы закрыть его. В углублении другой двойной могилы, найденной Андрае на том же месте, была найдена глиняная лампа, но здесь этого не было; возможно, когда-то в углублении этой гробницы стояла лампа, а ее исчезновение объясняется распадом, которому от долгого пребывания в сырости подвергаются все изделия из необожженной глины. Входная шахта была 39 дюймов в квадрате, а ее дно находилось на одном уровне с порогом небольшого отверстия в западной стене; на 4 фута 2 дюйма выше этого пола располагался второй этаж из гипсовых блоков, которые опирались на стены шахты. Промежутки между этими блоками были заполнены камнями и кусками глины, а верхняя часть шахты (т.е. та, что была выше этих блоков), толщина стен которой составляла лишь половину толщины стен внизу, была аналогичным образом заполнена до самого уровня поверхности. Верхняя часть шахты была нарушена более поздним строительством. В склепе Андрэ обнаружил три скелета, один из которых, по-видимому, принадлежал мужчине, а два других - женщинам. Руки этих скелетов находились под прямым углом к телу, а ноги были сведены и раздвинуты, при этом мужчина лежал на правом боку, а две женщины - на левом. В гробнице были найдены следы истлевшего беловатого материала, который Андрэ считает остатками погребальной одежды. Вместе с трупами также были найдены костяные иглы и керамика. Наиболее интересными предметами керамики были три широкогорлые бутылки, две из которых были украшены темными горизонтальными линиями, а горлышко третьей было украшено белой росписью по темному грунту - техника, хорошо известная в ранние ассирийские времена. Каково было содержимое этих сосудов, мы не знаем; кости барана были найдены как возле двери, так и в других местах, и, несомненно, в этих сосудах когда-то хранились мясные и питьевые жертвоприношения для умерших. В слоях над могилой обнаружены свидетельства по крайней мере трех различных периодов, два из которых относятся к ассирийской эпохе, а один - к парфянским временам.

Однако не все сводчатые могилы в Ашуре относятся к одному и тому же времени; некоторые из них можно отнести к раннему ассирийскому периоду, в то время как другие были построены в более позднее время. Один из этих более поздних кирпичных склепов был раскопан и тщательно исследован Андрае весной 1909 года.⁸⁹ При строительстве этого склепа, очевидно, было разрушено более раннее ассирийское здание. Кирпичи, из которых был сложен склеп, в некоторых случаях несли надпись Тукульти-Ниниба I, но, несмотря на это, сама могила была построена не ранее более позднего времени. Доступ к склепу осуществлялся через входной вал, нижний конец которого был соединен проходом с дверью погребальной камеры. На несколько дюймов выше разрушенных обломков входного вала были обнаружены остатки парфянского здания. Проход был полностью разрушен, но по форме вытесанных кирпичей можно сделать вывод, что он был перекрыт бочкой-сводником. Арочная дверь в погребальную комнату высотой почти 4 фута и пролетом около 22-1/2 дюймов сложена из очень маленьких кирпичей размером 6-1/2 × 2-1/8 дюйма. Он встроен в одну из небольших стен могильной комнаты, а порог сделан из кирпича, как и другие его части.

Кирпичи, составляющие бочкообразную сводчатую крышу погребальной комнаты, имеют площадь 11-3/4 дюйма и толщину 2-3/8 дюйма. В другом конце погребальной камеры находится небольшая арочная дверь, ведущая в другую комнату, также сводчатую. Эта комната длиной около 5 футов и шириной 35-1/2 дюйма построена с меньшей тщательностью и регулярностью, чем основная усыпальница. Толщина боковых стен пристроенного помещения составляет 5-1/8 дюйма, а толщина задней стены - всего 2 дюйма. Порог входной двери в главную погребальную камеру на 20-3/4 дюйма ниже, чем мостовая входного вала, и почти на 19 дюймов выше пола погребальной камеры. В интерьере широко использовались асфальт и штукатурка.

К северо-востоку от входной двери находилась ниша для светильника, расположенная на высоте 3 футов 11-1/4 дюйма от пола, размером 12-1/2 × 13-3/4 дюйма и глубиной 12-1/2 дюйма. В этой нише были обнаружены три терракотовых горшка, и Андрае считает, что эти горшки, вероятно, использовались в качестве ламп. В погребальной камере находились два саркофага в форме ванны, один из которых имел размеры 6 футов 7-1/2 дюйма в длину, 28 дюймов в ширину и 18-1/8 дюйма в высоту, а другой был чуть больше 6 футов 6 дюймов в длину, 31 дюйм в ширину и 17 дюймов в глубину. Крышки обоих саркофагов были слегка изогнуты и плотно скреплены цементом. На верхнем конце одной из крышек были изображены грубые очертания двух цветков.

На кирпичном полу пристройки лежал вытянутый скелет мужчины, а в одном из саркофагов были найдены четыре черепа и три скелета. Два скелета принадлежали мужчинам, третий, лучше всего сохранившийся, - женщине, а скелет, к которому принадлежал четвертый череп, не был найден. Погребальный инвентарь был обычного типа и состоял в основном из терракотовых блюд и ваз, медных браслетов и стеклянных бус.

Рис. 24 А. - Зиккурат на ассирийском барельефе.

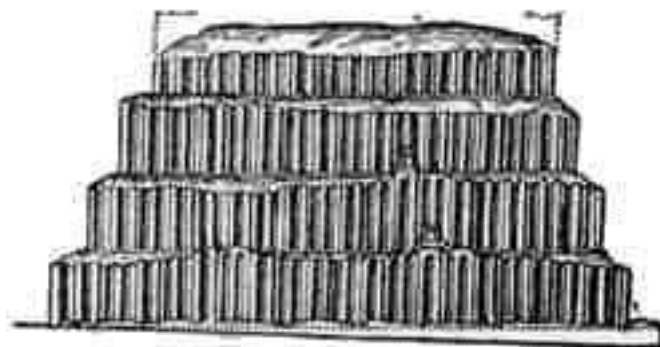

Рис. 24 Б. - Фактические остатки Зиккурата в Хорсабаде. (После места.)

ГЛАВА VI - СКУЛЬПТУРА

Глава о скульптуре естественным образом делится на две части, одна из которых посвящена круглым произведениям, а другая - рельефным или вырезанным на плоской поверхности.

Именно в последней области преуспели вавилоняне и ассирийцы, а их шедевры относятся к барельефному ордеру. Соответственно, нет ничего плохого в том, что рассмотрение их барельефов должно предшествовать рассмотрению их круглых работ.

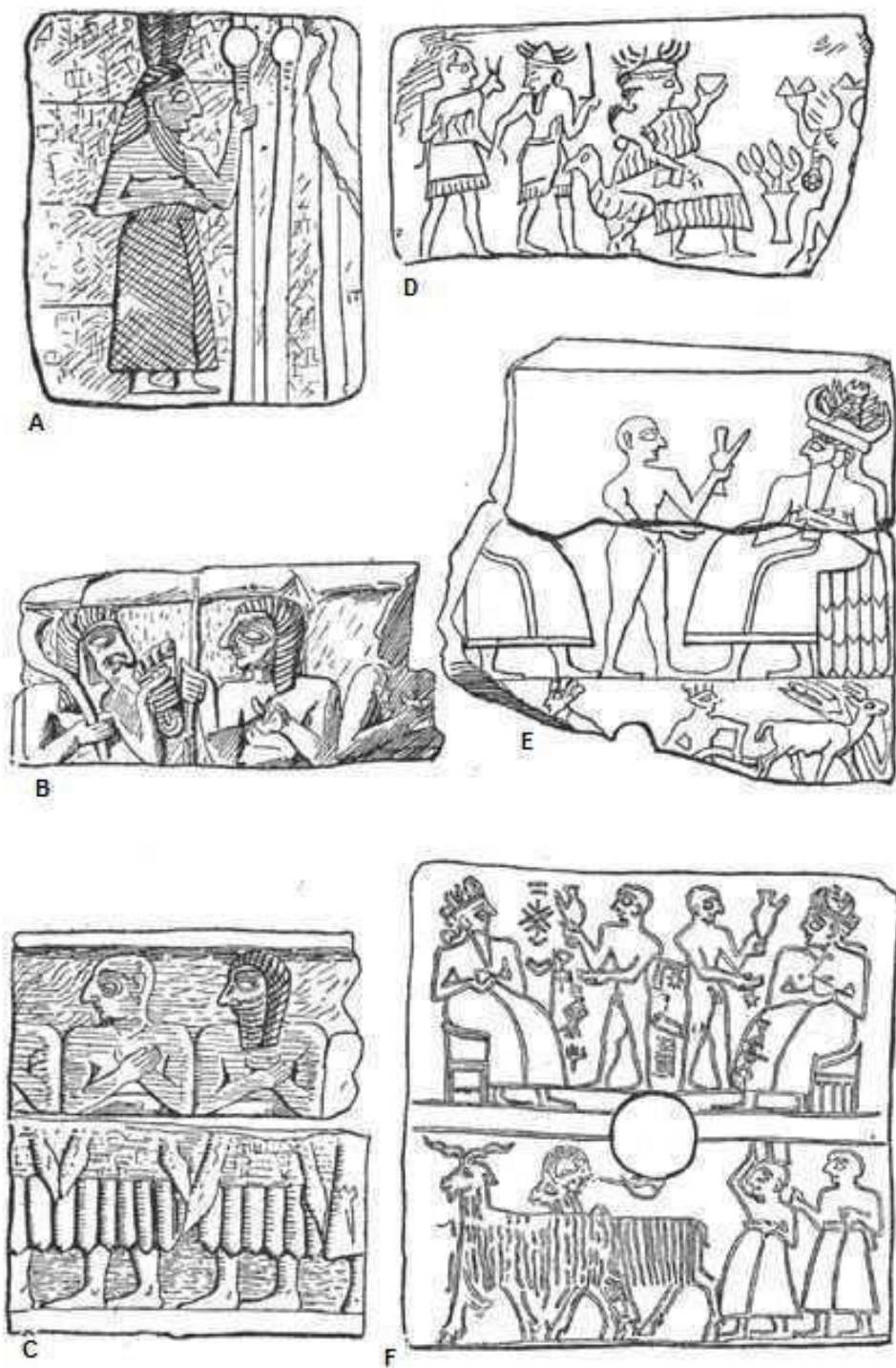

Рис. 25.

- A, Музей Лувра. (Ср. Cat., p. 77, No. 1; *Déc. en Chald.*, Pl. 1 (bis).)
 B, C, Музей Лувра. (Ср. кат. с. 87, 89, № 5; *Déc. en Chald.*, Pl. 1 (bis, tert)).
 D, (Из Hilprecht, *Explorations*, p. 475.)

БАС-РЕЛЬЕФЫ

Барельеф был любимым и, несомненно, наиболее удачным выражением художественного гения как вавилонян, так и ассирийцев с древнейших до новейших времен. Их первые попытки в этом направлении были действительно грубыми, но это недостаток, сопутствующий началу любого искусства. Один из древнейших барельефов, найденных при вавилонских раскопках, представлен на рис. 25, А. Перед нами изображение человека, занятого, по-видимому, каким-то актом поклонения или выполнением неизвестной церемонии. Его большие миндалевидные глаза изображены во весь рост, аквилинный нос выступает вперед в совершенно агрессивной манере, длинные волосы свисают вниз по спине, а голову окружает косынка, из которой выходят два длинных перья; эти перья иногда украшают головы азиатских принцев, изображенных на ранних египетских памятниках. Его обнаженный в остальном бюст несколько смягчен наличием длинной бороды, а одежда состоит из характерной для шумеров квадратной шали, подпоясанной юбкой.левой рукой он держит один из трех священных столбов, перед которыми стоит: над столбами возвышается набалдашник, по форме более или менее идентичный ранним вавилонским булавовидным наконечникам. Надпись, написанная очень архаичными линейными символами, частично сохранившими следы своего живописного происхождения, содержит список подношений, а также упоминание о боге Нин-гирсу и его храме Э-нинну. Эта древнейшая скульптура была найдена де Сарзекком на месте самых ранних построек в Телло. Она сделана из белого известняка и имеет высоту около семи дюймов.

Два фрагмента другого очень архаичного барельефа, найденного в том же районе, показаны на рис. 25, В, С. Во всех лицах, изображенных на этих двух фрагментах, мы видим тот же выдающийся нос и те же большие, ромбовидные глаза, о которых уже говорилось, но в других отношениях они отличаются от типа, изображенного на рис. 25, А. Самый яркий и, вероятно, самый значимый человек в этой группе занимает левый конец рис. 25, Б. О его важности свидетельствует чрезмерная длина его длинных волос и крючковатый скипетр, который он несет на плече, вероятно, в знак его королевских атрибутов. В левой руке он держит нечто, похожее на филейную часть, которую он преподносит верному воину, стоящему перед ним с копьем в руке. На другом фрагменте (рис. 25, С) представлены два других типа, один из которых отличается пышностью волос и бороды, а другой - полным отсутствием волос на голове и лице. В обоих случаях они одеты по одной и той же моде, их единственная одежда состоит из короткой юбки, нижняя часть которой представлена в наиболее архаичной манере рядом полос в форме языка, а верхняя часть написана архаичными линейными символами, в то время как их руки сцеплены на груди в позе покорного, если не безропотного повиновения. Почему и зачем отсутствие волос на голове и лице одной из этих фигур, конечно, неизвестно, но М. Хойзи с некоторой долей правдоподобия предполагает, что фигура изображена таким образом в силу своего сакрального характера. Оба этих фрагмента когда-то составляли часть круглой розетки, которая, вероятно, служила для поддержки вотивного посоха или оружия; они сделаны из твердого известняка и были найдены среди обломков здания, относящегося ко времени до Ур-Нина.

На рис. 25, F представлена репродукция ранней известняковой вотивной таблички из Ниппура,⁹⁰ в верхнем регистре которой обнаженный и чисто выбритый богомолец предлагает возлияние сидящему и бородатому богу, все изображено в двух экземплярах. Внизу за козой и овцой следуют двое мужчин, один из которых несет на голове сосуд, а

другой держит в правой руке палку, при этом оба одеты в обычную шумерскую юбку. Еще одна интересная вотивная табличка (см. рис. 25, E) из Ниппура показывает нам похожую сцену - обнаженный поклонник, стоящий перед сидящим богом, предлагает возлияние, бог перевернут слева, но уникальный интерес к этому фрагменту представляет сцена пахоты, представленная ниже; мы видим человека, пашущего с рогатым животным, вероятно, газелью или антилопой, что указывает на то, что этот архаичный фрагмент относится к периоду, когда ни вол, ни осел не использовались в качестве рабочего скота, а третий⁹¹ барельеф (см. Рис. 25, D), также религиозного характера и происходящий из того же места, изображает сидящую богиню в сопровождении птицы, а перед ней стоит горящий алтарь и зажженный подсвечник. В правой руке она держит остроконечную чашу, а позади нее мы видим длиннородного жреца, ведущего чисто выбритого поклонника, который несет козу в правой руке, в присутствии богини.

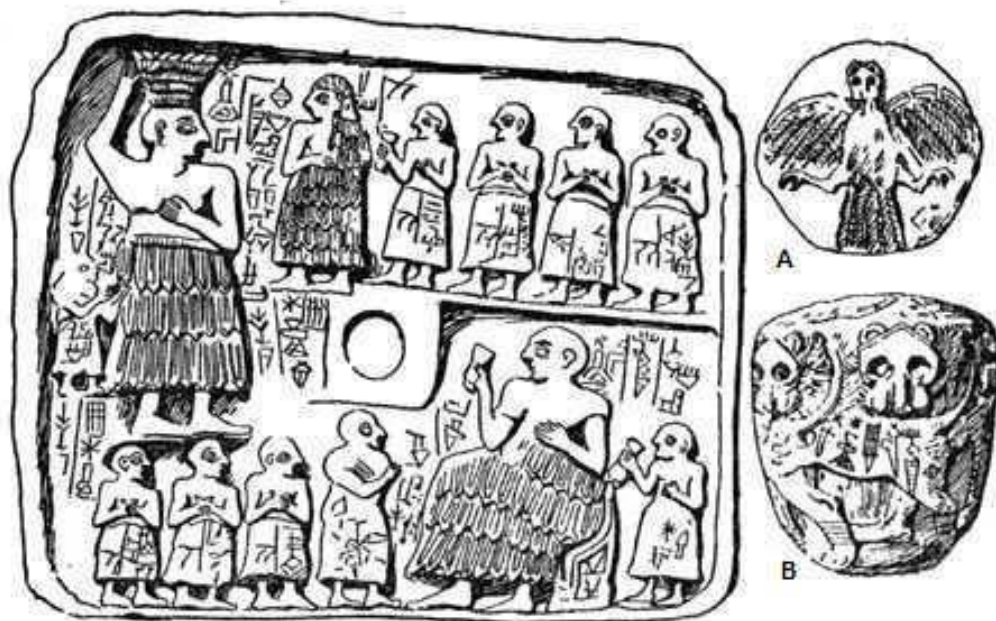
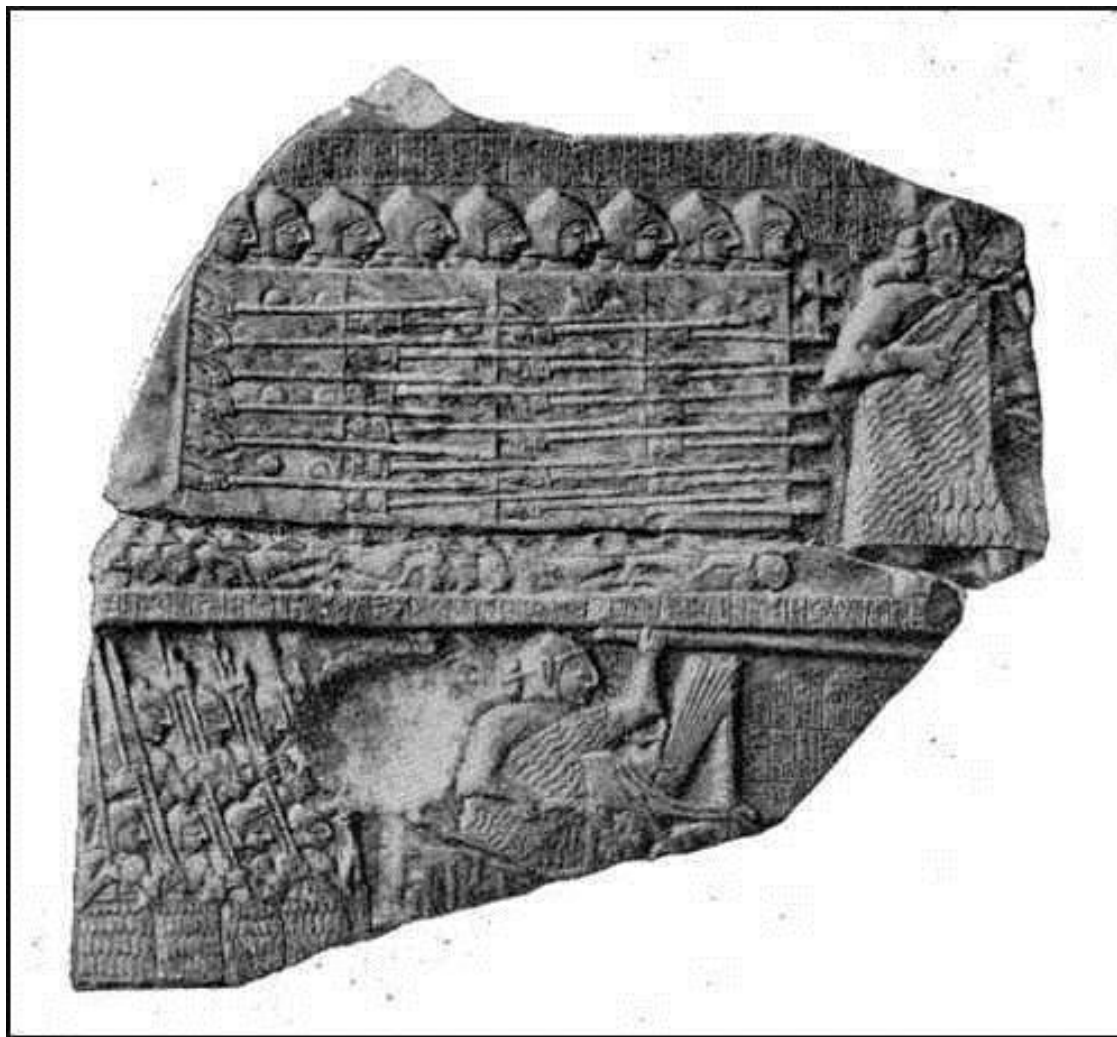

Рис. 26. Музей Лувра. (Кат. стр. 81, 96; *Déc. en Chald.*, Pl. 1 tert, 2 bis.)

Необычайная популярность того, что можно назвать барельефным способом скульптуры среди шумеров, поразительно иллюстрируется его использованием для украшения булавовидных головок и других предметов; на рис. 26, Б мы видим большую булавовидную головку из твердого белого известняка, высотой семь с половиной дюймов и диаметром чуть более шести дюймов. Схема украшения имеет вид процессии львов, шесть штук, все они следуют в одном направлении, и каждый из них вонзает свои зубы в спину льва, идущего впереди. Тела львов изображены сбоку, но колоссальные головы с глазами видны анфас. Эти львы, несмотря на свою грубость, уже удивительно правдивы; верхняя часть буланой головы (А) не осталась без украшений, но была хорошо использована скульптором, который вырезал на ее гладкой поверхности геральдического львиноголового орла Лагаша. На ней высечена надпись Месилима, царя Киша, который, как известно из другой надписи, процветал и правил страной за некоторое время до основания первой династии Лагаша Ур-Ниной, по соседству со зданием которой и была найдена эта буланая голова, хотя и на несколько более низком уровне.

Музей Лувра: *Déc. en Chald., Pl. 3, ii.*

Часть грифа-стелы из Эаннатума, патеси из Лагаша

Теперь мы переходим ко времени Ур-Нина, самым интересным из памятников которого, по крайней мере с живописной точки зрения, является скульптура, представленная на рис. 26. Этот рельеф, разделенный на два регистра, знакомит нас с Ур-Ниним, его семьей и придворными. Сам царь имеет колоссальные размеры, что, несомненно, свидетельствует о его колоссальной власти; в верхнем регистре он изображен стоящим, его левая рука лежит на обнаженном бюсте, как и в нижнем регистре, а правой рукой он балансирует на корзине, в которой, как отметил М. Хозей, вероятно, находится глина и кирпич для фундамента храма Нин-гирсу, а не подношения богу. В пользу этого мнения говорит и надпись, написанная рядом с фигурой корзищика, первая строка которой содержит упоминание о храме Нин-Гирсу. Таким образом, Ур-Нина представлен как слуга своего бога, и о почестях, связанных с выполнением этой работы, можно судить по тому факту, что только он один считается достойным, а его сыновья и последователи просто стоят в стороне, сцепив руки в благоговейном поклоне. Ниже царь изображен в более удобной и домашней позе, хотя и здесь он, похоже, занимается своими религиозными обязанностями; он поднимает свой кубок либо для того, чтобы выпить в честь богов, либо для возлияния, но в любом случае задача должна была быть менее трудной и, возможно, более приятной, чем та, что занимает его в верхнем регистре. За одним исключением, все головы и лица лишены волос, и все одеты в шумерскую короткую шерстяную юбку, хотя юбка царя более воланистая, чем у его придворных, как и подобает царской особе. Тип одежды, встречающийся здесь, а также на

Стеле стервятника и на многих ранних шумерских скульптурах, назывался "каунаки". Фигура, находящаяся непосредственно перед стоящим царем в верхнем регистре, отличается от других не только ростом и юбкой, напоминающей царское одеяние, но и длинными волосами. Мнения расходятся в том, видим ли мы в этой фигуре дочь царя, или, напротив, перед нами портрет старшего сына царя, как считают Хойзей и Радау, и в поддержку их мнения метко сказано о невероятности отведения такой главной роли женщине в этот период; платье отличается от платья Ур-Нина тем, что подвешено через левое плечо, и в этом отношении напоминает мантию Эаннатума на Стеле стервятника (см. Пл. XII). Круглое или квадратное отверстие в центре многих ранних бляшек, без сомнения, должно было служить гнездом для вотивного посоха или оружия, и бляшки с такими отверстиями, соответственно, должны были лежать в горизонтальном, а не в вертикальном положении. Ур-Нина сменил Акургал, который, в свою очередь, уступил место Эаннату, чью знаменитую Стелу Победы мы сейчас и рассмотрим.

К сожалению, этот памятник не был найден в целости и сохранности, но шесть фрагментов, некоторые из которых были небольшими, другие сравнительно большими, но все они представляют интерес, были обнаружены в Телло М. де Сарзекком. Сцены и события, изображенные на сохранившихся фрагментах этой знаменитой стелы, поучительны как с религиозной, так и с исторической точки зрения. На пл. XII представлена репродукция, пожалуй, самого интересного из этих фрагментов. Сцена здесь разделена на два регистра, в обоих из которых изображены войска Эаннатума, ведущие активную службу. Царь возглавляет авангард лично и пешком; над его головой начертан титул "Завоеватель во имя бога Нин-гирсу". Его одежда состоит из юбки "каунаки", о которой уже говорилось, а поверх нее накинута мантия, перекинута через левое плечо и проходящая под правой рукой. Его голову защищает шлем, заостренный сверху, как у его воинов, но отличающийся от тем, что снабжен ушными раковинами; его длинные волосы большей частью свисают вниз по спине, часть из них, однако, собрана и связана косынкой на затылке. В правой руке он держит нечто, похожее на бумеранг.

Его войска выстроены в клинообразный строй, и если это изображение намеренное, то оно является удивительным свидетельством мастерства в военной тактике, которого шумеры достигли в столь ранний период, но, с другой стороны, это может быть просто следствием незнания перспективы художником. Их наступательное оружие состоит из копий длиной около шести или восьми футов, а для защиты они держат большие прямоугольные щиты, закрывающие все их тело от шеи до лодыжек. Если бы возникли сомнения в удаче этой армии Эаннатума, то они сразу же развеялись бы при взгляде на ноги воинов, которые безжалостно топчут распростертые тела своих побежденных врагов.

Ниже мы видим еще одну батальную сцену: король снова ведет свои войска в бой, но здесь он сидит на своей колеснице, его одежда идентична той, что на нем в верхней части этого рельефа, а в правой руке он держит бумеранг, похожий на тот, которым он вооружен выше, но в левой руке он держит длинный посох, конец которого, к сожалению, не виден из-за плохой сохранности этой части скульптуры, но, несомненно, острие этого грозного оружия когда-то находилось в непосредственном контакте с бритой головой побежденного врага, а перед ним - колчан, набитый стрелами.

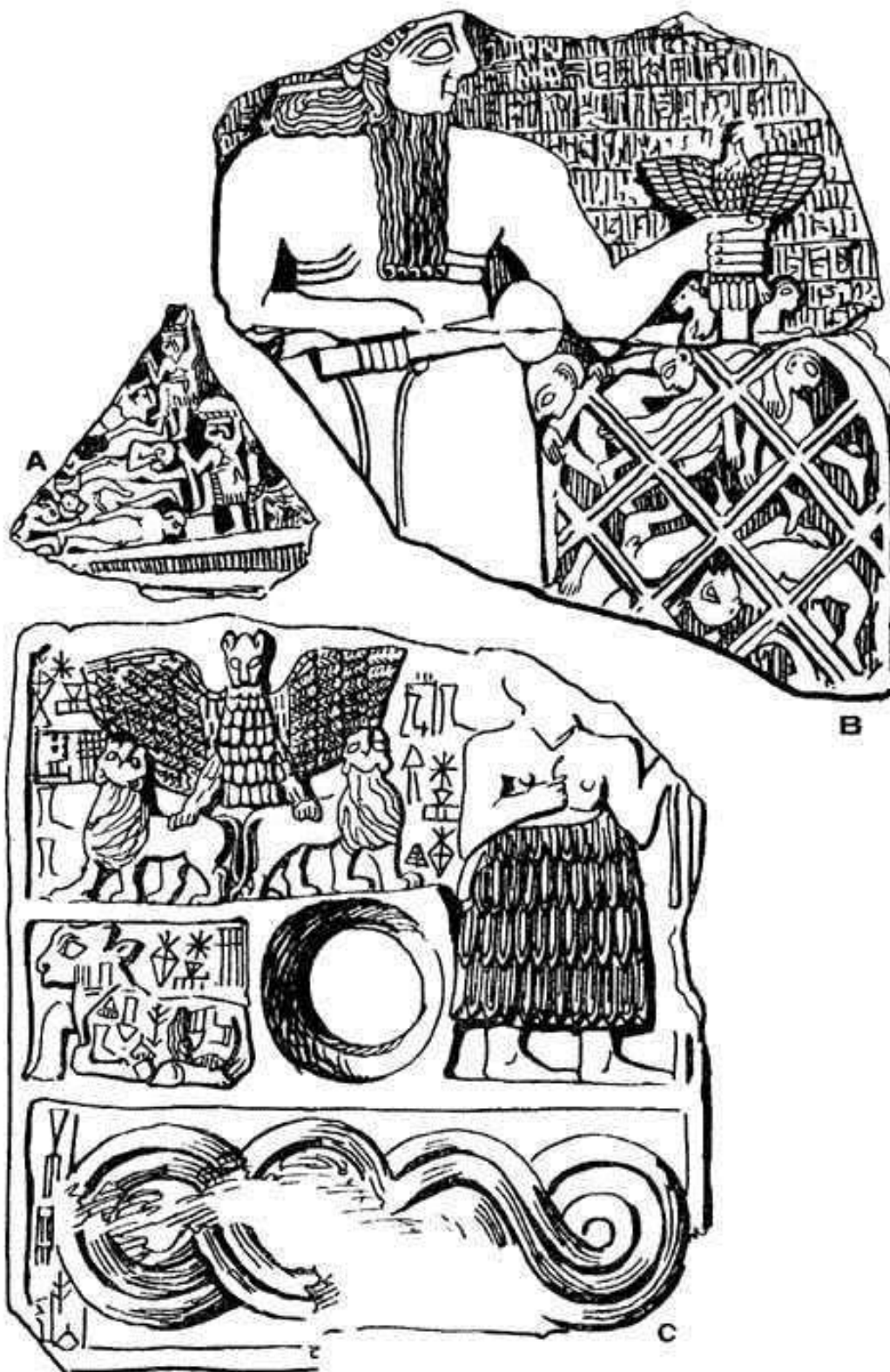

Рис. 27. Музей Лувра.

A, B. (Ср. Кат., стр. 105, 107.)

C. (Ср. Cat., p. 123; *Déc. en Chald.*, Plate 5, bis.)

Его последователи в данном случае вооружены длинным копьем и боевым топором, но не защищены щитами, хотя их головы покрыты теми же шлемами конической формы, а одеты

они в знакомые юбки "каунаки". Возможно, в этих войсках мы видим отряд личных телохранителей короля. Что сразу бросается в глаза в этой скульптуре, так это необычайное несоответствие между грубостью искусства, с одной стороны, и продуманным снаряжением и устройством армии Эаннатума, с другой, из чего ясно, что энергия шумеров в это время тратилась на поле боя, а не на занятия мирными искусствами.

Другой фрагмент этой замечательной скульптуры представлен на рис. 27, А. Перед нами настоящая груда трупов, наваленных друг на друга. Они полностью обнажены, а их головы обриты в явном отличии от войск Эаннатума. Тела вытянуты и расположены так, что голова каждого лежит впритык к ногам его соседа; две фигуры, одетые в короткие юбки с архаическим окаймлением, поднимаются на эту кучу с помощью веревки; свободная рука каждого занята тем, что балансирует на голове корзиной, в которой, возможно, находятся подношения для павших, но, скорее всего, земля, чтобы похоронить их трупы. Вопрос о том, представляют ли эти наложенные друг на друга трупы павших воинов армии Эаннатума или пораженных врагов Лагаша, является предметом спора; Но тот факт, что тела обнажены, а также тот факт, что ни в одной из вавилонских или ассирийских сцен сражений нет ни одного примера, когда воин армии победителя был бы представлен убитым, и, наконец, невероятность того, что художник подчеркнул потери Эаннатума таким заметным образом, особенно на стеле победы, - все это свидетельствует против первого и в пользу второго мнения. В этом случае мы имеем поразительное свидетельство милосердия, проявленного шумерами в самые ранние времена, когда врагам, очевидно, иногда разрешалось хоронить своих мертвых.

На рисунке 27 В представлен еще один фрагмент этого уникального образца шумерского искусства. Представитель Лагаша здесь изображен в колоссальном масштабе; на его голове - обилие волос, а с лица свисает длинная борода, похожая на ту, что носил Гильгамеш на цилиндрических печатях. Возможно, как предполагает Хозей, эта фигура представляет собой изображение этого героя вавилонского фольклора, но, скорее всего, это изображение самого бога Нин-Гирсу. В любом случае, это вряд ли может быть Эаннатум, так как последний на этой же стеле изображен чисто выбритым. Эта колоссальная фигура держит в левой руке геральдический герб Лагаша, а в правой - круглоголовую булаву, похожую на те, что встречаются на других ранних барельефах. Перед ним лежат несколько пленников, заключенных в сеть или клетку (ср. *Nab. I. 15*); одна из этих несчастных жертв просунула голову сквозь сетку своей тюрьмы, чтобы уклониться от следующего удара, но эта похвальная попытка, похоже, не увенчалась успехом, которого она заслуживала, так как головка булавы находится в непосредственном контакте с головой человека, о котором идет речь. Все изображенные здесь фигуры, как принадлежащие к армии Эаннатума, так и вражеские, имеют один и тот же тип лица, наиболее характерными чертами которого являются большие миндалевидные глаза и аквилинный нос. Стела известна как "Стела стервятников" и получила свое название от другого фрагмента, на котором изображены несколько стервятников, отрывающих головы и резко отрубленные конечности убитых. Эаннатума, чьи победы здесь изображены, сменил Энннатум, а после него на престол взошел Энтемена, племянник Эаннатума. К сожалению, художественные реликвии его времени немногочисленны, но те, что сохранились, представляют особый интерес. В одной из последующих глав (см. рис. 45) мы уделим некоторое место рассмотрению серебряной вазы этого древнего правителя, а здесь (см. рис. 27, С) мы имеем образец скульптуры его правления.

Этот небольшой скульптурный блок, изготовленный из смеси глины и битума и по внешнему виду напоминающий черный камень, был найден по соседству со зданием, сложенным из

кирпича, носящим имя Энтемена. В верхнем регистре мы видим геральдический знак города Лагаш - львиноголовый орел, схвативший двух львов, обращенных в противоположные стороны, что, несомненно, указывает на власть, которую Лагаш осуществлял над народами Шумера и Аккада. Мы уже видели его на Стеле стервятника, он встречается и на еще более ранних памятниках Ур-Нина, но сравнение царского герба, представленного здесь, с устройством на Стеле стервятника (см. рис. 27, В) показывает заметный прогресс с художественной точки зрения. Орел все еще достаточно стереотипен, а чрезвычайная детализация, с которой художник обработал свой предмет, привела к нежелательному эффекту, сделав его еще более формальным, чем он мог бы быть в противном случае, но львы гораздо более оживлены и энергичны по концепции, чем в ранних скульптурах. Вместо того чтобы бесстрастно и безжизненно идти рядом, они буквально корчатся под ударами своего победоносного врага, крылья которого они стремятся перегрызть своими зубами. Ниже мы видим изображение скрюченного теленка или телки, одна из передних ног которой поднята вверх, как будто она собирается вскочить. Как говорит Хозей, поза этого животного удивительно естественна, и, должно быть, его изучали с натуры; она сразу же напоминает процессию животных, выгравированную на серебряной вазе Энтемены (см. рис. 45). Несомненно, изображенное здесь животное - жертвенное. Справа от центрального отверстия, столь часто встречающегося в этих ранних скульптурах, стоит богомолец гигантских размеров, держащий в левой руке посох. Он чисто выбрит и обнажен до пояса, с которого свисает обычная юбка каунаки. Нижняя часть этого небольшого блока украшена свитком, который так часто встречается на цилиндрических печатях. Однако размер его воспроизведения здесь совершенно непропорционален остальной скульптуре, и, возможно, в данном случае он представляет собой моток шерсти как еще одну форму подношения. Упоминание жреца Дуду, чье имя также встречается на серебряной вазе из Энтемены, устраняет любую неопределенность в отношении периода, к которому мы должны отнести этот маленький блок, хотя суждение, основанное на изучении стиля искусства, представленного здесь, независимо поместило бы его в ту же категорию, что и серебряную вазу из Энтемены. Линейные знаки, которыми написана надпись, более развиты, чем те, что встречаются на памятниках Ур-Нина и Эаннатума, многие из них уже имеют клинообразную форму, характерную для письма, называемого "клинописью".

ПЛИТА XIII

Фото. Мэнселл

Музей Лувра

Стела победы Нарам-Сина

Сказанного, пожалуй, достаточно, чтобы дать общее представление о художественных достоинствах или недостатках старых шумерских барельефов первой династии Лагаша. Следующая вавилонская школа искусства, которая особенно привлекает внимание и вызывает восхищение, - это та, которую породила эпоха царей Аккада или Агаде. С некоторых точек зрения месопотамское искусство достигло в этот период своего апогея; ни до, ни после него не было достигнуто такого успеха в воспроизведении человеческих фигур, а скульптуры, относящиеся к этому периоду, в некотором роде уникальны в истории восточного искусства. Самый известный из этих памятников вавилонского гения изображен на пл. XIII. Эта стела, найденная в Сузах во время эпохальных раскопок М. Г. де Моргана, была изготовлена в честь какой-то знаменательной победы, одержанной Нарам-Сином из Агаде. Царь изображен поднимающимся на высокую гору; за ним шествуют его верные воины, вооруженные копьями или копьем и, очевидно, несущие штандарты. Сам царь вооружен луком и стрелами, а также боевым топором, а его голову защищает рогатый шлем; перед ним сидит один из врагов, в шею которого глубоко вонзилась стрела, а другой держит сломанный конец копья. Фигура царя полна жизненной силы и оживления и представляет собой разительный контраст с безжизненной условностью, характерной для более древних вавилонских и более поздних ассирийских изображений человеческих существ. Вся сцена оживлена действием, и эффект не омрачен никакой чрезмерной диспропорцией между фигурой царя и его последователей. Над головой царя сохранились остатки надписи Нарам-Сина, а на конусе, предназначенном для изображения горы, на которую взбирается царь, есть надпись, занимающая семь строк и содержащая имя Шутрук-Наххунте, царя Элама, что, по-видимому, указывает на то, что стела была захвачена эламитами и доставлена в Сузы в качестве трофея. Интересный базальтовый барельеф этого же царя был обнаружен близ Диарбекра (см. рис. 28 "А"). Нарам-Син стоит справа от надписи, одетый в некое подобие пледа и в конической шапке. Его борода длинная и заостренная, запястья опоясывают браслеты, а в каждой руке он держит короткий посох.

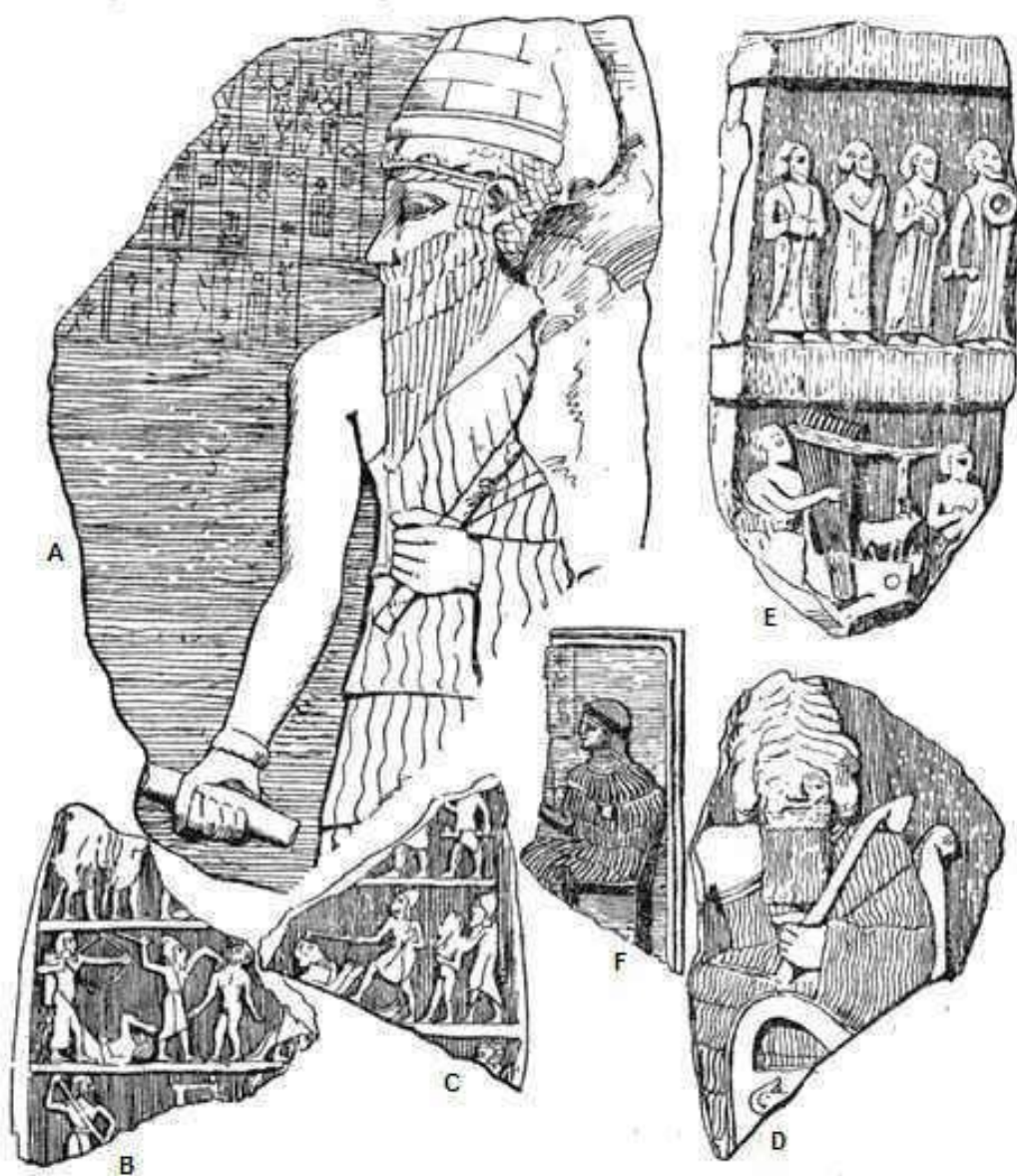

Рис. 28.-А. (Hilprecht, *Old Bab. Inscr.*, II, p. 63, No. 120.)

В, С, D, E, F, Музей Лувра. (Ср. Cat., pp. 131, 133, 139, 151, 147; *Déc. en Chald.*, Plates 5, 22, 23, 24.)

Остатки (см. рис. 28 "В", "С") другой очень интересной стелы, относящейся примерно к той же эпохе или немного раньше, и имеющей военный характер, были обнаружены де Сарзекон в Телло. В верхнем регистре фрагмента "В" изображены три воина, идущие в строю, двое из них - лучники и несут колчаны, украшенные большими листьями, а от третьего осталась только нога. Во втором регистре лучник изображен натягивающим лук; его поза неподвижна и устойчива, лук согнут до предела, а колчан висит через плечо; перед ним на спине лежит поверженный противник, и в отличие от своего победителя, облаченного в длинную тунику, он полностью обнажен, а его правая рука поднята в мольбе. Далее мы видим другого воина в короткой юбке с бахромой и в коническом шлеме: левой рукой он хватается за бороду врага, который также обнажен, как и его распростертый брат в том же регистре, а правая рука поднята, собираясь обрушить свою узловатую булаву на лицо поверженного пленника. Ниже - фигура другого воина, вооруженного длинной пикой. В "С" находится еще один фрагмент этой интересной скульптуры, в верхнем регистре которой изображены два воина, марширующие в строю; тот, кто стоит позади, несет на прицеле боевой топор. В нижнем регистре воин в короткой юбке и шлеме схватился с распростертым противником;

одна его нога уперлась в живот несчастного, а правой рукой он еще больше наказывает его с помощью своей узловатой дубины. За этими двумя фигурами изображена еще одна подобная сцена; здесь всемогущий воин вооружен длинным копьем, которое он несет на портупее; правой рукой он ведет за собой пленника гораздо ниже себя ростом, руки которого связаны за спиной; пленник обнажен, как и большинство поверженных врагов Шумера и Аккада, изображенных скульптором. От третьего регистра остались лишь голова и верхняя часть лука лучника.

Помимо духа, оживляющего эти маленькие фигурки, главный интерес в связи с ними представляет общая схема художественного изображения, принятая здесь. Теперь армия завоевателей не изображается *массово*, как на Стеле стервятника из Эаннатума, но идея, передаваемая в рисунке, и событие, о котором идет речь, точно такие же в обоих случаях. Преобладает идея победы, только изображение фаланги вооруженных войск, попирающих ногами обнаженные тела своих врагов, уступило место серии отдельных эпизодов индивидуального боя, представленных по гомеровскому образцу. Эта скульптура явно принадлежит к той же школе, что и стела Нарам-Сина "Победа", которая, однако, вероятно, несколько предшествует ей, поскольку клинописные знаки, найденные на втором фрагменте, носят более архаичный характер, чем те, что использованы на памятниках Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина. То немногое, что осталось от надписи, представляет значительный интерес, поскольку содержит упоминание города Агаде, центра семитской империи, основанной двумя названными царями.

Теперь мы должны перейти от эпохи семитских царей Агаде или Аккада к более позднему периоду шумерской цивилизации, эпохе, когда жили и правили Ур-Энгур и Дунги, цари Ура, и Ур-Бау и Гудеа, правители Лагаша. Мы не можем назвать точную дату правления ни одного из этих правителей, но, вероятно, они процветали где-то в середине третьего тысячелетия до н. э. Один из самых интересных барельефов, относящихся к этому времени, воспроизведен на рис. 28, "D". Здесь изображен бог, восседающий на троне. Он носит длинную квадратную бороду, а его голова увенчана рогатой шапкой, символизирующей божество; его мантия покрывает почти все его тело, исключение составляет только правая рука. Голова, которая своим контуром и общим видом напоминает головы ассирийских крылатых человекообразных львов и быков примерно пятнадцать или шестнадцать веков спустя (см. табличку XXV), как и они, изображена анфас, а сидящее тело изваяно в профиль; в левой руке бог держит скипетр, конец которого выполнен в виде листа. На рис. 28, "E", представлена репродукция, вероятно, самого крупного фрагмента раннеавилонского барельефа. Он был раскопан в Телло и имеет около четырех футов в длину. Верхняя часть рельефа занята процессией из четырех фигур, очевидно, занятых служением богам, а внизу видна сидящая фигура, играющая на сложном инструменте из одиннадцати струн, нижняя часть рамы которого украшена рогатой головой и фигурой быка. Судя по всему, этот рельеф был частью каменной розетки.

Как и следовало ожидать, материалом для большинства вавилонских, а также более поздних ассирийских барельефов служили разновидности известняка и алебаstra, поскольку этот вид камня легко поддается воздействию резца, но иногда для этой цели использовались и более твердые камни.⁹² Так, на рис. 28, F представлен эскиз рельефа из черного стеатита, относящегося к этому периоду. Фрагментарная надпись сообщает нам имя богини Нингал, которая здесь изображена в необычайно привлекательной манере и с необычным количеством деталей. Изысканное одеяние покрывает все ее тело, ожерелье украшает горло; волосы свисают на плечи, а корона головы окружена косынкой. Общая техника исполнения этой небольшой скульптуры удивляет своей верностью природе; поза богини ,

ее полуотвернутое тело и левая рука, небрежно опирающаяся на спинку кресла, очень реалистична, а само лицо не лишено красоты. Трудность, связанная с изображением человеческого глаза в профиль, столь болезненно проявляющаяся на Стеле стервятника и других ранних шумерских памятниках, где глаз изображен анфас, а остальная часть головы выполнена в профиль, здесь преодолена, и перед нами совершенно естественное по замыслу и исполнению лицо и голова.

Через несколько столетий после Гудеа город Вавилон стал центром главной власти в Южной Месопотамии. К сожалению, раскопки не принесли нам богатого урожая для изучения художественного развития скульптуры в этот период, но имеющийся материал склонен показать, что в промежутке между поздней династией Лагаша, в эпоху которой жил Гудеа, и установлением первой семитской династии в городе Вавилоне было гораздо меньше развития, чем в период, отделяющий первую династию Лагаша от эпохи Саргона и Нарам-Сина, семитских царей Агаде.

ПЛАТА XIV

Фото. Мэнселл Музей Лувра
Стела с выгравированным кодексом законов
Хаммурапи
Свод законов Хаммурапи

Фото, Мэнселл Британский музей
Скрижаль бога Солнца

На пл. XIV представлена репродукция скульптурной стелы из черного базальта, на которой начертан всемирно известный свод законов Хаммурапи, самого прославленного царя первой династии Вавилона. Царь изображен стоящим в благоговейном поклоне перед богом Солнца Шамашем, от которого он получает начертанные ниже законы. Царь одет в длинную мантию, достигающую ему до щиколоток, но правая рука, поднятая в знак поклонения, не скована складками мантии. Сидящее божество также имеет длинную бороду, но его высокая рогатая шапка сразу отличает его от обожяемого слуги, а из его плеч вырываются языки огня, несомненно, представляющие лучи солнца. В правой руке он держит кольцо и посох, олицетворяющие власть и могущество. Подобным образом он изображен на табличке Набу-аплу-иддина (см. пл. XIV), а также на двух современных стелах в Лувре, на одной из которых он изображен стоящим. Под его ногами изображены горы в миниатюре. Законы, запечатленные на этой стеле, которая сейчас является одним из сокровищ Лувра, насчитывают около двухсот восьмидесяти пунктов и касаются самых разных тем. Она была установлена в Э-сагиле, храме главного бога Мардука в Вавилоне, чтобы каждый пострадавший в суде мог обратиться к ней. Как и многие другие памятники вавилонской древности, эта стела была захвачена эламитами и перевезена в Сузы, где и оставалась до тех пор, пока в результате французских раскопок на этом месте она вновь не стала известна.

Как мы уже видели⁹³, династия, к которой принадлежал Хаммурапи, прекратила свое существование некоторое время спустя в результате вторжения хеттов, могущественного горного народа, чья родина находилась в Каппадокии. Примерно через столетие после этого, то есть около 1800 года до н. э., другой горный народ, известный как касситы, спустился со своих опорных пунктов на территории эламитов к востоку от Тигра на незащищенную Вавилонскую равнину, где установил и долгое время сохранял свое господство. К сожалению, художественные реликвии касситского периода немногочисленны и по большей части малозначительны. Тем временем, однако, ассирийцы на севере утверждали свою независимость и в конце концов (то есть около 1275 года до н.э.) сумели покорить Вавилонию и установить свое господство над всей Месопотамией. Несмотря на это, у нас практически нет образцов искусства скульптора в течение долгого промежутка времени, отделяющего падение Первой династии Вавилона от девятого века до нашей эры, и только во времена Ашшур-насир-пала, царя Ассирии, и Набу-аплу-иддина, царя Вавилона, мы снова можем подробно изучить работу скульптора в Тигро-Евфратийской долине. Первому царю мы обязаны большой серией барельефов, снятых со стен его дворца в Нимруде (Калах), а второму - одним из самых интересных и поучительных вавилонских барельефов (см. пл. XIV).

Один из самых ранних образцов ассирийского барельефа, найденный Тейлором в деревне Корхар, расположенной примерно в пятидесяти милях к северу от Диарбекра. Рельеф, о котором идет речь, был изваян на естественной скале, которая была сглажена для этой цели по приказу Тиглата-Пилесера I (ок. 1100 г. до н.э.).⁹⁴ Царь представлен в стоячей позе, его правая рука вытянута и указывает указательным пальцем, а в левой руке он держит булаву; фигура и общий вид царя уже достаточно стереотипны и не отличаются большей оригинальностью и энергичностью, чем изображения более поздних ассирийских царей. Этот же монарх оставил нам верхнюю часть обелиска, воздвигнутого в память о его подвигах в погоне, на одной стороне которого находится небольшой рельеф, на котором Тиглат-Пилесер изображен принимающим покорность различных вассальных вождей, а над их головами изображены эмблемы некоторых божеств, наиболее интересным из которых является крылатый человекообразный диск Ашшура, бога-покровителя Ассирии. Но эти рельефы, какими бы интересными они ни были, дают нам мало материала для оценки скульптурных способностей ассирийцев в этот период; главный вывод, который они

позволяют нам сделать, заключается в том, что ассирийское искусство, похоже, не продвинулось и не упало заметно в течение двухсот или более лет, которые прошли между временем Тиглата-Пилесера и Ашшура-на-Е63-ир-пала. Последний сменил своего отца Тукульти-Ниниба II на посту царя Ассирии (885 г. до н. э.). Тукульти-Ниниб в значительной степени восстановил упавшее состояние северной страны, подготовив тем самым почву для успехов последующих царствований, но Ашшур-на-Ниниб расширил власть Ассирии во всех направлениях, а также укрепил ее власть над районами, урезанными его отцом. Поэтому нет ничего противоестественного в том, что он пожелал запечатлеть и увековечить запись своих побед в живописной форме на стенах своего дворца в Нимруде, и именно с его правления начинается история ассирийских барельефов, насколько нам позволяет судить имеющийся материал.

Ассирия была в некотором роде естественной родиной барельефа, поскольку в ней имелись обильные запасы алебастра и известняка, мягкость которых облегчала работу художника и сводила его трудности к минимуму: Вавилония же практически не давала камня, а все, что использовалось, приходилось добывать на расстоянии и перевозить с большими затратами и трудом, и этот факт делает ранние усилия вавилонян в этом направлении еще более достойными похвалы, а мастерство, к которому эти усилия привели, как, например, на стеле Победы Нарам-Сина, еще более поразительным. Но, несмотря на это, барельеф был более развит в северной стране, где он играл важнейшую роль в художественной жизни народа. Общая цель этих барельефов заключалась в том, чтобы увековечить победы короля над врагами и его завоевания в погоне, а не создать чисто эстетический эффект. Другими словами, это скорее живописные записи, чем художественные произведения, и об этом свидетельствуют клинописные тексты, которыми они обычно исписаны. Однако в то же время они дают материал для изучения ассирийской скульптуры. Искусство скульптуры в Ассирии страдало всеми недостатками, которые постигают каждое искусство, когда оно становится профессиональным: ему не хватает спонтанности, которая является самой сутью искусства, его делают на заказ, и поэтому оно неизбежно не знает свободы, а является скучным рабом конвенционализма. Но, несмотря на все это, барельефы Ашшура-на-Е63-ир-пала и его преемников, которым мешают эти универсальные враги человеческого искусства, профессионализм и условности, все же хранят или, если угодно, заключают в себе художественный гений народа, и именно поэтому, если не по какой-либо другой причине, заслуживают пристального внимания.

Фото. Мэнселл

Британский музей

Барельеф Ашшура-на-Ир-пала

Рельефы, покрывавшие стены дворца Ашшура в Нимруде (Калах), состоят либо из отдельных фигур гигантских размеров, либо из серии небольших сцен, разделенных на два фриза клинописными надписями. На пл. [XV](#) мы видим Ашшур-нахир-пала, за которым следует крылатое мифологическое существо; оба заняты исполнением религиозной церемонии, царь с луком и стрелами, которые он держит в руках, сопровождающий - с конусом, который он держит в правой руке. О полубожественном характере крылатого существа свидетельствует его головной убор, состоящий из рогатой шапочки, но лица обеих фигур более или менее идентичны, что является печальной особенностью всех ассирийских изображений человеческих или получеловеческих существ. Главные особенности этого типа лица - большие глаза, изогнутый нос и обилие волос как на голове, так и на лице. Обе фигуры одеты в длинный халат и мантию с глубокой бахромой, достигающие до ступней. Обувь состоит из сандалий, скрепленных ремешками, проходящими через щиколотку и вокруг большого пальца. Мускулистые руки обоих украшены браслетами, орнамент на которых повторяет вездесущую розетку, столь характерную для ассирийского искусства. Головной убор царя состоит из шлема, с которого свисают два хвоста, и по своему виду в целом не отличается от епископской митры. И царь, и божественный служитель носят, похоже, два кинжала,

засунутых в пояс. Мускулистость, заметная на руках, еще более агрессивна на левой ноге мифологического существа, которая, в отличие от королевской, оставлена обнаженной. Эта гротескно реализованная концепция силы - всего лишь декадентский потомок естественной выраженной энергичности, столь заметной в статуях Гудеа. И здесь можно упомянуть одну характерную особенность ассирийской скульптуры: можно заметить, что длинная клинописная надпись выбита прямо через весь рельеф, следуя ровным или неровным тоном совершенно безрассудно через крылья, одежды, тела и руки, и нет ни одного препятствия, которое она не преодолела бы, даже за исключением глубокой бахромы на мантиях.

Сюжеты небольших рельефов Ашшур-нахир-пала многочисленны и разнообразны, но все они вращаются вокруг одной из двух тем - поля битвы или погони. На одном из них Ашшур-нахир-пал сошел со своей колесницы и принимает покорность врага; на другом мы видим несколько беглецов, плывущих к крепости на надутых шкурах. Здесь мы видим, как вожди данников приносят подношения, чтобы положить их к ногам своего властного повелителя, а дальше мы видим лучников Ашшур-на-Ир-пала, запряженных в свои колесницы и выпускающих стрелы в противника. На одном рельефе сам царь сидит на своей колеснице с полностью натянутым луком; в другом Ашшур-на-Шир-пале изображен в момент переправы через реку; царь, однако, не сошел с колесницы, а переправляется на гребном судне, колесница и все остальное.

Один из самых ярких из этих небольших барельефов представлен на пл. XVI(2). Ашшур-нахир-пал со своим войском штурмует осажденный город; стены города украшены кренделями по обычной месопотамской моде. Непосредственно перед стенами установлена передвижная башня на шести маленьких колесах с тараном, о действенности которого можно судить по кирпичам, падающим с побитых стен. На вершине башни стоит лучник с согнутым луком, которого защищает другой воин со щитом. Король изображен за подвижной башней в момент натяжения лука; его головной убор отличается от головного убора воинов, которые носят конические шлемы. На пл. XVI(3) мы видим воинов Ашшур-на-Ирпала, возвращающихся с поля боя с победой. Справа на картине изображены две трехконные колесницы, обе несут знаменосцев; над ними мы видим стервятника, уносящего свою добычу, которая в данном случае состоит из человеческой головы, а впереди - пехоту, которая, кажется, злорадствует над кровавыми головами своих поверженных противников, а для придания сцене большей жути два музыканта играют на струнных инструментах.

Ашур-нахир-пал, однако, гордился своими победами в погоне не меньше, чем завоеваниями на поле боя, о чем свидетельствуют многочисленные сцены охоты, которые он вырезал в рельефе на стенах своего дворца. На пл. XVI(4) мы видим Ашшур-нахир-пала, возвышающегося на своей колеснице, в процессе уничтожения льва с помощью лука и стрел. Лев изображен очень смело, и мастерство художника в изображении жизни или смерти животного, как здесь, в сравнении со стереотипной безжизненностью царя, достаточно поразительно. Но ассирийское искусство не достигает здесь своего апогея, как мы увидим, когда перейдем к рассмотрению львов на барельефах Ашур-бани-пала; последние демонстрируют определенную деликатность в обращении и понимании всех тех бесконечных тонкостей и разнообразных нюансов, которые являются отличительной чертой жизни, животной или человеческой, в зависимости от случая, и которые, очевидно, не ощущаются или, во всяком случае, не реализованы успешно в ранних работах. Изображение льва здесь сильно и реалистично, но зритель никогда не может отделаться от сознания того, что это живописное изображение; он никогда не может отрешиться от мысли о скульпторе и совершенстве его искусства, или потерять себя, пусть только на мгновение, в самой реальности. Но на рельефах Ашур-бани-пала можно на короткое время забыть о художнике и

его работе и увидеть самого льва; можно уловить слабую ноту его предсмертного вздоха, когда он лежит неподвижно, его тело сковано стрелами, и именно в вытеснении художника и материала, который он использует, искусство достигает зенита своего могущества.

1

ПЛАТА XVI

2

3

4

Фотографии. Мэнселл

Британский музей

Барельефы из Ашур-нахир-пала

1. Возлияние над мертвым быком
2. Осада города

3. Возвращение из битвы
4. Охота на льва

Но любовь Ашшура к спорту не мешала ему выполнять свои религиозные обязанности, напротив, он, похоже, приписывал свои победы в погоне своему богу, так как по возвращении он совершает возлияние над телом льва или быка, которого провидение отдало ему в руки (см. пл. [XVI](#)(1)). Кубок, который он держит в руке, напоминает верхнюю часть бокала для шампанского, а левая рука опирается на лук в обычной характерной манере. Перед ним стоит офицер, очевидно, высокого ранга, так как его одежда в точности повторяет королевскую, но голова обнажена, а руки сцеплены в знак почтения. Сбоку от этого высокопоставленного чиновника стоит слуга или евнух с мухобойкой, за ним - еще один слуга, а последними идут два музыканта, играющие на струнных инструментах. На другой стороне картины, сразу за королем, стоит сопровождающий с церемониальным зонтом, а за ним - двое слуг с луками на плечах.

Хотя современник Ашшура Набу-аплу-иддина, вавилонский царь, оставил нам лишь несколько памятников о своем правлении, мы все же обязаны ему одним уникальным образцом месопотамской скульптуры (см. пл. [XIV](#)). Мы уже упоминали об этой табличке в связи со светом, который она бросает на некоторые архитектурные проблемы, теперь нам остается рассмотреть ее как произведение искусства и исторический памятник. В тексте говорится о восстановлении храма Шамаша двумя царями по имени Симмаш-Шипак и Эулмаш-Шакин-Шум, оба правления которых пришлось на одиннадцатый век до нашей эры. Далее описывается состояние, в которое впоследствии пришли храм, его украшения и

принадлежности; святилище бога лишилось своих сокровищ, которые были присвоены тем или иным способом; скульптуры, украшавшие стены, и само изображение божества подверглись насилию со стороны безбожников. Все это Набуаплу-иддина постарался исправить; он вернул фейну славу, которой тот пользовался в прежние времена, в частности, обогатил золотом и лазуритом освященную временем статую бога, восстановил храмовое богослужение во всей его прежней пышности и великолепии и отомстил врагам Шамаша и царя, совершившим это кощунственное злодеяние. Сам царь отпраздновал событие повторного освящения храма щедрыми подношениями и издал подробные предписания относительно церемониальных одеяний священников и дней, в которые они должны были надеваться в будущем. На картине выше Шамаш изображен в своем святилище в Сиппаре, держащим диск и жезл в правой руке; по бокам трона изображены мифологические существа, чья роль, по-видимому, заключается в поддержке трона, а над головой бога и перед ней - три астрологические эмблемы. Крыша и опорный столб святилища уже обсуждались в другом месте (см. с. 164): два божественных существа находятся на вершине святилища; они держат в руках две натянутые веревки, которые прикреплены к большому диску, символизирующему солнце, установленному на алтаре непосредственно перед святилищем, и с помощью которых диск поддерживается в нужном положении. Подойдя к алтарю и продвигаясь к святилищу, можно увидеть трех поклоняющихся, первый из которых - верховный жрец Шамаша, который вводит царя в присутствие божественного символа в манере, столь часто встречающейся на вавилонских цилиндрических печатях, а последней идет богиня. Одна из интересных особенностей этой маленькой скульптурной таблички заключается в том, что, хотя она была сделана вавилонским царем девятого века, стиль искусства, которому она соответствует, указывает на то, что это не оригинальная работа Набу-аплу-иддина, а копия гораздо более древнего архетипа. Например, головной убор бога характеризуется четырьмя ярусами рогов и практически идентичен тем, что встречаются еще во времена Гудеа, а головной убор более поздних ассирийских божеств, напротив, обычно имеет два или три рога с каждой стороны: Шамаш и здесь держит в руке диск и жезл точно так же, как он изображен на знаменитой стеле Хаммурапи (ср. пл. XIV); его длинная борода также изображена точно так же, как и там. Короче говоря, мало сомнений в том, что оригинал этого изделия IX века следует искать где-то в начале второго тысячелетия до н. э. Еще одной особенно интересной особенностью находки этой скульптуры стало одновременное обнаружение двух глиняных покрытий для нее. Одна из них была сломана и, вероятно, сделана самим Набу-аплу-иддиной, а на другой была сделана надпись Набополассара, вавилонского царя 625-604 годов до нашей эры. За два столетия, прошедшие между временем Набу-аплу-иддина и царствованием Набополассара, часто восстанавливаемый храм снова пришел в упадок, и на долю последнего выпало вновь восстановить освященный временем фантом; он также, как и его предшественник за двести лет до этого, принес бессмертному Шамашу "подношения богатые и редкие". Целью этих глиняных покрытий, конечно же, было уберечь скульптуру от повреждений (см. рис. 5).

ПЛИТА XVII

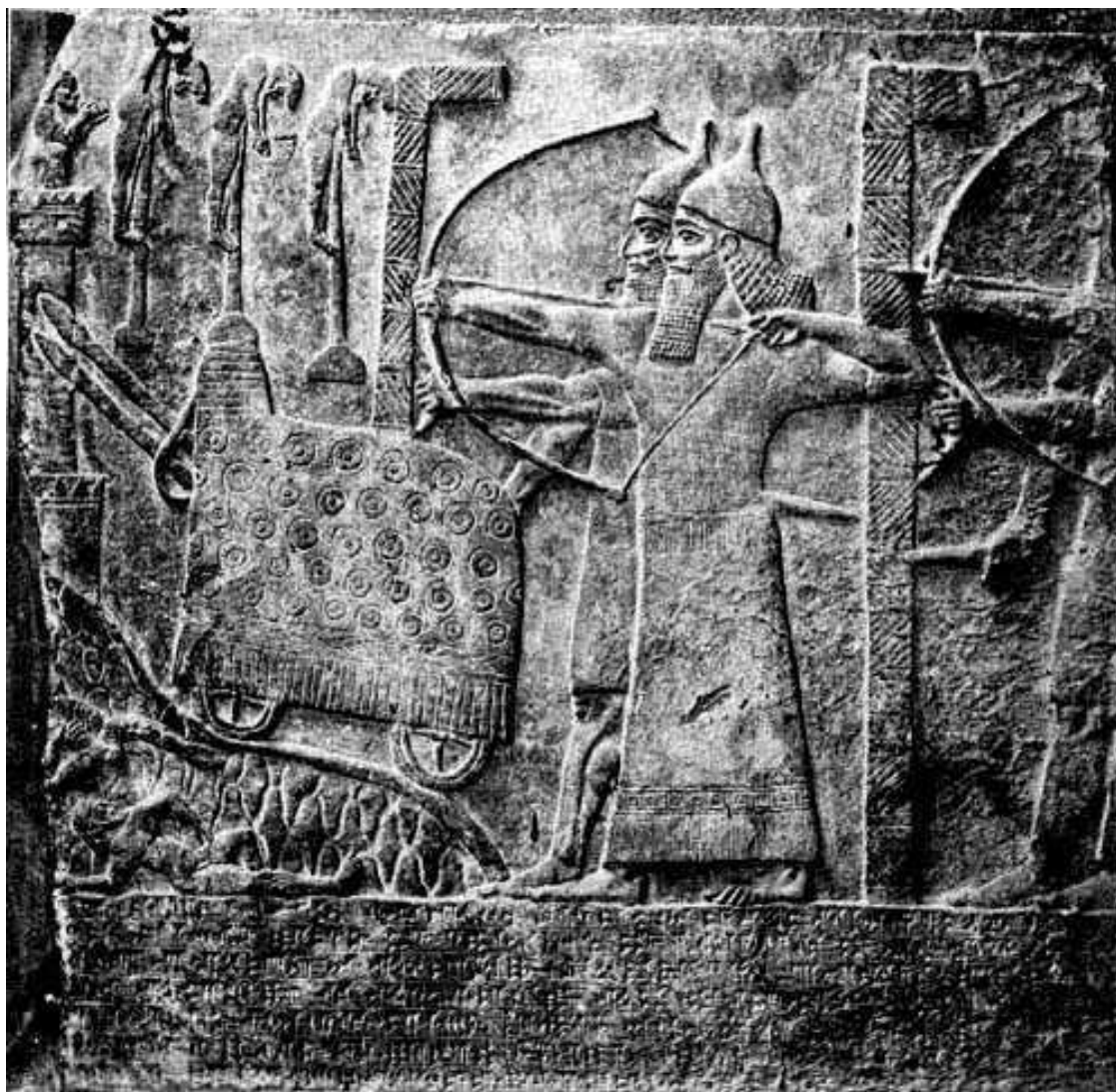

Фото. Мэнселл

Британский музей

Осада города тараном и лучниками
(Правление Тиглата-Пилесера III)

Вернемся в Ассирию: Ашшур-нахир-пала сменил его сын Шалманесер II: к сожалению, мы располагаем лишь немногими барельефами, относящимися ко времени этого царя, самые известные из которых изваяны на Черном обелиске; эти рельефы были проиллюстрированы и подробно рассмотрены в стольких работах, в основном из-за исторического значения надписи на этом памятнике, что обсуждать их здесь не представляется ни необходимым, ни желательным. Непосредственные преемники Шалманесера оставили нам мало памятников о себе, художественных или иных, и после их правления, похоже, наступил общий упадок, от которого Ассирия не оправилась до правления Тиглата-Пилесера III, или Пула, как его называют во 2 Царств xv. 19 и в других местах. Этот царь восстановил состояние империи и расширил свою власть со всех сторон, и, к счастью для нашей темы, он увековечил свои подвиги в виде изображений на твердом камне, а также в письменном виде на глиняных цилиндрах и табличках, хотя, к сожалению, сохранившиеся барельефы этого царя немногочисленны. Одним из наиболее хорошо сохранившихся является тот, на котором Тиглат-Пилесер III изображен ведущим осаду (ср. пл. XVII). Детали этой скульптуры живо напоминают слова Исаи, которые он, как сообщается, использовал, пытаясь пробудить слабеющее мужество Езекии, царя Иудеи, который склонялся к сдаче себя и своего города Сеннахерибу: "Так говорит Господь о царе Ассирийском: он не войдет в этот город, не

выпустит в него стрелу, не придет перед ним со щитами и не бросит против него берег". Все упомянутые здесь средства нападения представлены на нашем барельефе. Воины согнуты в луках и, несомненно, уже пустили множество стрел со смертельным исходом: их лица защищены большими плетеными щитами, которые закрывают все их тело. В данном случае "банк" явно был "брошен против" осажденного города, и сразу же становится ясно, какой цели он должен был служить. Он представлял собой искусственную насыпь, на которую выдвигалась подвижная башня с тараном. На вершине стены осажденного города изображен человек с распростертыми руками, просящий пощады. Разгром врага и разрушение его города показаны очень реалистично: под "берегом" видны обнаженные и распростертые на земле побежденные, а выше, на одном уровне с вершиной стены, на кольях насажены пленники, также обнаженные. Надпись относится к различным предметам дани, приносимой завоеванными народами, но не представляет особого интереса.

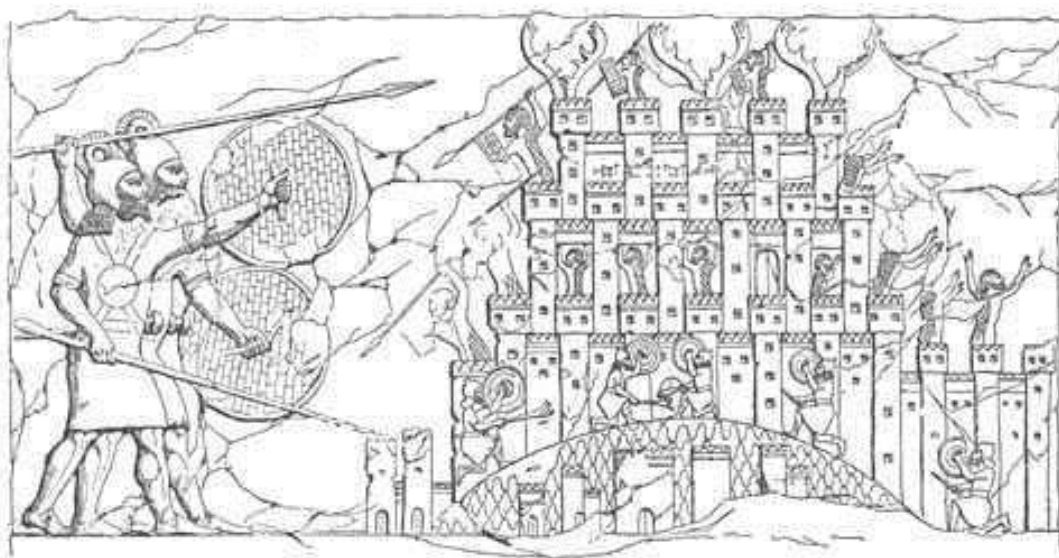

Рис. 29. Бас-рельеф из Хорсабада. (По Ботта.)

Тиглата-Пилесера III сменил Шалманесер IV, самым примечательным событием правления которого была осада Самарии; город продержался два года и пал в 722 году до н. э., после того как Шалманесер был свергнут Саргоном-узурпатором. Саргон царствовал около восемнадцати лет и одержал множество побед, самой значительной из которых стала победа над объединенными египтянами и филистимлянами при Рафии, недалеко от египетской границы. Его скульптурные завещания многочисленны, и к ним относятся гигантские крылатые человекообразные быки и львы, которые являются в некотором роде самыми впечатляющими и самыми характерными образцами восточного искусства. Эти крылатые чудовища не являются ни барельефами, ни идеальными круглыми скульптурами, а представляют собой смесь того и другого и, соответственно, будут рассмотрены во второй половине этой главы.

Но дворец, возведенный Саргоном в Хорсабаде, который был раскопан Боттой более полувека назад, дал богатый урожай барельефов в чистом и простом виде, один из которых представлен на рис. 29. Сцена знакома по ассирийской скульптуре: крепость атакуют, разумеется, успешно, ассирийские воины. Крепость, по-видимому, была построена на вершине высоты, несомненно, с целью сделать ее более неприступной. Она состоит из трех рядов башен, наложенных одна на другую, самый большой ряд находится в основании, а самый маленький - на вершине, общий контур не отличается от зиккурата с его

отступающими ступенями. Одно крыло крепости защищено двумя башнями, с которыми оно соединено стеной, в то время как другое крыло, по-видимому, простирается прямо по склону высоты. Доступ в крепость осуществляется через арочные дверные проемы - одно из многих случайных доказательств того, как часто арка использовалась в ассирийской архитектуре. У подножия холма расположено несколько небольших прямоугольных домов, дверные проемы которых, как и у фланкирующих башен, арочные, а сами двери или ворота в обоих случаях двустворчатые. Окна или амбразуры, которых очень много, все квадратные, а крепостные стены, как обычно, украшены кренделями. Крепость венчают три пары колоссальных рогов, которые, как полагает Ботта, могут быть настоящими рогами, причем непропорциональность их размеров, конечно, не является аргументом против такого мнения, поскольку непропорциональность характерна для раннего восточного искусства. В таком случае они могли бы быть только эмблематическими и предположительно указывать на силу, но бесконечно более вероятным кажется, что рога представляют собой попытку скульптора изобразить пламя огня, которое, как видно, вырывается из подожженной крепости. Некоторые из осажденных просят пощады, протягивая руки, другие же, очевидно, намерены сражаться до последнего: они вооружены длинными копьями и прямоугольными щитами, а их спины покрыты звериными шкурами. Враги находятся буквально у ворот, и невозможно сказать, когда они ворвутся внутрь. Трое из них пытаются подорвать стену с помощью длинноруких копей, еще двое орудуя короткими мечами, а слева стоят два ассирийских копьеносца нечеловеческих размеров, чье символическое присутствие сразу же устраняет даже малейшую тень сомнения в исходе конфликта. Атака - упорная, так как простой отход не принес бы славы ассирийскому оружию, но в то же время, несмотря на тяжесть битвы, бушующей вокруг крепости, неодолимая мощь ассирийского колосса мрачно навеяна двумя гигантскими воинами. Художественная трактовка двух героев заслуживает отдельного внимания: агрессивная мускулистость, столь характерная для ассирийских изображений царей и воинов, действительно отсутствует в ногах, но руки полностью свободны от этого почти универсального недостатка, а позы как рук, так и ног исключительно естественны и необычайно правдивы. Они вооружены копьями того же типа, что и осажденная армия, но их щиты круглые, в отличие от продолговатых щитов противника, и они опоясаны короткими мечами. Их одежда и шлемы часто повторяются, оба носят нарукавники, а один из них - простой браслет на левом запястье.

В 705 году до н. э. Саргона сменил его знаменитый сын Сеннахериб, главным событием правления которого, вероятно, было разрушение Вавилона в 689 году до н. э. Но имя Сеннахериба известно скорее благодаря его тесным отношениям с Иудейским царством и неудачной осаде Иерусалима во время правления Езекии, чем благодаря завоеваниям, которые он совершил, какими бы значительными они ни были. Раскопки его дворца в Ниневии привели к обнаружению большого количества барельефов, многие из которых были разрушены и повреждены огнем, когда город был разграблен объединенными силами мидов и вавилонян около 609 года до н. э. В большинстве своем они иллюстрируют кампании, предпринятые Сеннахерибом. Что сразу бросается в глаза в барельефах этого царя, так это их сложность, в отличие от простоты барельефов Ашшура-на-Ир-пала. Мы уже отмечали, что на барельефах последнего из названных монархов иногда изображены целые сцены, хотя чаще рельеф монополизировать две или три крупные и яркие фигуры, одна из которых обычно представляет царя, но ко времени Сеннахериба то, что до сих пор было исключением, становится правилом, и барельефы этого царя практически все живописны по своему воздействию и наиболее проработаны по композиции. Эта преувеличенная сложность объясняется не столько разнообразием сюжетов, представленных на каждом рельефе, сколько незнанием перспективы художником, ведь рассмотрение даже ограниченного числа сюжетов или объектов в рамках одной картины требует, чтобы эти объекты были видны

и представлены в перспективе, и если это требование не выполняется, то путаница и неразбериха - неизбежный результат неудачной попытки художника. Эта путаница доведена до совершенства, если можно допустить *оксюморон*, на рельефах, украшавших стены дворца ассирийского царя Сеннахериба. Часть одной из наиболее поучительных скульптурных плит представлена на рис. 30.

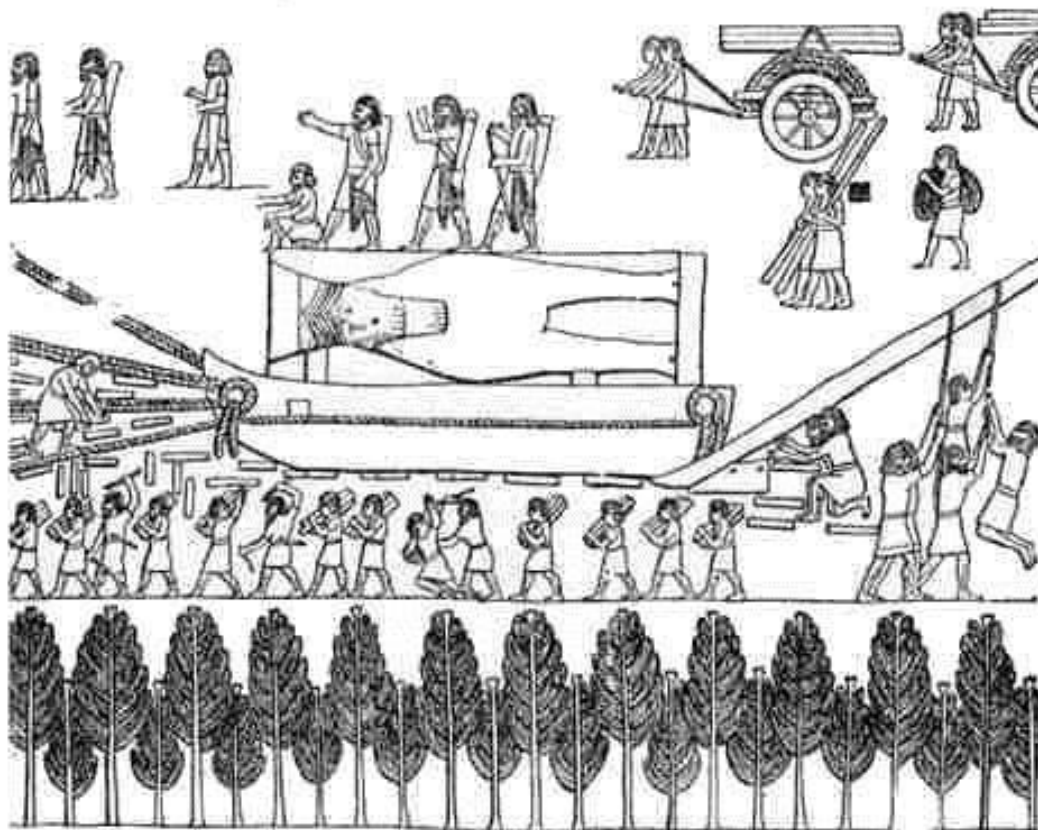

Рис. 30. Барельеф Сеннахериба (по Лэйярду).

Эта сцена представляет большой интерес не только для изучающих ассирийское искусство, но и для того света, который она бросает на механические ресурсы, которыми пользовались ассирийцы того времени, ресурсы, которые предполагает само существование гигантских человекообразных быков и львов, но которые здесь проиллюстрированы скульпторами Сеннахериба в особой манере. Безопасная транспортировка гигантской массы твердого камня была нелегким делом даже для экскаватора XIX века,⁹⁵ насколько больше трудностей предстояло преодолеть народу, чьи механические знания были на два с половиной тысячелетия моложе! В художественной обработке этой скульптуры есть, конечно, очевидные недостатки. Скульптор, как обычно, не знает перспективы, хотя это менее выражено, чем в других местах; деревья на переднем и заднем планах расположены линиями в несколько условной манере, хотя намеренное или случайное уменьшение размеров деревьев на заднем плане по сравнению с теми, что находятся на переднем плане скульптуры, делает общую обстановку сцены гораздо более правдивой в ее расположении, чем это было бы в противном случае. К сожалению, не удалось включить задний ряд деревьев, не жертвуя более важными частями скульптуры, поэтому они здесь опущены.

Весь интерес сосредоточен вокруг быка: и у ассирийцев, и у пленников войны есть только одна работа - транспортировка этого внушающего благоговение чудовища. В правом углу мы

видим две телеги, запряженные двумя пленниками, в каждой из которых лежат веревки и бревна. Телеги имеют два колеса, каждое из которых состоит из восьми спиц, в отличие от четырех спиц ранних вавилонских колес. Быка аккуратно уложили на бок на сани, которые спереди напоминают лодку. В обоих концах саней проделаны круглые отверстия для приема веревок. Последние, крепко привязанные к саням и быку, собираются тянуть несколько заключенных, которым удастся под мягким воздействием плети начальника постепенно сдвинуть колоссальное чудовище с места. Однако, прежде чем начать движение, возникла необходимость помочь саням с помощью огромного рычага, один конец которого помещен под кормой, а к другому концу прикреплены три веревки, с помощью которых несколько рабочих делают все возможное, чтобы сдвинуть рычаг с места. Для увеличения рычага один из рабочих вставляет клин между верхней поверхностью опоры и нижней стороной рычага, а движение саней облегчается с помощью роликов, которые, как видно, рабочие старательно устанавливают на место. На вершине лежащего быка стоит на коленях инженер-бригадир, подающий сигнал для каждого последовательного и объединенного усилия людям на буксирных тросах. Присутствие трех солдат, очевидно, было необходимо для обеспечения выполнения указаний бригадира - ранний пример привлечения военных для поддержки гражданской власти. Внизу на переднем плане видны несколько невольников, несущих валики, которые должны быть уложены по мере продвижения быка. Их сопровождают надсмотрщики, которые, похоже, были полностью лишены чувства милосердия.

Рис. 31. Сеннахериб в Лахише. (По Лэйярду.)

Но самым известным, а с некоторых точек зрения и самым интересным, барельефом из дворца Сеннахериба в Кундучике является тот, на котором Сеннахериб принимает покорность от покоренных жителей Лахиша (Телль эль-Хеси) (см. рис. 31). Царь восседает на троне большой пышности, а его ноги покоятся на высоком подножии. Боковая сторона трона разделена на три регистра, каждый из которых занят рядом мужчин с вытянутыми руками,

поддерживающих перекладину над ним: сами перекладины украшены различными геометрическими устройствами, а трон стоит на четырех больших конусообразных ножках. Одежды царя столь же изысканны, как и его трон: мантия и туника богато расшиты и окаймлены кистями, а его головной убор состоит из своеобразной митры, очевидно, обычного государственного головного убора ассирийских монархов. Позади него стоят двое сопровождающих, вероятно, евнухи, каждый из которых держит в правой руке мухобойку, а в левой - перевязь; их одежда состоит из длинного халата, достигающего до щиколоток и подвязанного вокруг талии поясом, а пестрый пояс, проходящий от левого плеча через грудь, разбивает монотонность сравнительно безыскусного костюма. У них длинные волосы, концы которых завиты, как и у других представленных здесь фигур, но они без бороды и шляпы. Позади этих двух сопровождающих находится королевский павильон, крыша которого, очевидно, приподнята либо для вентиляции, либо для защиты от солнца. Царь с луком в левой руке и стрелой в правой слушает своих главных офицеров, которые докладывают о событиях во время осады Лахиша. Человек, возглавляющий процессию, не несет оружия, но обнажает голову и одет более пышно, чем сопровождающие его офицеры, как и подобает царскому визирю; воины вооружены булавами, короткими мечами, луками и стрелами или копьями, в зависимости от обстоятельств. На почтительном расстоянии от королевского трона три представителя покоренных жителей города совершают поклоны перед королем, один из них буквально падает на четвереньки. У пленников густая, хотя и не длинная шевелюра, а бороды, в отличие от ассирийских, тоже густые и короткие. Их одежда состоит из совершенно простой туники с короткими рукавами, достигающей от шеи до щиколоток, а ноги не обуты. Одежда ассирийских воинов будет рассмотрена в одной из последующих глав (гл. XIII). Сцена этого несколько драматического зрелища находится за пределами захваченного города, под благодарной тенью виноградных лоз и смоковниц, а горы, поросшие деревьями, образуют подходящий фон для картины. Суть четырехстрочной клинописной надписи перед царем заключается в том, что Сеннахериб, царь Саваоф, царь Ассирии, восседает на своем государственном троне, и перед ним проходит добыча города Лахиша. Но как бы ни был великолепен трон, на котором здесь восседает Сеннахериб, он, должно быть, намного превосходил по великолепию его царский трон в Ниневии; последний, очевидно, был сделан из горного хрусталя, некоторые из фрагментов которого сохранились до сих пор.

После нескольких междоусобных войн Сеннахериба сменил его сын Эсархаддон; Эсархаддон продолжал традиции своих предшественников, воюя с Финикией и уменьшая Вавилонию, но отличительной чертой его правления стала оккупация ассирийцами Нижнего Египта в 672 году до н.э. К сожалению, мы имеем очень мало скульптурных памятников этого царя, хотя из этого не следует делать вывод, что он гордился своими подвигами ничуть не меньше, чем его отец, но его правление практически не представляет интереса для изучающего искусство и дает нам мало материала для изучения нашей темы. Однако это замечание далеко не всегда относится к Ашшур-бани-палу, его прославленному сыну, чьи триумфы в области искусства были столь же велики, как и те, что были достигнуты на поле боя. Ашшур-бани-пал вступил на престол в 668 году до н. э. и правил около сорока двух лет, в течение которых он поднял могущество Ассирии до небывалого уровня и никогда больше не достигал его. Более примечательные события правления Ашшур-бани-пала, а также последствия его литературного пристрастия рассматривались в другом месте; здесь же достаточно сказать, что этот всплеск военной, интеллектуальной и художественной активности был лишь высшим усилием империи, чьи силы были истощены, а жизнеспособность ослаблена, и еще до смерти Ашшур-бани-пала метеоритный блеск ее славы начал меркнуть. Это было похоже на последнюю болезнь престарелого человека, пережившего множество бурь, чьи восстановительные силы до сих пор были на высоте, но

наконец наступил окончательный кризис, и все закончилось. Но золотая эра ассирийского искусства, столь краткая и недолговечная, все же была увековечена художниками того времени в тех каменных плитах, которые сегодня являются одним из самых ценных достояний Британского музея.

О подвигах Ашшур-бани-пала на охоте уже говорилось, и именно их он предпочел запечатлеть на стенах своего дворца, а не победы на поле боя, и именно этому выбору мы обязаны теми шедеврами изображения животных, которые в противном случае могли бы никогда не выкристаллизироваться в конкретные и постоянные результаты.

Большое количество этих барельефов связано с охотой на львов; из Pl. XVIII следует, что львы иногда одомашнивались; здесь мы видим льва и львицу, один из которых стоит, а другая небрежно лежит, растянувшись на земле, в своеобразном саду, о культурном характере которого свидетельствует наличие виноградной лозы. Лев стоит перед склонившейся львицей с головой и вытянутыми передними лапами, хорошо иллюстрируя то достоинство и величие, которое всегда и во все времена ассоциировалось с царем зверей. К сожалению, большая часть головы и все задние конечности льва отсутствуют, но от животного осталось достаточно, чтобы мы могли представить себе остальное без особого риска, что наше воображение заведет нас в заблуждение.

ПЛАТА XVIII

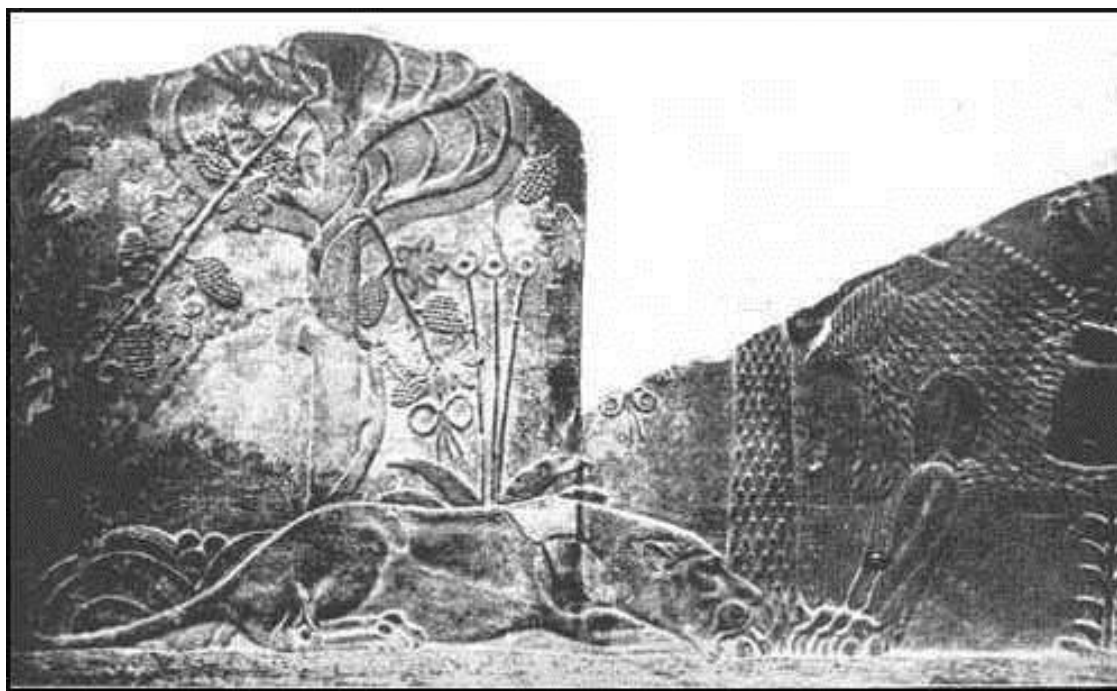
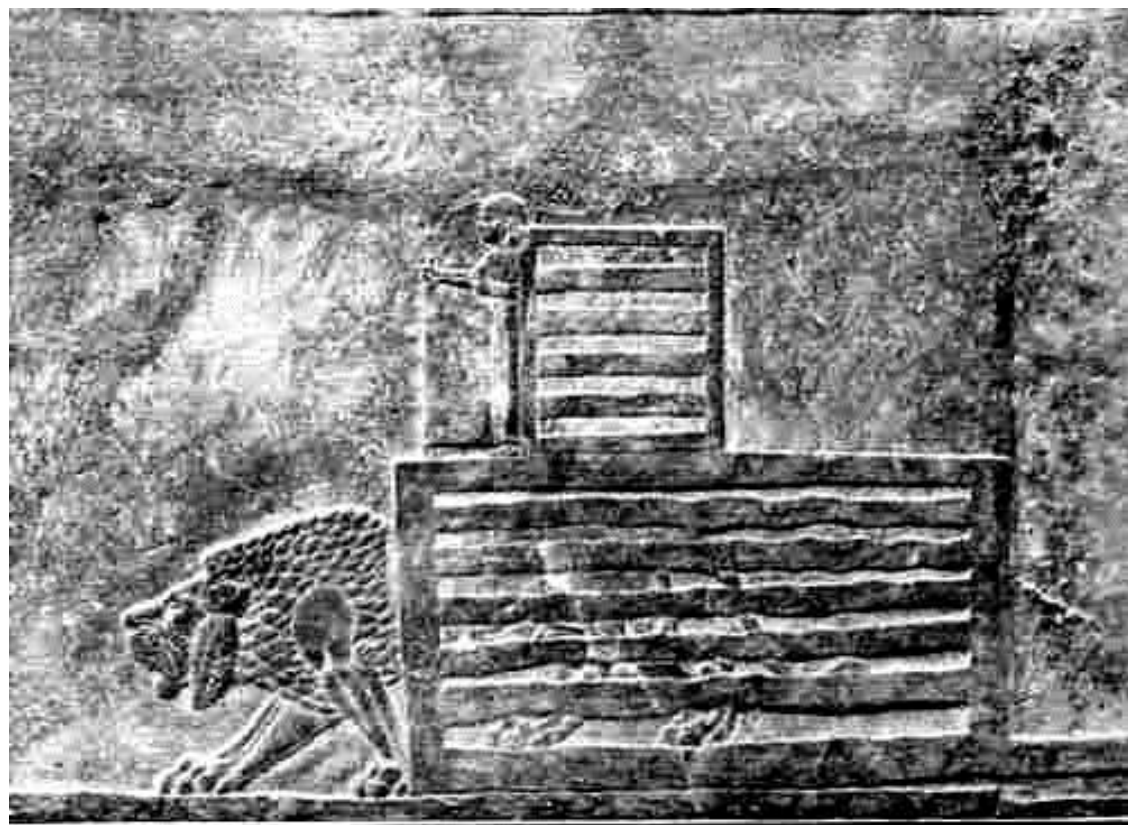

Фото. Мэнселл

Британский музей

Сцены охоты Ашур-бани-пала: Лев и львица в парке или саду

ПЛИТА XIX

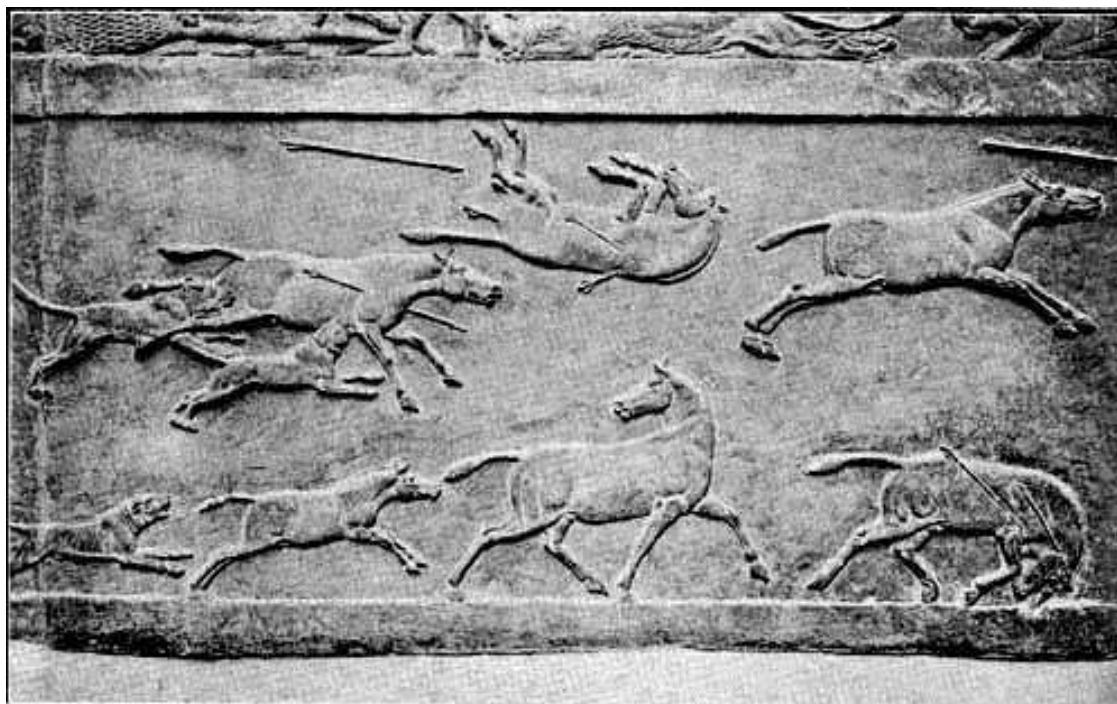
Сцены охоты Ашшур-бани-пала

Но животные, которые становились жертвами царского спорта, явно должны были быть дикими; иногда на них можно было охотиться в естественном состоянии, но во времена Ашшур-бани-пала их, очевидно, нужно было заранее отлавливать и держать в клетках, пока не потребуется для охоты. На пл. XIX мы видим, как один из таких пленников выходит из своей временной тюрьмы по приказу служителя, который отодвинул плетеные ворота клетки. О том, что лев доволен своим освобождением, говорит его стремительность, с которой он вырывается вперед, не подозревая о том, что его ждет гибель. Хотя цель, похоже, всегда была одна и та же, способ ее достижения время от времени менялся. Так, в одном случае король всаживает свое длинное копье в спину льва, надежно сидя на колеснице; в другой раз он идет пешком и почти игриво вонзает кинжал в шею льва, но более привычным способом - несомненно, потому что безопасным - уничтожения крупной дичи, и львов в частности, был лук и стрелы, которые можно было пустить в ход на почтительном расстоянии. На пл. XIX мы видим несколько львов, прикованных таким образом; их различные позы, некоторые из которых возвышенно естественны, а другие кажутся скорее воображаемыми, красноречиво и трогательно говорят о той общей трагедии, жертвами которой однажды должен стать весь животный мир, будь то люди или звери, - трагедии смерти. Один из львов застрелен четырьмя стрелами, две из которых глубоко вонзились в шею льва, третья - в центр головы, а последняя - в середину спины. Лев распростерт, его четыре лапы беспомощно волочатся позади и под его массивным телом, а его лицо выражает предсмертную агонию, в которой он лежит в конвульсиях. Выше, слева, еще одно животное было выведено из строя, если не смертельно ранено, двумя стрелами, одной в шею, другой в спину, а чуть ниже, справа, львица, пораженная в легкие, беспомощно перевернулась на спину. В нижней части этой уникальной сцены мы видим еще одного льва, пронзенного пятью стрелами, большинство из которых застряли в голове животного или около нее; как и львица, он завалился на спину, его конечности искажены почти до неузнаваемости. Слева - полные задние конечности льва, который вздымается в ярости, вызванной ранением стрелой в спину. И, наконец, в левом нижнем углу изображен другой лев, который умирает от ран. Но какой бы конец ни постиг несчастного льва, в последний момент с ним, по-видимому, были проведены торжественные обряды: его тело было доставлено домой тремя или четырьмя слугами-мужчинами и распростерто на земле, после чего сам король возносит возлияние над молчаливым, неподвижным животным, чье величие в смерти превосходит лишь его жизненную энергию (ср. пл. XX).

Большинство посетителей Ассирийского салона в Британском музее, где выставлены эти шедевры репродукций животных, никогда не были свидетелями охоты на льва в реальной жизни, но никто не может уйти без неизгладимого впечатления от мрачности этой сцены, реальность которой здесь так наглядно изображена. Охота на львов, несомненно, была любимым видом спорта ассирийских царей, но и другая дичь пользовалась покровительством царя, в частности олени, дикие ослы и быки. Ашшур-нахир-пал оставил нам скульптуру, на которой он изображен охотящимся на диких быков со своей колесницы, а на пл. XX мы имеем барельеф из дворца Ашшур-бани-пала, на котором охота на дикого осла находится в самом разгаре. В верхней части сцены дикий осел беспомощно лежит на спине, пронзенный тремя стрелами, а четвертая стрела находится на крыле, но стремительно приближается к намеченной цели. Справа мы видим другого осла, спешащего прочь под двойным натиском собак и стрел. Слева две собаки, похожие на мастифов, заняты тем, что сдерживают стремительный бег дикого осла, чей полет уже замедлился из-за стрелы, пронзившей его передние конечности. Внизу гончая уже упомянутого типа безумно

преследует молодого жеребенка. Перед жеребенком идет взрослый осел, который настороженно поворачивает голову, возможно, опасаясь за свою безопасность, а возможно, за безопасность молодого жеребенка, идущего позади. Манера, в которой художник изобразил это последнее действие, удивительна по своей верности природе и художественным достоинствам. Чтобы читатель мог составить справедливое и правильное представление о гениальности ассирийцев в искусстве изображения животных, необходимо было бы привести репродукции всей серии охотничьих сцен Ашур-бани-пала, но мы надеемся, что здесь было показано достаточно, чтобы продемонстрировать их необыкновенные способности в этом направлении.

ПЛИТА XX

Сцены охоты Ашур-бани-пала: охота на диких ослов с собаками

Фото. Мэнселл

Британский музей

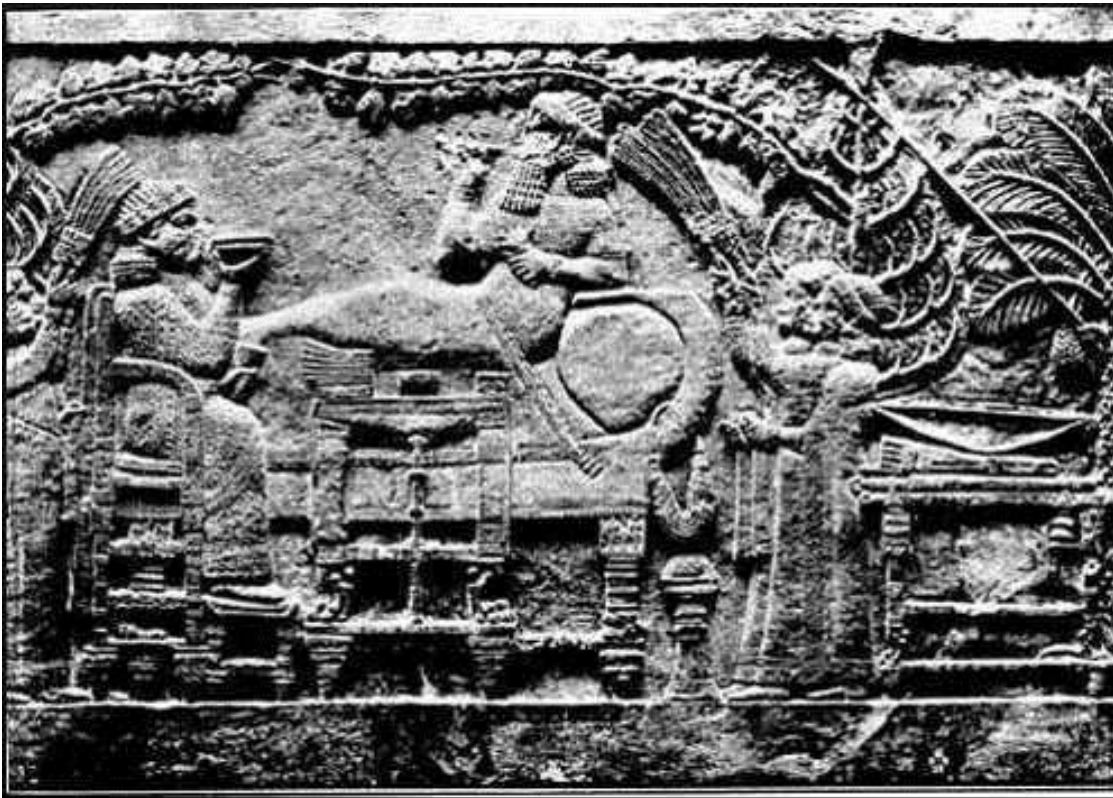
Ашур-бани-пал возлияния над мертвыми львами

Однако мы обязаны Ашшур-бани-палу не только шедеврами животного мира ассирийского искусства, но и одной из немногих сцен, позволяющих нам заглянуть в частную и неофициальную жизнь царя (см. пл. [XXI](#)). Царь откидывается на великолепную резную кушетку, в то время как его царица сидит прямо на стуле напротив; стул так же искусно выполнен, как и кушетка, так же как и табурет, на котором покоятся ее ноги. Несмотря на тропический вид сада, в котором проходит пиршество, король укрыт ковром, а королева облачена в богатые тканые одеяния, которые выглядят совсем не прохладно. Сбоку от дивана и перед креслом королевы накрыт стол, на котором разложены королевские яства. Оба их величества собираются испить амброзийного нектара, которым, без сомнения, наполнены их низкие, но вместительные кубки, но сцена их пира сама по себе является закуской: густые пальмы, богатые гроздья винограда, парящие птицы - все это стимулирует королевские пищеварительные функции. Позади короля стоят двое слуг с мухобойками и еще один богато украшенный резьбой стол, на котором лежит королевское оружие. Королеву так же защищают мухобойки, за ними стоят другие слуги, нагруженные восточными предметами роскоши, а вдалеке музыканты играют свои сладострастные восточные мелодии. Инструменты струнные, как и большинство музыкальных инструментов, изображенных на вавилонских и ассирийских барельефах, хотя бубны, дудочки, цимбалы, барабаны и трубы также, по-видимому, были известны.⁹⁶ Однако, несмотря на все эти опьяняющие воздействия, в программе оставался еще один пункт - пункт, который, несомненно, оказывал наиболее стимулирующее воздействие на аппетит великого царя, а именно голова Те-уммана из Элама, которая свисала с дерева в непосредственной близости от царя и, несомненно, была самым приятным зрелищем для его величества.

При Ашшур-бани-пале ассирийское искусство и литература достигли своего апогея; при нем пределы империи были расширены как никогда ранее; но после его правления наступил не медленный упадок, а стремительный крах, трагический по своему значению и судьбоносный по своим последствиям. Однако как в случае с империями, так и с отдельными людьми не

следует продлевать жизнь в регрессивных целях, когда достигнута кульминация и реализованы наивысшие возможности, и Ассирия в значительной степени была спасена от этого несчастья. Память о ее величии и широком влиянии ни в коей мере не была омрачена долгим периодом упадка, ее время вышло, и пришел ее конец, но причину этого следует искать скорее в неукротимых обстоятельствах судьбы и внешней среды, чем в радикальной и внутренней деморализации. У нас нет рельефов неовавилонского периода, достойных упоминания, за исключением рельефов из цветной глины, которые мы рассмотрим в главе о живописи.

ПЛИТА XXI

Ашур-бани-пал, возлежащий за мясом

Фотографии. Мэнселл

Британский музей

Музыканты и служители

КРУГЛАЯ СКУЛЬПТУРА

Для изучения ранней шумерской круглой скульптуры у нас, к сожалению, не так много материала. Как уже говорилось, и вавилоняне, и ассирийцы преуспели скорее в барельефной, чем в полной округлой скульптуре, и то, в чем они преуспели, они практиковали больше всего; несмотря на это, однако, оба народа осознавали превосходство круглой скульптуры, но трудности, связанные с производством работ такого рода, не позволяли браться за них, кроме исключительных целей, поэтому они никогда не достигали очень высокой степени совершенства в этой области искусства. От более раннего шумерского периода мы не имеем почти ни одного полного

Рис. 32. (A. J. S. L., XXI, pp. 59, ff.) статуи, и их малочисленность делает те, что сохранились, еще более ценными. Одна из самых интересных - статуя Эсара, царя Адаба (Бисмая), которая была обнаружена во время американских раскопок на этом месте,⁹⁷ и сейчас хранится в Императорском Османском музее в Константинополе (см. рис. 32). Он сделан из мрамора и весит двести фунтов. В высоту он чуть меньше тридцати пяти дюймов, окружность юбки составляет почти тридцать два дюйма. Последняя сильно заплетена и является копией одежды, в которую всегда облачены шумеры, изображенные на самых ранних памятниках. Тип лица также свидетельствует о его большой древности: лысая голова, аквилинный нос, образующий прямую линию со лбом, треугольные глазницы, которые в свое время были инкрустированы слоновой костью, - все это характерные черты древнейших шумерских попыток изобразить человека. На правом плече царя - надпись, написанная очень архаичным и полуживописным шрифтом, из которой мы узнаем имя царя, а также город, над которым он правил. Она была обнаружена на большой глубине под поверхностью кургана, среди развалин храма, построенного из небольших планово-выпуклых кирпичей, характерных для зданий до Ур-

Рис. 33. (*Déc. en Chald.*, Pl. I,

Нина. Особенно интересен (тер. No. 3.) особенностью этого уникального памятника является то, что руки свободны от тела, тогда как почти у всех месопотамских статуй они соединены по бокам. Руки сцеплены впереди, как и во многих шумерских статуях и рельефах всех периодов, а ноги утоплены в постамент, чтобы они могли поддерживать короткое, толстокожее и тяжелое тело, которое, видимо, было особенностью шумерского телосложения.

К сожалению, у нас почти нет полных фигур ранних шумерских женщин, однако маленькая каменная статуэтка на рис. 33 дает нам некоторое представление о внешности и одежде женщин ранней Вавилонии. Черты ее лица соответствуют обычному шумерскому типу, а длинные волосы подвязаны косынкой, которая опоясывает голову и собирает ее струящиеся локоны сзади.

Но три архаичные каменные головы (см. пл. XXII), найденные в Телло, позволяют нам составить несколько более полное представление о художественных способностях скульпторов той эпохи в отношении изображения человеческого лица и головы. Голова справа очень похожа на центральную, и обе они демонстрируют более развитый стиль искусства, чем голова слева, которая, однако, является самой интересной из трех. Она была обнаружена на другом берегу Шатт-эль-Хай, канала, соединяющего Тигр с Евфратом; в отличие от остальных, аквилинный нос прекрасно сохранился, глаза, как обычно, большие и по форме напоминают миндаль, и, несомненно, когда-то были инкрустированы раковиной и раскрашены, а губы выдают подавленную улыбку; тип лица точно такой же, как на Стеле стервятника, хотя детали, конечно, более точные, как и следовало ожидать от работы в круглом виде.

ПЛИТА XXIIa

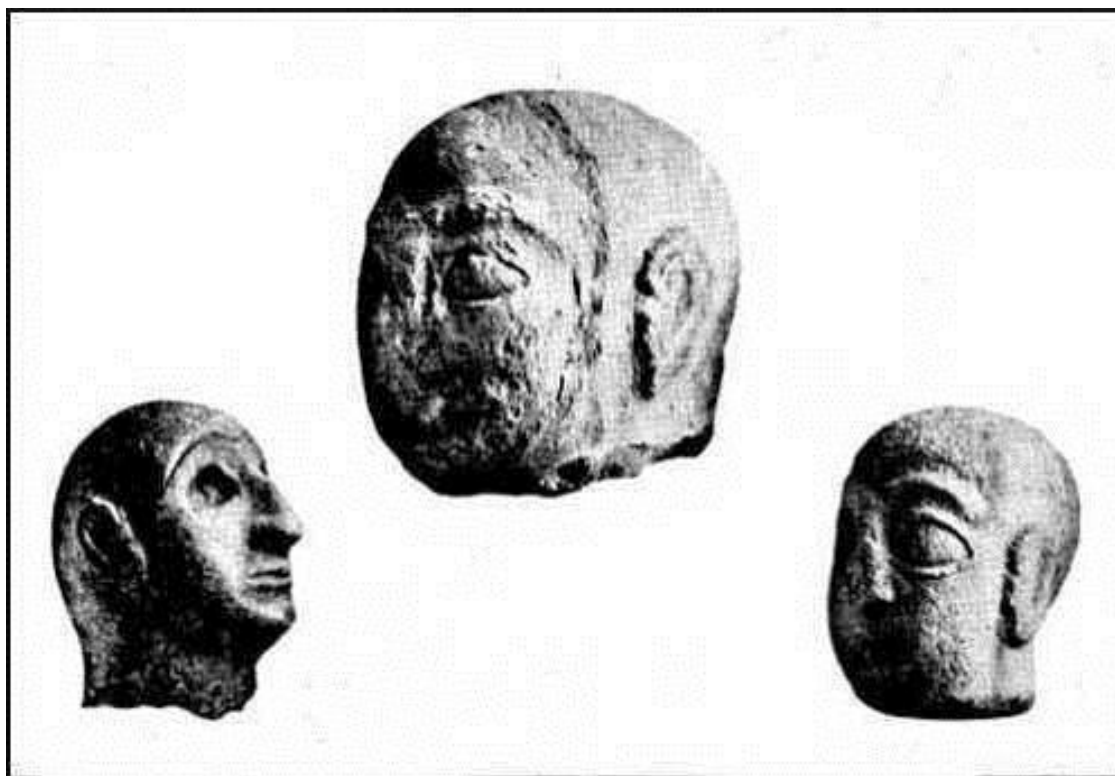

Фото. Мэнселл

Британский музей

Известняковая фигура раннего шумера

ПЛИТА XXIIb

Музей Лувра: *Déc. en Chald.*, Pl. 6, 1-3

Архаичные известняковые головы

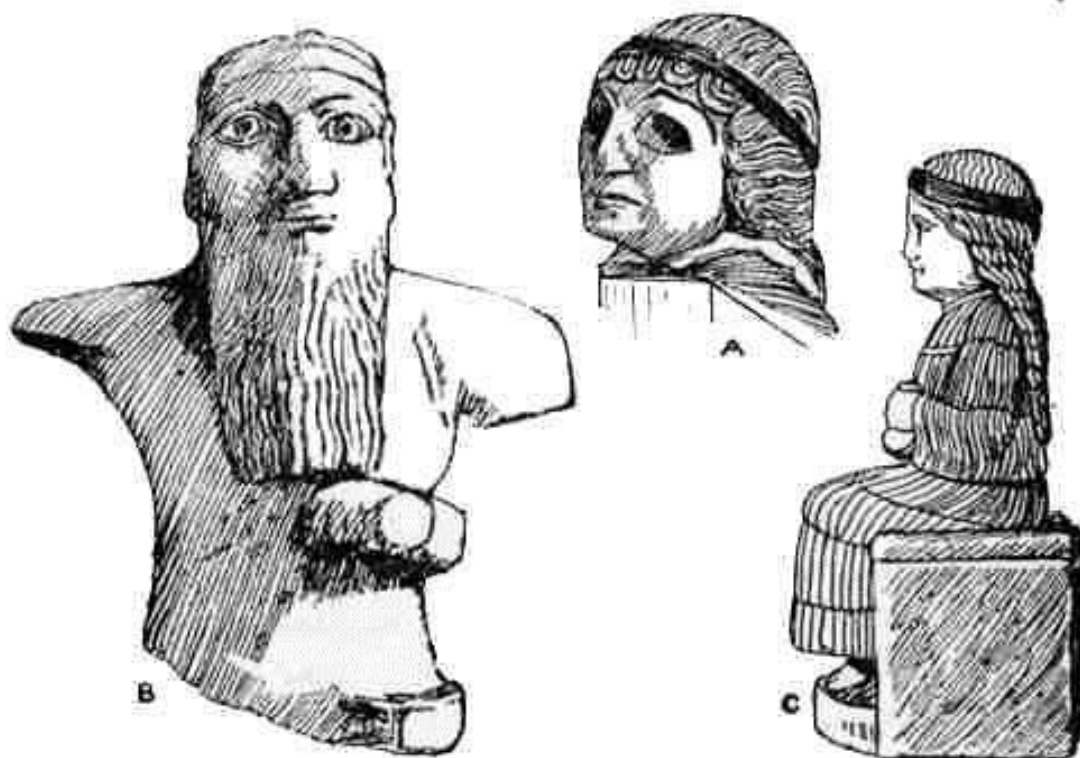

Рис. 34. А. (Лувр, Кат., стр. 217; *Déc. en Chald.*, Pl. 6, Fig. 3.)

В. (*Comptes Rendus*, 1907, p. 398; *Délég. en Perse Mém.*, X, Pl. 1.)

С. (Louvre, Cat., p. 227; *Déc. en Chald.*, Pl. 8 (bis), 4.)

На рис. 34, А представлена алебастровая голова раннешумерской женщины; лицо относится к тому же типу, что и мужские головы на пл. XXII. Уши, столь заметные на чисто выбритых мужских головах, здесь полностью скрыты локонами волос, которые густыми горизонтальными полосами свисают на лоб, голову и шею. Волосы удерживаются на месте с помощью косынки, закрепленной сзади. Большие глазницы, должно быть, когда-то были инкрустированы, вероятно, лазуритом, если речь идет о женщине, как здесь. Брови выполнены рельефно, а не вырезаны, как в других ранних шумерских скульптурах.

Другие ранние образцы вавилонской скульптуры можно найти в различных статуях Маништусу, обнаруженных во время раскопок, проводимых Французской миссией в Сузах, одна из которых изображена на рис. 34, В. Маништусу был семитским царем Киша и, вероятно, правил около 2700 года до н.э.; статуя, представленная здесь, является, следовательно, одним из самых ранних примеров семитской скульптуры в круге, которые еще известны, и, по словам де Моргана⁹⁸, самым древним произведением искусства, обнаруженным на старых персидских участках. Даже в этой ранней дате мы видим следы семитского конвенционализма, столь распространенного в позднюю ассирийскую эпоху. Квадратное лицо, большие глаза, прическа и длинная симметрично уложенная борода - все это характерно для ассирийских изображений царей и властителей. Зрачки глаз были черными и закреплены в глазницах с помощью битума, как это часто делалось в ранних скульптурах. Статуя выполнена из алебастра, а надпись на спине написана архаичными линейными символами.

За этой эпохой последовал период, когда искусство скульптора постепенно осваивало имеющиеся в его распоряжении средства. Этот переходный период хорошо иллюстрирует алебастровая статуэтка сидящей женщины, представленная на рис. 34, С. Прогресс, который демонстрирует конфигурация ее лица по сравнению с архаичной головой на рис. 34, А, сразу же очевиден: стереотипные глаза стали менее преувеличенными и более естественными, губы более женственными, нос менее навязчивым. Ее длинные волосы естественно и свободно свисают по спине, а голову окружает густая косынка. Ее длинный халат покрывает все тело от шеи до щиколоток, а в руках она держит вазу круглой формы, в которой, вероятно, находится возлияние для богов. Высота этой маленькой статуэтки чуть больше семи дюймов.

Но только в середине третьего тысячелетия до н. э., то есть в эпоху Гудеа, патеси Лагаша, круглая скульптура заняла видное место в художественной жизни народа, и только тогда скульптор, похоже, регулярно стремился к воспроизведению человеческих фигур в квазиживую величину, создавая их при этом из самых твердых вулканических пород. На пл. XXIII, А, В представлены репродукции двух обезглавленных статуй, найденных де Сарзекон в Телло. Восемь из этих статуй, некоторые из которых стоят, а другие сидят, содержат надписи Гудеа, патеси Лагаша; на одной из оставшихся двух написано имя его предшественника, Ур-Бау. Большинство этих статуй меньше натуральной величины, но размеры одной из них, по крайней мере, значительно превышают размеры обычного человека. Представленная здесь статуя (Pl. XXIII, А) - наиболее художественно задуманная из всей серии; она обладает изяществом и силой, в ней очень мало следов условности, столь заметной в поздних ассирийских скульптурах; ноги - единственная неодушевленная и действительно условная часть изделия. Руки сильные и мускулистые, но мышцы выполнены совершенно естественно и выгодно отличаются от преувеличенных мускулов царских статуй Ассирии. Руки сложены в знак покорности богине Нин-харсаг, которой, по-видимому, и была посвящена эта статуя. Среди эпитетов, применяемых здесь к этой богине, - "Владычица гор", "покровительница

города и мать его жителей" и, наконец, "мать богов". Статуя выполнена из зеленого диорита и имеет высоту чуть более четырех футов.

На пл. XXIII, В находится еще одна статуя Гудеи, на этот раз сидящая. Главная особенность этой статуи и ее спутницы, находящейся в Лувре, заключается в плоской табличке, которую каждая из них несет на коленях. На одной из этих дощечек выгравирован план зданий Гудеа, на котором изображены различные двери, башни с зубчатой крышей и т. д., а также правило и стилус плотника, которые аналогичным образом выгравированы на коленной дощечке статуи, представленной здесь. Самой поразительной особенностью скульптуры является смелость, с которой вырезаны обнаженные конечности, и нервная жизненная сила, которой они полны. Это особенно заметно в обработке правой руки и плеча, которые из-за расположения мантии остаются открытыми. Картуш на плече содержит имя и титулы Гудеа. В длинной надписи внизу говорится, что эта статуя была посвящена богине Гатумдуг, которая названа "матерью Ширпурлы" (= Лагаша), затем рассказывается о различных обрядах и церемониях, которыми сопровождалось строительство храма этой богини. Эта статуя, как и стоящая на пл. XXIII А, сделана из диорита. Несколько голов, принадлежавших этим статуям, были обнаружены, одна из них показана на рис. XXIII, С. Голова, украшенная пестрым тюрбаном, снова отличается силой и смелостью исполнения; глаза большие и широко открытые, что является заметной чертой всего месопотамского искусства, как раннего, так и позднего; брови тяжелые, подбородок твердый, а челюсти толстые и делают общий контур лица квадратным. Отсутствие должных пропорций во всех этих ранних вавилонских скульптурах сразу же бросается в глаза: все они имеют более или менее приземистый вид, ширина всегда слишком велика пропорционально высоте, а голова слишком велика для тела, и последнее слишком тонкое сзади и спереди. Но если принять во внимание все недостатки, присущие продуктам неопытного искусства, то в самых грубых ранних вавилонских скульптурах можно заметить верность природе и, следовательно, определенную степень жизни, которая сразу же поднимает их на более высокий уровень, чем ассирийские статуи, которые они бессознательно породили. Акцентирование сильных линий и изгибов ранних скульптур в более поздних изделиях ассирийского времени привело лишь к преувеличению, и эффект неизбежно стереотипный и неестественный.

ПЛАТА XXIII

Музей Лувра

А, В. Диоритовые статуи Гудеа, Патеси из Лагаша

С. Диоритовая голова Гудеи

Д. Верхняя часть диоритовой статуэтки женщины (период Гудеа)

На пл. [XXIII](#), D, однако, мы имеем верхнюю часть диоритовой фигуры женщины, относящейся примерно к тому же периоду, что и Гудеа, которая в значительной степени утратила тяжеловесный и массивный вид, столь заметный в статуях патеси, и обладает одновременно изяществом и красотой. Платье будет рассмотрено в одной из последующих глав, а здесь достаточно обратить внимание на необычайно естественную манеру изображения складок одежды. В период между эпохой, связанной с именем Гудеа, и эпохой, прославленной Ашшуром-на-Ир-пале и ассирийскими царями, практика круглой скульптуры, судя по скудости дошедшего до нас материала, в значительной степени угасла, и только во времена Ассирийской империи мы снова можем подробно изучить искусство скульптора в Месопотамии.

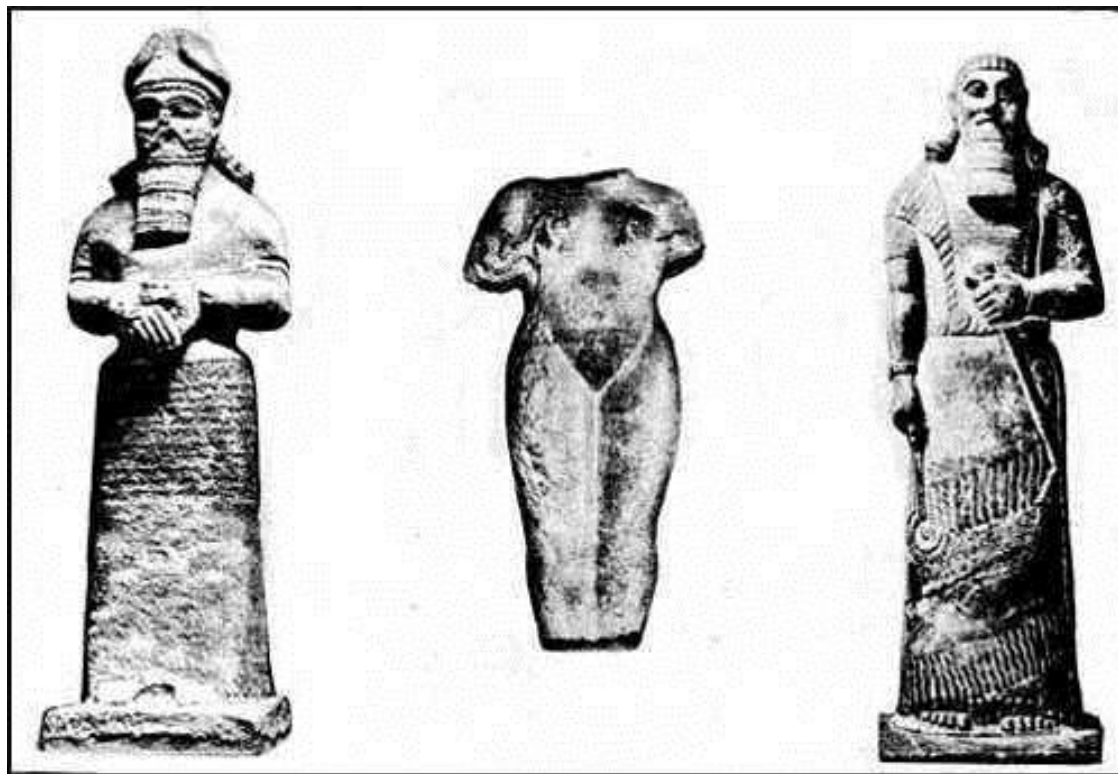
Один из самых ранних образцов ассирийской круглой скульптуры представлен на пл. [XXIV](#), B. Это торс женской фигуры, на спине которой выбита надпись Ашшур-бел-кала, царя Ассирии, чье правление можно отнести к первой половине XI века до н. э. Она была обнаружена в Куюнджике и сейчас находится в Британском музее. Размер несколько ниже живого, но, несмотря на то, что пропорции плохие, тело между ногами и руками слишком короткое, эта скульптура, если сравнивать ее с общими ассирийскими попытками воспроизвести человека, сразу поражает естественностью воплощения замысла художника о женской красоте и как таковая является совершенно уникальной в области ассирийской скульптуры.

Останки еще одной очень ранней ассирийской скульптуры⁹⁹ в круглом сечении были обнаружены во время немецких раскопок в Ашуре. К сожалению, голова, руки и ноги этой статуи отсутствуют, но та небольшая часть головы, которая сохранилась, хотя и имеет обилие волос, не показывает никаких следов сложных локонов более поздних дней, борода представлена серией из двенадцати или более волнистых прядей, тем самым напоминая вавилонские статуи периода Хаммурапи. Одежда состоит из плотно облегающего одеяния из простого мелкозернистого материала и украшена бахромой.

Из ассирийских царских статуй лучше всего сохранилась и наиболее удачна статуя Ашшур-нахир-пала (см. пл. [XXIV](#), C). Она сделана из твердого известняка и имеет высоту три фута четыре дюйма; ее нашли в разбитом состоянии вместе с известняковым постаментом, на котором она когда-то стояла, и теперь она стоит на том же оригинальном постаменте в галерее Нимруда Британского музея. Общая высота статуи вместе с постаментом составляет пять футов одиннадцать с половиной дюймов. К счастью, ни один из фрагментов фигуры не пропал, и поэтому удалось восстановить статую настолько идеально, что она стала одной из лучших ассирийских статуй, существующих на сегодняшний день. Царь стоит, являя собой воплощение бесстрастного достоинства и невозмутимого величия, и странно, насколько впечатляющей порой может быть неподвижность. Возможно, было бы не совсем верно использовать такие слова, как "жизнь" или "оживление", пытаясь описать эту скульптуру, но она обладает чем-то даже более высоким, чем внешняя энергичность и жизненная сила, в ней есть сила, неопикуемый "запас прочности", который отсутствие чего-либо похожего на агрессивную активность только усиливает. Король облачен в длинные и тщательно сшитые одежды, достигающие до пят. Борода и волосы, богатые и обильные, завиты с особой тщательностью и аккуратностью. В правой руке король держит серповидный предмет, который, предположительно, является скипетром, а в левой - булаву с кисточкой на нижнем конце. Его левая рука скрыта складками верхней мантии, а правая обнажена, за исключением наручного браслета. Тип лица имеет все признанные ассирийские черты: большие, широко раскрытые глаза, изогнутый нос и богатую шевелюру, о которой мы только что говорили. Пропорции довольно точные, хотя глубина или толщина тела сзади и спереди, как обычно, недостаточно велика. На груди царя вырезана надпись, текст которой, после

указания имени и родословной Ашшур-нахир-пала, переходит к рассказу о триумфальных достижениях царя в распространении его власти на всю страну между рекой Тигр и Ливаном и завершается заявлением, что он заставил все страны от восхода до заката солнца покориться его ногам.

ПЛАТА XXIV

Статуя Небо

Торс женщины

Статуя Ашшур-нахир-пала

(Из Dieulafoy, "L'Art Antique de la Perse", Vol. 3. Pl. 12)

Рис. 35. Шалманесер II. (Британский музей.)

Сын и преемник Ашшура - Шалманесер II - завещал нам один из сравнительно немногих примеров ассирийской сидячей фигуры, изваянной в круглой форме (см. рис. 35). Обезглавленная фигура, представляющая собой изображение самого Шалманесера II, сделана из черного базальта и была обнаружена в Kalat Sherkat (Ашур). Надпись на троне, которая частично стерлась, содержит имя и титулы царя, перечисляет его различные завоевания в Вавилонии, а также содержит намек на саму статую. Интересно сравнить эту фигуру с сидящими и такими же обезглавленными фигурами Гудеа тысячелетием ранее (ср. Pl. XXIII, B). Обе они сделаны из твердого вулканического камня, а одежда, в которую облачен каждый из этих восточных правителей, доходит до щиколоток, хотя конец юбки Шалманесера украшен бахромой, а у Гудеа - совсем простой. Обе фигуры сидят на простом троне, который часто встречается на цилиндрических печатях, но между двумя статуями есть

некоторые разительные отличия. У шумерского Гудеа нет бороды, в то время как у семитского царя Ассирии - длинная квадратная борода; кроме того, руки Гудеа сцеплены в благоговейном поклоне на груди, в то время как руки Шалманесера, очевидно, легко покоятся на коленях. Ноги, которые в каждом случае опираются на цоколь, хорошо изображены у обеих фигур, хотя преимущество явно на стороне более ранней вавилонской скульптуры.

Еще одним хорошим примером месопотамской круглой скульптуры примерно этого времени являются две статуи бога Небо, раскопанные Рассамом в разрушенном храме Адара в Нимруде, одна из которых изображена на пластине [XXIV](#), А. Они были сделаны неким правителем города Калах (Нимруд) и посвящены богу в надежде таким образом обеспечить продолжительность дней Адад-нирари III, царю Ассирии в 812-783 гг. до н.э., царице Саммурамат и, кстати, ему самому. Упоминание Саммурамат интересно, поскольку предполагается, что она является оригиналом Семирамиды более поздних греческих и римских писателей. Бог одет в простой халат, стянутый на талии, руки оставлены непокрытыми и свободными. Он носит и усы, и бороду, причем последние завиты и развеваются, как и длинные волосы на голове. Рогатая шапка богов служит ему естественным головным убором, а запястья опоясаны браслетами с узором в виде розочек, которыми, похоже, восхищались и цари, и боги, а руки сложены на груди. Надпись, выбитая по всей нижней части его одеяния, в основном посвящена перечислению всех замечательных качеств и милостивых деяний Небо, а заканчивается она увещанием всех будущих поколений возлагать свое упование на Небо, а не на какого-либо другого бога.

Но ни вавилонские, ни ассирийские скульпторы не ограничивали свое внимание только людьми, как это делали художники барельефов. Они также пытались воспроизвести животных, мифических или реальных, в зависимости от обстоятельств, с разной степенью успеха. Животное, которое, кажется, более или менее монополизировало их художественные возможности в этом направлении, - лев. Мы уже видели, какую важную роль играет лев в геральдическом гербе Лагаша, в цветном декоре стен и барельефах, украшавших интерьеры ассирийских дворцов, а также в декоре различных предметов, таких как булавовидные головки и каменные чаши, и поэтому мы не удивлены, обнаружив примеры льва, выполненного из твердого камня и обработанного в круглой форме. Ранние образцы в большинстве своем небольшие, и, как правило, сохранились только головы. Датировка большинства этих голов неясна, так как обычно отсутствует надпись, но, к счастью, есть и исключения. Как и большинство ранних образцов шумерского искусства, почти все они происходят из Телло и были раскопаны М. де Сарзекком. Один из наиболее хорошо сохранившихся представлен на рис. [36](#), А. Сохранилась только одна сторона головы льва, но и ее достаточно, чтобы продемонстрировать, с каким успехом шумерский скульптор обращался со своим предметом. Надменность и бесстрастное величие льва переданы здесь более впечатляюще, чем на львах многих европейских художников; несмотря на это, дух условности уже пробрался в дом, как вор, хотя пока он ощущается только в подоле одежды, так сказать. Сама голова совершенно не запятнана никаким пагубным влиянием, но обработка гривы в какой-то мере стала жертвой силы привычки, которая, несмотря на расхожее утверждение, что это "вторая натура", на самом деле настолько неестественна, насколько это может быть возможно в ее влиянии на искусство. Он сформирован по образцу материала "каунаки", использовавшегося при изготовлении ранних шумерских одежд.

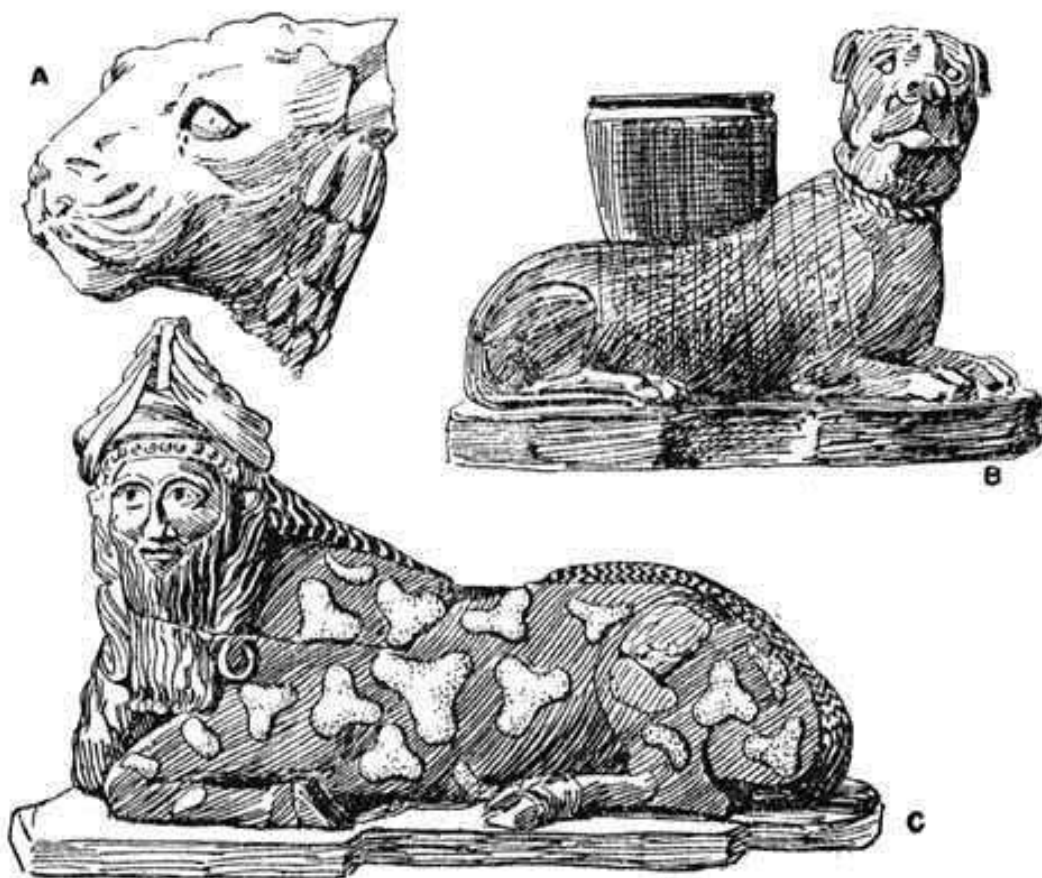

Рис. 36.- A (*Déc. en Chald.*, Plate 24, I); B, C (после Heuzey).

На том же месте были найдены останки другого каменного льва с надписью Гудеа, из которой следует, что данный лев был частью декора двери, через которую осуществлялся доступ в святилище богини Гатумдуг. Этот лев¹⁰⁰ еще больше демонстрирует тонкое влияние конвенционализма в манере изображения волос на нижней части живота: ряд треугольников, как это часто встречается в фигурах львов на цилиндрических печатях, представляет собой бахрому длинных волос. Многие из львиных голов, обнаруженных в Телло, были снабжены отверстиями для вставки колышков и, вероятно, служили нижними опорами для спинок тронов. Одна из этих львиных голов представляет особый интерес, поскольку на ней написано имя Ур-Нина, основателя первой династии Лагаша,¹⁰¹ а на второй упоминается *Маган*, неопределенный район, откуда вавилоняне достали свой камень. Еще одна ранняя скульптура животных, представляющая значительный интерес, была обнаружена капитаном Кросом в Телло в 1904 году (см. рис. 36, B). Она изображает лежащую собаку, по-видимому, породы мастиф, и по виду идентична тем, что изображены на барельефах Ашур-бани-пала: длина собаки всего около четырех дюймов, высота чуть меньше трех с половиной дюймов, толщина - два дюйма, но интерес к ней заключается в том, что на ней есть надпись Суму-илу, царя Ура, который, вероятно, царствовал в конце третьего тысячелетия до нашей эры, но о котором мало что известно, и о чьем имени даже не слышали до обнаружения этой маленькой черной каменной собаки. Материал, из которого изготовлена скульптура, - стеатит, а спина собаки пронизана отверстием, которое служило подставкой для цилиндрической стеатитовой вазы. Отверстие и ваза, очевидно, более поздние, чем сама собака.¹⁰²

Другой очень интересный пример ранневавилонской круглой скульптуры - небольшой бык с человеческой головой¹⁰³ (см. рис. 36, С), хранящийся сейчас в Лувре. Это, как бы, архетип или прототип тех крылатых человекообразных быков и львов, которые ставились у входов во дворцы для защиты от злобных демонов. Поза быка совершенно естественна и напоминает полулежащего тельца на серебряной вазе Энтемны (см. рис. 45), но телу животного не хватает напряженного реализма, присущего более ранним изображениям животных. Он носит длинную вертикально разделенную бороду, по обеим сторонам которой расположены косички волос, а его голова увенчана шапкой с четырьмя парами рогов.

В центре его спины находится отверстие, которое, несомненно, когда-то служило гнездом для какого-то votивного предмета или фигурки, как это часто случалось; но особый интерес этой маленькой скульптуры заключается в инкрустации раковинами на спине. Сама фигурка сделана из черного стеатита, а инкрустация - из желтой раковины, и в результате мы имеем несколько гротескно очерченного быка. Иногда животных вырезали из дерева, хорошим примером чего является маленький деревянный лев в Лувре, но остатки вавилонской или ассирийской резьбы по дереву слишком скудны, чтобы мы могли взяться за изучение их работ в этом направлении.

ПЛАТА XXV

Фотографии, Мэнселл

Крылатый человекообразный лев

Британский музей

Крылатый человекообразный бык

В более поздние времена круглая скульптура, которая никогда не была популярна среди художников Месопотамии из-за очевидных трудностей с добычей необходимого материала, во-первых, а во-вторых, из-за характера самой работы и препятствий, которые нужно было

преодолеть при ее выполнении, почти полностью вышла из моды. Тем не менее, остается несколько примеров скульптурных животных, среди которых первыми и главными являются колоссальные крылатые быки с человеческими головами и львы, охранявшие входы во дворцы Ашшура-на-Ир-пале и Саргона (см. пл. XXV). Это, правда, не барельефы и не круглые скульптуры, но их сочетание, при котором художник стремился создать совершенно естественный и полный эффект со всех точек зрения, и его усилия увенчались успехом, которого они заслуживали. Средством, которое он использовал для достижения этого удовлетворительного результата, является снабжение каждого из этих необычных чудовищ пятой ногой, хотя все эти крылатые монстры не были так снабжены, главным исключением являются четвероногие быки во дворце Сеннахериба в Кюнджике. Трудность, с которой столкнулся художник и которая была устранена с помощью вышеупомянутого приспособления, заключалась в неспособности четырех ног естественных пропорций поддерживать каменное тело гигантского размера, требуемого архитектурными требованиями, для которых предназначались эти существа. Короче говоря, чисто круглая скульптура льва или быка желаемого гигантского размера была буквально невозможна, поэтому в дело вступал рельеф, который был лишь вопросом того, насколько низким или высоким должен быть рельеф, и чем выше он был, тем больше он, конечно, приближался к круглому и реализовывал то, что, предположительно, было настоящим замыслом художника. Создание удовлетворительного вида этих животных спереди не представляло никаких трудностей, так как видимость двух передних ног - это все, что было необходимо, а недостаток, связанный с тем, что пространство между ногами было занято твердой массой камня, которая поддерживала животное и из которой оно было изваяно в высоком рельефе, был сравнительно небольшим и незначительным. А вот удовлетворительное изображение животного в боковом ракурсе было сопряжено с гораздо большими трудностями. Обычно две ближние ноги четвероногого, рассматриваемого сбоку, ни в коем случае не исключают из поля зрения две ноги со стороны. Художник ясно осознавал трудность, с которой он столкнулся, и он придумал гениальное средство, фактически единственное в данных обстоятельствах, чтобы преодолеть эту неотъемлемую трудность. Он снабдил льва или быка, в зависимости от ситуации, пятой ногой, в результате чего действие или бездействие животного, если смотреть на него с любой точки зрения, представляется совершенно естественным. Спереди крылатый монстр виден в неподвижном состоянии, его две передние ноги прочно стоят на земле, а сбоку, напротив, животное идет совершенно нормальным и похожим на жизнь образом. Эти крылатые чудовища были установлены по обе стороны от порталов царского дворца и служили опорой для дворцовых стен. Но цель, которой они должны были служить, и обязанности, которые они должны были выполнять, не были чисто архитектурными или даже декоративными: их призвание, хотя и включало в себя все эти незначительные функции, предполагало выполнение еще более высоких обязательств, поскольку они были призваны отражать атаки злых духов из нижнего мира. Эсархаддон, царь Ассирии в 681-668 гг. до н. э., специально указывает, с какой целью были созданы эти "шеди" или "ламасси" - ассирийские названия этих полумифических чудовищ, например, в одном отрывке - цитирую перевод, данный Перро и Чипьезом (стр. 266) Эсархаддон говорит, что "*шеди* и *ламасси* благоприятны, являются стражами моего царского променада и ликованием моего сердца, пусть они всегда сторожат дворец и никогда не покидают его стен", а в другом отрывке он говорит: "Я приказал сделать двери из кипариса, который имеет приятный запах, украсил их золотом и серебром и закрепил в дверных проемах. Справа и слева от этих дверей я установил *шеди* и *ламасси* из камня, они поставлены там, чтобы отгонять нечестивых". Передние части этих чудовищ всегда выступали за общую линию стены, человеческая голова и грудь в любом случае находились за пределами арки, которую поддерживали эти животные.

Фото. Мэнселл

Британский музей

Каменный лев из Ашур-нахир-пала

Иногда крылатое человекообразное чудовище сопровождается мифическим существом с крыльями, держащим в левой руке корзину, а в правой - конус (ср. пл. [XXV](#)), в других случаях он стоит в одиночестве в уединенной славе. Голова относится к знакомому типу, которому так строго соответствует половина ассирийских изображений мужчин, тип, характеризующийся бородой, другой тип - безбородый: все представители царской власти и знати, похоже, носили бороды и, по мнению ассирийских скульпторов, имели точно такие же черты лица; многочисленные безбородые фигуры, изображенные на барельефах, представляют более низкие классы, и, несомненно, в некоторых случаях евнухов. Голова этого крылатого колосса увенчана высоким головным убором, богато украшенным розетками, и снабжена двумя парами рогов - неизменным знаком сакральной святости. Волосы и борода отличаются пышностью и тщательностью укладки, а хвост обработан с такой же щепетильностью. Два огромных крыла покрывают спину, простираясь за ее пределы. Рельеф, в котором подняты тело и особенно ноги, очень высок, и они выделяются почти в круг. Многие из этих гигантских каменных животных были найдены в Нимруде, Хорсабаде, столице Саргона, и Ниневии.

Но хотя ассирийцы проявляют заметное пристрастие к мифическим чудовищам в своих крупных скульптурных достижениях круглой или полукруглой формы, они показали себя способными придумать и великолепно реализовать животных обычного порядка; одним из

лучших примеров ассирийского резного животного является колоссальный лев Ашшур-нахир-пала (см. пл. XXVI), который сейчас находится в Британском музее, а когда-то был частью входа в здание. Этот лев высотой около восьми футов и длиной тринадцать футов, и с надписью, как и многие крылатые человекообразные быки и львы. У льва также пять ног, как и у многих других. Голова высечена с большой смелостью и энергичностью, хотя и несколько условно. Челюсти вытянуты, верхняя губа и ноздри втянуты, и даже человеку без воображения может показаться, что он слышит глубокий рев, исходящий из этой свирепой, широко раскрытой пасти. Его шея покрыта густой гривой и оборками жестких волос. Чтобы получить наилучшее представление о скульптуре, то есть такое представление, при котором зритель в полной мере или даже с избытком оценит мастерство художника, необходимо расположить точку наблюдения сбоку. Фронтальный аспект разочаровывает, так как лев слишком худ для своей длины и роста, и, следовательно, лишен не только художественных достоинств, но и достойного величия, символическим воплощением которого он всегда являлся. Но, несмотря на эти очевидные недостатки, произведение в целом вызывает восхищение и неизбежно приковывает к себе внимание, ведь оно обладает "единственным необходимым" - жизнью. Сравнение головы льва с головой любого из крылатых человекоподобных чудовищ сразу же демонстрирует то, на что так часто делались ссылки: гений, который ассирийцы во все времена и во все периоды проявляли в изображении животных, и контрастную трудоемкость, которой неизменно отличаются все их изображения человеческих лиц. Но есть, по крайней мере, одно общее замечание, которое можно справедливо сделать об ассирийской скульптуре, замечание, применимое как к человеческим, так и к животным скульптурам, а именно: независимо от того, является ли предмет естественным или мифическим, человеческим или звериным, продукт художника никогда не лишен силы и впечатляемости, качество, которое в наши дни обычно бросается в глаза из-за его отсутствия. В Нижней Месопотамии были найдены и другие интересные скульптуры животных, самой известной из которых является огромный лев из черного базальта на кургане Qasr в Вавилоне (см. пл. XXVII). Он представляет собой льва, возвышающегося над обнаженным человеком, лежащим на земле, и весь он сделан из базальта. В ходе недавних немецких раскопок в Вавилоне были обнаружены останки еще одного каменного льва больших размеров; тридцать фрагментов долерита, из которого он был сложен, включая часть одного из когтей, длина которого превышает три дюйма, доказывают, что лев был ненормального размера, а его общая форма и внешний вид, по-видимому, указывают на большой возраст.

ПЛАТА XXVII

Лев из Касра
(Из Dieulafoy, "L'Art Antique de la Perse", Vol. 3. Pl. 13)

Для нас действительно хорошо, что эстетический гений вавилонян и ассирийцев нашел свое выражение в прочном камне, а не в каком-то другом, более скоропортящемся материале; трудности, связанные со скульптурой, признаются достаточно большими, и мы обязаны поблагодарить настойчивость и решительность этих древних народов, которые заставили их завоевать и вылепить для воплощения своих идей материал, который менее решительный и менее настойчивый народ вполне мог бы уклониться от нападения.

ГЛАВА VII-МЕТАЛЛУРГИЯ

В искусстве обработки металлов вавилоняне проявили немалую степень мастерства: уже были приведены свидетельства того, как металл вносил свою долю в совершенные работы архитектора, а также его использования в качестве материала, на котором писец мог выгравировать свои сравнительно нетленные памятники, но остается рассмотреть роль, которую он сыграл в истории искусства страны, а также в росте ее цивилизации. Металлы, которые, по-видимому, были наиболее распространены среди жителей Месопотамии, - это медь и бронза. Как и в любой другой стране, до того как металл стал известен и использовался в долине Евфрата, камень использовался в качестве материала для изготовления ножей, топоров и всевозможных орудий. Различные кремни были найдены Тейлором в Абу Шахрейне (Эриду).¹⁰⁴ В Фаре (Шуруппак) немецкие экскаваторы обнаружили множество кремневых ножей и пил, а также несколько топориков и инструментов из того же материала; на том же месте были найдены инструменты из кости. Но медный век начался в очень ранний период истории вавилонской цивилизации, еще до появления клинописи, и в то время, когда даже ранние рисунки-знаки еще не были скованы стереотипным формализмом более поздних дней, медь уже была приспособлена к нуждам и потребностям человечества.¹⁰⁵

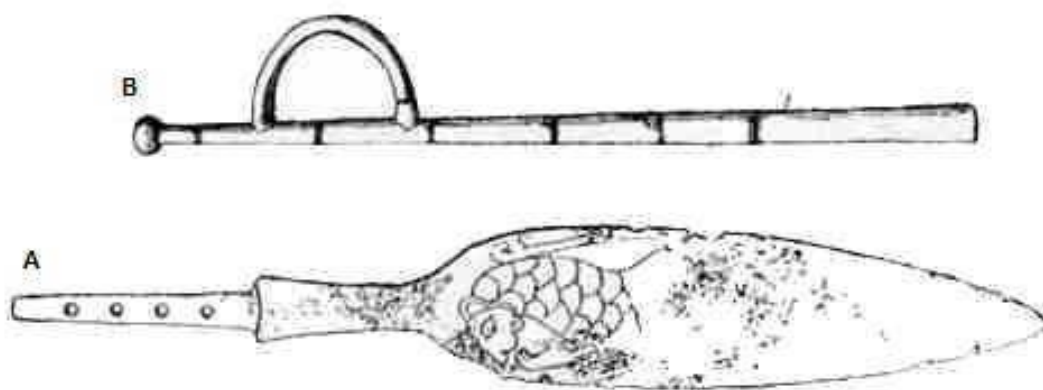

Рис. 37.-А (Cat., p. 367; *Déc. en Chald.*, Pl. 5 tert. Musée du Louvre.)

В (Heuzey, *Une Villa Royale*, Fig. 19.)

В Уре (Мухейер) Тейлор обнаружил большой медный наконечник копья и два наконечника стрел из того же металла, а в ранних слоях Телло М. де Сарсек обнаружил медный клинок. Де Сарсек обнаружил медное лезвие длиной около тридцати одного с половиной дюйма, принадлежащее вотивному копью; к сожалению, имя царя, которому оно было посвящено, утрачено из-за окисления металла, но название "Царь Киша" все еще четко читается, а Киш - одно из древнейших мест евфратской цивилизации (см. рис. 37, А). Острие клинка пронизано четырьмя отверстиями, а на одной из плоских поверхностей самого клинка выгравирована фигура льва, правда, грубого, но одухотворенного. Этот уникальный предмет был найден на большой глубине, всего в шести дюймах над слоем, в котором были погребены архитектурные остатки Ур-Нина. Неподалеку де Сарсек обнаружил огромную полую трубу из колотой меди (см. рис. 37, В) длиной более десяти футов и диаметром четыре дюйма; также было найдено несколько медных гвоздей, с помощью которых эта длинная труба крепилась к деревянному столбу. Сама труба сужается кверху, а ее верх венчает полый шар из затвердевшего битума, чуть ниже которого находится большая полукруглая ручка или то, что похоже на ручку, состоящая из полый трубки и также сделанная из меди. Неизвестно, как использовалось это странное приспособление, но оно точно воспроизведено на некоторых ранних цилиндрических печатях, а также на известной вазе Гудеа. Высказывались различные предположения о том, для каких целей он служил; по одной версии, это шест для колесницы, по другой - часть штандарта, но первое исключается тем положением, которое он занимает на печатях и на вышеупомянутой вазе. Однако последняя версия может быть близка к истине.

Среди самых ранних образцов вавилонской металлургии можно упомянуть ряд очень маленьких медных изображений животных в позе приседания, и все они, по-видимому, принадлежат к домашним, хотя в некоторых случаях они настолько покрыты *vert-de-gris*, что трудно с точностью определить, каких животных они должны были изображать. Вероятно, их следует рассматривать как жертвенные подношения богам, фактически являющиеся экономичными заменителями реальных жертв. Они были найдены де Сарсеком в самых нижних и, следовательно, самых ранних слоях разрушенных курганов Телло. Другой класс металлических предметов, которые мы также должны датировать более ранним временем, чем время Ур-Нина, основателя первой династии Лагаша, включает в себя ряд медных статуэток, одинаковых по форме, контуру и стилю, хотя и не по размеру. Все они изображают женский бюст, руки сцеплены на груди, волосы свисают на шею, как тяжелый парик, а волнистость волос обозначена сильно выделенными горизонтальными линиями (см. рис. 38, С). Стиль сразу же напоминает фигуры на грубых барельефах, относящихся к тому же

периоду. Еще одной особенностью этих маленьких фигурок является то, что все они заканчиваются острием гвоздя, с помощью которого они должны были быть закреплены в земле, чтобы сдерживать продвижение демонов из нижнего мира.

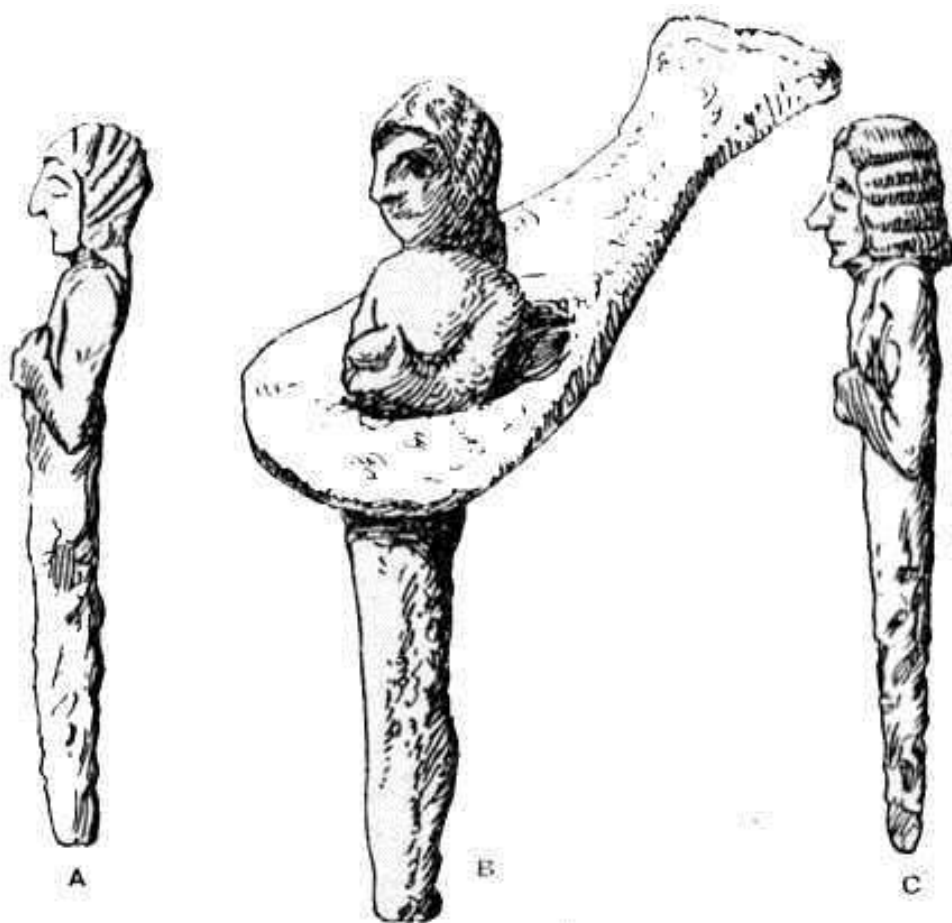

Рис. 38.-А, С (ср. Cat., p. 295). Музей Лувра.
В (ср. *Déc. en Chald.*, Pl. 2 tert., No. 3).

Ур-Нина также широко использовал медь в качестве материала для своих вотивных статуэток. Несколько таких статуэток были найдены в Телло де Сарзекон; все они имеют те же характеристики, что и более ранние фигурки, упомянутые выше, и представляют женщину, чьи руки сцеплены на груди, а волосы свисают по спине ярко выраженными перпендикулярными прядями, в то время как тело аналогичным образом заканчивается острием гвоздя, предназначенного для втыкания в землю (ср. рис. 38, А). Но главное, что отличает статуэтки Ур-Нина от статуэток более раннего периода, заключается в дополнительной роли, которую они должны были играть; они не только были защитными амулетами, но и должны были нести на голове каменные таблички. Чтобы им было легче нести свою ношу, их закрепляли в своеобразном плоском кольце, конец которого был сделан похожим на хвост птицы, что помогало голове в ее нелегком деле (см. рис. 38, В). Пять из этих маленьких фигурок до сих пор носят на голове толстую табличку из сероватого камня, выпуклую с верхней стороны, как кирпичи этого же царя. Обычно их находили погребенными в углублениях шириной, длиной и высотой около двадцати восьми дюймов, замурованными кирпичами и битумом. Позднее в династии практика снабжения этих статуэток кольцами с птичьими хвостами для поддержки каменной таблички с надписью, похоже, перестала использоваться; во всяком случае, на статуэтках Энтемена, четвертого преемника Ур-Нина,

таких колец нет; в алебастровых табличках просто проделаны отверстия, в которые прочно вставлялась голова статуэтки.

Еще один класс медных статуэток, относящийся к более позднему времени, - это так называемые "канефоры", или корзинщики. Самые древние из них также происходят из Телло: это иногда мужские, иногда женские фигурки, но все они несут корзины на голове. Одна из них показана на рис. 39, Б. В данном случае одежда расположена таким образом, чтобы показать формирование ног. Надпись сообщает нам, что эта статуэтка была посвящена Гудеа Нин-гирсу. Относительно предполагаемого содержимого корзины невозможно высказать догму: возможно, в них должны были находиться подношения, но де Сарзек считал эти фигурки изображениями самого патеси, доставляющего в священной корзине глину для строительства храма.

Указания, данные богом Нин-гирсу Гудеа во сне относительно строительства его храма, напрямую связаны с символическим действием, которое, несомненно, имеет близкое сходство с тем, в котором участвуют эти канефорские фигуры. Гудеа подарили священный кирпич на подушке, который после выполнения различных обрядов и церемоний он положил себе на голову и понес в храм - внешний и видимый знак его покорности божественной воле и решимости восстановить освященный временем храм своего бога. Но какой бы ни была правильная интерпретация этих канефорских фигур, они, несомненно, напоминают о задаче, которой занят Ур-Нина на знаменитом барельефе, где он изображен в окружении своей семьи и двора (см. рис. 26).

Другая фигура того же класса, также воспроизведенная в монументальном труде Хозея и де Сарсека, имеет надпись Дунги, царя Ура (ок. 2400 г. до н. э.), но нижние конечности, вместо того чтобы быть смоделированными, имеют форму конуса; другая статуэтка, изображенная на той же плите¹⁰⁶, напротив, очень тщательно смоделирована и одета в короткую одежду, доходящую до колен, но, к сожалению, не имеет надписи.

Рис. 39.- А, В, С (ср. кат., с. 315, 307, 301; №№ 164, 158, 146).
Музей Лувра.

Несколько веков спустя эламские завоеватели, Кудур-Мабуг и его сын Рим-Син, которые установили свое господство над всем Шумером и Аккадом и сохраняли свое положение до тех пор, пока Хаммурапи, тогдашний царь Вавилона, не победил Рим-Сина на тридцать первом году его правления, начертали свои имена на подобных статуэтках (см. рис. 39, А).

Воспроизведенная здесь фигура - женская; ее одежда, имеющая вид юбки, не позволяет рассмотреть ноги, а сама сужается к низу и напоминает более ранние статуэтки с остриями гвоздей. Обнаженность бюста и отсутствие волос на голове указывают на то, что данная женщина - рабыня, и ее призванием, вероятно, была помощь в строительстве храмов богов. По стилю эта фигура выполнена более смело, чем более ранняя статуэтка Гудеа, показанная на рис. 39, Б. На ней имеется надпись, в которой упоминаются Кудур-Мабуг и его сын Рим-Син.

Иногда встречаются мужские канефоры, хороший образец которых хранится в Британском музее; он прибыл из Телло, как и многие из этих ранних произведений искусства. Еще один прекрасный экземпляр был подарен несколько лет назад Берлинскому музею; его высота

превышает десять дюймов, и на нем очень четко написана шумерская надпись; встречаются имена Кудур-Мабуга и Рем-Сина, а статуэтка посвящена "сохранению жизни", как это всегда делалось с этими вотивными фигурками.

Еще один интересный класс медных фигурок был обнаружен де Сарзекон в Телло: он состоял из множества маленьких статуэток, большинство из которых были посвящены патеси Гудеа; каждая из них стоит на коленях и держит между руками конус, а головной убор состоит из рогатой шапочки, характерной для всех месопотамских божеств, будь то ранних или поздних. Высота этих маленьких фигурок составляет около восьми-девяти дюймов. На конусах нанесена вотивная надпись, а сами конусы, вероятно, следует рассматривать как религиозные символы. Конусы из глины или камня, относящиеся к этому периоду, достаточно распространены, однако их появление в меди и в непосредственном контакте со статуей человека - большая редкость. Простой длинный медный конус длиной 1 фут 1-1/2 дюйма с архаичной надписью сейчас хранится в Британском музее, однако это исключение, металлические конусы, при их редком появлении в вавилонском искусстве, почти во всех случаях связаны с человеческими или квази-божественными фигурами.

Одним из лучших и самых ранних примеров этих медных конусов-статуэток является статуэтка патеси из Лагаша эпохи Ур-бау (около 2500 г. до н. э.), хранящаяся сейчас в Лувре и представленная на рис. 39, С. Эта фигурка была найдена заключенной в глиняную вазу, в дне которой были проделаны три отверстия, и к ней прилагалась прекрасная табличка из белого мрамора, надпись на которой представляет собой своего рода резюме текста, найденного на статуэтке этого патеси. Бог стоит на одном колене, а его руки крепко держатся за удлинённый конус, напоминающий острия гвоздей на более ранних фигурах. Головной убор состоит из рогатой шапочки. Черты лица полны экспрессии и силы, несмотря на их тяжеловесность, и статуэтка в целом демонстрирует большой прогресс по сравнению с художественными изделиями времен первой династии Лагаша, а также очень выгодно отличается от более поздних работ времени Гудеа.

Среди других ранних медных предметов, представляющих интерес, мы можем особенно отметить две головы быков, отливка которых не цельная, как у всех фигурок, упомянутых до сих пор, а полая, и любопытную вазу, найденную вместе в Телло в слое, расположенном непосредственно над слоем, представляющим эпоху Ур-Нина.¹⁰⁷ Головы быков (см. рис. 40, А) практически идентичны по типу, хотя и не по размеру; рога длинные, а морда короткая, но, несмотря на свою грубость, эти головы полны жизненной силы и не лишены собственного очарования. Большая из них, представленная на рис. 40, А, имеет глаза, инкрустированные перламутром, а зрачки глаз сделаны из лазурита; ее высота составляет около семи с половиной дюймов (включая рога), а высота меньшей головы - всего пять с половиной дюймов.

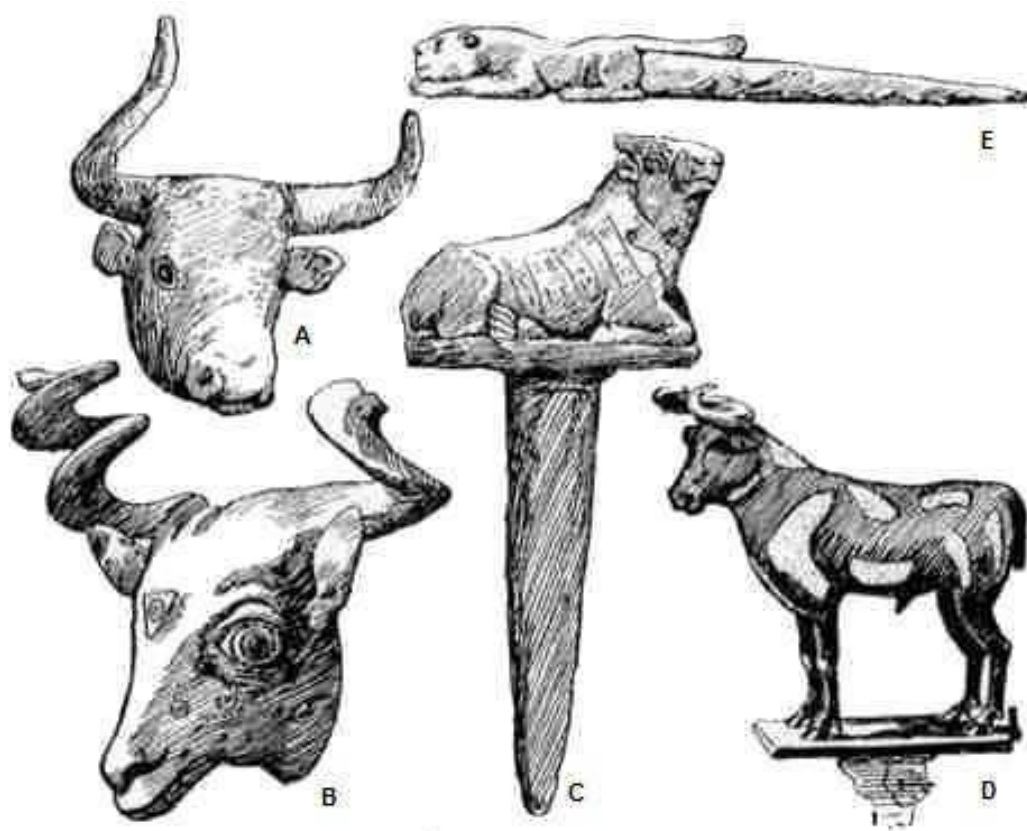

Рис. 40.- A, C, D (Музей Лувра) Кат. стр. 318, 310, 324.

В (из Hilprecht, *Explorations*, p. 540).

Е (из Harper, *A. J. S. L.*, XX, p. 266).

В Фаре была найдена изящная голова мархурского козла (см. рис. 40, В); сама голова сделана из меди, а глаза - из раковины, причем белые из них изображены белой раковинной, а зрачки - темно-коричневой. Между глазами - треугольный орнамент из перламутра, инкрустированный белыми и коричневыми раковинами. Шея газели полая, а голова крепилась к деревянному туловищу, покрытому медью.

Еще одно интересное изображение животного мира в металле было завещано нам Дунги, царем Ура, и представляет собой быка, возлежащего на вершине длинного гвоздя (см. рис. 40, С). Бык напоминает жертвенное животное, изображенное на небольшом скульптурном блоке, представленном на рис. 27. Рога, как и там, короткие, но толстая шея и раздутое горло сразу создают представление о ревущем быке, поза удивительно естественна, а вся работа полна бодрости и оживления. Ее высота составляет около двадцати шести дюймов.

На рис. 40, D108 представлена иллюстрация еще одного маленького металлического быка, металл в данном случае бронзовый, что свидетельствует о несколько более поздней дате, а поза - стоячая. Место его находки точно не известно, но, как говорит М. Хозей, в нем нет ни малейших следов жесткого ассирийского условного стиля, напротив, он обладает всеми характеристиками, присущими раннему вавилонскому искусству. Бык высотой двенадцать дюймов и длиной тринадцать дюймов стоит на узком цоколе, к нижней части которого, очевидно, был прикреплен гвоздь, напоминая статуэтки с гвоздями из Телло. Особый интерес этой маленькой фигурки заключается в том, что она инкрустирована серебром, что, очевидно, было сделано для того, чтобы изобразить отметины определенной породы быков. Глаза когда-то были инкрустированы этим металлом, а тонкие пластинки серебра, которыми было инкрустировано тело животного, сохранились до сих пор. Эта маленькая фигурка

доказывает, что вавилоняне владели искусством инкрустации не только каменных, но и металлических предметов.

Среди других ранневавилонских изображений животных в металле можно упомянуть "бронзовый львиноголовый предмет" (см. рис. 40, Е), обнаруженный в Бисмае.¹⁰⁹ Сам шип, не считая льва, имеет размер девятнадцать дюймов. Поскольку он был найден на глубине более восьми футов под платформой из плосковыпуклых кирпичей, его древность должна быть очень велика, и в свете последующих исследований можно предположить, что он бронзовый только внешне, как и многие другие изделия ранней шумерской металлургии, любой сплав меди может быть случайным, а не преднамеренным. Лев грубоват, но неопытность художника не помешала ему создать животное, естественное в своей позе и, следовательно, художественное в своих эффектах.

В Ниппуре, Фаре, Телль-Сифре и других вавилонских местах были найдены другие предметы и оружие из меди: молотки, ножи, кинжалы, секиры, оковы, зеркала, рыболовные крючки, грузила, наконечники копий, вазы, блюда и котлы; иногда оружие имело заклепки для деревянных ручек, которые уже давно исчезли.¹¹⁰

Формы, в которых отливались все эти медные предметы, как полые, так и цельные, вероятно, были сделаны из глины, хотя в более поздние времена камень часто использовался в качестве материала для изготовления форм для литья металлов, и различные примеры таких форм из стеатита, в которых отливались кольца для ушей и другие украшения, сейчас находятся в Британском музее, в то время как в тот же поздний период, похоже, использовалась сама бронза, и бронзовые формы для наконечников стрел все еще сохранились. Но нет никаких свидетельств использования каменных или металлических форм шумерами, и именно их использованию глиняных форм мы, несомненно, должны приписать, по крайней мере частично, необычайное оживление, которое демонстрируют эти ранние вавилонские фигуры, поскольку очевидно, что создание головы быка или человека из глины было бы сравнительно более легкой работой, чем высекание ее из камня, и, следовательно, работа была бы лишена той тяжелой трудоемкости, которая так часто является выдающейся характеристикой ранних каменных скульптур. Медные остатки этой эпохи далеко не так многочисленны, как хотелось бы, но многие виды оружия, инструментов и других предметов, которые, несомненно, были сделаны из металла, а значит, вероятно, и из меди в это время, изображены на некоторых из самых ранних вавилонских рельефов и печатей и дают нам некоторое представление о широком использовании металла вавилонянами этого отдаленного периода и о многочисленных целях, для которых они его применяли. Иногда кажется, что вместо того, чтобы изготавливать необходимые предметы с помощью форм, они полностью полагались на молот: доказательством тому служит находка де Сарзеком в Телло части рога быка. К сожалению, других частей животного, которым принадлежал этот рог, обнаружить не удалось, но рог в натуральную величину и хорошо сделан. Сердцевина состояла из дерева, на котором с помощью маленьких гвоздей крепились медные пластины.

Точное время, когда месопотамцы приобрели и стали практиковать искусство добавлять к меди определенный процент олова, тем самым превращая ее в бронзу - металл, обладающий большей прочностью, чем медь, - неизвестно, но суждение, основанное на доказательствах, представленных в случаях, которые были подвергнуты химическому анализу, указывает на то, что искусственное сочетание меди и олова не было известно до ассирийской эпохи, и что любой процент олова или сурьмы, обнаруженный в медных предметах более раннего времени, является естественным, а не искусственным сплавом. Однако стоит отметить, что, по-видимому, уже во времена Бур-Сина, царя Ура (ок. 2400 г. до

н. э.), искусство смешивания металлов не было неизвестно. Во всяком случае, медная статуэтка Канефорского ордена с надписью этого царя содержит сплав свинца, причем процентное содержание свинца достигает восемнадцати процентов. Но с ростом ассирийского могущества бронза постепенно вытеснила медь; медь, правда, все еще использовалась, и Эсархаддон, например, сообщает нам, что двери одного из дворцов, которые он возвел для себя, он сделал из кипарисового дерева, а затем покрыл их серебром и медью; Медь также использовалась для второстепенных целей, например, для изготовления красок,¹¹¹ но она перестала занимать важное место в жизни народа, хотя, конечно, как основной поставщик искусственно составленной бронзы, она по-прежнему широко использовалась, хотя и не так заметно.

Хорошим примером использования бронзы в ранний ассирийский период является скимитар (см. рис. 41, А) с надписью Адад-нирари I, царя Ассирии около 1325 года до н. э. Вся длина меча составляет чуть более двадцати дюймов, длина клинка - шестнадцать дюймов, эфеса - около пяти, а ширина варьируется от чуть более одного до чуть менее двух дюймов. Меч, очевидно, был церемониальным и, возможно, когда-то был вложен в руку статуи бога; его рукоять, очевидно, была украшена и инкрустирована слоновой костью,¹¹² и напоминает ту, что была найдена Макалистером в Гезере в Южной Палестине. Интересно сравнить скимитар Адад-нирари с мечом, найденным Андрае в Ашуре (см. рис. 41, В), от которого он полностью отличается по характеру и дизайну, последний был совершенно прямым. Другая интересная находка, сделанная Андрае на том же месте, - бронзовый топор (см. рис. 41, С), вполне современный по своему виду и не похожий на ледоруб с короткой рукояткой.

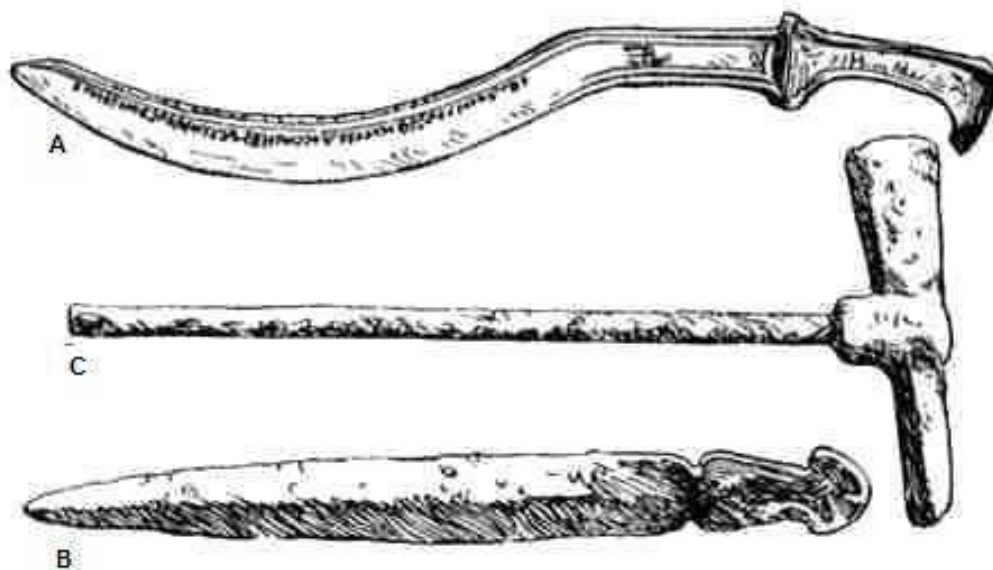

Рис. 41.-А (ср. T. S. B. A., vol. IV, Pl. 2, p. 347).

xxxxxxxxxxxxxB (ср. Andrae, *Der Anu-Adad Tempel*, p. 53).

Фото. Мэнселл

Британский музей

Бронзовые предметы из Нимруда

В Ниневии, Нимруде и других местах было обнаружено множество оружия, орудий труда, блюд, чаш и колец из бронзы. На пластине [XXVIII](#) мы видим бронзовое копыто быка, которое, по-видимому, служило ножкой трона, и еще два бронзовых элемента трона. Ниже представлены две бронзовые гири со львами из Нимруда. На многих из этих гирь клинописью написаны имена царей, при которых они были изготовлены, например, Тиглата-Пилесера, Шалманесера IV и Сеннахериба, а количество взвешиваемых ими предметов написано по-финикийски. Возможно, они были изготовлены эмигрантами из Финикии. Удельный вес, необходимый для каждой гири, обычно определялся путем отбивания кусков от основания, но в одном случае удельный вес нужно было увеличить, а не уменьшить, и это было сделано путем заполнения полого тела льва свинцом, пока он не стал весить необходимое количество. Непосредственно над головой большего из двух представленных здесь львов мы видим бронзовую голову вавилонского демона.

Ассирийская бронза обычно содержит одну часть олова к десяти частям меди, но в случае с бронзовыми колокольчиками, найденными Лэйярдом в Нимруде (один из них воспроизведен на пластине [XXVIII](#)), анализ показал, что процентное содержание олова составляло около четырнадцати. Несомненно, это было сделано для того, чтобы сделать их звон более звонким. Колокола, о которых идет речь, различаются по размеру: самый большой имеет высоту около трех с четвертью дюймов и диаметр два с четвертью дюйма, [113](#) в то время как самый маленький - один с тремя четвертями дюймов в высоту и один с четвертью дюйма в диаметре. Колокольчики этих колоколов сделаны из железа.

Но бронзовые блюда из Нимруда демонстрируют работу ассирийских граверов по металлу, возможно, на самом высоком уровне, и дают больше материала для изучения этой отрасли ассирийской металлургии, чем любой другой класс предметов. Общий стиль декора, которому они соответствуют, определяется концентрическими кругами, рассекающими верхнюю поверхность блюда на множество регистров, хотя иногда почти все поле занято одной сценой. Изображенные фигуры часто демонстрируют очень сильное египетское влияние, а иногда полностью египетские по дизайну.

На пластине [XXIX](#) представлена репродукция одного из наиболее хорошо сохранившихся бронзовых блюд, найденных Лэйярдом в Нимруде. Грифоны, занимающие главное место в

схеме декора, полностью египетские по замыслу, а на голове у них знакомая двойная корона Верхнего и Нижнего Египта. Переднее левое копыто каждого грифона почти по-родительски опирается на голову ребенка, который также явно египтянин. Перед, между и за грифонами видны сужающиеся колонны, часто встречающиеся в египетской архитектуре, а в центре пространства, отделяющего спину одного грифона от спины ближайшего животного в соседней группе, находится более основательный столб, столица которого имеет форму крылатого скарабея. Все животные выбиты в рельефе, но тонко чеканные круги флеретов, составляющие единственное украшение центра, - дело рук гравера.

ПЛИТА XXIX

Фото. Мэнселл

Бронзовая чаша из Нимруда

Британский музей

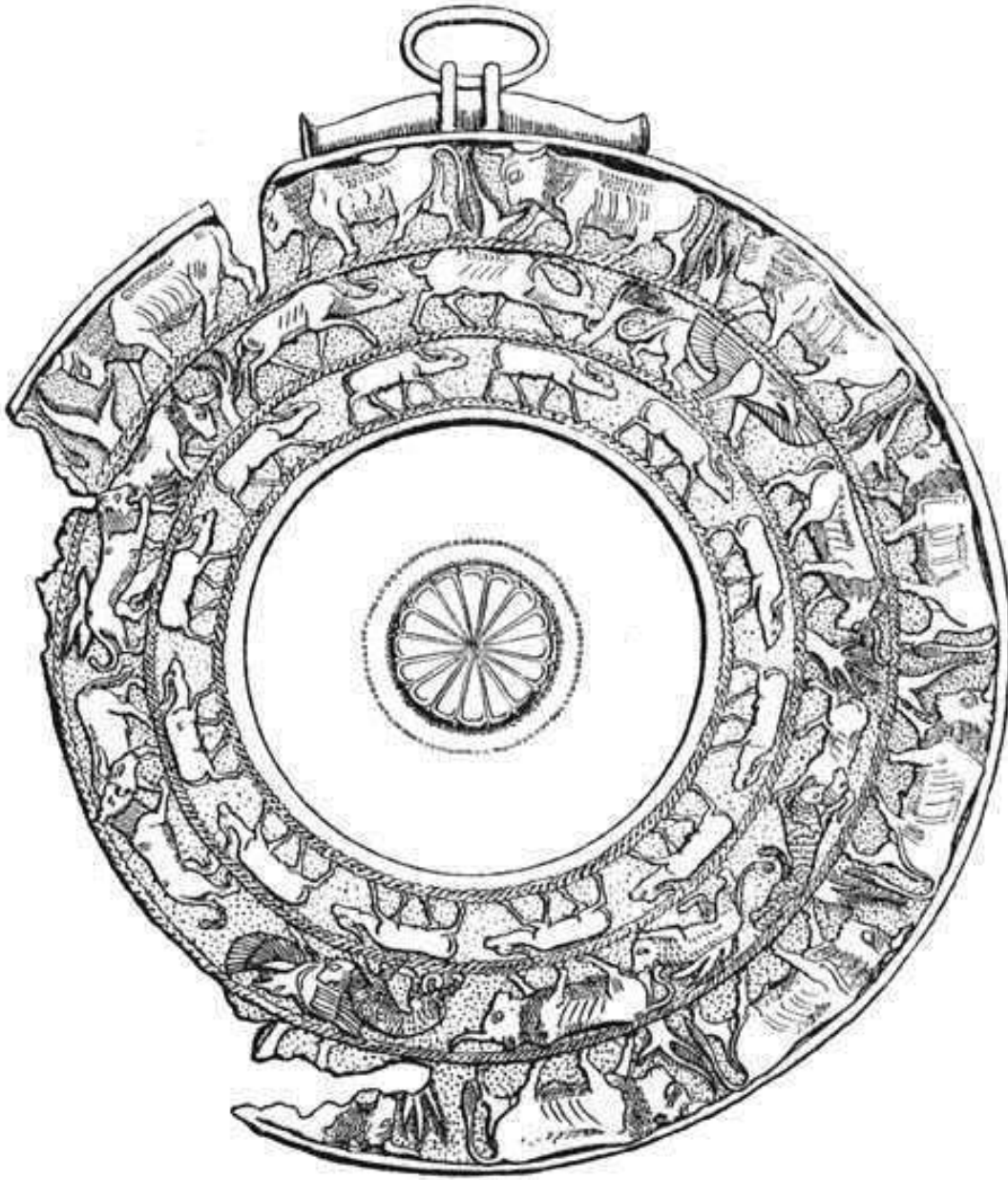

Рис. 42. (По рисунку Лэйарда.)

На рис. 42, напротив, представлено блюдо из бронзы, найденное на том же месте, что и описанное выше, но в нем нет ни малейших следов египетского влияния. Этот мотив часто использовался в Месопотамии; украшение круглых предметов последовательными цепочками животных, следующих друг за другом по кругу, не было изобретением ассирийцев, поскольку его можно проследить до самых ранних шумерских времен. Он встречается на знаменитой серебряной вазе из Энтемены (см. рис. 45), а также на каменной булаве из Месилима (см. рис. 26), которая украшена группой удивительно похожих друг на друга львов, преследующих друг друга вокруг булавы. В самом внутреннем круге в строю шествует отряд газелей, таких, какие часто изображаются на цилиндрических печатях (см. рис. 51); средний регистр образует цирк для разнообразных животных, шествующих в том же направлении, что и газели. За быком, крылатым грифоном, горным козлом и газелью следуют два быка, на которых нападают львы, и грифон, бык и газель, на которых, соответственно, нападают леопарды. В самой внешней зоне находится величественная процессия реалистично выполненных быков, марширующих в противоположном

направлении от животных, шествующих в двух внутренних кругах, и тем самым разбавляющих агрессивную монотонность декораций. Сохранение ручки, за которую блюдо держалось или подвешивалось, представляет дополнительный интерес для . К сожалению, на этих блюдах нет клинописных надписей, хотя некоторые из них содержат надпись, написанную финикийскими буквами на обороте, что, вероятно, указывает на то, что они были изготовлены финикийскими художниками, если они не были сделаны в самой Финикии. Как уже говорилось, некоторые из рассматриваемых блюд явно ассирийские по искусству и концепции, в то время как другие столь же определенно египетские, но, несмотря на это, есть свидетельства, указывающие на то, что те из них, на которые было оказано наибольшее египетское влияние, возникли не в Египте и, вероятно, не были работой египетских художников. Например, одно из этих блюд украшено кругом картушей, содержащих египетские иероглифы: но иероглифы расположены бессистемно, они ничего не значат, и один этот факт позволяет предположить, что художник, кем бы он ни был, был не египтянином, а плагиатором.

Различные и отличные друг от друга стили искусства, к которым относятся украшения этих разных блюд, в равной степени иллюстрируются резными изделиями из слоновой кости, которые были обнаружены на том же месте и в том же дворце.

Как мы уже видели, гравировка была не единственным способом использования металла ассирийцами в художественных и изобразительных целях; они также научились в совершенстве работать с металлом методом репуссе, при котором фигуры выбиваются в рельефе на оборотной стороне, хотя иногда они дорабатываются гравером на правой стороне. Бронзовые ворота, обнаруженные Рассамом в Балавате, являются, безусловно, крупнейшим и наиболее важным памятником этой отрасли ассирийской металлургии. Балават расположен примерно в пятнадцати милях к юго-востоку от Ниневии, и на этом месте Рассам обнаружил остатки четырех пар больших складных дверей. От двух пар этих дверей сохранилась основа из кедрового дерева, а от двух других остались лишь бронзовые полосы, которые были прибиты к дверям в декоративных целях. Эти полосы были изготовлены и прикреплены к деревянным дверям Шалманесером II, царем Ассирии с 860 по 825 год до н. э. Самая большая из этих дверей была почти двадцать два фута в высоту, шесть футов в ширину и три дюйма толщиной. Каждая из этих дверей была прикреплена к округлому столбу, диаметр которого составлял около восемнадцати дюймов, а ножка была покрыта бронзой, чтобы облегчить ее вращение в каменных воротах-гнезде, которые должны были удерживать ее и прикрепленную дверь.

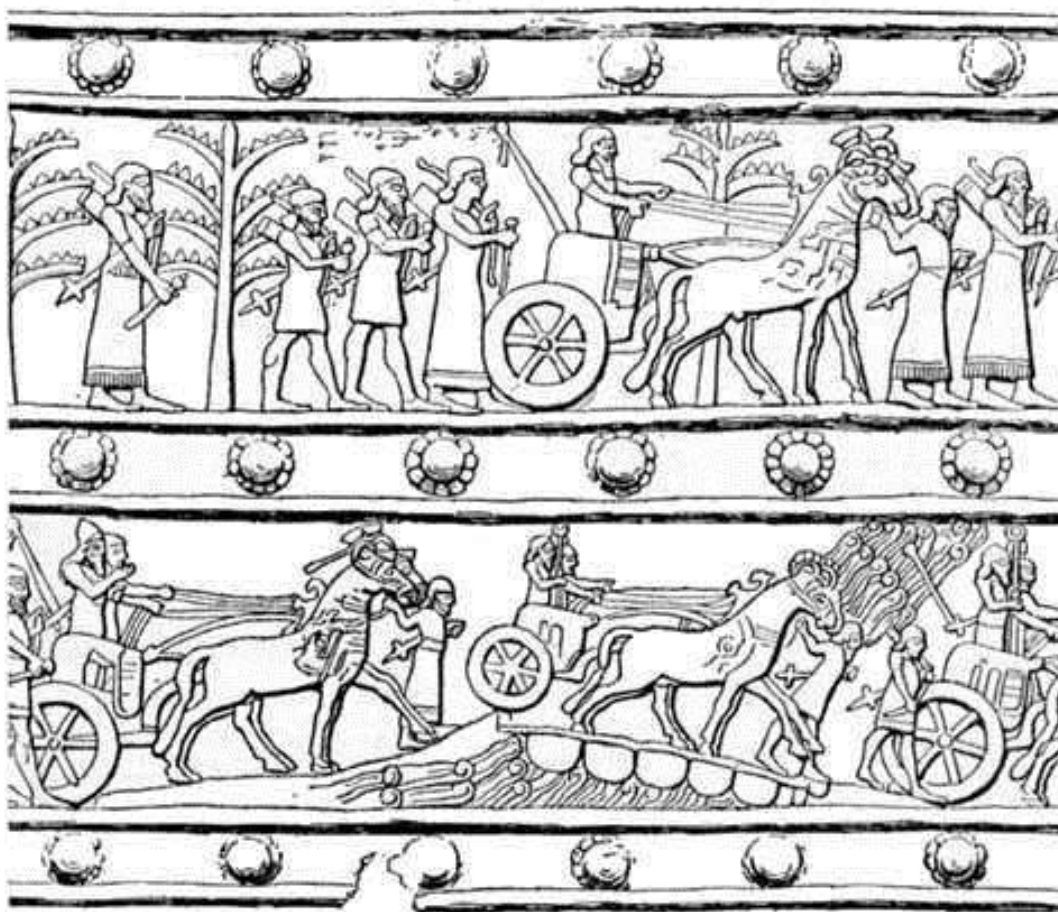

Рис. 43.- Бронзовый ворот-бант из Балавата. (Британский музей.)

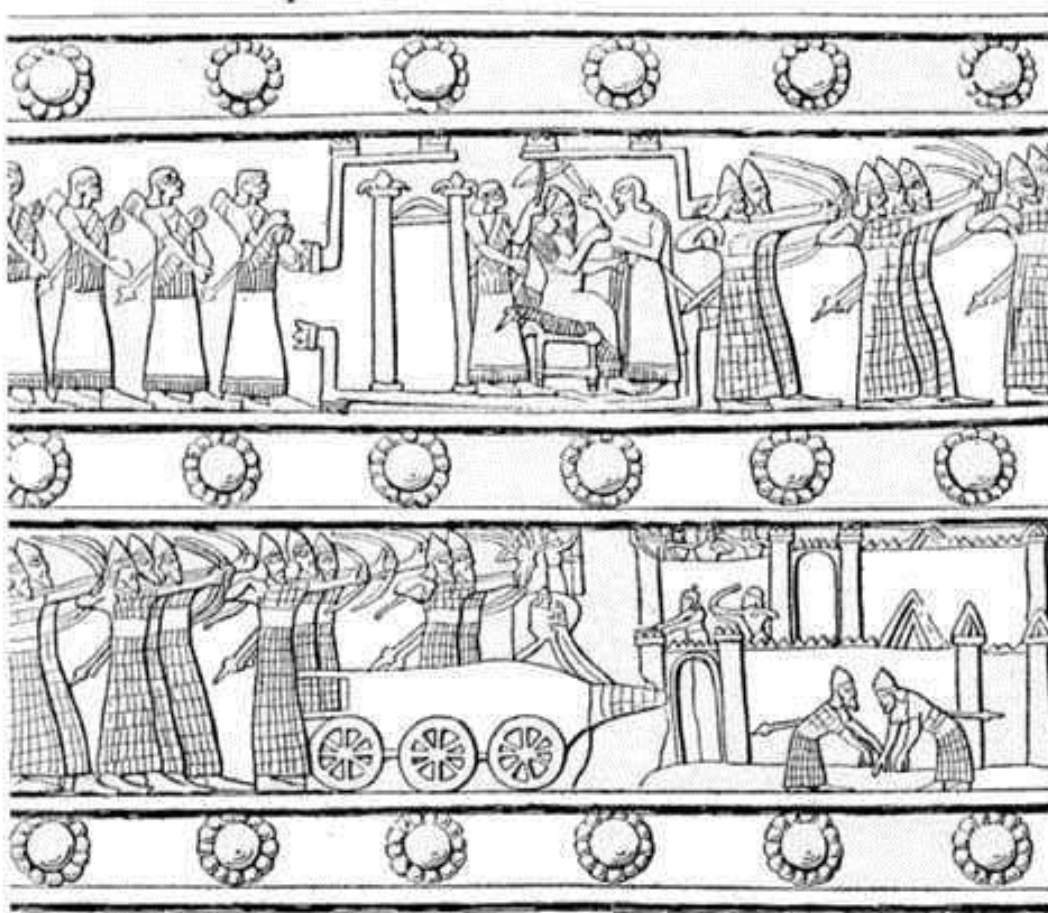

Рис. 44.- Бронзовый ворот-бант из Балавата. (Британский музей.)

На рис. 43 представлена репродукция части одной из таких лент. В верхнем регистре изображена процессия пеших воинов, вооруженных булавами, мечами, луками и колчанами, а также возница, сопровождающий идущего впереди царя; в нижнем регистре несколько колесниц пересекают реку по мосту из лодок. Все это выбито в рельефе на реверсе, за исключением тонких линий, изображающих упряжь лошадей или украшения одежды. Как ни странно, поводья колесниц на этих воротах-ширмах иногда рельефно выбиты методом репуссе, иногда, напротив, вырезаны. Сверху и снизу каждого регистра в качестве декоративного аксессуара введен ряд вездесущих розеток, а гвозди, которыми металлические ленты крепились к деревянным изделиям, скрепляли розетки. На рис. 44 представлена еще одна сцена, в которой изображено взятие некоего города под названием Дабигу. Центр верхнего регистра занят изображением ассирийского лагеря, внутри которого царь сидит перед царским шатром в сопровождении двух евнухов, позади лагеря находится еще одна группа евнухов, а впереди справа от регистра - отряд лучников. Внизу ярко представлен штурм города "при помощи моторов и атаки пеших воинов, мин и брешей"¹¹⁴. Сам город, очевидно, имеет внешнюю и внутреннюю стены, обе, как обычно, украшены кренделями. Внешняя стена имеет арочные ворота слева, а внутри города находятся различные объекты конической формы, которые напоминают куполообразные и конические крыши, показанные на рис. 9. Три лучника защищают внутреннюю стену города, в то время как только один лучник и еще один воин остаются на своих постах на внешней стене, нижняя часть которой, кажется, быстро поддается непреодолимой атаке тарана. Последняя имеет шесть колес и, похоже, несет на себе своего рода платформу, на которой расположились несколько ассирийских воинов и с которой они разряжают свои меткие стрелы; позади

находится отряд лучников, активно участвующих в бою, хотя и изображенных очень пассивно, как это всегда бывает с ассирийскими изображениями людей. [115](#)

В ходе недавних раскопок, проведенных Немецким восточным обществом в Ашуре, были обнаружены бронзовые пластины для облицовки и украшения дверей, точно такие же, как те, что были найдены Рассамом в Балавате.

Но бронза нашла свое естественное применение в повседневной жизни и стала первоклассным материалом для изготовления ножей, инструментов, мечей и всевозможных орудий; многие из них были найдены Лэйярдом и другими раскопщиками, а бесчисленные копья, мечи, щиты и стрелы, изображенные на ассирийских барельефах, несомненно, были сделаны из этого металла. Он также использовался для изготовления личных украшений, таких как перстни и браслеты. Бронза использовалась и в Вавилонии во времена неовавилонской династии, причем как для строительства, так и для других целей; иногда из бронзы делали дверные ступени, одна такая бронзовая ступень с надписью Навуходоносора II (см. выше, с. [131](#)) хранится в Британском музее. Интересно отметить находку французскими раскопщиками подобных бронзовых ступеней в Сузах, особенно если учесть тесные отношения, существовавшие между двумя странами и народами на протяжении всей их истории, хотя, к сожалению, в Месопотамии до сих пор нет аналогов бронзовой статуе в натуральную величину Напир-асу, жены эламского царя Унташ-гала около 1600 года до н.э. Небольшая бронзовая табличка с рельефным изображением четырехкрылого демона юго-западных ветров была обнаружена Лэйярдом и хранится в Британском музее (№ 86262), а статуэтка того же живописного существа, выполненная из того же материала, украшает галереи Лувра. Демон, о котором идет речь, имеет очень сложный характер, как и многие вавилонские и ассирийские джины. Его тело напоминает собаку, руки находят свое естественное или неестественное завершение в львиных когтях, голова представляет собой карикатуру на человеческий скелет, который, в свою очередь, увенчан рогами козла, хвост - скорпион, а спину защищают четыре огромных крыла, которые в вытянутом положении образуют мрачный и подходящий фон для всей картины. Но этот демон, как ни отвратителен он, был создан для явно благотворных целей и использовался в качестве талисмана. Возможно, не сразу можно было бы предположить, что этот очаровательный персонаж действительно является воплощением юго-западного ветра, но, к счастью, на его спине есть надпись, которая снимает все сомнения на этот счет. Он был предназначен для подвешивания к двери или окну дома, чтобы отпугивать духов, имеющих злые или сомнительные намерения. Фигура неестественна по своему замыслу, но она мрачно реалистична и полна жизни, если не сказать жизнеподобна, и в некоторых отношениях напоминает отвратительных плетеных и покрытых перьями богов войны гавайцев.

Золото при вавилонских и ассирийских раскопках находили не так часто, как хотелось бы; несомненно, это отчасти связано с грабежами охотников за добычей, но тем не менее это свидетельствует о том, что оно использовалось только в исключительных целях, как это происходит и в наши дни. Она регулярно использовалась для коммерческих сделок; хороший пример ее использования в этой связи дает табличка, относящаяся к касситскому периоду, текст которой можно найти в томе XIV (40) публикации Пенсильванского университета. [116](#) Женщина соглашается удочерить девочку, ухаживать за ней при жизни, а после смерти совершать возлияния воды за упокой ее души, и в качестве вознаграждения получает семь сиклей золота. Одним из самых ранних золотых изделий, найденных в Вавилонии, является узкая полоска с именем Нарам-Сина из Агады, на которую мы уже имели возможность сослаться (см. с. [103](#)).

Но золото использовалось и в декоративных целях; например, в Абу Шахрейне (Эриду) Тейлор обнаружил различные фрагменты золота на основании второго этажа зиккурата - по-видимому, остатки орнамента святилища, которое, несомненно, венчало башню; на том же месте были найдены гвозди с золотыми головками и фрагменты сусального золота. В ходе недавних раскопок в Ашшуре было найдено золотое изображение молнии длиной около полутора футов, которое, несомненно, когда-то держала в руке статуя бога бури Адада в натуральную величину. Рукоятка была сделана из дерева, но покрыта тонкой оболочкой из чистого золота. Трехгранный конец, от которого осталось только два, был приварен к этому покрытию. Считается, что все это весит около 290 зерен, 250 из которых составляют вес золота. В Вавилоне, самом знаменитом из всех городов в долине Евфрата, золото использовалось с большой расточительностью. Уже при первой династии Вавилона оно использовалось для служения богам, а Суму-ла-илу, второй царь этой династии, построил трон из золота и серебра для великого повелителя Мардука,¹¹⁷ в то время как статуи самих богов часто делались полностью или частично из чистого золота; так, например, Набу-аплу-иддина, царь Вавилона ок. 870 г. до н.э., рассказывает, что он тщательно подготовил изображение Шамаша, бога Солнца, из чистого золота и лазурита, а знаменитая статуя Мардука из Вавилона, похоже, тоже была сделана из чистого золота.

Храм Эсагила, возведенный в Вавилоне в честь этого же бога, был покрыт золотом, серебром и драгоценными камнями Ашшур-бани-палом,¹¹⁸ царем Ассирии с 668 по 626 год до нашей эры. Позднее Навуходоносор внес свой вклад в великое дело восстановления: он построил великолепную палату под названием Экуа, стены которой он сделал из чистого золота, а крышу из кедрового дерева покрыл тем же драгоценным металлом; таким же образом он украсил золотом крышу из кедрового дерева святилища Набу. Золото использовалось и для личных украшений; в вавилонском кургане Амран, где находится всемирно известный Эсагиль, на платформе, сложенной из кирпичей с именем Навуходоносора и, возможно, относящейся к его времени, было найдено золотое ушное кольцо; там же была найдена золотая пластина, а золотые кольца постоянно упоминаются в вавилонской и ассирийской литературе.

В Вавилонии было найдено множество золотых масок, ушных колец, ожерелий и других украшений, но в большинстве своем их датировка неясна, единственное, что можно сказать с уверенностью, - это их сравнительная поздность: их, вероятно, можно отнести к сасанидскому периоду, и, следовательно, их рассмотрение не входит в рамки данного тома.

Серебро также использовалось во многом для тех же целей, что и золото. Самый прекрасный и в то же время самый ранний образец вавилонского искусства серебряных дел мастера

завещал нам

Рис. 45.- (Cf. Cat., p. 372; *Déc. en Chald.*, Pl.

43.) (Музей Лувра) Энтемену, одному из самых известных правителей первой династии Лагаша, и имеет форму великолепной серебряной вазы. Высота этой знаменитой вазы (см. рис. 45) составляет около двадцати восьми дюймов, она покоится на медном основании высотой семь дюймов, а наибольший диаметр составляет восемнадцать дюймов. Медное основание поддерживается четырьмя ножками, напоминающими лапы львов, а в центре вазы, прямо над двумя ножками, выгравирован львиноголовый орел с распростертыми крыльями, два когтя которого крепко сжимают спины двух львов, обращенных в разные стороны, - мотив, часто встречающийся на произведениях искусства, относящихся к периоду первой династии Лагаша и представляющих собой геральдический герб этого древнего города. Над двумя другими ножками основания мотив несколько изменен: два льва заменены в одном случае на двух оленей, в другом - на двух козлов. Каждый лев впивается зубами в пасть оленя или козла из соседней группы, образуя таким образом непрерывную цепь, прекрасно подходящую для украшения круглой вазы. Львиноголовые орлы и их покорные животные отделены от верхней и нижней частей вазы двойной линией из рыбьих костей; на верхней части вазы изображены семь телок, обращенных в одну сторону, и все в полулежачем положении, одна из их передних ног поднята, чтобы встать; Эти телки удивительно реалистичны и правдивы, и уже кажется, что мы видим в них предтечу тех шедевров ассирийского искусства, которые украшали стены дворца Ашшур-бани-пала. Эта сцена деревенской жизни, очевидно, была очень популярна в этот период, она встречается на небольшом скульптурном блоке, показанном на рис. 27, а также в других местах. Но успех в воспроизведении животного мира в эту эпоху, по-видимому, во многом был обусловлен тем, что художник воздерживался от попыток изобразить животных анфас; когда он стремился к этому, результат был удивительно стереотипным и формальным, и сравнение между львиноголовыми орлами и львами, с одной стороны, и этими одухотворенными

телками, с другой, сразу же выявляет контраст, а также его причину. Сам художник, очевидно, осознавал свою неудачу, поскольку он пытался, но, надо признать, без особого успеха, придать жизнь своим львам и львиноголовым орлам, проработав крылья одного и гриву другого с помощью совершенно экстравагантного количества деталей. Надпись на горлышке сообщает нам, что эта ваза была посвящена Энтеменой, четвертым преемником Ур-Нина, богу Нин-Гирсу в его храме Эннинну, во время жречества некоего Дуду, чье имя также встречается на маленьком скульптурном блоке (ср. рис. 27), доказывая тем самым современность, которую стиль искусства, которому соответствуют украшения на обеих вазах, независимо заставил бы нас предположить.

Но серебро иногда играло вспомогательную, хотя и существенную с художественной точки зрения роль в украшении металлических фигур: хороший пример тому - бронзовая фигурка быка, о которой уже шла речь (см. рис. 40, D).

Неясно, откуда они получали свое серебро; в письме Лу-энны к Энитарци, правителю, который, по-видимому, процветал вскоре после первой династии Лагаша, серебро упоминается как часть добычи, взятой в Эламе, а в более поздние времена оно было одним из основных предметов дани, взимаемой ассирийскими царями со своих вассальных князей, и как таковое часто упоминается на Черном обелиске Шалманесера II. При раскопках было найдено очень мало реликвий из этого материала, что, вероятно, объясняется хищническими набегами охотников за добычей. Из более мелких предметов, относящихся к ассирийскому периоду, можно упомянуть серебряный колокольчик с бронзовой хлопущей, серебряное кольцо с гранатом и серебряный браслет, хранящиеся в Британском музее, но их даты, к сожалению, совершенно неясны. О том, что этот металл широко использовался, свидетельствует не только важное место, которое он занимает в дани, приносимой подвластными племенами и народами, но и упоминания об этом металле в царских надписях. Так, Эсархаддон сообщает нам, что он покрыл двери одного из своих дворцов этим драгоценным металлом. Идолы также иногда изготавливались как из серебра, так и из золота, на оба вида которых Тиглат-Пилесер I делает намек в одной из своих надписей. 119

Мы уже имели случай подробно рассмотреть два так называемых "низших металла", поскольку они играли важную роль в цивилизации вавилонян и ассирийцев, но у нас есть материальные, а также лингвистические свидетельства их знакомства и использования других металлов, а также золота, серебра, меди и бронзы. Было показано, что свинец иногда использовался в качестве сплава, но иногда он использовался и в несмешанном состоянии; очень интересный пример его использования в этом последнем состоянии можно найти в гнезде для ворот, хранящемся сейчас в Британском музее. Сама розетка сделана из бронзы, но оправлена в твердый свинец. Дата создания этого уникального предмета точно не известна, но, вероятно, его можно отнести к ассирийской эпохе. В ходе раскопок пока удалось обнаружить лишь несколько свинцовых предметов, хотя свинец часто упоминается как часть дани подвластных народов, и мы знаем, что он использовался при изготовлении красок, а также помещался внутрь полых львиных гирь, найденных в Нимруде, чтобы придать им необходимый удельный вес. В Египте свинец, по-видимому, был известен и использовался в очень ранний период, судя по маленькой статуэтке в Британском музее, которая, очевидно, датируется примерно временем Первой династии и, как говорят, сделана из твердого свинца.

Железо было впервые известно вавилонянам в его метеоритном состоянии, поскольку его обозначение - AN-BAR, что означает "камень небес". Упоминания о предметах из этого

металла очень часто встречаются в надписях ассирийских царей. Например, Тиглат-Пилесер I упоминает некое железное копье, Шалманесер II - острие железного кинжала, а последний и Ададнирари III упоминают железо как часть дани, которую они получали от своих вассалов-царей. Столетие спустя Тиглат-Пилесер III сообщает, что надел железные цепи на некоего Закуриу и его последователей, а еще через сто лет Ашшур-бани-пал упоминает о железном кинжале, покрытом золотом.¹²⁰

Плейс нашел в Хорсабаде несколько железных наконечников топоров, ножей и других орудий, а Лэйард обнаружил в северо-западном дворце Нимруда браслет, пластину замка, несколько наконечников копий, два жатвенных крюка, кольца и скобы, наконечники топоров, наконечники стрел, перстни и часть шлема, все из железа. Интересный образец восточной железной работы был найден немецкими раскопщиками в Вавилоне в виде железного стержня, красиво украшенного рядом полированных орнаментов, и, возможно, являвшегося частью царского трона. Наконец, многие из ассирийских бронзовых колокольчиков, о которых уже упоминалось, имеют язычки из железа.

Железо, по-видимому, не было известно или, во всяком случае, не использовалось в Месопотамии так же рано, как в Египте. Свидетельством его использования в раннединастический период стала находка Масперо этого металла в пирамиде пятой династии в 1882 году, Петри обнаружил кусок обработанного железа в отложениях шестой династии, а в 1837 году железо было обнаружено в Великой пирамиде Гизека.

Достаточно сказать, что металл играл важную роль в истории вавилонян и ассирийцев; он не только использовался в качестве средства обмена, но и был приспособлен к бесчисленным потребностям человечества; орудия труда, оружие, вазы, личные украшения - все это было легко реализовано из этого податливого и в то же время прочного вещества, а художественный гений месопотамского населения, который нашел свое наиболее совершенное выражение в скульптурных барельефах раннего и позднего времени, полностью зависел отковки металлических инструментов и орудий для этой цели.

ГЛАВА VIII-ЖИВОПИСЬ

"Живопись" в обычном современном понимании этого слова была искусством, которым никогда не занимались жители Месопотамии: Как и все восточные народы, вавилоняне и ассирийцы любили яркие цвета и удовлетворяли свой вкус к ним различными способами, но, как правило, не пытались точно изобразить объекты природы с помощью кисти и одних только красок, и цвета, которые они использовали на своих скульптурных рельефах, лепных стенах или эмалированных кирпичах, очень часто были совершенно невозможны с точки зрения натурализма. Так, лев блестящего желтого оттенка (см. [фронтиспис](#)), самый распространенный из всех живописных изображений в Вавилонии, не имеет аналогов в реальной жизни; эффект приятен, он привлекает внимание, пробуждает в зрителе чувство признательности, но это объясняется общей жизнерадостностью самих цветов, а не их верностью природе.

Сам лев не идет ни в какое сравнение с вавилонским львом, изображенным на рис. [46](#). Действие в обоих случаях одинаково - оба льва идут уверенным и продуманным шагом, режут на ходу, но между художественными достоинствами каждого из них существует огромная разница. Ассирийский лев действительно не совсем безжизненный, но ему не хватает

свободы и спонтанности, которые характеризуют высшие формы искусства; тело также несколько тяжеловесно и неуклюже по сравнению со львом из Ворот Иштар.

Основные цвета, используемые в вавилонской и ассирийской живописи, - синий, желтый и белый, а зеленый, красный и черный встречаются сравнительно редко. Фон картины обычно имеет оттенок царского синего, а фигуры, обычно животные, - ярко-желтый. В Вавилонии потребность в красках для архитектурного декора была, естественно, более насущной, чем в Ассирии, поскольку в последней, где алебастр и известняк были легко доступны, украшение интерьеров зданий возлагалось на скульптора, а в южной стране недостаток камня сразу же исключил возможность покрыть стены даже дворцов скульптурными барельефами, столь дорогими сердцу, пожалуй, всех ассирийских монархов. Таким образом, цвет в значительной степени занял место скульптуры в вавилонском декоре, резец скульптора был заменен на кисть художника, хотя в Ассирии иногда искусство скульптора и художника использовалось для украшения стен царского дворца, так как в некоторых залах царской резиденции Саргона в Хорсабаде скульптурные рельефы на нижней части стен были расписаны;¹²¹ В то время как Лэйард, описывая некоторые настенные рельефы, найденные в северо-западном дворце в Нимруде, заявляет:¹²² "На всех этих фигурах можно было слабо различить краску, особенно на волосах, бороде, глазах и сандалиях", что скорее говорит о том, что ранние ассирийские скульптуры были раскрашены лишь частично. Некоторые скульптурные барельефы из дворца Ашшура-на-Ир-пала в Нимруде все еще хранят следы цвета, на сандалиях многих фигур даже сейчас видны выцветшие красная и черная краски, которые когда-то покрывали подошвы и верхнюю часть сандалий соответственно, а в одном случае лук Ашшура-на-Ир-пала все еще хранит следы красной краски. В Хорсабаде, напротив, краска использовалась более широко: окрашивались одеяния и головные уборы царя, а также упряжь лошадей, колесницы и деревья. Лэйард говорит, что ему не удалось установить, были ли раскрашены как земля, так и фигуры или их части, но Фландин, говоря о настенных рельефах в Хорсабаде, сообщает нам, что он мог проследить оттенок желтой охры на всех частях, не окрашенных иначе, а верхние части стен, на которые скульптор не тратил своего искусства, часто были украшены фресками.

Но стены, оштукатуренные штукатуркой, также привлекали внимание художника, как и стены, облицованные каменными барельефами, и Лэйард обнаружил остатки росписи по штукатурке в Нимруде, в частности в верхних камерах на западной стороне кургана, помещения которых были построены из грубых кирпичей, покрытых штукатуркой и искусно расписанных.¹²³ Большинство этих росписей не претендуют на что-то большее, чем простое или сложное изображение. На одной фреске изображены два быка, обращенные друг к другу; их тела белые, земля, на фоне которой быки тщательно очерчены ярко выраженным черным контуром, - желтая, а темно-синий цвет играет ведущую роль в чисто декоративных аксессуарах в верхней части фрески. Другим доказательством широкого использования краски для украшения внутренних стен стало обнаружение на полу одной из камер в северо-западном дворце Нимруда "значительных остатков окрашенной штукатурки, все еще прилипшей к высохшим на солнце кирпичам, которые массово падали с верхней части стены". Краски, особенно синие и красные, были такими же яркими и блестящими, когда с них удалили землю, какими они могли быть при первом использовании. Под воздействием воздуха они быстро потускнели. Узоры были элегантными и сложными. Сохранить какую-либо часть этих орнаментов оказалось практически невозможно: земля рассыпалась на куски при любой попытке ее поднять".¹²⁴

Внешний вид зданий также иногда украшался цветом. Ярким примером является зиккурат в Хорсабаде, от которого сохранились три полные ступени и часть четвертой, . Самая нижняя

ступень была окрашена в белый цвет, вторая - в черный, третья - в красный, а четвертая - в белый; несомненно, остальные ступени также были окрашены, а цвета символизировали семь планет, как в случае с традиционным храмом Белуса в Вавилоне.

Лучшим примером искусства вавилонского художника является сам город Вавилон. Еще в шестидесятых годах прошлого века французские раскопщики Френель и Опперт собрали большое количество одноцветных и многоцветных фрагментов рельефных кирпичей. Толщина цветного покрытия, которое всегда наносилось на узкие стороны кирпичей, иногда составляла от одного до двух миллиметров. К сожалению, эта ценная коллекция была утеряна, но утверждения исследователей подтверждаются описанием стены вавилонского дворца, содержащимся в трудах историка Диодора (ок. 44 г. до н. э.), где он упоминает "всевозможные формы животных на грубых кирпичах с окраской, очень похожей на природную"; далее он говорит, что на башнях и стенах были "изображения всех видов животных, и в том, что касается окраски и формы, они были хорошо выполнены. Все это представляло собой охоту, где все было заполнено животными всех видов, а размер превышал четыре ярда. Здесь же была изображена Семирамида верхом на коне, бросающая копье в пантеру, а на небольшом расстоянии от нее ее муж Нинус, закалывающий копьем льва".¹²⁵ Сам Навуходоносор далее упоминает изображения диких быков и колоссальных змей, которых он приказал изобразить на синих эмалированных кирпичах в качестве украшения ворот. Большинство глазурованных и цветных плиток, найденных в Вавилоне, напоминают цветные барельефы: фигуры животных рельефно выделяются на синем фоне, хотя иногда фон бывает зеленым. Искусство эмалиера достигает своего апогея в Львином фризе, украшавшем улицу шествия Мардука в Вавилоне. Один из таких глиняных барельефных львов представлен на сайте рис. 46.¹²⁶ Основа - темно-синий цвет, монотонность которого разнообразит введение желтых полос и белых розеток, уже столь знакомых по эмалированным кирпичам Хорсабада. Сам лев, пропорции которого превосходны, выделяется на фоне белой алебастровой глины, и вся работа более совершенна по технике, чем фриз персидского льва в Лувре, на который она в какой-то мере похожа. Художественные достоинства последнего умаляет непропорциональность туловища по отношению к передней части и голове, обе части слишком малы, но вавилонский лев почти полностью свободен от этого недостатка. Открытие ворот Иштар в Вавилоне дало еще один богатый материал для изучения вавилонской живописи: и здесь цветные изображения на эмалированных кирпичах были рельефными. Стены ворот сохранились до высоты тридцати девяти футов, вся стена была покрыта животными, в основном быками и драконами, которых было не менее одиннадцати рядов.

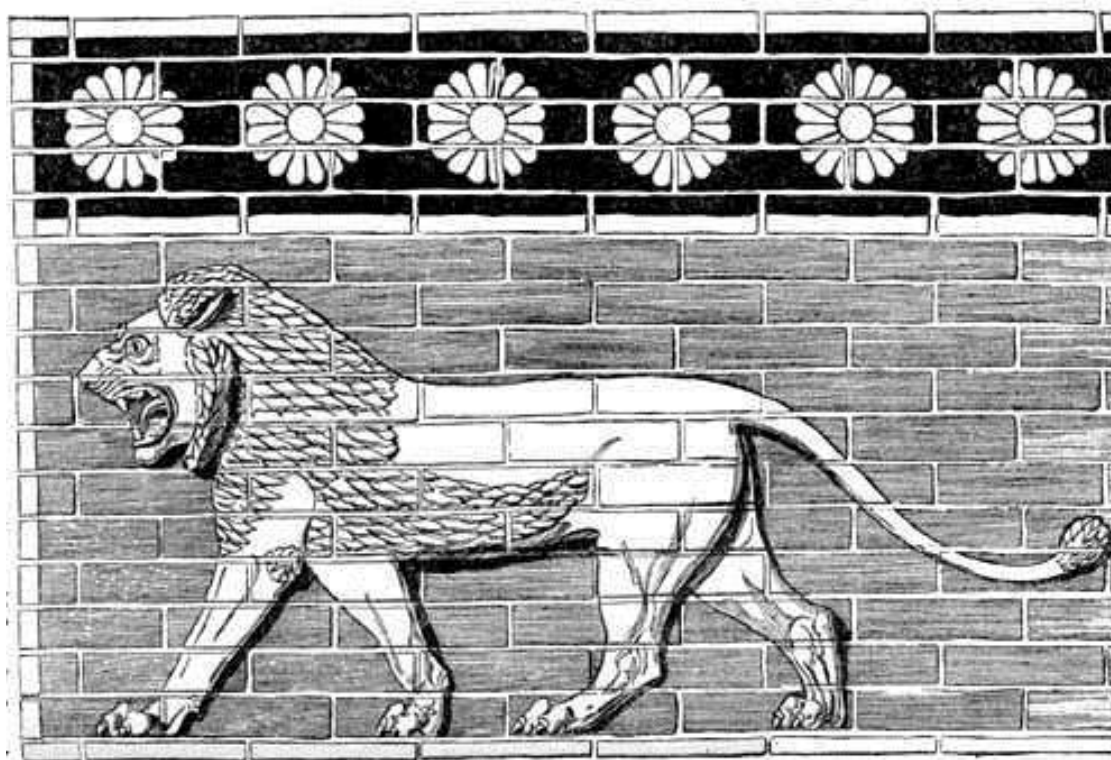

Рис. 46. Эмблематический кирпичный рельеф из Вавилона. (После Андрае.)

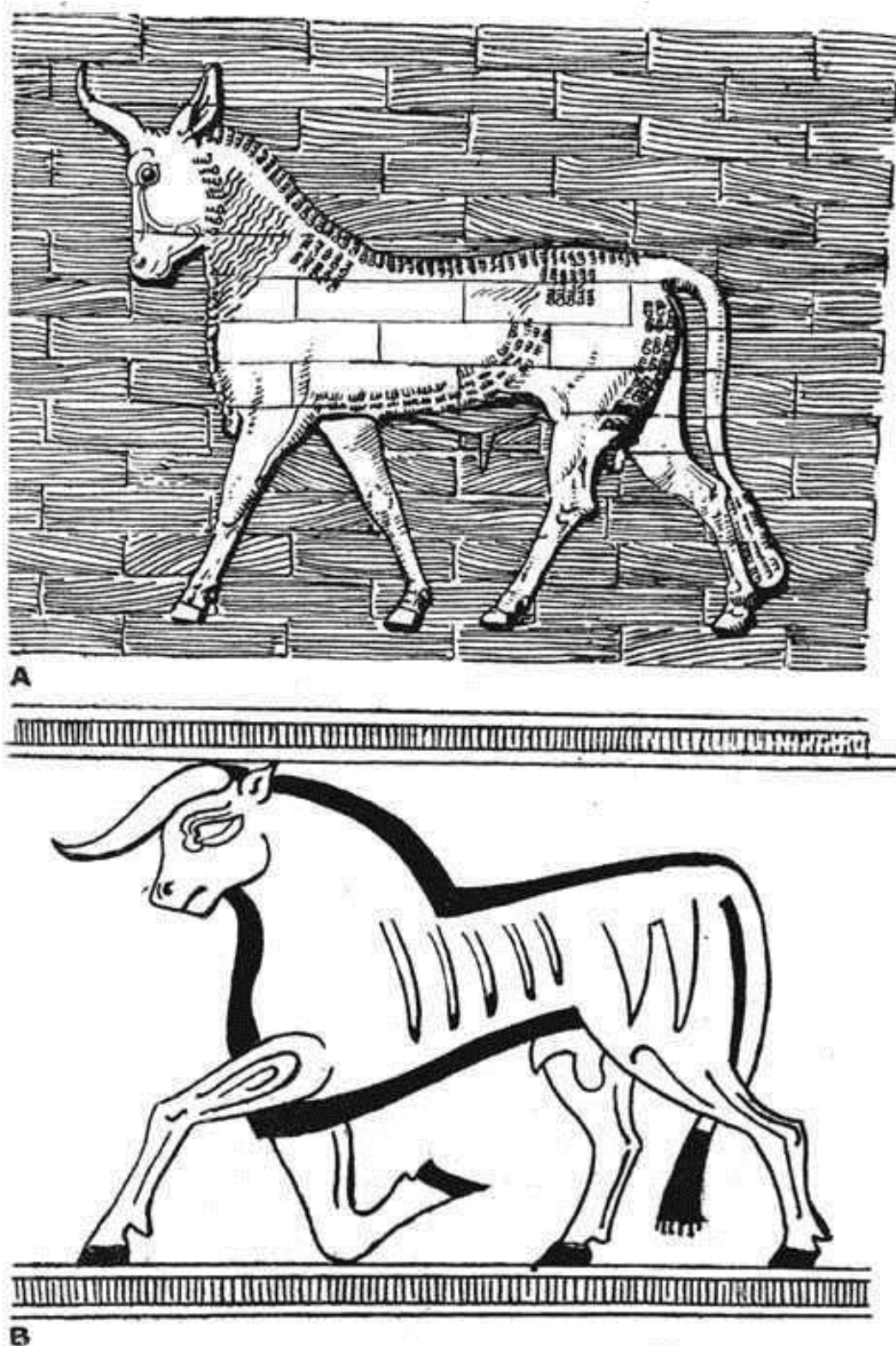

Рис. 47.- А (по Андрае); Б (по Лэйярду).

На рис. 47, А представлена черно-белая репродукция одного из глиняных рельефных быков, украшавших ворота Иштар в Вавилоне. Бык идет, демонстрируя грацию и достоинство в своих движениях, а легкость его рамы только усиливает ловкость, с которой он, кажется, продвигается вперед. Пропорции великолепны и очень выгодно отличаются от ассирийского быка из Нимруда (см. рис. 47, Б). Последний жесткий и условный, а поза - сама по себе достаточно естественная - здесь передана в наиболее деревянной и неживой манере. Тело

животного белое, но художник попытался выделить объект на бледно-желтом фоне, обведя его искусственным черным контуром. Когда бык был окрашен в синий цвет и брошен на белый фон, этот прием, конечно, был излишним (ср. Layard. Ser. I, Pl. 87.) Синий бык, о котором идет речь, принадлежит к тому же виду, что и белый, изображенный на рис. 47, В, и находится в той же позе на коленях, но у него есть крылья орла. Можно заметить, что в вавилонском быке, как и в обоих ассирийских быках, художник избежал трудностей, связанных с изображением двух рогов в перспективе, изобразив только один, второй теоретически скрыт от глаз рогом, находящимся рядом со зрителем.

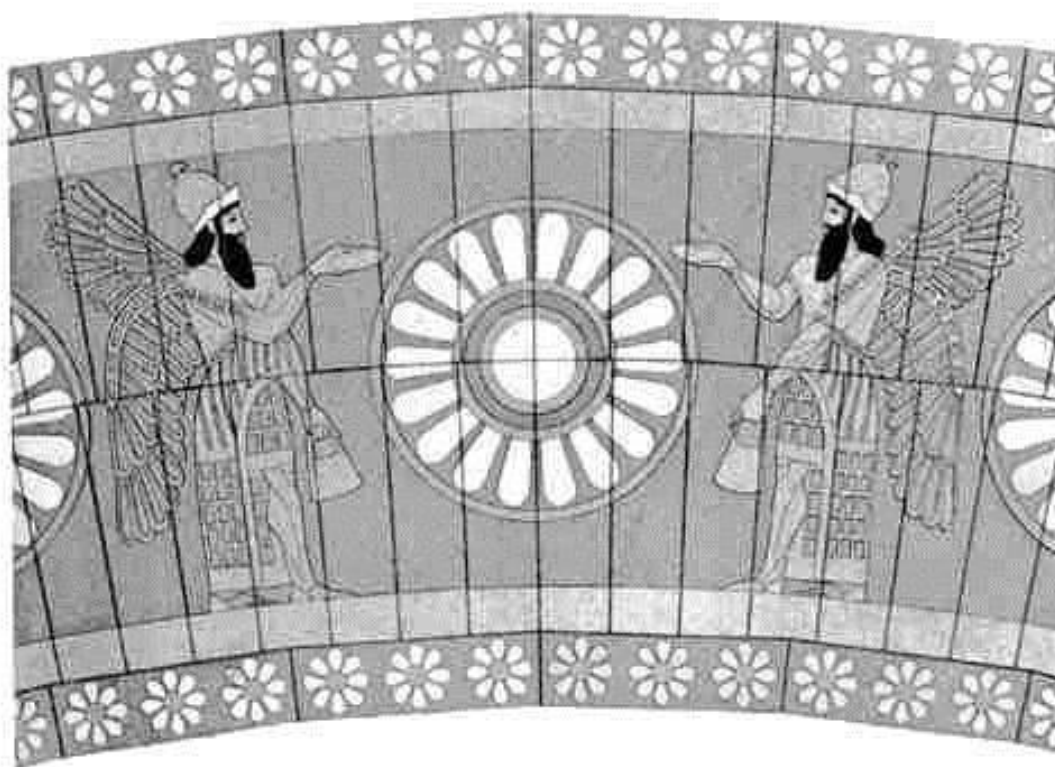
Но в самом дворце Навуходоносора находилось большое количество этих цветных рельефов, многие куски глазурованных плиток, из которых они состояли, были найдены Кольдевеем. Найденные фрагменты исчисляются буквально тысячами, и Кольдевей говорит, что, очевидно, когда кирпичи были украшены более поздними строителями, глазурованные части были отбиты, чтобы сделать их более полезными для общих целей, для которых они предназначались, и мы сегодня являемся бенефициарами этого недостаточного понимания. Среди животных, изображенных на стенах дворцов и храмов, можно упомянуть быка, мифическое чудовище, состоящее из "частей хищной птицы", скорпионов, змей, пантер и быков, а также вездесущего льва; на некоторых найденных фрагментах изображены части человеческого тела, иногда встречаются и птицы. Наибольший интерес представляют львы: есть два основных типа: (1) львы, идущие влево, с белой шкурой и желтой гривой; (2) львы, идущие вправо (а) с белой шкурой и желтой гривой и (б) с желтой шкурой и зеленой гривой; есть и третий тип, характеризующийся тем, что львы бегут вправо или влево. Иногда хвост изображается прямо стоящим сзади, иногда он принимает изогнутую и менее жесткую форму. С большим трудом удалось соединить различные фрагменты воедино, но усердные усилия немцев не увенчались успехом.

Предполагается, что эти рельефы из цветной глины были сделаны следующим образом: был взят пласт или плита пластичной глины достаточного размера, и на этой поверхности была смоделирована полная картина в рельефе, процесс был таким же, как и при создании обычных каменных барельефов, за исключением того, что там требовался резец, тогда как здесь достаточно было рук, хотя кажется вероятным, что для некоторых львов, многие из которых, по-видимому, совершенно одинаковы, были сделаны формы. Как бы то ни было, глиняная плита, на которой теперь рельефно изображена определенная фигура, была разрезана на прямоугольные блоки такого же размера, как обычные кирпичи, причем каждый прямоугольник был помечен, чтобы упростить задачу установки каждого на свое место в картине; после этого каждый кусок был покрыт слоем цветного лака, а затем тщательно запечен в печи - о тщательности запекания свидетельствует твердость эмали - после чего различные части были подогнаны друг к другу. Таким же образом в Нимруде Лэйард обнаружил большое количество эмалированных кирпичей с фигурами животных и цветов, а также клинописью, беспорядочно валявшихся на полу у входа во дворец, на неокрашенных тыльных сторонах которых черными чернилами или краской были нарисованы грубые узоры, в основном состоящие из людей и животных, "и знаки, похожие на цифры". Упомянутые знаки, предположительно, должны были служить строителю ориентиром в его попытках восстановить изображение на стене.

Однако рельефы из цветной глины были не единственным видом изобразительного искусства, использовавшимся при украшении города Вавилона или дворца самого прославленного вавилонского царя. На южной стороне Kasr было обнаружено большое количество красиво глазурованных плиток с надписью Навуходоносора, украшенных цветами, веточками и в одном случае частью человеческой фигуры высотой около

четырнадцать дюймов, а также множество скульптурных камней с аналогичными рисунками, работа которых, однако, была более совершенной, чем плиток. Последние имеют плоскую поверхность, но по технике исполнения напоминают рельефные плитки. На восточной стороне Қасг было найдено много других глазурованных кирпичей, расписанных различными узорами и отличающихся большой изысканностью, на одном из них изображена человеческая фигура, одетая в богатую одежду и держащая в левой руке копье - эти кирпичи Колдевей относит к персидскому периоду.

ПЛИТА XXX.

Декорированная арка в Хорсабаде
(ср. Place, "Ninive", Plates, 14, 15)

Но цвет использовался и дальше, как подручный более скромных форм архитектурного декора в Вавилонии, а также в северной стране. Так, в Ниппуре стены многих помещений были оштукатурены штукатуркой, состоящей из грязи и соломы, и окрашены, причем используемые цвета, по-видимому, всегда были однотонными. Руины храма Нин-маха в Вавилоне, раскопанные Немецким восточным обществом, также демонстрируют остатки белых украшений на стенах; в то время как цвет играл не последнюю роль в декоре знаменитой конусообразной стены в кургане Вусвас в Эрехе, конусы которой были окрашены в красный или черный цвет и затем расположены в виде разнообразных геометрических узоров на стене, состоящей из грязи и соломы.

Как мы уже видели, эмалированные кирпичи использовались для архитектурных украшений как в Ассирии, так и в Вавилонии, хотя используемая эмаль обычно хуже по качеству и наносится более тонким слоем, в результате чего она не так хорошо сцепляется с глиной и быстрее выцветает. Плейс и Ботта обязаны нам самыми прекрасными и крупными образцами ассирийского эмальерного искусства, которые были обнаружены до сих пор. Главные ворота Дур-Шаррукина (Хорсабада) (города, построенного Саргоном в 722-705 гг. до н.э.), состоящие из арок, опирающихся на спины выступающих крылатых быков, по-видимому, были объектом особого внимания художника. Эти арки были украшены полукругом из эмалированных кирпичей (см. пл. XXX), причем эмаль была нанесена на один край кирпича, средняя длина которого составляет около трех с половиной дюймов. Основа - синяя, составные крылатые фигуры - желтые, а нижняя часть головного убора окантована зеленой линией. Розочки, которые служат дополнительным украшением, белые. Все эти фигуры, занимающие весь круг арки, однотипны: они заняты каким-то актом поклонения или исполнением религиозной церемонии, и сразу вспоминаются сцены, изображенные на дворцовых настенных рельефах, с которыми они практически идентичны. В отличие от метода, обычно используемого в Вавилонии, эти цветные изображения не рельефные, цвет наносится на плоскую поверхность кирпичей, единственным исключением являются центральные боссы розеток, которые слегка приподняты. Еще один хороший пример цветной плитки был найден на цоколе в дверном проеме того места, которое считается гаремом во дворце Саргона. Плинт длиной двадцать три фута и высотой более трех футов. На ней изображены: царь, стоящий на одной стороне плинта с обнаженной головой, а на другой - в обычном головном уборе, лев, бык, орел, дерево и плуг, все они выполнены желтым цветом на синем фоне, а границы всего плинта украшены неизбежными розетками. Листья дерева зеленые, этот цвет, видимо, редко использовался эмальерами Месопотамии. Другой расписной фрагмент из Хорсабада, интересный чрезвычайной яркостью своей окраски (ср. Place, *Nineve*, Pl. 32), воспроизведен на Pl. XXXI. Лица двух человеческих существ белые, фон зеленый; фриз сверху желтый, круговые украшения состоят из внутреннего круга зеленого или желтого цвета, а внешний круг состоит из трапециевидных фигур красного и белого цвета в случае с зеленым внутренним кругом, и красного и зеленого в случае с желтым центром, расположенных в обоих случаях поочередно.

Лэйярд также удалось обнаружить множество глазурованных и цветных кирпичей из Нимруда (Калаха), представляющих еще больший интерес с точки зрения композиции изображенных сцен, чем с точки зрения используемых красок, которые в их нынешнем состоянии ни в коей мере не могут сравниться по яркости с кирпичами из Хорсабада. Наиболее интересной из них (ср. пл. XXXI) является та, на которой царь, сопровождаемый главным евнухом, принимает своего начальника, 127 сцена, столь часто изображаемая на ассирийских барельефах. Над его головой находится "своего рода бахромчатый павильон" и единственный оставшийся знак клинописи, а под ним - спиральный узор, который чаще встречается на так называемых хеттских произведениях искусства, хотя он также встречается

в качестве декоративного аксессуара на некоторых из самых ранних скульптур Вавилонии (см. рис. 27). Преобладающие цвета - черный и желтый: волосы и борода царя и его приближенных, их сандалии, а также круглые шары, находящиеся внутри каждого звена спиральной цепи, - черные, фон - светло-желтый, одежда различных фигур - более глубокого желтого оттенка, а царский головной убор - белый. Как говорит Лэйард: "Это уникальный экземпляр целой ассирийской картины".

Из оставшихся наиболее интересные кратко описаны Лэйардом в *Discoveries*, pp. 166 и 167, и проиллюстрированы в красках в его *Monuments, Series II, Pls. 53-55*. Одна из них (Pl. 54, 7) содержит изображение четырех безволосых и чисто выбритых пленников, четыре шеи которых связаны веревкой, конец которой держит пленник, стоящий впереди. Двое из пленников одеты в белые набедренные повязки, а двое других - в длинные белые рубахи, открывающиеся спереди. Что касается цветов, то земля бледно-голубая, а фигуры - желтые. Еще один фрагмент, представляющий большой интерес, воспроизведен в *Monuments*, Pl. 54, 12, на котором изображены две лошади, ассирийский воин и человек, держащий кинжал. Последний, обнаженный за исключением голубой набедренной повязки, очевидно, был ранен или убит в бою. Фон здесь оливково-зеленый, а лошади - синие. На другой глазурованной плитке (Pl. 54, 13) мы видим изображение ассирийской конницы, снова на оливково-зеленом фоне, но в этом случае лошади желтые, а упряжь синяя. Один из этих расписных кирпичей (Pl. 53, 1) представляет нам изображение синей рыбы на желтом фоне; чешуя рыбы, однако, окрашена в белый цвет, а на той же плитке изображен человек, пронзенный двумя стрелами и опоясанный белой набедренной повязкой. На другом фрагменте (Pl. 53, 3) колесница, к которой привязаны лошади, тащит за собой обнаженную фигуру, шея которой пронзена стрелой. Голову мужчины опоясывает филейная часть, к которой прикреплено перо. Лошади синие, их упряжь белая, а колеса колесницы желтые. Ниже изображены головы и часть щитов двух ассирийских воинов. Шлемы желтые, но лица "просто очерчены белым на оливково-зеленом фоне", а щиты синие, но окаймлены чередующимися квадратами желтого и синего цветов. Все они относятся к тому же периоду, но Лейард нашел еще один фрагмент (Pl. 53, 6), который, по-видимому, относится к более раннему времени: фон желтый, но контур черный, а не белый, а фигуры, головы которых разрушены, одеты так же, как и подноски дани, приносящие обезьяну и другие подношения Ашшур-на-Ир-палу, как они изображены на барельефах, которые были взяты из того же здания. Внешняя мантия голубая, внутренняя - желтая, а бахрома - белая.

Но керамика также иногда украшалась красками; так, капитан Крос, преемник де Сарзека в Телло, обнаружил на этом месте черную керамику с вырезанными линиями, заполненными белой пастой, - стиль керамики, хорошо известный в Египте и других местах, но до сих пор не найденный в Вавилонии. В Ниппуре, напротив, была найдена керамика, расписанная зелеными и желтыми полосами, а также другие вазы, украшенные черными и белыми дисками.

ПЛИТА XXXI

Глазурованный кирпич
(ср. Place, "Ninive", Pl. 32)

Фото. Мэнселл

Британский музей

Глазурованный кирпич с фигурой ассирийского царя, возливающего возлияние по возвращении с охоты

Расписная керамика также была найдена в Ассирии: в Нимруде люди сэра Генри Лэйарда обнаружили различные фрагменты керамики, которые, очевидно, принадлежали крышкам кувшинов; они были украшены спиральным узором, а также жимолостью, шишками и тюльпанами, выполненными черным цветом на бледно-желтом фоне. Кроме того, в ходе недавних раскопок в Ашуре была найдена доисторическая керамика, глиняные сосуды которой были украшены красными и черными геометрическими узорами. Глиняные гробы в форме тапочек также иногда окрашивались; многие саркофаги, найденные в Ниппуре, были покрыты голубой глазурью, но они, очевидно, относились к парфянскому периоду. Глазурованные саркофаги были найдены также в Варке (древний Эрех) и в Вавилоне, но они также относятся к позднему периоду. Различные другие терракотовые предметы нередко покрывались стекловидной глазурью, причем цвет эмали обычно был синим или зеленым. Цвет использовался в Вавилонии не только для украшения зданий, горшков и фигур, но и, по-видимому, для украшения человеческого тела, так как немецкие раскопки в Фаре выявили наличие алебастровых цветных блюд в могилах, следы которых в некоторых случаях все еще сохранились. Это черный, желтый, светло-зеленый и светло-красный цвета. Согласно анализу цветов вавилонских кирпичей, проведенному сэром Генри де ла Беке и доктором Перси, цитируемому Layard, [128](#), "желтый - это антимониат свинца, из которого также было извлечено олово, называемый Неаполитанским желтым, предположительно сравнительно современное открытие, хотя также использовался египтянами. Белая - эмаль или глазурь из

оксида олова, изобретение, приписываемое арабам Северной Африки в восьмом или девятом веке. Синяя глазурь - медная, не содержит кобальта, но содержит немного свинца; любопытный факт, поскольку этот минерал добавлялся не в качестве красителя, а для облегчения плавления глазури, к которому, как считалось, свинец стал применяться только в сравнительно недавние времена. Красный цвет - это субоксид меди".

ГЛАВА IX-ЦИЛИНДРИЧЕСКИЕ ПЕЧАТИ [129]

Среди мелких реликвий вавилонской и ассирийской древности нет ни одной столь многочисленной и столь интересной, как гравированные печати, которыми обладали и цари, и простолюдины всех периодов. Универсальность их использования в более поздние времена подтверждается Геродотом (I, 195), который говорит нам, что в его время каждый житель Вавилонии носил печать, так же как и трость, а многочисленные доказательства их общего использования в ранние времена представлены огромным количеством печатей, обнаруженных в ходе раскопок.

Печать, как ни важна она в наши дни, была еще более необходимым удобством цивилизованного общества в первобытные времена и, вероятно, одним из первых изобретений, которые обязаны своим происхождением взаимному признанию прав частной собственности. Хотя запечатывание глиняного покрытия кувшина с вином, бечевки заказной бандероли или клапана бумажного конверта ни в коем случае не мешает вору похитить содержимое в любом из этих случаев, оно делает невозможным совершение такой кражи без обнаружения, причем обнаружения не обязательно вора, но и самого деяния, а это, в конце концов, является необходимым условием для успешного возбуждения любого судебного дела. Однако в первобытные времена его использование было гораздо шире, ибо, как хорошо выразился Ньюберри,¹³⁰ "чем замки и ключи являются для нас, печатями были для людей Старого Света". Если человек уходил из дома на день, и никто из жильцов не оставался сторожить, он, вероятно, обезопасил себя и свое имущество настолько, насколько это было возможно, наклеив на дверь штукатурку из грязи и приложив к ней свою печать таким образом, чтобы невозможно было войти в дом, не сломав печать; во всяком случае, доктор Уорд сообщает нам, что доктор Уорд был в курсе того, что в доме не было ни одного замка. Уорд сообщает нам¹³¹, что он видел в хане в Хилле, недалеко от Вавилона, дверь комнаты с товарами, принадлежащими купцу, который находился вдали от дома, тщательно запечатанную глиняными пластырями, на которых был должным образом закреплен оттиск печати купца, что ставило доступ в дом в зависимость от срыва печатей, и на консервативном Востоке обычаи сегодняшнего дня - это не просто обычаи вчерашнего дня, но обычно представляют собой традиционное использование сотен, иногда тысяч лет. Было найдено несколько таких глиняных пломб, некоторые из которых служили пробками для кувшинов, но главным предметом, для которого использовалась цилиндрическая печать, было заверение сделок, документов и писем.

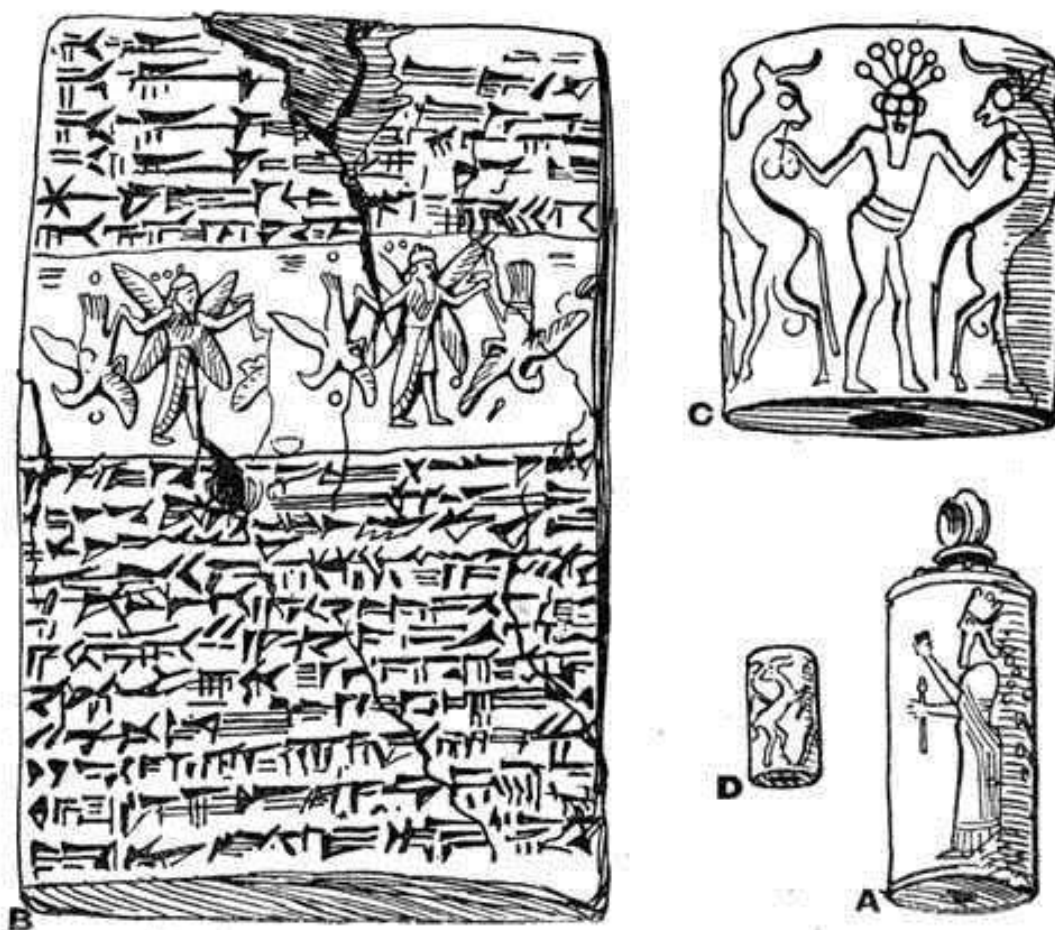

Рис. 48.- А, цилиндрическая печать, в которой сохранилась ручка.

В, глиняная табличка с оттиском печати.xxxxxx

xxxxxxxxxC, D, иллюстрируют вариации размеров цилиндрических печатей.

Печати, использовавшиеся вавилонянами и ассирийцами, отличались от тех, что обычно использовались в других странах, как по форме, так и по мотивам гравировок. Они имели форму цилиндров или валиков, в центр которых вставлялся одинарный или двойной кусок проволоки, обычно из меди, хотя иногда из золота и серебра, а позднее встречается и железо. На одном конце проволока зажималась, а на другом скручивалась в петлю (см. рис. 48, А), через которую пропусклся кусок нити или бечевки, с помощью которой печать можно было повесить на шею владельца или носить на запястье, проволока в то же время облегчала процесс прокатки цилиндра по влажной глине.

Табличка (K. 382), представленная на рис. 48, В, является хорошим примером глиняной таблички с оттиском цилиндрической печати. Планшет размером 4-1/8 дюйма на 2-5/8 дюйма содержит условия договора. Сам оттиск показывает нам мифологическое четырехкрылое существо, которое часто встречается на ассирийских барельефах. В каждой руке он держит птицу за ногу. Цилиндры рядом с табличкой воспроизведены в натуральную величину; А, С и D (Brit. Mus. №№ 89319, 89538, 101974) иллюстрируют разброс размеров вавилонских цилиндрических печатей, (С) - необычайно большой экземпляр, (D) - исключительно маленький, подавляющее большинство печатей занимает промежуточное положение между этими двумя крайностями; в (А) мы имеем цилиндр, в котором все еще сохранилась металлическая ручка.

Существование такого же вида печатей в Египте еще во времена Первой династии использовалось как аргумент в пользу теории о том, что первобытные цивилизации Египта и Вавилонии были в какой-то степени взаимозависимы. Действительно, цилиндрические печати могли быть полезны только там, где в качестве материала для письма использовалась глина, но нет прямых доказательств того, что практика использования глины для письма или строительства была заимствована из Вавилонии, а сходство формы ранних вавилонских и египетских булавовидных головок - еще более неопределенный аргумент, на котором можно основывать ничем не подкрепленную теорию.

Материалы, использовавшиеся для изготовления цилиндрических печатей, были многочисленны и разнообразны. Самый ранний из известных материалов - раковина, но наиболее часто встречающийся - гематит. Среди других используемых материалов можно назвать серпентин, мрамор, кварц, халцедон, сердолик, агат, яшму, сиенит, нефрит, обсидиан, оникс, известняк, сланцы, изумруд и аметист. Было найдено несколько кремневых цилиндров, но этот материал, очевидно, использовался крайне редко, стекло встречается еще реже, а металл неизвестен. Процесс, с помощью которого на цилиндре выгравировывалось нужное устройство, зависел от материала, из которого он был изготовлен. Более мягкие материалы, использовавшиеся в прежние времена, такие как ракушка, мрамор или серпентин, возможно, гравировались инструментами из кремня, но для более твердых камней потребовался бы инструмент из какого-то более прочного материала. Уорд считает, что для этой цели использовался либо наждак, либо некий камень под названием корунд. Последний использовался в очень ранний период в Египте и в более поздние времена в Греции. Самые ранние печати, судя по всему, были полностью сделаны вручную, а практика сверления с помощью тетивы появилась лишь в более поздний период. В рамках одной главы, конечно, невозможно рассмотреть все бесчисленные типы цилиндрических печатей, использовавшихся вавилонянами и ассирийцами в разные эпохи, поэтому мы можем лишь выделить один или два примера некоторых из наиболее интересных классов как достаточно показательные для тех периодов, к которым они относятся.

Древнейшие печати, как правило, сделаны из белого мрамора или раковины, а иногда также из лазурита и серпентина. Невозможно определить определенную или даже приблизительную дату подавляющего большинства цилиндрических печатей, найденных в разрушенных курганах Месопотамии, поскольку большинство из них принадлежали неизвестным лицам, но, к счастью, было обнаружено несколько печатей, которые принадлежат либо царям, либо чиновникам, чья дата может быть вычислена независимо, и, следовательно, дают нам иллюстрацию того, до какого уровня дошло искусство гравировки в тот период, когда жили владельцы печатей, а сравнение стиля искусства, представленного на печатях, которые в противном случае не поддаются датировке, с теми, чей возраст был установлен, позволяет нам с определенной степенью уверенности отнести их к тому периоду, к которому они относятся в истории искусства гравировки печатей.

Интерес этих небольших реликвий прошлого, конечно, сосредоточен на изображенных сценах, которые очень разнообразны и бросают свет на мифологию и проясняют многие легендарные неясности в теологических и религиозных представлениях вавилонян и ассирийцев. Если сравнение с царскими или официальными цилиндрическими печатями определенной даты не представляется возможным, сходство между художественным стилем, представленным на данной печати, и стилем, которому соответствуют некоторые скульптуры древних патетисов или царей, дает нам необходимую подсказку, и, наконец, когда оба этих теста не работают, если на печати есть надпись, характер письма часто позволяет нам отнести ее к своему классу.

Рис. 49.

Одним из самых ранних вавилонских правителей, чьи печати были найдены, является Лугал-анда, патеси или царь-жрец Лагаша, и непосредственный предшественник Урукагины, последнего царя первой династии Лагаша. Оттиск одной из печатей Лугал-анды представлен на рис. 49. Часть печати разделена на два регистра, в верхнем из которых мы видим орла с распростертыми крыльями, сжимающего двух львов, которые вместе составляли геральдический герб города Лагаш. Примечательно, что львы трактованы с той же свободой, что и на маленьком блоке Дуду (см. рис. 27), современника Энтемена, одного из предшественников Лугаль-анды. Здесь, как и на упомянутом блоке, львы изображены в очень энергичной манере, и, в отличие от более ранних изображений этого устройства, львы грызут крылья своего пленителя. Справа от герба находится надпись, написанная очень архаичными буквами. В нижнем регистре изображены два быка с человеческими головами, олень, бородатый герой, напоминающий Издубара или Гильгамеша, как они изображены на других ранних цилиндрических печатях, и еще одна фигура, обхватившая левой рукой шею оленя и держащая одну из его передних лап в правой руке. В отличие от бородатого героя, который аналогичным образом держит переднюю лапу одного из человекообразных быков, он чисто выбрит, а его волосы представлены четырьмя языкообразными выступами. Слева от двух регистров находится тело и нижняя часть лица большого человекообразного быка, а справа - два льва, один из которых впивается зубами в шею составного существа, наполовину человека, наполовину зверя. Сразу станет ясно, что эта цилиндрическая печать раннего шумерского периода предполагает неопределенный период художественного развития в практике гравировки.

На очень ранних печатях сцена, конечно, гораздо менее композиционна, а мастерство бесконечно более грубое; мы часто встречаем тот же мотив орла, но животные, которых он когтит, обычно козлы, быки или горные козлы, как показано на рис. 50, львы появились только позднее. Здесь мы видим очень примитивную печать, на которой орел держит двух козлов за рога, а герой держит тех же двух животных за ногу. Герой, орел и козлы изображены весьма архаично и грубо, хотя в симметрично раскинутых крыльях орла, кажется, есть предвестие традиционности более поздних времен. У козлов задние четверти подняты в воздух, а орел держит их за рога - место их силы как в реальности, так и символически. Сама печать и толще, и короче, чем обычно, и имеет только один регистр.

Но простота, которая обычно характерна для цилиндрических печатей раннего периода, иногда уступает место совершенно непреодолимой сложности, как в печати, представленной на рис. 51. Два регистра, на которые разделено поле цилиндра, вторгаются друг в друга в такой непомерной степени, что требуется тщательный осмотр, чтобы увидеть, что регистров два. В верхнем регистре центральной фигурой является орел, его когти тянутся с одной стороны к льву, атакованному грифом, с другой - к льву, который, похоже, нападает на перевернутого козерога. Внизу командует охотник, одетый в короткую шумерскую юбку, бахрому которой архаически представлена рядом меток, напоминающих о фрагментарных скульптурах доисторического периода Лагаша (см. рис. 25, С), и окруженный толпой львов и антилоп. Эта печать явно является детищем более развитого искусства, чем та, что изображена на рис. 50, но, несмотря на это, она по сути своей архаична и относится к раннему шумерскому периоду.

Одним из самых популярных рисунков для цилиндрических печатей в ранние шумерские времена является изображение одного или двух сидящих божеств, иногда в сопровождении орла. Очень архаичный пример этого класса представлен на рис. 52. Два сидящих существа, несомненно, являются богами, несмотря на то, что они чисто выбриты и имеют те же слабо выраженные черты лица, что и фигура в центре. Можно заметить, что бахрома короткой шумерской юбки одного из божеств, а также поклоняющейся ему женщины изображена в виде ряда заостренных меток, как на рис. 51.

Рис. 50.

Рис. 51.

Рис. 52.

Рис. 53.

На рис. 53 мы снова видим двух сидящих богов, но на этот раз между ними стоит большая чаша, из которой они, похоже, пьют с помощью трубочек. Они, очевидно, сидят на походных табуретах, а перед одним из них стоит священное дерево. Их одежда состоит из длинного

одеяния, которое закрывает одну руку, оставляя другую открытой и свободной, и доходит до щиколоток, низ его украшен бахромой, а тело - ветвистым узором.

Иногда встречается изображение бога, сидящего в лодке, как показано на рис. 54. Невозможно сказать, кто этот бог, хотя о его божественном характере явно свидетельствует рогатая шапка. Судя по появлению ветвей, или, возможно, пламени огня и потоков воды из его плеч, доктор Уорд справедливо полагает, что этот бог - не кто иной, как Шамаш, бог солнца. Лодка движется по реке или каналу под управлением двух гребцов, которые вместе с богом стоят в лодке. У обоих мужчин разные головные уборы, но все трое одеты исключительно в старую шумерскую юбку. В воде растут камыши высотой с лодку, а по причудливо изображенному болоту бродит очень примитивно выполненный дикий кабан. Нос и корма лодки имеют одинаковую форму и изогнуты вверх на большую высоту. Если это бог Шамаш, то, вероятно, здесь, как и в других местах, он изображен путешествующим по небесам на своей лодке.

Другая серия архаических цилиндрических печатей посвящена героическим подвигам Гильгамеша и Эа-бани, двух мифологических существ, чьи победы над быками и львами принесли им известность и славу, которая продержалась вплоть до последних дней ассирийской истории. Впечатление от одной из самых примитивных печатей Гильгамеша мы можем увидеть на рис. 55. Герой стоит между двумя бизонами, на одного из которых нападает лев, на другого - леопард, а сзади на льва нападает нечеловеческий и полужвериный Эа-бани. Появление пятнистого леопарда особенно примечательно, поскольку он почти не встречается на более поздних цилиндрах, а присутствие бизонов, которые обитают только в высокогорье, - дополнительный архаический штрих и еще одно свидетельство древности этой печати, которая, должно быть, была выгравирована в то время, когда воспоминания о ее горном происхождении были еще свежи в памяти шумера, поскольку в более поздний период вавилонского искусства бизон уступает место любящему болота буйволу. Все детали печати выдают те же примитивные черты, и, как обычно, на ней нет надписи.

Мы уже видели одну царскую печать-оттиск, а на рис. 56 представлена печать более позднего, но гораздо более известного вавилонского царя, Шар-Гани-Шарри, царя Агаде. В правление Шар-Гани-Шарри и его сына Нарам-Сина вавилонское искусство достигло своего апогея - грубость ранних работ ушла в прошлое, а от условностей более поздних времен не осталось и следа, свобода - залог успеха. Сцена повторяется часто: герой, который, судя по всему, и есть Гильгамеш, стоит на одном колене и держит в руках вазу, из переполненной струи которой буйвол пытается утолить жажду. Печать выгравирована с энергией и точностью, смелость которых превосходит лишь естественный эффект. И герой, и животное переданы со свободой и верностью, редко когда превзойденными в восточном искусстве, а сила картины заключается в гении художника и никак не зависит от сюжета, который не может похвастаться ничем особенно ярким или эффектным.

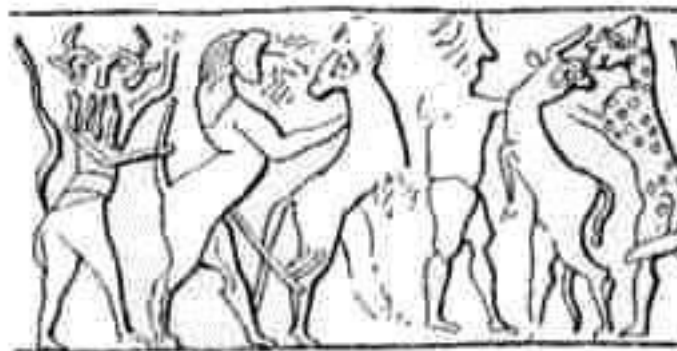

Рис. 55.

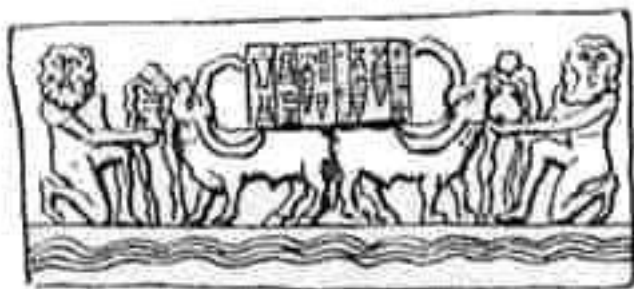

Рис. 56.

Рис. 57.

Рис. 58.

На рис. 57 мы имеем представление о другой печати, на которой Гильгамеш и Эа-бани являются главными действующими лицами. Эа-бани сражается со львом, а его товарищ - с массивным рогатым буйволом. Эта печать относится ко времени Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, царей Агаде, ее дата определяется как стилем искусства, так и содержанием краткой надписи, которая содержит имя владельца, Бингани-Шарали, царя Агаде и сына Нарам-Сина. Эта печать, хранящаяся сейчас в Британском музее, была обнаружена на Кипре.¹³² Движения Гильгамеша и Эа-бани изображены очень правдоподобно, хотя действия левой руки Эа-бани несколько неловки и некрасивы. То же самое можно сказать и об одолеваемом и плохо проработанном буйволе, а также об антилопе под надписью, но лев явно условен,

что, возможно, объясняется повсеместным присутствием его на цилиндрических печатях и памятниках самых ранних шумерских времен, из чего можно сделать вывод, что постоянное воспроизведение одного и того же животного со временем утратило ту свежесть, с которой художник вначале подходил к своей теме. Но, пожалуй, кульминации печать Гильгамеша достигает в той, что изображена на рис. 58. Герой вступает в смертельную схватку со львом, которого он пытается сбросить. Гильгамеш изображен анфас и с различными особенностями, которые, по-видимому, были присущи его уникальной личности: длинная курчавая борода, столь же длинные волосы, разделенные по центру, с тремя характерными кольцами по обе стороны, и тело, полностью обнаженное, за исключением узкого пояса. Действие сконцентрировано и сосредоточено в одной точке - здесь нет конфликтующих людей, животных или даже предметов, которые могли бы отвлечь или разделить внимание зрителя, а оживление, с которым трактуется тема, вполне оправдывает то изолированное и исключительное положение, которое она здесь занимает.

Рис. 59.

Другая группа вавилонских печатей, относящихся к разным периодам, демонстрирует драматическое завоевание божества крылатым драконом. Одним из самых ранних, хорошо сохранившихся и наиболее поучительных примеров является цилиндр из раковины, хранящийся в музее Метрополитен в Нью-Йорке, также опубликованный Уордом¹³³ (см. рис. 59). Дракон имеет крылья и заднюю часть орла, а его передние лапы и голова принадлежат льву; между крыльями на его спине стоит обнаженная богиня, держащая молнию в обеих руках. Дракон запряжен в четырехколесную колесницу, передняя часть которой выше задней, а управляет колесницей непропорционально большой бог, размахивающий кнутом в левой руке. Львиноголовый дракон, очевидно, извергается, и его действия напоминают действия одного из истекающих кровью львов на барельефах Ашшур-бани-пала. Однако, возможно, это означает извержение яда, хотя в этом случае изображение передано не очень удачно. Перед этой группой сверхъестественных существ стоит поклоняющийся, который совершает подношение неопределенного характера на алтарь.

Но иногда боги и герои встречаются на одной печати бок о бок, как это происходит на печати, изображенной на рис. 60. Сидящее божество в роговой шапке - Шамаш, бог Солнца, от плеч которого исходят лучи света, а из его колен - потоки живой воды.

Рис. 60. Бог одет в длинную мантию,

свисающую с правого плеча, а левая рука и плечо оставлены обнаженными; он сидит на трех- или четырехногом табурете. Перед ним - полумесяц, за ним - звезда, установленная на своеобразной подставке, а в его присутствии разыгрывается типичная сцена: два героя укладывают льва - один из них ставит левую ногу на голову льва, левой рукой хватается за хвост вздыбленного зверя, а правой собирается вонзить нож в его заднюю четверть. Другой герой держит наготове небольшой топорик; его головной убор отличается от головного убора товарища тем, что он утыкан шипами, но во всем остальном они похожи. Эта печать сделана из розового мрамора и хранится в музее Метрополитен в Нью-Йорке. Один из классов божеств был тесно связан со змеей, и тело бога иногда изображается в виде

Рис. 61. змеиной спирали, как в случае с

цилиндрической печатью, изображенной на рис. 61. В этом случае бог сидит напротив богини, которая также сидит и держит в руке неглубокую чашу; над ее рукой - полумесяц, а за ней - установленная звезда, как на рис. 60. Звезда, как она здесь представлена, идентична ранней шумерской идеограмме и определителю бога, и, несомненно, имеет здесь это значение. Богиня одета в длинное одеяние, достигающее до щиколоток, но ее левая рука и плечо свободны, как и у бога на рис. 60. Ее сиденье представляет собой нечто вроде походного табурета - форма опоры, которую гений вавилонянина, похоже, изобрел очень рано. Змееподобный и человекобородый бог держит в руке ветвь, точное значение которой не совсем ясно, но видное место, занимаемое священным деревом в вавилонской и ассирийской мифологии, позволяет предположить, что здесь, как и везде, оно имеет какое-то символическое значение. Позади бога находятся ворота с пятью перекладинами, которые, должно быть, призваны указать на трудность доступа к божественному присутствию или же на необходимость введения в него. Если ворота не были открыты либо самим богом, либо каким-то промежуточным существом божественного или квазибожественного характера, поклоняющийся, предположительно, не мог получить вход.

Как мы уже видели, цилиндрические печати часто представляют нам изобразительный аспект легенды, уже известной из литературы. Одной из самых известных легенд вавилонян была та, которая рассказывала о смелой, но безуспешной попытке Этаны подняться на небо на крыльях орла. Орел взмывал все выше и выше, пока, наконец, не показались небесные порталы, но цель, по какой-то неустановленной причине, так и не была достигнута, и Этана и

его живой аэроплан разбились о землю. Иллюстрация этого смелого полета есть на некоторых цилиндрах с печатями в Британском музее, оттиск одного из них приведен на рис. 62. Этана сидит на орле, который несет свою ношу ввысь на виду у восхищенной и устремленной вверх собаки. Справа пастух в длинной одежде - его правое плечо, как обычно, обнажено - гонит рогатую овцу и двух коз к примитивной на вид ограде: и Этана, и пастух носят бороды и длинные волосы, а последний несет в левой руке посох. На заднем плане изображен обнаженный, но такой же бородатый человек, сидящий у большой амфоры, содержимым которой он, похоже, полностью поглощен; предположительно, он выполняет какие-то кулинарные операции.

На других вавилонских печатях изображен бог, атакующий задуманного человеком врага; в этот класс входят цилиндрические печати, относящиеся к архаическому периоду

Рис. 62., а также более поздние. Оттиск одной из таких архаических печатей представлен на рис. 63. В центре изображен бог, сидящий на быке, его левая рука поднята, а правая схвачена за оружие или плеть; он топчет распростертого и податливого врага, чья фигура нарисована в самой грубой и грубой манере, какую только можно себе представить. Как говорит Уорд, эта печать должна относиться к тому времени, когда лошадь была неизвестна или, во всяком случае, не использовалась в бою. На правой стороне оттиска бог вступает в пеший бой с противником, который, судя по всему, вооружен оружием в форме бумеранга, подобным тому, которым

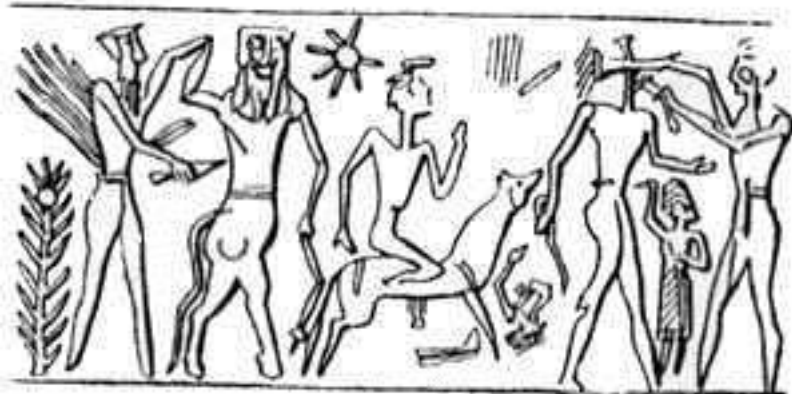

Рис. 63. бог Нин-гирсу вооружен на Стеле стервятника. В правой руке бог держит оружие неопределенного характера, а между ними и лицом к богу стоит маленький поклонник, чья рука поднята - несомненно, в знак покорности - в сторону своего божественного повелителя. Слева бог закалывает кинжалом человекообразного быка, а из спины бога исходят лучи или то, что кажется лучами.

Ко времени Гудеа, патеси Лагаша, и Ур-Энгура и Дунги, царей Ура, мы видим заметные изменения в художественных достоинствах изделий гравера-печатника. Если говорить в целом, то они выполнены с гораздо большей тщательностью, и точностью, полностью отсутствующей в большинстве ранних инталий, но то, что они приобретают в тщательности и детальном внимании, они теряют в условности, которую эта тщательность и внимание породили. Перед нами не грубый эскиз прирожденного художника, а проработанная картина

копииста. На рис. 64 представлен оттиск одной из цилиндрических печатей Гудеа. Бог, который, вероятно, является Нин-гирсу или Эа, ¹³⁴ восседает на троне, похожем на ящик: в каждой руке он держит по вазе, из каждой из которых вытекают два потока, изливающие свое содержимое в три вазы, стоящие на земле, которые, в свою очередь, сами становятся генераторами живых источников воды.

Рис. 64. Перед богом стоит божество-

посредник, которое левой рукой поддерживает одну из ваз, а правой ведет за собой поклоняющегося, вероятно, самого Гудеа. От плеч посредника исходят две змеи, голова ближней из которых в точности напоминает странную рептилию на вазе того же патеси (ср. рис. 90). отождествление божества-посредника с Нингиш-зидой становится весьма вероятным благодаря упоминанию Гудеа этого бога в одной из его надписей, где в описании того, как он был представлен своему верховному богу Нин-гирсу, он прямо говорит, что "Нин-гиш-зи-да, его бог, держал его за руку".

Рис. 65.

Рис. 66.

На рис. 65 мы видим оттиск печати Ур-Энгур, царя Ура около 2400 г. до н. э. Изображенная сцена знакома: бог-посредник вводит податливого поклонника к высшему божеству, восседающему на троне. У возведенного на трон бога длинная борода и круглая шапка, несколько напоминающая тюрбан, который носил Гудеа (ср. пл. XXIII). Одной рукой он опирается на спинку своего трона, а правая рука вытянута в явном приглашении медленно приближающемуся поклоннику. Сам трон, в отличие от ящикообразных сидений прежних времен, снабжен спинкой, а задние ножки сделаны по подобию ног быка. Промежуточные божества носят рогатый колпак, которым обычно были покрыты боги во времена Гудеа, а из их голов также поднимаются рога, которые, как ни странно, идентичны по форме рогам на терракотовой голове, обнаруженной во время недавних раскопок в Вавилонии. 135 Сидящее божество облачено в длинное простое одеяние, достигающее до ступней, его одежда проще, чем у сопровождающих божеств или даже у самого поклоняющегося. Последний одет в длинную тунику, а через левое плечо накинута мантия с бахромой. Оба посредника также одеты в длинные одежды, которые, однако, отличаются друг от друга и от одежды поклоняющегося более тщательной работой, причем божественный представитель носит более богатое одеяние из двух. В надписи упоминается Ур-Энгур, царь Ура, который, предположительно, может быть фигурой, сидящей на троне; в поддержку этой теории стоит отметить, что цари этой династии часто обожествлялись еще на земле. Ур-Энгур сменил Дунги, оттиск одной из цилиндрических печатей которого приведен на рис. 66. Обе эти печати хранятся в Британском музее. Бородатый и увенчанный рогами бог стоит перед алтарем в форме высокой стоячей вазы, из которой выходит ветвь с перьями, что, возможно, символизирует восходящее пламя, а два длинных голых стебля с хохолками свисают над алтарем по обе стороны. В левой руке бог держит оружие, верхний конец которого снабжен боковой полукруглой рукояткой, похожей на ту, что была найдена в Телло де Сарзек, а также на ту, что изображена на каменной вазе Гудеа (см. рис. 90). В вытянутой правой руке он держит трехлепестковый цветок, который является точной копией тех, что встречаются в руках мифических существ на поздних ассирийских барельефах. По другую сторону алтаря находится молящийся, одетый в то же самое одеяние с бахромой, что и на рис. 65, его правая рука поднята в знак поклонения. Позади него стоит другой поклонник, чья одежда напоминает одежду бога, и который так же увенчан рогатой шапкой, но, несмотря на это божественное отличие, у него обе руки подняты в знак поклонения. Дунги сменил Бур-Син, одна из цилиндрических печатей которого показана на рис. 67. Сцена мало чем отличается от той, что изображена на печатях его предшественников. Сидящий бог, поклоняющийся ему человек и еще одна фигура поклонника в божественном головном уборе позади. На боге тюрбан, как на печати Ур-Энгур (см. рис. 65); он сидит на очень толстом мягком сиденье, а

его ноги и ноги его трона покоятся на небольшой низкой платформе. Руки поклоняющегося здесь сцеплены перед собой примерно так же, как руки Гудеи в статуях из Телло, но у третьей фигуры, которую Уорд несколько шутливо называет "богиней с оборками", обе руки подняты. Оттиск цилиндрической печати Гимил-Сина, преемника Бур-Сина на троне Ура, представлен на рис. 68. Длиннобородый бог в тюрбане вновь восседает на диване с богатой обивкой и возвышается на небольшой платформе. В правой руке он держит двуручную вазу, а левая рука скрыта в складках его воланистого халата. Одевание посредника точно такое же, как и у сидящего бога, но вместо тюрбана - рогатая шапочка. Поклонник, стоящий позади, держит одну руку поднятой, как и его помощник, а свисающая с его плеча одежда с бахромой расположена так, чтобы была видна его левая нога. На печати Иби-Сина, последнего из династии (см. рис. 69), изображен тот же сюжет, а обработка практически не имеет различий. Следует заметить, что звезда и полумесяц на некоторых из этих цилиндров присутствуют, а на других отсутствуют, из чего можно сделать вывод, что они были лишь символическими аксессуарами и как таковые не имели жизненно важного значения.

Все эти печати несут надписи в отличие от тех, что относятся к более раннему периоду, и значительная часть поля цилиндра занята письмом вместо пейзажа. Но с течением времени эта тенденция становилась все более выраженной, и в касситский период иногда почти вся печать занята надписью, обычно религиозного характера. Так, на цилиндре с надписью имени Куригалзу, касситского царя Вавилонии (ок. 1400 г. до н. э.) (см. рис. 70), изобразительный элемент сведен к одной-единственной фигуре, фигуре поклоняющегося.

Рис. 67.

Рис. 68.

Рис. 69.

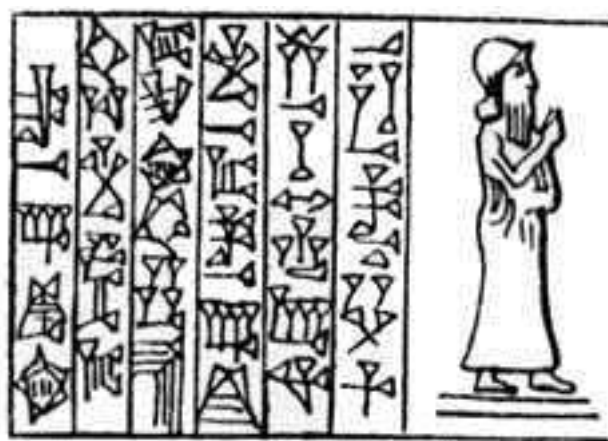

Рис. 70.

Чрезвычайно интересная печать-оттиск касситского периода опубликована Клеем в "Журнале музея Пенсильванского университета" (I, 1910, с. 4-6). Она датируется четвертым годом Нази-Марутташа, царя Вавилона (ок. 1330 г. до н. э.) (см. рис. 71). Три бородатых мужчины заняты пахотой; один из них подгоняет двух горбатых волов, привязанных к лемехам, второй держит рукоятки, а третий, похоже, насыпает зерно в бур, прикрепленный к плугу.

Было сказано, что эта печать дает нам самое раннее изображение вавилонского плуга, но это утверждение должно быть значительно изменено в свете ранних изображений печати, приведенных Уордом (стр. 132, рис. 369, 371, 372). Плуг изображен на всех этих трех цилиндрах, и все они предшествуют цилиндру-печати из Нази-Марутташа (ср. также вотивную табличку из Ниппура, рис. 25, E).

Невавилонская империя (625-538 гг. до н. э.) унаследовала стереотипные традиции длительного периода господства касситов

Рис. 71. И хотя в поздних

цилиндрических печатях наблюдалась определенная реакция в пользу изобразительного элемента по сравнению с литературным, стиль искусства оставался более или менее неизменным, если не неизменным. Хорошим примером неовавилонской печати является та, что находится на табличке, датируемой 26-м годом Навуходоносора (см. рис. 72).¹³⁶ Поклоняющийся стоит перед прямоугольным ящиком, который выглядит как алтарь, но, по мнению Уорда, является местом пребывания богов. Он поддерживает две эмблемы: собаку и молнию бога бури Адада. Поза, положение и общий вид поклоняющегося точно соответствуют тем, что изображены на касситских цилиндрах из Куригалзу (см. рис. 70), и являются хорошей иллюстрацией условности, которой так безнадежно поработилось позднее месопотамское искусство.

Цилиндрическая печать использовалась в Ассирии с самых ранних периодов ее истории,

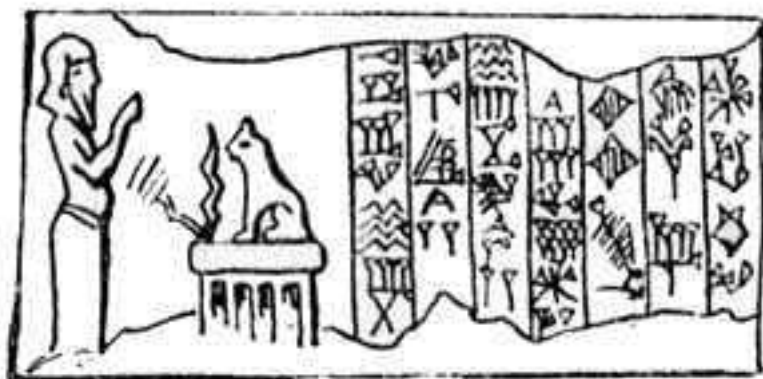

Рис. 72. и продолжала

использоваться вплоть до времен персов, которые, в свою очередь, переняли тот же вид печати. Цилиндрическая печать, относящаяся к раннему ассирийскому периоду, то есть примерно к 2000 году до н.э., показана на рис. 73. Работа грубая, но в самой сцене мы видим

зародыш военных подвигов поздних ассирийских барельефов. Воин, запряженный в свою двухколесную боевую колесницу, пускает стрелу из натянутого лука; его соперник, идущий пешком, делает то же самое, и, похоже, вопрос заключается в том, кто из двух бойцов первым попадет стрелой. Колесница запряжена быком, что свидетельствует о том, что лошадь еще не использовалась для военных целей, а колеса с четырьмя спицами

Рис. 73. являются еще одним архаичным штрихом - колеса колесниц поздних ассирийцев имели восемь, двенадцать, а иногда и шестнадцать спиц. Бык в своем безумном порыве топчет распростертого врага - сцена, которая часто изображается на барельефах; однако интересно видеть символические звезду и полумесяц старых вавилонян, воспроизведенные на этой ранней ассирийской печати.

Мы уже видели крылатого дракона на архаичной вавилонской печати (см. рис. 59), но, по-видимому, только в ассирийскую эпоху конфликт между "Белом и драконом" был

представлен в месопотамском искусстве. 137

Рис. 74.

На ранней ассирийской цилиндрической печати, хранящейся в Метрополитен-музее в Нью-Йорке (см. рис. 74), мы имеем примитивное изображение победы Бел-Меродаха, представителя и самого воплощения порядка, системы и метода, над драконом - олицетворением беспорядка и бушующего хаоса. Бог натягивает свой лук - не на авантюру, а с той смертоносной уверенностью, с которой, предположительно, могут целиться боги. Несмотря на это, бог предусмотрительно носит на спине колчан, полный стрел, а еще он вооружен топором. Крылатый дракон композиционного характера поднялся на задние лапы, его морда повернута к своему всемогущему противнику, как на знаменитом барельефе Мардука и Тиаматы. Бога сопровождает еще один зверь с крыльями, который, несомненно, готов прийти на помощь своему божественному повелителю, если его позовут. Позади бога мы видим крылатый диск и, похоже, два глаза, а впереди выгравированы

Рис. 75. полумесяц Сина, бог Луны и звезда

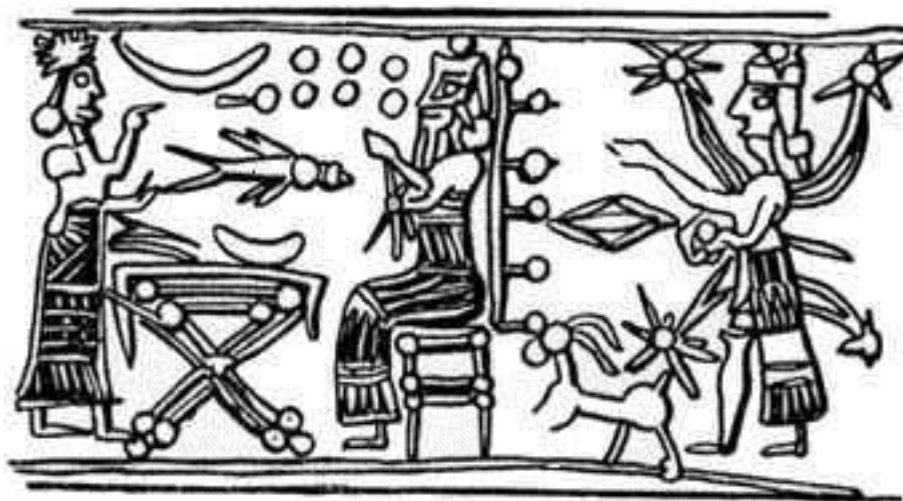
Иштар. Позади дракона находится священное дерево, напоминающее пальму. Священное дерево играло очень важную роль в ассирийском искусстве и является одним из наиболее часто повторяющихся объектов на рельефах дворцовых стен. Его также часто можно встретить на ассирийских печатях, хорошим примером которых является цилиндрическая печать в Британском музее, изображенная на рис. 75. Священное дерево в его наиболее условной форме занимает центральную часть изображения; по обе стороны от него стоит царь с рукой, поднятой в знак поклонения; его одежда - для ассирийского царя - сравнительно проста, но его головной убор - копия остроконечной шапки, которую так часто можно увидеть на головах ассирийских царей на дворцовых настенных рельефах.

Рис. 76. Над священным деревом изображен бог Ашур с

крылатым диском, от которого спускаются два шнура, образующие внешнюю связь между богом и его поклонником и напоминающие лучи, исходящие от диска Атен и заканчивающиеся руками с египетским символом жизни на знаменитой стеле Хуенатена, так называемого "царя-еретика" восемнадцатой династии Египта. Позади царя находится крылатый орлиноголовый гений, столь постоянно изображаемый на барельефах. У этого странного мифического существа одна рука поднята, а в другой он несет корзину обычного ассирийского типа.

На ряде печатей, одна из которых воспроизведена здесь (см. рис. 76), человек-рыба или бог-рыба, напоминающий фигуру, найденную Лэйардом в скульптурном рельефе в Нимруде (см. пл. IV), занимает самое видное место. Ашур в своем крылатом диске снова отбрасывает тень своей божественной защиты на священное дерево; по обеим сторонам стоит Даганоподобный поклонник с одной поднятой рукой и корзиной в другой. За ним следует сопровождающий поклонник, а позади - воинственный человек, возможно, бог Мардук,

который
отомстить страусу; левой рукой он крепко держит длинную шею страуса, а в правой -
скимитар, которым он, очевидно, собирается отрубить птице голову.

Рис. 77. собирается

Сидящее божество, встречающееся на вавилонских печатях всех периодов, также присутствует на цилиндрических печатях ассирийцев. У нас есть хороший образец ассирийской печати такого типа, как на рис. 77. Бородатый бог сидит на стуле с высокой спинкой, какой никогда не было на вавилонских цилиндрах: ножки стула укреплены для поддержки весомой персоны божественного обитателя с помощью перекладин, а спинка несколько гротескно украшена шарами. Перед богом - стол или подставка на двойных складных ножках, покрытая тканью, на которой стоят неглубокая чаша и две плоские лепешки; над столом - рыба, повернутая головой к богу. Позади вознесенного бога стоит богиня, от тела которой исходят четыре лучеобразных выступа, заканчивающихся звездами, общий вид выступов не похож на четыре звездные ракеты. Перед нагруженным столом стоит поклоняющийся с поднятой рукой, а на поле цилиндра изображены козерог, рисунок в виде глаза, семь шаров и полумесяц.

ГЛАВА X - ГРАВИРОВКА ПО РАКОВИНЕ И РАБОТА ПО СЛОНОВОЙ КОСТИ

(А) ГРАВИРОВКА НА РАКОВИНЕ

Искусство гравировки на раковинах в Месопотамии восходит к самым ранним временам шумерской цивилизации. Самые древние из этих гравюр выполнены на раковинах с шероховатой поверхностью, среди которых наиболее популярными, по-видимому, были раковины устриц.

Некоторые из найденных фрагментов имеют четкую форму и предназначены для инкрустации, другие, изогнутой формы, могут быть подогнаны друг к другу и когда-то составляли часть гравированной и тонко вылепленной вазы или кубка. Спустя некоторое время перламутр стал популярным материалом среди граверов, которые использовали его с большим успехом. Перламутр, несомненно, более эффектен и поразителен, чем обычная раковина, но у него есть свои недостатки и минусы, ведь он хрупкий и чешуйчатый, и из-за

этого граверы, видимо, были вынуждены по необходимости ограничиваться использованием плоских лезвий или чешуек при работе с этим материалом.

Рис. 78.- (Лувр) Кат., стр. 389.

Рис. 79.-*Déc. en Chald.*, Pl. 46, 4.

Один из самых древних образцов искусства гравировщика по раковинам, обнаруженных до сих пор, изображен на рис. 78. Этот фрагмент выпуклый по форме и усеченный треугольник по очертаниям. Лев изображен в момент удушения быка: одной передней лапой он обхватывает жертву за шею, а другую закидывает на спину быка, впиваясь зубами в его шею. Общий стиль, которому соответствует эта гравюра, вид льва анфас, действие, которым он занят, и сочетание энергичности и грубости, характерное для этой работы, ярко напоминают буланую голову Месилима, царя Киша (см. рис. 26). Сравнение между ними настолько разительно, что мы вряд ли можем ошибиться, отнеся эту гравированную раковину примерно к тому же периоду, то есть ко времени до Ур-Нина, основателя первой династии Лагаша. Она была обнаружена в Телло по соседству с колодцем Эаннатума и имеет высоту чуть меньше трех дюймов. На рис. 79¹³⁸ представлен еще один фрагмент очень архаичной гравировки на раковине; человеческая голова и полосато-бородатый бык атакуются львиноголовым орлом; сама раковина очень тонкая, а гравировка очень изящная, но и сам рисунок, и способ его исполнения свидетельствуют о его большом возрасте. Раковинные работы времен Ур-Нина и его преемников хорошо показаны на рис. 80. Здесь изображен мужчина, несущий сеть; мужчина чисто выбрит и лыс, а его лицо точно такого же типа, как и те, что так часто изображаются на скульптурах времен Ур-Нина. Единственная его одежда - короткая юбка "каунаки", бахрома которой изображена в манере, характерной для самых ранних шумерских произведений искусства. В правой руке он держит боевой топор, а в левой - концы двух палок, из которых свисает уже упоминавшаяся сеть или корзина. Эта небольшая реликвия была найдена в том же районе, что и предыдущая, и ее высота составляет чуть менее двух дюймов. Еще один интересный образец шумерской гравюры на раковинах опубликован г-ном Л. У. Кингом в *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, 1910, pp. 243-5. На ней изображен бородатый герой, обнимающий козла. Примечательно, что одежда героя состоит не из шумерской юбки, а из набедренной повязки. Вероятно,

лучшим образцом раннеавилонской работы из раковин является та, что представлена на рис. 81; прыгающий ребенок удивительно реалистичен как по форме, так и по положению и явно был срисован с натуры. Перламутровые изделия более позднего периода - хороший пример на рис. 82. Здесь Гильгамеш изображен в стоячей позе, держа в обеих руках по одному из длинных "шестов", встречающихся и в других местах, в частности на знаменитой зеленой стеатитовой вазе Гудеа (см. рис. 90). Гильгамеш изображен анфас, с длинной вертикально разделенной бородой, столь часто встречающейся на цилиндрических печатях. Этот фрагмент высотой чуть менее двух с половиной дюймов был извлечен из того же места. Выгравированные продолговатые перламутровые бляшки, по-видимому, использовались для украшения рукояток ножей или кинжалов.

Рис. 80.

Рис. 81.
(Музей Лувра)

Рис. 82.
Кат., стр. 393, 401.

На рис. 83 представлен один из наиболее хорошо сохранившихся и интересных образцов поздней раковинной работы в Месопотамии. Этот фрагмент был обнаружен в Варке (Эрех), но по стилю он явно ассирийский: искусно наряженные лошади поразительно напоминают коней, рельефно изваянных на стенах дворца Ашшура-на-Ир-пала в Нимруде (Калах), а цветочный декор выдает египетское влияние и напоминает о резных слоновых костях, найденных среди обломков дворца этого царя. Разрушенные курганы самой Ассирии дали лишь несколько образцов искусства гравера по раковинам, а те, что были

Рис. 83. (По

Лэйярду), которые были найдены, в большинстве своем являются финикийскими по исполнению и египетскими по замыслу, сфинксы и лотосы-растения занимают самое видное место в декоре. Среди многих интересных результатов немецких раскопок в Вавилоне было обнаружение гравированных раковин, очевидно, более позднего времени; несколько таких раковин были найдены на полу здания Навуходоносора, некоторые из них демонстрировали египетское влияние и были украшены орнаментом из лотоса. Таким образом, раковины использовались для различных декоративных целей, но в ранние времена они иногда служили материалом для изготовления даже такого утилитарного предмета, как печать, как мы уже имели возможность отметить.

(Б) РАБОТА С КОСТЬЮ

В отличие от раковины, которую жители самых ранних центров цивилизации в Нижней Месопотамии, многие из которых, несомненно, были морскими портами в те времена, могли легко добыть на берегах Персидского залива, слоновую кость можно было приобрести только в других местах, и только после того, как жители долины распространили свою власть за ее пределы, они смогли получить поставки этого более ценного вещества. Слоновая кость была одним из основных материалов, которые требовали поздние ассирийские цари от своих различных вассальных князей. Большая коллекция резных изделий из слоновой кости, обнаруженная во дворце Ашшур-нахир-пала в Нимруде (Калах), дает нам возможность изучить работы из слоновой кости того периода и убедиться в мастерстве, до которого довели это искусство художники того времени. Что сразу же и с непреодолимой силой

Рис. 84.

бросается в глаза в небольшой группе резных слоновых костей на пл. XXXII, - это их ярко выраженный египетский облик, что является верным и определенным указанием на тесные отношения, которые, должно быть, существовали между Египтом и Ассирией в этот период. В правом верхнем углу изображена голова женщины, представленная анфас и с египетским головным убором: голова помещена в раму узкого окна, из которого открывается вид на балкон, поддерживаемый колоннами. В центре - фрагмент похожей головы, под которой находится голова быка. В левом верхнем углу находится табличка из слоновой кости, на которой изображен египетский царь в позе стоя, левой рукой он держит растение лотоса высотой примерно с него самого. Растение опирается на подставку, верхняя часть которой имеет объемную форму и напоминает капители колонн на барельефе из Сиппара (см. пл. XIV). Ниже слева - резной сфинкс из слоновой кости, который по стилю и характеру явно не является ни ассирийским, ни вавилонским. Но самый интересный экземпляр в этой группе - резная панель из слоновой кости, на которой две женщины сидят друг напротив друга по обе стороны картуша, увенчанного диском и перьями. Картуш содержит египетские иероглифы, которые можно прочесть как "Убен Шу", что означает "Бог Солнца восходит" или "Восходящее Солнце": внутренняя часть картуша позолочена, а иероглифы внутри инкрустированы. Перья, которые также инкрустированы, являются эмблемой Маат, бога истины, а диск, конечно же, символизирует солнце. Две женщины явно египтянки: их головные уборы, складки одежды и общая поза свидетельствуют об их египетском происхождении, а под их сиденьями,

представляющими собой стулья с низкими спинками, изображен знак "анх", означающий "жизнь". Этот знак, ошибочно названный "crux ansata", или "крест с рукояткой", не имеет, разумеется, никакого отношения к христианскому символу; вероятно, он представлял собой пояс, причем то, что раньше считалось рукояткой, было той частью пояса, которая обхватывала талию, а длинный стебель - это свободные концы, и пояс, обхватывающий жизненно важные части, неестественно символизировал бы жизнь, а на языке картин стал бы ее обозначать. У двух сидящих фигур одна рука поднята в знак поклонения перед священными эмблемами в центре, а в другой руке они крепко держат скипетр. Ниже мы видим еще семь фрагментарных образцов изделий из слоновой кости, все они были обнаружены среди руин того же дворца и свидетельствуют о сильном иностранном влиянии. Выводы, которые эти маленькие резные изделия из слоновой кости позволяют сделать в отношении внешних сношений Ассирии в этот период, становятся более определенными благодаря свидетельствам, предоставленным бронзовыми чашами, которые рассматриваются в главе о металлургии.

ПЛАТА XXXII

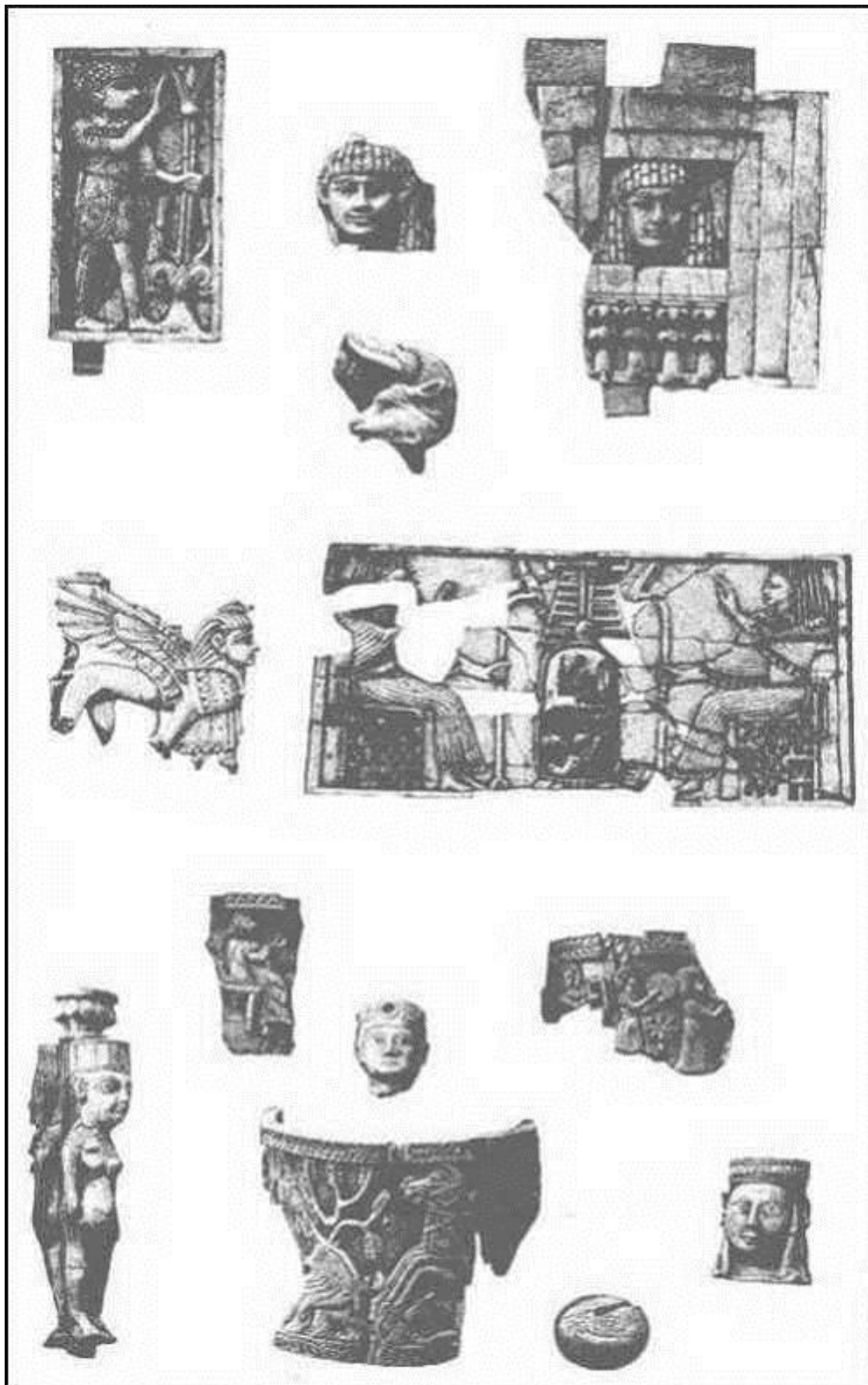

Фото. Мэнселл

Британский музей

Резные панели из слоновой кости из Нимруда

Однако не следует думать, что все слоновые кости, найденные в Ассирии, являются работой египетских или финикийских художников. Некоторые из них, хороший образец которых представлен на рис. 84, по стилю и замыслу являются такими же ассирийскими, как и любой дворцовый барельеф. Воспроизведенное здесь панно из слоновой кости имеет высоту всего пять дюймов. Сюжет хорошо знаком - четырехкрылое мифологическое существо, увенчанное рогатой шапкой, с вытянутой правой рукой, совершающее некий религиозный обряд, и несущее в левой руке корзину. Не только мотив полностью ассирийский, но и мастерство и манера исполнения несут на себе безошибочный знак Ассирии. Агрессивная мужественность рук и ног, складки, расположение и стиль одежды, а также волосы и ярко выраженная борода - все это в точности повторяет фигуры, столь часто встречающиеся на каменных скульптурах того периода. По обеим сторонам панели, на которой изображено это мифологическое существо, имеется орнамент в виде свитка, который использовался в Вавилонии еще во времена Энтемена из Лагаша, а его ноги стоят на линии розеток, которые так часто встречаются в качестве декоративного аксессуара в ассирийских произведениях искусства. Нижняя часть этой панели заполнена круглыми и волутообразными устройствами, а в самом низу находится еще одна линия розеток. Среди различных сюжетов, вырезанных на других панелях из слоновой кости, происходящих из руин того же дворца, особый интерес представляют следующие: герой, убивающий льва, несколько ассирийцев, собирающих фрукты, и Ашшур-нахир-пал в сопровождении божеств и слуг.

Эти панели из слоновой кости из Нимруда, как мы видели, во многих случаях были инкрустированы ¹³⁹ лазуритом и позолочены, и они, вероятно, использовались для украшения тронов или других величественных предметов мебели, и в этой связи мы невольно вспоминаем о большом троне, который Соломон построил для себя, который, как говорят, был сделан из слоновой кости и покрыт лучшим золотом (см. 1 Царств х. 18), а также о дворце из слоновой кости, возведенном Ахавом.

ГЛАВА XI-ТЕРРАКОТОВЫЕ ФИГУРЫ И РЕЛЬЕФЫ

Было бы парадоксально, если бы вавилонские художники не прибегали к помощи глины, которую они так охотно и широко использовали не только в строительстве, но и во всех обычных письменных целях, в своих попытках изобразить жизнь людей и животных. Несомненно, этот материал использовался для этих целей не так часто, как можно было бы ожидать, но это, вероятно, объясняется сравнительной хрупкостью этого вещества и его неспособностью противостоять разрушающему воздействию времени и климата; поскольку большинство предметов, созданных вавилонскими художниками, похоже, носят вотивный характер, очевидно, что долговечность была одним из самых важных соображений при их изготовлении. Однако, несмотря на это, к счастью, сохранилось достаточно большое количество терракотовых фигурок, некоторые из которых относятся к самым ранним периодам шумерской цивилизации. Самые древние из этих терракотовых моделей чрезвычайно малы по размеру и грубы по исполнению. На рис. 85, А представлен очень архаичный пример. Глаза этой маленькой фигурки - наиболее заметные черты; они состоят из приплюснутых шариков; тела этих примитивных маленьких моделей настолько незакончены, насколько это возможно, иногда они имеют лишь треугольную форму. На рис. 85, В представлен еще один пример того же типа, относящийся к тому же периоду, хотя он

несколько отличается от предыдущего. Голову венчает толстый головной убор или парик, а в руках она держит предмет неопределенного характера, либо ребенка, либо музыкальный инструмент, по мнению М. Хойзи. Глина, хотя и вылепленная в руке, испещрена множеством тонких линий, которые, вероятно, вызваны применением острого и тонко заостренного инструмента. Высота этих любопытных фигурок составляет около полутора-двух дюймов.

Следующая иллюстрация (рис. 85, С.) переносит нас из раннего шумерского периода в эпоху Гудеа. Сравнительное мастерство, достигнутое в результате длительного обучения этому искусству, достаточно очевидно. Это фигура бога, его головной убор характерно украшен четырьмя парами рогов, и, в отличие от медных вотивных статуэток Гудеа, у бога здесь бычьи уши. Верхняя часть тела обнажена, но нижняя часть, которая, к сожалению, не сохранилась, очевидно, была прикрыта одеждой, застегивающейся на талии с помощью пояса. Левая рука бога держит вставленную в пояс палку или оружие, верхняя часть которого видна на иллюстрации. Как обычно, бог носит густую бороду, представленную рядом вертикальных полос, но расположение его волос в двух длинных хвостах, свисающих на грудь и завитых на концах, несколько необычно. Высота этой маленькой таблички составляет от двух с половиной до трех дюймов.

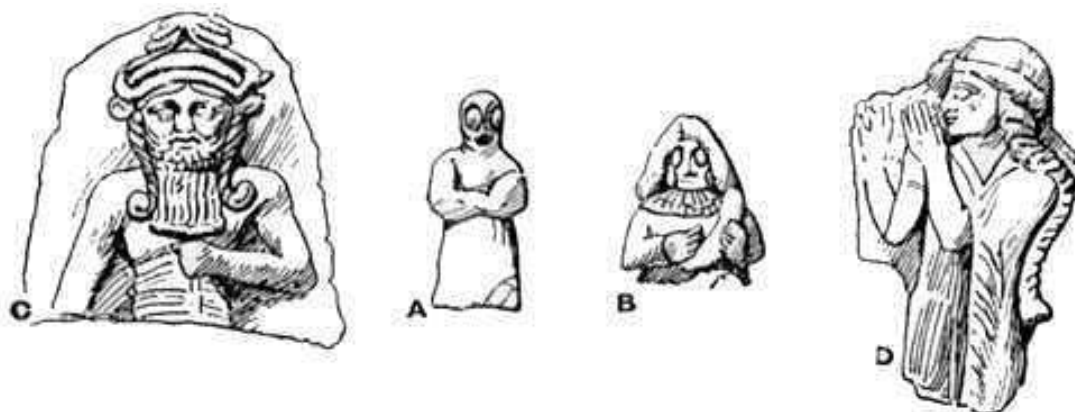

Рис. 85.- А, В (ср. *Déc. en Chald.*, Pl. 39; 1, 2). С (ср. кат., рис. 183).
D (ср. кат., рис. 193; *Déc. en Chald.*, p. 252). (Все из Музея Лувра.)

Шумеры ранних времен, однако, не ограничивались изображением отдельных фигур на своих глиняных рельефах, но иногда стремились к целым сценам; так, на фрагменте, представленном на рис. 85, D, мы видим стоящую женщину; ее руки подняты в благочестивой манере, и, несомненно, если бы сохранился остаток этого глиняного рельефа, мы увидели бы ее в сопровождении мужа, как это часто бывает на цилиндрических печатях. Ее густые волнистые волосы свисают косичкой вниз по спине, а голову окружает приподнятая косынка. Рельеф, в котором возвышается женская фигура, высок, а работа, хотя и грубая, не лишена жизни. Этот маленький фрагмент высотой около пяти дюймов сделан из глины серого цвета. Иногда эти терракотовые фигурки раскрашивали, как это было с маленькими мужскими статуэтками, обнаруженными в Вавилоне в 1910 году.¹⁴⁰

Будучи всегда верными в искусстве подражания, ассирийцы также обратили внимание на художественные возможности, заложенные в глине, которую они использовали как для строительства своих домов, так и для письма. Некоторые из глиняных фигурок или маленьких глиняных рельефов, обнаруженных в Ассирии, несомненно, относятся к ассирийским временам, но большая половина найденных терракотовых фигурок, ламп и других предметов, несомненно, относится к послеассирийскому периоду.

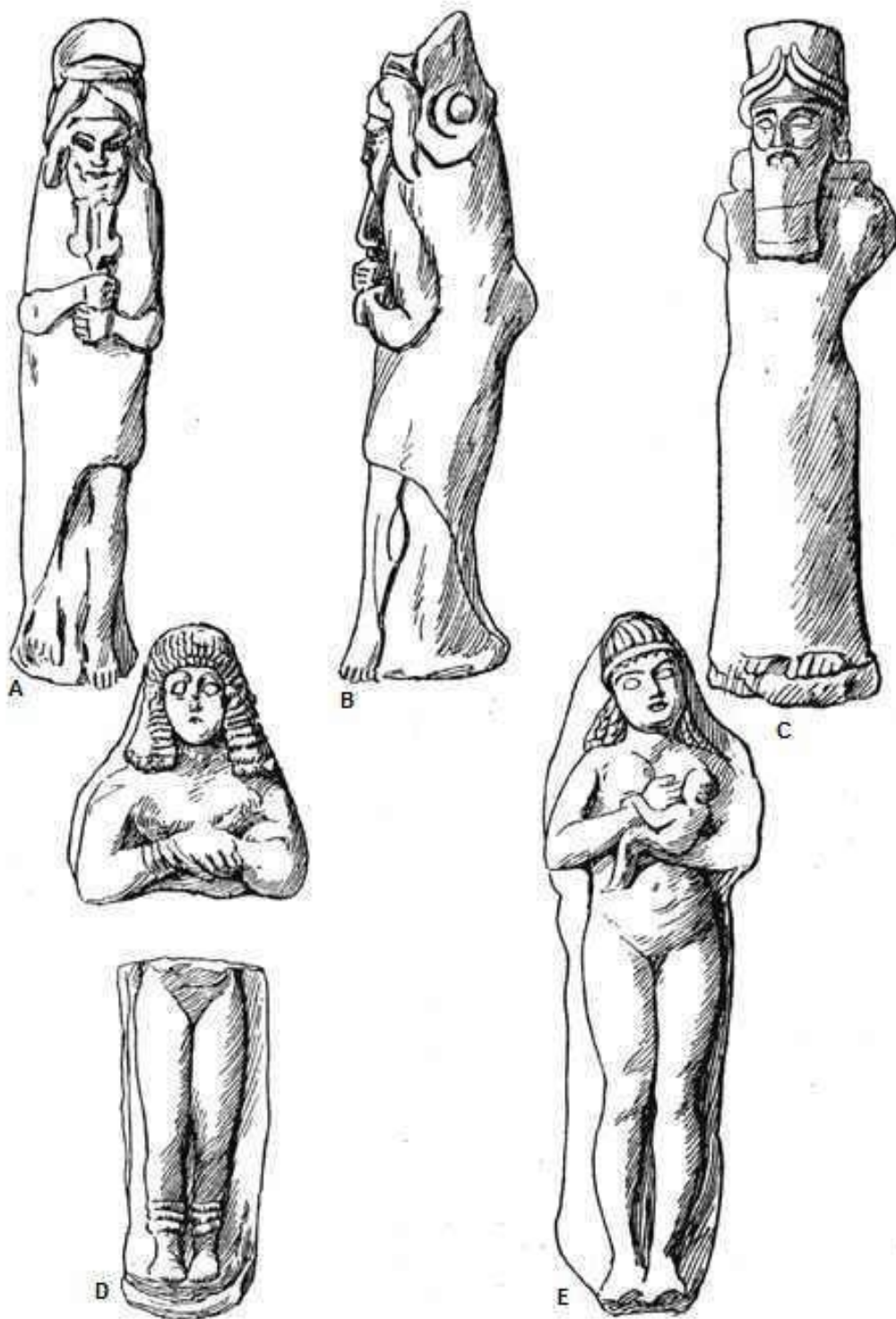

Рис. 86.- А, В (Brit. Mus., No. 91837). С, Е (Музей Лувра).
D (Ср. *Mitteilung.*, № 5, Abb. 1).

Несколько очень интересных терракотовых фигурок, изображающих бога-рыбу Дагана, хранятся в Британском музее (см. рис. 86, А, В). Высота этих небольших изображений составляет всего несколько дюймов, но человеческое лицо бога выполнено с меньшей условностью, чем в случае со скульптурными портретами людей в ассирийский период, что, конечно, может быть обусловлено пластичностью глины по сравнению с камнем. Эти маленькие фигурки, вероятно, ассирийского, а не вавилонского производства; во всяком случае, рельефная скульптура бога-рыбы была обнаружена у входа в небольшой

ассирийский храм в Нимруде, что, помимо других свидетельств,¹⁴¹ является четким указанием на то, что бог-рыба почитался как в Ассирии, так и в Вавилонии. Казалось бы, разумно предположить, что культ Дагана естественным образом зародился в аллювиальных центрах шумерской цивилизации на крайнем юге Вавилонии, где вода была важным фактором добра или зла, но, согласно Джастроу¹⁴², он был завезен с севера на юг, хотя имя царя Исины, Ишме-Дагана, правившего около 2200 года до н. э., показывает, что бог был известен и почитаем в Вавилонии по крайней мере уже в его время. С другой стороны, не менее примечательно, что один из самых ранних известных ассирийских царей, чье правление, вероятно, следует отнести к XIX веку до н. э., также носил это имя. Эти глиняные изображения богов обычно закапывали в фундамент зданий в качестве амулетов. Еще одно терракотовое изображение бога, относящееся к ассирийскому периоду и являющееся работой ассирийского художника, показано на рис. 86, С.143 Это маленькое изображение было найдено вместе с двумя другими терракотовыми фигурками под полом двора дворца Саргона в Хорсабаде. Каждая из них была заключена в кирпичную капсулу в качестве фундамента-амулета, где они оставались нетронутыми до тех пор, пока лопата Ботты не извлекла их на свет. Воспроизведенная здесь фигура - ассирийский бог, два других - мифические существа, а третий - демон, но все трое, должно быть, были захоронены с одной и той же целью: бог - чтобы заботиться о положительном благополучии обитателей дворца, демон - чтобы действовать отрицательно, отгоняя злые влияния, и все они имеют свои каменные аналоги на барельефах, найденных в развалинах ассирийских дворцов. Это маленькое изображение высотой восемь дюймов сделано из сероватой глины. Бог одет в длинное одеяние, доходящее до ног; его голова увенчана шапкой, окруженной двумя парами рогов, а борода соответствует обычному ассирийскому типу.¹⁴⁴

Различные терракотовые фигурки обнаженных женщин или богинь были найдены в различных вавилонских и ассирийских местах, но в большинстве своем они не ранее парфянского периода, и поэтому их рассмотрение не входит в рамки данного тома. Однако есть и исключения из этого обобщения, одно из самых примечательных - терракотовая фигурка, также хранящаяся в Лувре и воспроизведенная на рис. 86, Е.145 Эта маленькая модель, как сообщается, была найдена в Хилле, недалеко от Вавилона; местом ее обнаружения было греческое захоронение, но она была найдена в компании печатей и амулетов, относящихся к гораздо более раннему периоду. Женщина в стоячем положении сосет своего младенца у груди. Тела матери и ее ребенка демонстрируют характерную для восточного искусства полноту, но, несмотря на это, в них присутствует деликатность и утонченность, а также понимание прелестей человеческой природы, что редко встречается в статуях и фигурах восточной древности. Различные терракотовые фигурки обнаженных женщин были также обнаружены в Ниппуре в слоях Шар-Гани-Шарри и Ур-Энгур, а еще один интересный пример обнаженной женщины или богини показан на рис. 86, D.146 Эта маленькая глиняная фигурка была обнаружена во время немецких раскопок в Вавилоне, где было найдено множество терракотовых фигурок обнаженных женщин с ребенком и без него; нижняя часть тела, очевидно, не принадлежит верхней части, представленной здесь, а является сломанной половиной другой глиняной фигурки; однако она позволяет нам составить представление об общем виде этих терракотовых фигурок в завершенном виде. Оба фрагмента были найдены в развалинах храма богини Нин-Мах и, несомненно, являлись частью глиняной миниатюры каменной статуи богини, которая, к сожалению, до сих пор не найдена. Фигура отличается некоторой тяжеловесностью, которую густые локоны волос только подчеркивают. Сами волосы, судя по всему, тщательно завиты и закручены; руки женщины сцеплены под грудью, на запястьях - браслеты, на ногах - браслеты.

Во время тех же раскопок в храме Адара была найдена интересная фигурка бородатого мужчины из необожженной глины высотой около шести дюймов; его левая рука свисает вниз, а правая вытянута и держит, похоже, посох, а на голове у него фригийский колпак или что-то похожее. Похожая глиняная фигурка была найдена в храме Ану-Адада, но она отличалась от первой тем, что была снабжена золотым посохом. Фигура была заключена в так называемую кирпичную капсулу; высота этих капсул иногда составляла всего несколько дюймов, но в другое время достигала двадцати дюймов. Эти статуэтки в капсулах обычно располагались перед входами в комнаты. Иногда в кирпичные капсулы помещали как фигурки животных, так и людей; так, модель глиняного голубя, заключенного таким образом, была обнаружена немецкими раскопщиками в Вавилоне.

Рис. 87. (Brit. Mus.)

Рис. 88. (Brit. Mus.)

Среди наиболее интересных ассирийских терракотовых моделей следует упомянуть любимых охотничьих собак Ашшур-бани-пала (см. рис. 87), найденных в его дворце в Ниневии; однако эти же собаки могут быть настолько лучше изучены по каменным барельефам этого же царя, что лучше отказаться от их подробного рассмотрения здесь. К сожалению, невозможно с уверенностью говорить о датировке подавляющего большинства глиняных фигурок, найденных в результате раскопок в Вавилонии и Ассирии; они включают в себя фигурки богов и богинь, а также собак, львов и других животных. Некоторые из них выполнены в круглой форме, другие изображены рельефно на небольших бляшках. Одна из наиболее хорошо сохранившихся таких дощечек представлена на рис. 88. Этот небольшой глиняный рельеф был обнаружен сэром Генри Роулинсоном в Бирс-Нимруде. Чисто выбритый и полуобнаженный сопровождающий держит под уздцы большую гончую, которую он ведет за собой с помощью ремня. Прислужник, вооруженный палкой, более реалистичен, чем сопровождающие на барельефах Ашшур-бани-пала, но собака, хотя и одухотворенная, не может сравниться с теми, что изваяны в твердом камне на стенах дворца того же царя. Бесчисленные терракотовые лампы, которые время от времени раскапывали, в большинстве своем относятся к позднему периоду, однако интересно отметить, что глиняные лампы, очевидно, использовались в очень ранний период, даже во времена Бур-Сина, царя Ура (ок. 2350 г. до н.э.), одна из глиняных ламп которого была обнаружена в Ниппуре. Мы уже отмечали, что глина, вероятно, широко использовалась для изготовления форм для отливки металлических предметов, и несомненно, что иногда скульптор использовал ее в качестве

материала для грубых набросков (см. с. 118). Глиняные фигурки или статуэтки раннего периода либо лепились вручную, либо штамповались в форме, но в любом случае они были цельными, в отличие от вавилонских терракот поздних греческих и римских времен, которые обычно были полыми внутри, а снаружи покрывались пастой, с помощью которой художник старался проработать детали волос, одежды и других внешних особенностей, при этом нередко они покрывались стекловидной глазурью, в качестве которой использовались синий и зеленый цвета. Но рассмотрение этой более поздней работы выходит за рамки нашего тома, который ограничивается рассмотрением вавилонского и ассирийского периодов.

ГЛАВА XII- КЕРАМИКА И ГОНЧАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Камень и глина были двумя материалами, из которых вавилоняне и ассирийцы, как правило, изготавливали свои вазы, горшки и чаши, хотя, как мы видели (см. рис. 45), иногда для этой цели использовался металл. К сожалению, изучению вавилонской и ассирийской керамики никогда не уделялось должного внимания, в то время как при ранних раскопках в Месопотамии важность этих неописанных реликвий прошлого не осознавалась, а упущения в наблюдении за конкретными слоями курганов, в которых они были соответственно обнаружены, а также в некоторых случаях неуказание даже мест, где они были раскопаны, сделали что-либо похожее на систематическое изучение вавилонской и ассирийской керамики практически невозможным.

Различные виды камня использовались в качестве материала для изготовления чаш и ваз с самых ранних периодов месопотамской цивилизации. Так, в Ниппуре американские раскопки обнаружили вазу из песчаника с надписью Утуга, патеси или царя-жреца Киша, надпись на которой была еще более архаичной, чем на булаве Месилима, царя Киша (см. с. 185, рис. 26) и, следовательно, предположительно более раннего времени; похоже, что она была посвящена Эн-лилю в качестве благодарственной жертвы, что является случайным свидетельством важного места, которое бог Ниппура должен был занимать даже в этот чрезвычайно отдаленный период. Так же, как и ваза из белого кальцитового сталагмита с надписью Урзаге, царя Киша, относящейся примерно к тому же периоду, была посвящена Эн-лилю и его супруге Нин-лиль.

Каменные вазы также были найдены в Телло, а фрагменты нескольких каменных ваз из белого кальцитового сталагмита с надписью Лугаль-заггиси, царя Уммы, захватившего Лагаш в правление Урукагины, последнего царя первой династии, были найдены на том же месте, и из надписей на этих фрагментах ваз мы узнаем, что они были посвящены Лугаль-заггиси Эн-лилю в Э-куру. Фрагмент алебастровой вазы с именем Урукагины сейчас хранится в Британском музее, а ваза из оникса, посвященная богине Бау, была обнаружена по соседству со зданием Ур-Нина, большая базальтовая чаша Эаннатума была найдена на том же месте, а фрагменты известняковой вазы с надписью Энтемена, более позднего царя Лагаша, были обнаружены под храмом Эн-лиля в Ниппуре. Также в Джохе, на месте древнего города Умма, были обнаружены фрагменты ваз и предметов из камня, а в Фаре, разрушенные курганы которой представляют собой один из самых ранних очагов шумерской цивилизации на Вавилонской равнине, были найдены вазы и кубки из различных камней, включая мрамор. Как правило, они были простыми, хотя иногда их украшали. Но Бисмая, благодаря

научным раскопкам, проведенным Харпером и Бэнксом для Чикагского университета, собрала, вероятно, более богатый и разнообразный урожай каменных горшков, чем любое другое место в Вавилонии. Они включают в себя чаши, пиалы, блюда, кубки, кружки и сосуды всех мыслимых форм, самые высокие из которых имеют около двенадцати дюймов в высоту, а самые большие - около двенадцати дюймов в диаметре, в то время как толщина стенок варьируется от восьмой части дюйма до чуть менее дюйма с четвертью.¹⁴⁷ Камни, из которых они сделаны, различаются почти так же сильно, как и их размеры, и включают белый мрамор, желтый мрамор, алебастр, желтый известняк, розоватый оникс, порфир, зеленый порфир, голубой камень, мягкий известняк и серый песчаник. Почти ни один из этих многообразных сосудов не был найден целиком, но Бэнкс смог реконструировать большое количество из сохранившихся фрагментов. Все они были отполированы; на некоторых был выгравирован сравнительно простой рисунок, другие были искусно украшены фигурами людей и животных, а некоторые были инкрустированы слоновой костью и драгоценными камнями. Надписи немногочисленны и фрагментарны, имя царя или упоминаемый храм неизвестны, а письменность крайне архаична. Та часть кургана, в которой были обнаружены фрагменты каменных ваз, содержит только плосковыпуклые кирпичи, характерные для древнешумерского периода, что еще больше указывает на чрезвычайную древность этой большой коллекции изделий из камня, и действительно, каменные изделия, похоже, были в значительной степени вытеснены более экономичной и легко изготавливаемой глиняной керамикой, причем сравнительно рано, как это было в Древнем Египте. Большинство ваз из Бисмая имеют круглую форму, хотя были найдены также овальные, продолговатые, квадратные и раковинообразные вазы. Чаще всего использовался мрамор, что, несомненно, объясняется его сравнительной мягкостью и податливостью к резцу. Кривизна и общая симметрия этих ваз настолько совершенны, что, по мнению Бэнкса, здесь должен был использоваться токарный станок или что-то, отвечающее тем же целям, что и токарный станок. Более мягкие камни в этот период, несомненно, обрабатывались кремневыми инструментами, как в случае с самыми ранними цилиндрическими печатями. Цели, которым служили эти вазы, были столь же разнообразны, как и сами вазы. Некоторые из них служили светильниками, другие - чашами для питья; одни, вероятно, использовались как кувшины для воды, вина или масла, а другие, возможно, как умывальники; некоторые служили для предметов туалета, а в одном сосуде в одном отделении до сих пор видны следы *хны*¹⁴⁸, а в другом - следы *кохла*.

Рис. 90, а.

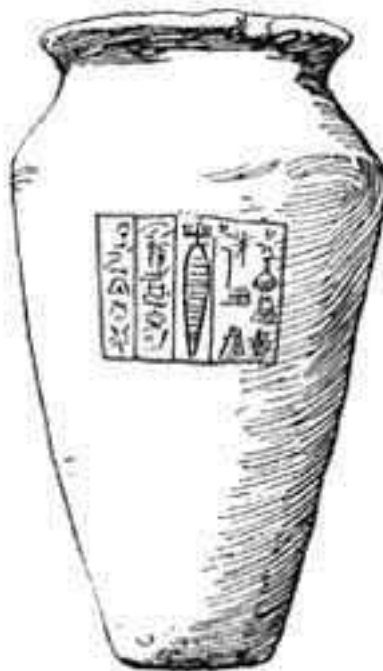

Рис. 89.

Рис. 90, б.

Из каменной посуды раннего периода господства семитских племен в долине Евфрата хорошим примером является изящно изогнутая ваза из белого мрамора, принадлежавшая Урумушу¹⁴⁹, царю Киша, которая была обнаружена в Ниппуре во время раскопок Пенсильванского университета и сейчас хранится в Пенсильванском музее; А из каменной посуды несколько более позднего периода Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, семитских царей Агаде, - белая алебастровая "пиала" (см. рис. 89), обнаруженная в Теллофе. Рис. 89), найденный в Телло и носящий имя Нарам-Сина, является прекрасным образцом. Он представляет собой хорошо округлую колбу или флягу высотой семь с половиной дюймов, на которой выбиты слова "Нарам-Син, царь четырех областей". Еще одна небольшая каменная ваза этого царя из мрамора была приобретена Оппертом во время злополучной экспедиции 1855 года, надпись на которой давала дополнительную информацию о том, что камень, из которого была сделана ваза, прибыл из Магана, но эта ценная реликвия разделила судьбу других памятников и табличек, найденных Френелем и Оппертом, и пошла ко дну в Тигре 23 мая 1855 года.¹⁵⁰

Было найдено множество каменных ваз позднего периода шумерского господства, но ни одна из них не представляет такого интереса и не дает такого представления, как ваза Гудеа, патеси из Лагаша (см. рис. 90 а, б). Эта уникальная ваза из темно-зеленого стеатита высотой от восьми до девяти дюймов покоится на узком круглом основании. Она снабжена очень маленьким носиком, который мог пропускать лишь небольшое количество жидкости за один раз. Декор выполнен самым тщательным образом: две переплетенные змеи занимают центральную часть рисунка, их извилистые спирали опоясывают длинный посох, проходящий через всю высоту вазы, а их языки касаются края вазы возле зачаточного носика. Змеи окружены двумя странными и мифическими существами, обращенными друг к другу; в руках каждого из них - длинное копье с полукруглой боковой рукояткой, точная копия

медного оружия, обнаруженного де Сарзеком в Телло, [151](#) , где была найдена и эта ваза. Эти крылатые чудовища имеют тело и голову змеи, снабжены когтями и лапами, а их хвосты находят свое завершение в жале скорпиона; их шеи окружены скрученными хвостами, а головной убор состоит из своеобразного рогатого колпака, что свидетельствует о сверхъестественной силе этих необычных чудовищ. Но, несмотря на мифический характер этих существ, художник не упустил из виду общий вид змеи, которая как бы послужила материальной и естественной основой для неестественных дополнений, наложенных его воображением: чешуйчатая кожа змеи изображена с помощью инкрустированных фрагментов мрамора. Надпись сообщает нам, что эта ваза была посвящена Гудеа богу Нин-гиш-зи-да для продления его жизни.

Еще один каменный сосуд несколько уникального характера - темная алебастровая чаша в Центральном зале Нимруда Британского музея; на ней рельефно изображена сцена борьбы Гильгамеша и Эа-бани со львами, но, к сожалению, она находится в очень плохом состоянии сохранности.

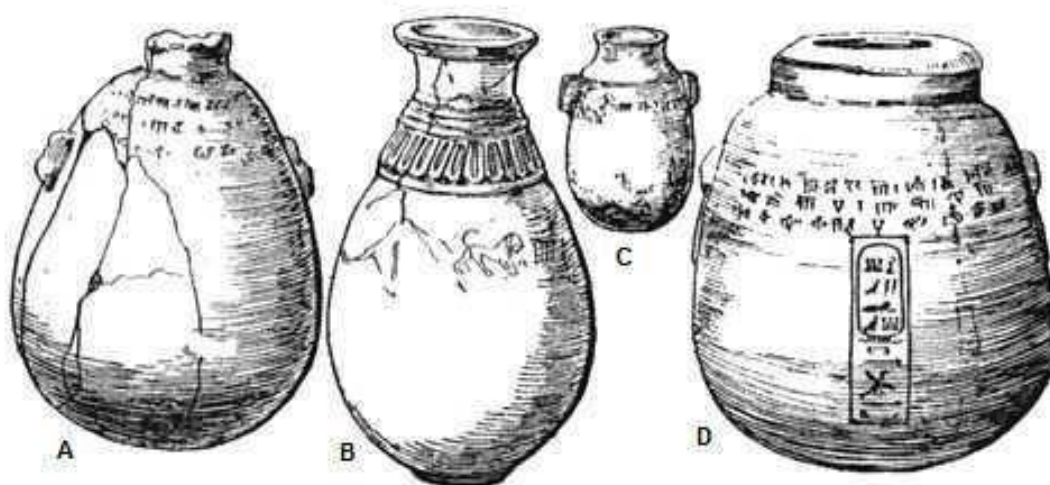

Рис. 91.- А, В, С (Британский музей, №№ 93088, 91596, 90952). D (по Клею).

Но практика изготовления каменных ваз не прекратилась с падением вавилонского господства; ассирийцы подражали своим культурным предшественникам в этом, как и во всех других вопросах. Наиболее интересной каменной вазой, относящейся к ассирийской эпохе, является ваза с надписью Сеннахериба (см. рис. [91](#), А). Это своего рода амфора, хотя две ручки почти стерлись. Форма и пропорции этой вазы очень художественны, а изгибы хорошо закруглены. По общим очертаниям она несколько напоминает маленькую стеклянную вазу Саргона, еще более примечательную реликвию древности (см. рис. [91](#), С). Еще один интересный образец ассирийской каменной посуды представлен на рис. [91](#), В; ваза, украшенная вокруг горлышка, несет следы почти стертой надписи, и, как и на маленькой стеклянной вазе того же царя, на ней выгравирован маленький лев. По форме она отличается от большинства каменных ваз того периода и обладает собственным очарованием и красотой. Из руин Бабиля, Куюнджика и других мест были извлечены различные стеклянные сосуды и трубки, но их дата почти во всех случаях является неопределенной. Ассирийское и вавилонское стекло, по-видимому, изготавливалось обычным способом, то есть путем смешивания силекса или песка со щелочами, при этом ему придавали нужную форму с помощью выдувной трубы, а завершали токарным станком, следы которого иногда еще видны. Так было с маленькой вазой Саргона, проиллюстрированной выше. [152](#)

Каменная посуда поздневавилонского периода хорошо иллюстрируется фрагментом кувшина Навуходоносора (604-561 гг. до н. э.), опубликованным У. Л. Нэшем в *"Трудах Общества библейской археологии"* (1910, с. 180). Надпись очень краткая и, кроме имени царя, содержит только цифру "один", за которой, вероятно, следовала мера, но название последней выбито. Этот каменный кувшин, как и ассирийские кувшины, отличается от большинства сосудов с надписями более раннего времени, которые обычно несут посвятельную надпись, а по форме он не похож на ассирийские кувшины, показанные на рис. 91.

В другом месте (см. с. 86) упоминалась мраморная ваза с именем Ксеркса, написанным клинописью и египетскими иероглифами, но также было обнаружено несколько подобных ваз и фрагментов с надписью этого же царя. Одна такая ваза была найдена Ньютоном в Галикарнасе в Малой Азии, фрагменты другой были найдены Лофтусом в Сузах, а третья (см. рис. 91, D), недавно приобретенная Вавилонским музеем Пенсильванского университета, опубликована Клеем в *Museum Journal* (1910, I, p. 6). На ней имеется царская надпись Ксеркса Великого, написанная на четырех разных языках - персидском, эламском, вавилонском и египетском, причем последний написан старыми иероглифами, а три других - клинописью. Высота вазы составляет девять и семь восьмых дюймов, а диаметр - восемь и пятнадцать шестнадцатых дюймов.

Рис. 92.- "Досаргонская чаша".
(Hilprecht, *Explorations*, p. 407.)

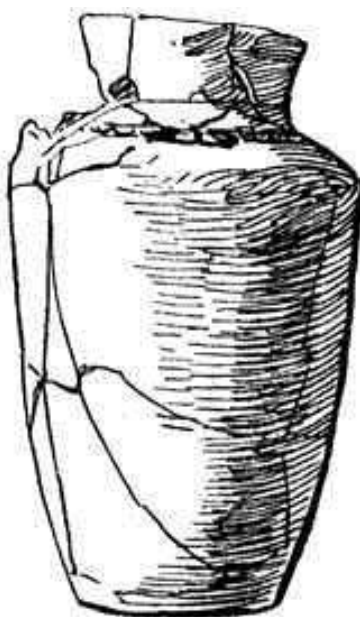

Рис. 93.- "Самая ранняя ваза из Ниппура".

Хотя в более ранние периоды месопотамской цивилизации каменная посуда, по-видимому, использовалась чаще, не следует думать, что терракотовая керамика также не использовалась древними шумерами и ранними семитами. Огромное количество керамики, включающее чаши, пиалы, плоские вазы, кубки, овальные горшки и сосуды всех описаний, размеров, форм и видов, было найдено в Телло, Ниппуре, Фаре и других недавно раскопанных местах в Вавилонии, и действительно, сосуды настолько многочисленны и разнообразны, что только длительное и систематическое изучение массы доступного сейчас материала, такое же тщательное и исчерпывающее, как то, что сделал профессор Флиндерс Петри в отношении египетской керамики, оправдает любые попытки классифицировать и

датировать различные образцы. Более ранние раскопки в Месопотамии также дали большое количество терракотовых горшков и кувшинов, но, к сожалению, существует так много неопределенности в отношении местности, из которой многие из них прибыли, и даже там, где это известно, (как, к сожалению, и в случае со многими керамическими изделиями, обнаруженными в последние годы), и поскольку на них нет надписей, любая попытка систематизации в нашем современном состоянии знаний неизбежно основывается на недоказанных и недоказуемых гипотезах. Два хороших примера ранней досаргонской керамики представлены на рис. 92, 93. И кубок (рис. 92), и ваза (рис. 93) были обнаружены в досаргонской толще в Ниппуре.¹⁵³ На этом же участке было обнаружено множество других интересных образцов ранней керамики, некоторые из которых были, по-видимому, черного цвета, другие - красного. В комнате под мостовой Нарам-Сина были найдены две вазы, которые иллюстрируют замечательные различия в размерах и формах ранней вавилонской керамики. Одна из этих ваз имела форму колокола и плоское дно, диаметр которого вдвое превышал диаметр горлышка, а другая, высотой чуть более двух футов и 1 фут 9 дюймов в поперечнике, была украшена веревочным узором.¹⁵⁴

Среди незначительных результатов раскопок в Бисмае - обнаружение огромного количества терракотовых ваз, некоторые из которых были целыми, а другие - лишь фрагментами.¹⁵⁵ Они были найдены в могилах, колодцах и стоках, а также на различных платформах, расположенных в кургане, и на самой равнине. Между двадцатью пятью и двадцатью шестью футами под поверхностью были обнаружены две большие погребальные урны, а на глубине около тридцати четырех футов - урна меньшего размера. Самые ранние образцы керамики были найдены на глубине более сорока четырех футов. В больших вазах и урнах глина, по-видимому, была смешана с измельченной соломой,¹⁵⁶ сама глина, как правило, желтовато-коричневого цвета, но, по словам Бэнкса, в самые ранние времена глина обжигалась до темно-коричневого или черного цвета. Колесо, по-видимому, использовалось во все периоды, хотя и не исключения ручной керамики. Одна из досаргонских ваз с этого места, по-видимому, была сформирована путем размещения глины на плоской поверхности, которую гончар вращал одной рукой, а другой придавал глине нужную форму; как предполагает Бэнкс, это могло быть происхождением гончарного круга. Высота сосудов из Бисмаи варьируется от чуть более дюйма до чуть менее тридцати дюймов, и они демонстрируют все мыслимые формы. Поверхность большинства из них гладкая, но некоторые украшены точками, квадратами, концентрическими кругами и бороздками. На двух больших вазах черной краской нанесены клейма их изготовителей или владельцев, но Бэнкс считает их поствавилонскими. Некоторые вазы снабжены крышками, крышка одной из погребальных урн представляет собой нечто вроде блюда; иногда, в случае с вазами, которые были погребены, тканая ткань была закреплена над горлышком и запечатана глиной. Эти ткани, конечно, давно истлели, но следы нитей на глине видны до сих пор.¹⁵⁷ Одна ваза имеет форму лодки, а еще один интересный терракотовый предмет, обнаруженный на этом месте, - лампа, заканчивающаяся головой быка.

Керамика из Нимруда

Фотографии. Мэнселл

Британский музей

Керамика из Ниневии

Несколько уникальных образцов вавилонской черной керамики с вырезанными линиями, заполненными белой пастой, были обнаружены капитаном Кросом в Телло. Эти вазы были украшены не только геометрическими узорами, но и рыбами, лодками, водоплавающими птицами и другими речными сценами. ¹⁵⁸ Этот тип керамики часто встречается в древнем мире. На востоке она была найдена в Сузах, а на западе проникла вплоть до Испании. Из вавилонской керамики, относящейся к касситскому периоду, следует особо упомянуть три вазы, обнаруженные Петерсом и Хейнсом в Ниппуре. Эти горшки украшены зелеными и желтыми полосами и были заключены в урну вместе с тремя небольшими ящиками, самый большой из которых был украшен ручками. Вместе с этими предметами было найдено более

сотни дисков и полумесяцев, проколотых для целей подвешивания и окрашенных в основном в черный или белый цвет. Одним из лучших примеров поздней керамики является изысканная по форме и хорошо сохранившаяся амфора, обнаруженная Кольдеевым в Вавилоне, [159](#), но ее, вероятно, следует отнести к римскому периоду.

Что касается ассирийской керамики, то мы находимся в еще большем неведении, несмотря на богатство имеющегося материала. Большое количество керамики было обнаружено Боттой, Лэйярдом и другими ранними раскопщиками, но, к сожалению, их археологическое значение казалось ничтожным по сравнению с колоссальными быками, скульптурными барельефами или даже прозаическими глиняными табличками, и результатом этой, к счастью, ушедшей в прошлое апатии является то, что место, откуда они были найдены, иногда невозможно установить, и почти ни в одном случае невозможно обнаружить здание или непосредственную местность, где они были найдены.

Но научные раскопки, проводимые Колдеевым и Андрае в Ашуре, должны дать более удовлетворительные результаты в этом отношении. Эти раскопки уже пролили свет на раннюю керамику Ассирии, обнаружив глиняные сосуды, украшенные черными и красными геометрическими узорами и отнесенные к доисторическому периоду.

Другой интересный образец ассирийской керамики, найденный на том же участке, представляет собой большую круглую вазу, украшенную сверху и имеющую две ручки. [160](#)

На пл. [XXXIII](#) представлена разнородная группа керамики из разрушенных курганов Ниневии и аналогичная группа из Нимруда. Представленные здесь горшки сильно отличаются друг от друга как по размеру, так и по форме, но больше о них ничего сказать нельзя. Однако, кроме полных глиняных сосудов, было найдено несколько фрагментов чаш с надписями царей Ассирии, правивших между 1140-681 гг. до н.э. Эти надписи в основном касаются различных строительных работ, проводившихся во время правления соответствующего царя. Если бы эти чаши были полными, они имели бы огромное значение для получения определенного представления о формах и размерах ваз, которые были в моде в различные периоды, к которым они относятся. Но, как бы ни сложилась судьба или несчастье, почти ни на одной из хорошо сохранившихся чаш и кубков, которые пока удалось найти, нет ни надписи, ни рисунка, и это одна из больших трудностей, с которой приходится сталкиваться изучающим вавилонскую и ассирийскую керамику. Иногда на поверхность терракотовых сосудов наносилась цветная глазурь, но в какой степени эта практика преобладала в ранние времена, сказать сложно.

Вероятно, два наиболее ярких горшка, найденных в результате раскопок, - это те, что хранятся в коллекциях Британского музея под номерами 91941 и 91950. Первый представляет собой большой кувшин высотой девятнадцать дюймов и диаметром восемнадцать и три четверти дюйма, на котором изображена фигура человека с хвостом козла и когтями орла, а от одной ручки сохранились обломанные остатки. Вторая ваза с шестью ручками высотой два фута шесть дюймов, на тулове которой изображены грубые фигуры и драконоподобные животные, но обе эти вазы, вероятно, относятся к послеассирийским временам.

ГЛАВА XIII- ОДЕЖДА, ВОЕННАЯ АМУНИЦИЯ И Т.Д.

Полная одежда самых ранних шумеров не включала в себя ничего более сложного, чем юбка, застегивающаяся на талии и, вероятно, сделанная из шерсти. Но вкус к украшательству, присущий всем первобытным народам, проявляется у шумеров очень рано, и они стремятся разбавить мертвенную монотонность юбки, окантовывая ее низ бахромой (ср. рис. 25, 52), причем на самых ранних памятниках бахрома образована рядом остроконечных бирок. Во времена Ур-Нина архаическая юбка с бахромой уступает место тщательно отделанной воланами и складками юбке - по крайней мере, у царей и магнатов (см. рис. 26, 27), но верхняя часть тела оставалась полностью обнаженной; однако люди особенно высокого ранга иногда носят юбку с прикрепленной верхней частью, которая прикрывает левое плечо, как у предводителя процессии на табличке Ур-Нина (см. рис. 26), хотя заметно, что у самого Ур-Нина здесь нет никакой одежды на верхней части тела. Позднее царь Лагаша по-прежнему носит юбку с воланами, но поверх нее надевает другую одежду: эта верхняя одежда также, по-видимому, сделана из шерсти и проходит через левое плечо и под правой рукой (ср. пл. XII); поскольку это, однако, сцена битвы, верхняя одежда может быть частью военных знаков отличия царя. Этот обычай оставлять правую руку и плечо свободными сохранялся вплоть до времен Гудеа (см. пл. XXIII) и Хаммурапи (см. пл. XIV).

Головы большинства фигур на ранних скульптурах безволосые и безбородые, хотя, как мы видели (см. с. 183), нередко носили длинные волосы и выраженную бороду. Волосы на голове - возможно, парик - иногда позволяли свисать вниз по шее (см. рис. 25, В, С), иногда собирали сзади и закрепляли филе (см. пл. XII). По-видимому, так поступал король, когда находился на активной службе, несомненно, для того, чтобы сделать шлем более удобным и надежным. Поскольку почти все эти ранние фигуры не имеют шапок или каких-либо головных уборов, мы почти не знаем о природе их головных уборов - если они вообще были. Иногда они носили перья (см. рис. 25, А), а фигура, напоминающая Гильгамеша на одном из древнейших шумерских барельефов (см. *Découvertes*, Pl. I, 1), имеет плоский головной убор неопределенного характера; божество на той же архаичной скульптуре носит, по-видимому, раннюю форму рогатого головного убора богов в более поздние времена.

Одежда ранних шумерских женщин несколько неопределенна; если принять форму одежды, изображенную на маленькой каменной статуэтке, обнаруженной де Сарзекон в Телло (см. рис. 33, стр. 224), за типичную, то женская одежда того периода, по-видимому, состояла из воланистой шерстяной юбки, свисающей с левого плеча, при этом правая рука и плечо были обнажены. Длина волос, скрепленных филе, на упомянутой статуэтке снимает все сомнения относительно пола, и примечательно, что одежда этой шумерской женщины точно такая же, как и у изображенной на упомянутой выше стеле Ур-Нина, и, конечно, этот персонаж также может быть женщиной (см. далее с. 186). Но на маленьких медных статуэтках женщин, относящихся к тому же периоду, всегда изображен обнаженный бюст, поэтому вполне вероятно, что женщины того времени носили обычную юбку, как и мужчины, а одежда с откинутым плечом была уделом элиты.

Однако одежда царственных особ и вельмож отличалась от одежды простолюдинов скорее по качеству, чем по характеру: так, юбки всех придворных Ур-Нина - за исключением одного лишь выдающегося предводителя процессии - во многом такие же, как и у их царственного повелителя; но качество очень разное: у одних они совершенно простые, у других - чрезвычайно изысканные.

В более поздние времена то, что было исключением, становится правилом, и в эпоху Гудеа левое плечо всегда было прикрыто складками одежды, похожей на мантию, которая тогда была в моде; в то время как семит Нарам-Син, еще более ранний, чем Гудеа, носит плед, перекинутый через левое плечо и обернутый вокруг тела, оставляя правую руку такой же свободной. Плиссированный плед, который носит Нарам-Син, находит поразительную параллель в одежде Нин-гиш-зи-да и сопровождающего его божества на стеле Гудеа в Берлинском музее (см. *Sum. and Sem.*, Taf. VII). Царский головной убор Гудеа отличается от головного убора более поздних времен и, вероятно, от того, который носили ранние правители Лагаша: он состоит из вышитого тюрбана, полностью отличающегося от шапки конической формы, которую носил Нарам-Син на стеле Пир-Хусейна, и от похожих по форме корон поздних ассирийских царей, но имеющего некоторое сходство с той, которую носил Хаммурапи на своей знаменитой стеле с кодексом (см. Таблицы, XXXIII, XIV; рис. 31).

Но если семитский Нарам-Син носит длинную бороду, то шумерский Гудеа по-прежнему безбородый. Семитский Хаммурапи тоже носит длинную бороду, но мантия, свисающая с его левого плеча, не похожа на мантию Гудеа, а одеяние бога Шамаша на той же стеле плиссировано, как у Нарам-Сина, хотя материал, казалось бы, другой. На более позднем рельефе времен Набу-аплу-иддина, вавилонского царя около 870 года до н. э., бог Шамаш одет в полосатый халат с рукавами, а практика оставлять правую руку и плечо обнаженными, похоже, к этому времени отошла на второй план (см. пл. XIV).

Одежда женщин во времена Гудеа хорошо проиллюстрирована на пл. XXIII. На ней изящная мантия с бахромой, которую, очевидно, 161 сначала накидывали на грудь и носили под мышками, после чего перекрещивали сзади, а два конца перекидывали через плечи и заставляли симметрично свисать спереди.

Могильные захоронения содержат множество свидетельств широкого использования украшений даже в самые ранние шумерские времена. Так, в Фаре были найдены ожерелья из аметиста, коралла, лазурита, перламутра и агата, а другие ранние поселения дают аналогичные свидетельства.

Для получения информации о военном снаряжении ранних шумеров мы в основном опираемся на барельефы этого периода, среди которых наиболее важна Стела стервятника. Длинное копье или копье, которое, очевидно, держали обеими руками (ср. пл. XII), было, очевидно, главным оружием нападения, в то время как топор, дротик, дубина или булава, изогнутое оружие, которое до сих пор обычно считалось метательной палкой или бумерангом, и копье также использовались. До нас дошло очень мало шумерского оружия, но в дополнение к тем, что перечислены в главе о металлах, можно упомянуть архаичный наконечник топора из агата, хранящийся сейчас в Американском музее естественной истории; 162 символы, которыми он начертан, несколько более клиновидные, чем те, что встречаются на памятниках Гудеа, и, соответственно, его можно отнести к более позднему времени. Еще один наконечник топора, также сделанный из агата и надписанный ранними линейными символами, находится в музее Метрополитен в Нью-Йорке, 163, а в досаргонских слоях Ниппура было обнаружено несколько шаров из обожженной глины и несколько небольших каменных яиц, а также медные стрелы, копья, топоры и каменные булавы. Находка стрел, относящихся к столь раннему периоду, представляет значительный интерес, поскольку утверждалось, что лук и стрелы были введены семитами, в основном из-за того, что считалось, что это оружие не было представлено в раннем шумерском искусстве. Но очень ранним примером лука в вавилонском искусстве является архаичная цилиндрическая

печать из раковины, опубликованная Уордом.¹⁶⁴ Люди и боги на этой печати одеты в шумерскую короткую юбку, а не в семитский плед, а появление бизона на вершине горы, животного, которое изображается только на очень ранних печатях, еще больше доказывает древность цилиндра-печати, а значит, и использование лука и стрел, изображенных на ней. Находки глиняных шаров и каменных снарядов также свидетельствуют об использовании пращи в гораздо более ранний период, чем предполагалось до сих пор.

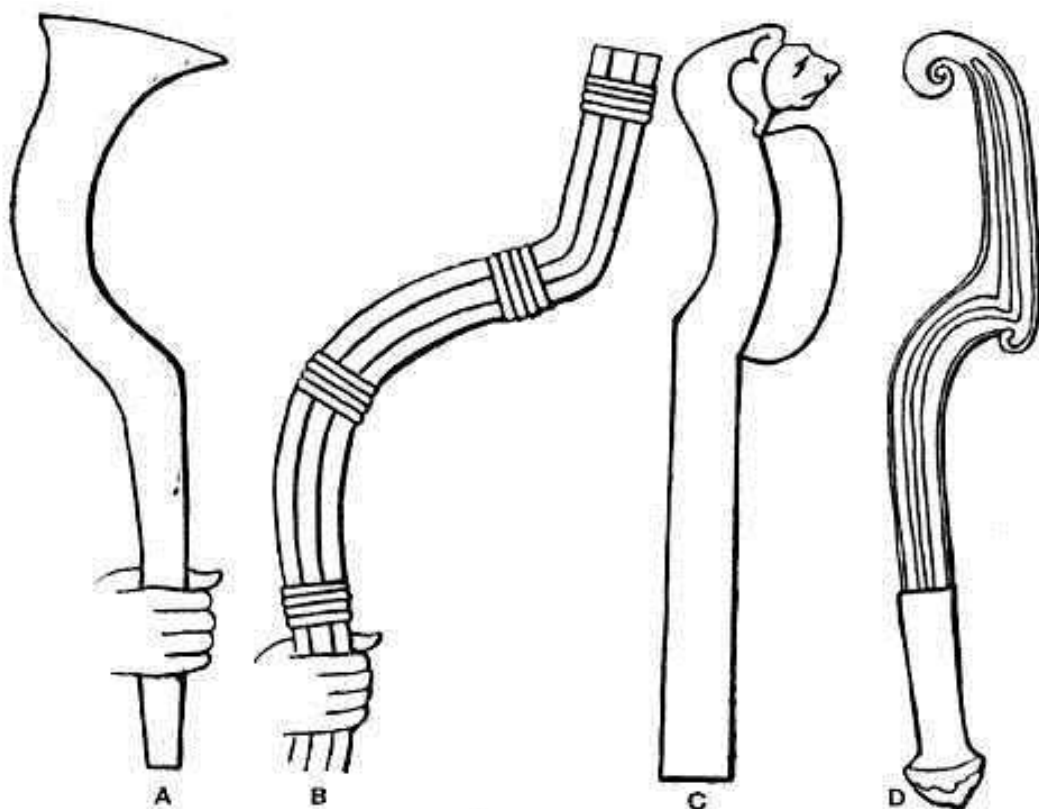

Рис. 94.

Интересно проследить историю оружия в форме бумеранга, которое держит в руках одна из фигур на архаичном фрагменте круглого барельефа, изображенного на рис. 25, Б. Изогнутое оружие¹⁶⁵, возможно, первоначально было метательной палкой или бумерангом, хотя его форма - единственный аргумент в пользу этой теории. Но каким бы ни было его первоначальное применение, есть свидетельства того, что оружие такой формы использовалось в качестве дубины или примитивного меча в очень ранний период. На скульптуре, относящейся к более позднему периоду, чем вышеупомянутый барельеф, данное оружие утратило свою простоту и уже не сделано цельным, а состоит из трех узких частей, скрепленных несколькими кольцами. Если бы это орудие диковинной формы находили только в руках правителей или сановников, кольца могли бы быть просто декоративным аксессуаром, но его появление в руке охотника, нападающего на льва (см. рис. 78), заставляет нас искать какую-то более адекватную и практическую причину существования этих колец. Несомненно, эта более поздняя форма была принята с целью повышения эффективности оружия. Оружие здесь используется на близкой дистанции, и в этот период оно явно не служило метательной палкой, а было скорее разновидностью сабли. В ранний период шумер, должно быть, искал способ сделать свое оружие более удобным и придумал заменить его лезвием из кремня или обсидиана, и на самом деле в ранних вавилонских

руинах были найдены многочисленные обточенные куски кремня и обсидиана, а также примитивные пилы с зубцами. Проблема крепления этого лезвия к рукояти или древку нашла бы свое естественное решение в изготовлении последнего из двух или более частей, между которыми можно было бы вставить обсидиановое или кремневое лезвие, причем дерево и лезвие удерживались бы на месте кольцами; о раннем использовании этого оружия в качестве булавы или сабли мы имеем свидетельства на архаичном панцире, изображенном на рис. 78, где охотник держит в руках изогнутое орудие, состоящее из трех кусков дерева, скрепленных кольцами, как на Стеле стервятника; очевидно, здесь оно использовалось не как метательная палка, а как оружие для ближнего боя (ср. также рис. 94, А. В).

В более поздний период Гудеа мы находим оружие того же стиля в использовании. На барельефе, найденном комендантом Кросом в Телло и принадлежащем Гудеа, мы видим изогнутое оружие (см. рис. 94, С) ¹⁶⁶, заканчивающееся львиной головой и имеющее лезвие, которое, очевидно, вставлялось в продольную прорезь, сделанную в дереве. Иногда это изогнутое оружие изготавливалось из одного куска металла, как в случае с двумя образцами, обнаруженными Командором Кросом в раннеавилонской могиле, один из которых воспроизведен на рис. 94, D. Оба эти оружия сделаны из меди и были найдены в гробу, состоящем из двух колоколообразных горшков, скрепленных между собой битумом. Тот, что изображен на рисунке, является более сложным из двух, и, в отличие от своего собрата, у него сохранилась рукоять, а общая длина составляет около шестнадцати дюймов. Кромка лезвия, разумеется, находилась на внешней стороне изгиба, поэтому инструмент напоминал скимитар или короткий изогнутый меч. Таким образом, возможно, что скимитар или, по крайней мере, архетип скимитара обязан своим происхождением шумерам. ¹⁶⁷ Другое оружие имеет более примитивный характер и ярче напоминает ранние примеры, представленные на барельефах, а его лезвие обоюдоострое. В ассирийские времена изогнутый конец становится квазикруглым, а внешний край снабжен зубцами, как на скипетре, который держит в руке Ашшур-на-Ир-пал (пл. XXIV). Оружие самого Эаннатума, представленное на Стеле стервятника, - это уже упоминавшееся изогнутое оружие, несколько дротиков, некоторые из которых имеют двойное острие, и длинное копье. Эаннатум пронзает голову побежденного врага своим копьем, которое он держит горизонтально над головой на крайнем конце. По словам коменданта Кроса, точно таким же образом копье используется арабами Ирака и в наши дни. Сначала его держат свободно посередине, а действие состоит в том, чтобы с силой бросить его через руку, пока не будет достигнут нижний конец, но при этом не позволяя ему полностью вырваться из руки; таким образом, оружие используется частично как копье, а частично как копье.

Для получения информации о военном снаряжении, использовавшемся во времена Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, мы в основном полагаемся на стелу последнего из названных монархов (см. пл. XIII) и фрагменты барельефов, воспроизведенные на рис. 28, В, С. Лук и стрелы, по-видимому, были основным оружием, используемым семитами, хотя копье и топор также встречаются на ранних семитских памятниках. Одна из заметных особенностей этих двух скульптур - отсутствие какого-либо щита.

Цилиндрические печати мало способствуют решению разнообразных проблем, связанных с изучением раннего военного дела, поскольку те печати, на которых выгравированы сцены сражений, в большинстве своем имеют персидское происхождение.

Попытаться описать весь гардероб ассирийцев было бы почти так же сложно, как дать полный и исчерпывающий отчет об английской одежде в наши дни. Костюмы настолько разнообразны и зачастую так тонко продуманы, что даже краткий обзор различных "мод" вышел бы за рамки одной главы. Королевские одеяния, конечно, самые великолепные и

самые сложные как по устройству, так и по декору. На пл. [XV](#) мы видим Ашшур-нахир-пала, царя Ассирии (885-860 гг. до н. э.), облаченного в свои церемониальные одежды. По сравнению с праздничными одеждами его преемников, они просты и безыскусны, и являются лишь копией тех, что носили мифические существа, стоящие позади, с той лишь разницей, что царские одежды расположены так, чтобы скрывать обе ноги, обнажение царской ноги, очевидно, не соответствует царскому достоинству. Нижняя одежда, по-видимому, представляет собой окаймленную мантию, поверх которой надета длинная, глубоко окаймленная мантия; и король, и его божественный слуга носят широкий поясной ремень, в который воткнуты два кинжала; но сама мантия, очевидно, крепилась с помощью шнуров, заканчивающихся кисточками. Головной убор короля, однако, полностью отличается от головного убора его последователя; он имеет форму митры, два хвоста которой аналогичным образом прикреплены сзади. Царская диадема, которую носили поздние цари Ассирии, соответствует тому же типу, только она более богато украшена и имеет некоторые различия в форме. По-видимому, она была цветной, если мы можем доверять свидетельствам, предоставленным эмалированными кирпичами из Хорсабада, [168](#). Цвета были красным, белым и желтым, последний, возможно, предназначался для изображения золотой тесьмы. Судя по общему виду, сам головной убор должен был быть сделан из ткани.

Обе фигуры здесь (пл. [XV](#)) носят браслет на каждом запястье и два нарукавника на тощих руках, а ожерелье окружает их быкоподобные шеи. У Ашшура, как и у всех ассирийских царей, густая шевелюра и очень сильная борода. Шалманесер II, его сын и преемник, носит во многом ту же одежду, что и его отец, и тот же конический головной убор (см. рис. [44](#)), но Сеннахериб сто двадцать лет спустя уже не довольствуется простым, но достойным одеянием Ашшур-нахир-пала и Шалманесера, а принимает гораздо более богатые и дорогие одеяния (см. рис. [31](#)). Царская мантия не просто украшена бахромой, а тщательно расшита, корона также намного богаче, чем у его предшественников в Нимруде, но его поза точно такая же, как у Ашшура-на-Мир-пала на пл. [XV](#). Оба царя держат в левой руке лук, а в правой - две стрелы. Царский и церемониальный костюм Ашшур-бани-пала так же контрастирует с одеждой Ашшур-нахир-пала и его ближайших преемников - его одежда напоминает одежду Сеннахериба по общей нарядности (ср. пл. [XX](#)), в то время как даже костюм, который он носит, возлежа за мясом в своем саду, гораздо более сложен, чем тот, который Ашшур-нахир-пал надевал по самым высоким церемониальным случаям (ср. пл. [XXI](#)).

Существует некоторая неопределенность в отношении материалов для одежды, использовавшихся ассирийцами. Многие предметы одежды, несомненно, изготавливались из шерсти или шерстяных тканей, как и в другие периоды, но также использовалась разновидность хлопка, поскольку Сеннахериб утверждает, что он привозил с юга деревья, приносящие шерсть или волосы, и что шерсть или волосы впоследствии срезались и использовались для изготовления одежды.

Такая же неопределенность существует и в отношении материалов, используемых для вышивки, но нет сомнений в мастерстве вышивальщика, который, должно быть, был настоящим художником, если судить по барельефным изображениям его работы, хороший пример которых воспроизведен в Layard, Pl. 9. Он явно не ограничивался эскизами, а стремился к художественному изображению и живописным эффектам. Традиционные пальмовые деревья и четырехкрылые чудовища - наиболее заметные черты. Одно из этих чудовищ держит в обеих руках по одной из задних лап льва, а львы безжалостно нападают на пассивно сопротивляющихся быков.

Женщины редко изображаются на ассирийских барельефах, но мы, во всяком случае, знаем, что дама, которой выпала честь быть царицей Ашшур-бани-пала, была так же богато одета,

как и ее царственный господин (см. пл. [XXI](#)), а на голове у обеих - декоративные фибулы. Украшения, похоже, ценились и любились ассирийским царем и его придворными почти так же, как и современными женщинами, а спрос на "новинки", должно быть, до предела нагружал изобретательские способности ювелиров. Требовались не только нарукавники и браслеты, но также ожерелья, кольца для ушей и безделушки. Последние, как правило, имели форму божественных или астрологических символов, одно из самых интересных украшений, которое носил король, было в точности похоже на мальтийский крест и очень напоминало крест, встречающийся на касситских печатях (см. рис. [71](#)). Безделушки подвешивались на шнур, опоясывающий царскую шею, над которой виднеется настоящее ожерелье. И браслеты, и кольца для ушей демонстрируют большое разнообразие дизайна и не меньшее мастерство исполнения. К сожалению, найдено совсем немного украшений (кроме нескольких ожерелий из бусин [169](#)), и по большинству из них невозможно определить дату, но благодаря барельефам мы можем получить очень точное представление о том, до какого уровня дошло ювелирное искусство в этот период, хотя мы не можем быть уверены в том, какие металлы использовались в каждом конкретном случае. На рис. [95](#) представлена группа браслетов разнообразной формы и дизайна, в большинстве декоративных украшений ведущую роль, как обычно, играет розетка. На рисунке А мы видим пример царского ожерелья; оно простое и аккуратное по дизайну и представляет собой разительный контраст с ожерельем одной из крылатых фигур из Нимруда (см. Б), украшенным на отверстиях головами животных. Серьги, которые носили короли, воины, жрецы и мифические существа, различаются так же, как и браслеты, хотя между большинством из них есть определенное сходство (см. рис. [95](#)). Капли почти во всех случаях длинные, и они часто имеют поперечную часть, которая придает им общий вид "crux ansata".

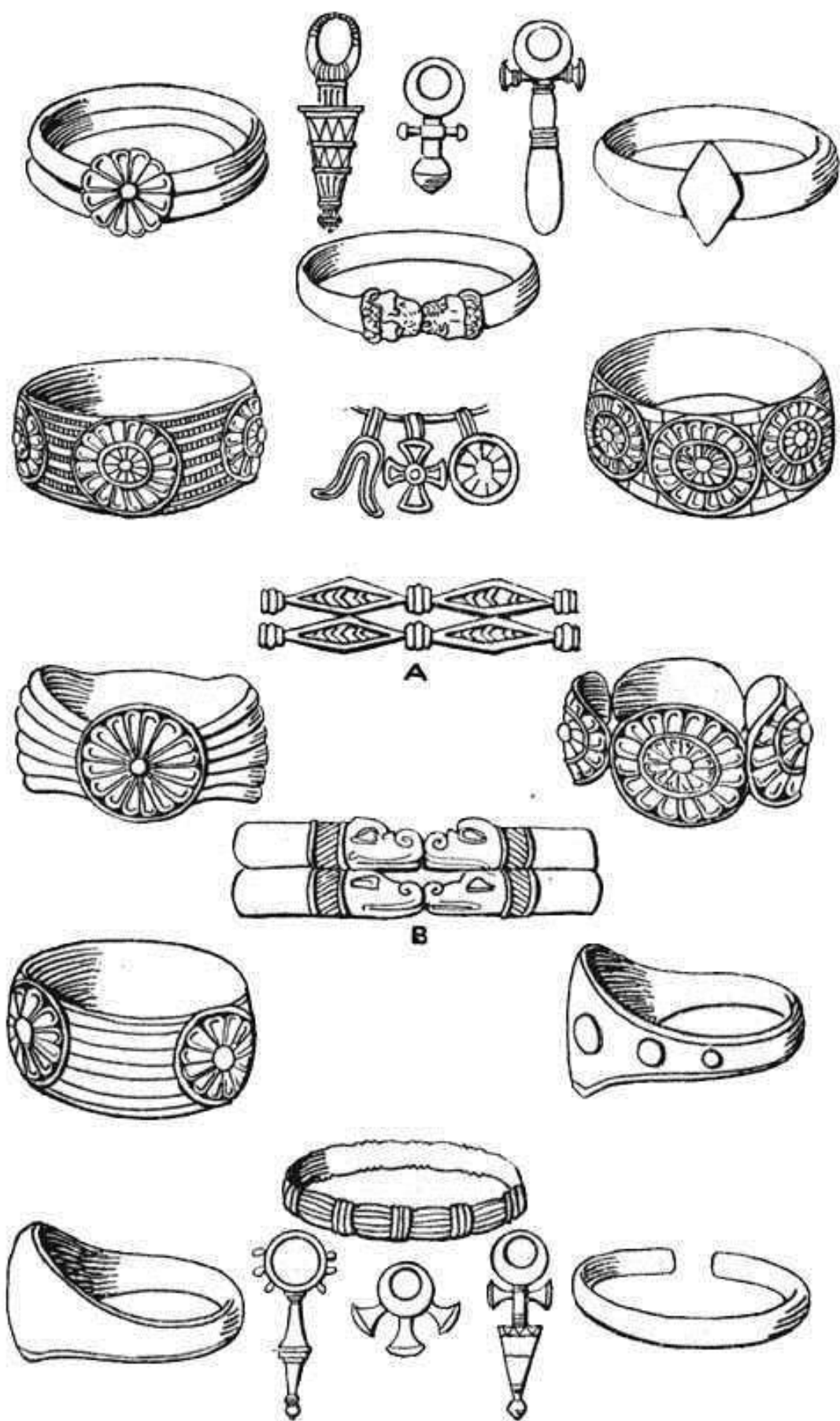

Рис. 95.

Предметы туалета вавилонян и ассирийцев, несомненно, были во многом такими же, как и в наши дни, хотя из туалетного столика удалось извлечь лишь несколько предметов, наиболее примечательными из которых являются гребни, хранящиеся сейчас в Лувре (см. рис. 96, 97). Они сделаны из черного дерева и имеют размер около трех с половиной дюймов в поперечнике, а в центре искусно украшены фигурами сфинксов или львов, иногда ажурными, иногда рельефными. Зубцы с одной стороны крупные и немногочисленные, а с другой - тонкие и многочисленные. Похожий гребень был обнаружен Кольдевеем в Вавилоне, центр которого украшен фигурой крылатого быка. 170

Рис. 96.

Рис. 97.

Сандалии были основной обувью гражданских лиц - королевских особ или простолюдинов, хотя часто ноги оставались голыми. Обычная сандалия имела тонкую подошву и небольшой каблук, сделанный, по-видимому, из полосок кожи, которые иногда окрашивались попеременно в красный и синий цвета, хотя чаще вся сандалия была красноватого оттенка, а удерживалась она петлей вокруг большого пальца ноги и шнурком, перекинутым через носок и завязанным в бант. Именно такие сандалии носил Саргон. Однако во времена Ашшурбани-пала в моде были совсем другие сандалии; подошва этой более поздней сандалии была значительной толщины, особенно на пятке, а верхняя кожа не просто защищала пятку, а покрывала всю сторону стопы. Но обувь использовалась так же, как и сандалии, еще во времена Сеннахериба; те, что изображены на барельефах, сделаны неуклюже, хотя и прекрасно украшены полумесяцами и розетками, и, похоже, были зашнурованы спереди.

Рис. 98.
Ножной копьеносец
(I период, Нимруд).

Рис. 99.
Пеший лучник
(I период, Нимруд).

Но военная форма ассирийцев отличается гораздо большим разнообразием, чем одежда царей, евнухов и слуг. В ранний ассирийский период пешие воины носили короткую тунику и подпоясывались бахромой, их головы защищал остроконечный шлем; руки, ноги, шея и ступни были, как правило, голыми, хотя иногда на них надевали простые сандалии. Пехота состояла из лучников, копьеносцев и мечников, причем лучники часто были дополнительно вооружены мечами, а иногда и булавами, и, по-видимому, составляли основную часть пеших воинов. Все три подразделения были защищены небольшими ручными щитами, а лучники часто сопровождалась еще одним воином, вооруженным копьем, который выступал в роли щитоносца. В правление Шалманесера II мы часто видим лучников, облаченных в длинный почтовый плащ, достоящий от шеи до лодыжек (см. рис. 44), но в период Саргона разница в снаряжении пеших воинов становится более заметной. Существует как минимум три разновидности лучников. Прежде всего, это легковооруженный лучник, который был практически голым, если не считать набедренной повязки, в которой хранился колчан, и налобного платка (см. рис. 100). Далее следовал более просто экипированный тяжеловооруженный (см. рис. 101), который был облачен в почтовый плащ, доходивший от шеи до пояса, под которым была туника с бахромой, доходившая до колен, а ноги, как правило, защищали сандалии, а голову прикрывал остроконечный шлем. Главной особенностью, отличавшей внешний вид наиболее тяжеловооруженных лучников от предшественников, была длинная туника с глубокой бахромой (см. рис. 102), поверх которой надевался почтовый плащ, подобный тому, что носили лучники второго класса.

Рис. 100.

Рис. 101.

Рис. 102.

Копейщики этого периода одеты примерно так же, как и средневооруженные лучники, наиболее заметной особенностью которых являются шлемы, увенчанные тем или иным гребнем (см. рис. 29), а другой частой особенностью их снаряжения является расположение ремней, перекрещивающихся на груди и спине. Ноги у них, как правило, голые, хотя иногда они обуты в сандалии, а иногда в низкие сапоги.¹⁷¹

Сын Саргона, Сеннахериб, похоже, в значительной степени реорганизовал пехоту и создал новые корпуса. Пращники, по-видимому, впервые появляются при этом царе, хотя праща была известна в Вавилонии еще до времен Шар-Гани-Шарри (см. выше, с. 341). На барельефах Сеннахериба мы видим его полностью вооруженным, в шлеме, почтовом плаще, тунике до колен, облегающих рукавах и коротких сапогах, что никак не могло повысить эффективность его службы. На сайте представлены четыре типа лучников: два тяжеловооруженных и два легковооруженных. Самые тяжеловооруженные (см. рис. 103) носили тунику, почтовый плащ до пояса, рукава, короткие сапоги и конический шлем, а защищались длинными щитами, которые нес щитоносец. У следующего класса щитов нет, а ноги и ступни полностью голые (см. рис. 104). Легковооруженные одеты в короткую тунику, на голове у них своеобразная косынка, на ногах - сандалии, на боку - короткие мечи, на спине - колчаны. Последними идут самые легковооруженные лучники, одетые в полосатую тунику¹⁷², достигающую до колен и несколько длиннее сзади, чем спереди (см. рис. 105). Ноги, руки и ступни у них голые, а единственным головным убором являются филейные части, при этом они редко вооружены короткими мечами, как предыдущие.

Рис. 103.

Рис. 104.

Рис. 105.

В армии Сеннахериба, очевидно, было два класса копьеносцев; лучше экипированные носили поверх туники почтовый плащ, конический шлем, рукава на ногах и сапоги на ступнях, а вооружены они были сравнительно коротким копьем, довольно большим выпуклым щитом и обычным коротким мечом. Второе подразделение экипировано примерно так же, как легковооруженные копьеносцы Саргона, и носит простые туники, поперечные пояса и шлемы с гребнями, но в отличие от копьеносцев Саргона они обычно имеют рукава на туниках, носят рукава на ногах, сапоги на ногах и иногда носят длинный выпуклый щит, изогнутый вверх, а не круглый. Еще один класс пеших воинов заслуживает упоминания; они вооружены двуглавыми топорами, которыми рубят деревья и расчищают дорогу для прохода войск. Их снаряжение очень похоже на снаряжение более хорошо вооруженных копьеносцев. Армия во времена Ашшур-бани-пала во многом такая же, как и во времена Сеннахериба; в нее входили лучники, копьеносцы, булавоносцы, воины, вооруженные боевыми топорами, и пращники. В отношении последних интересно отметить, что тяжелые доспехи пращников были заменены на более легкую и удобную одежду.¹⁷³

Основным оружием кавалерии в ранний период был лук, хотя меч и щит тоже встречаются, но, по-видимому, мало используются. Обычно конных лучников сопровождал другой конный солдат, в обязанности которого входило держать уздечку лошади лучника, пока тот наводил стрелу на врага. На сопровождающем - простая туника и обычная шапочка, а на лучнике - остроконечный шлем, расшитая туника и пояс с мечом. Их ноги и ступни обнажены, чтобы они могли крепко сидеть на лошадях - последние были без седел. Во времена Саргона кавалерия состояла частично из копьеносцев, частично из лучников. Седла или седельные попоны, несколько напоминающие те, что сегодня носят европейские кавалеристы, были в постоянном употреблении, а безоружные сопровождающие больше не требовались: и лучники, и копьеносцы могли сами управлять своими конями. Униформа, которую носила кавалерия, также была гораздо более сложной, чем у конных лучников более раннего периода. Их туники плотно прилегают к телу, но ниже талии расширяются, превращаясь в подобие килта с бахромой, на ногах они носят рукава, а на ступнях - длинные сапоги, которые иногда доходили почти до колена; основное оружие всадников - луки и копья, но часто они вооружены и коротким мечом, а копьеносцы иногда носят лук и колчан, а также копье и меч (см. рис. 106).

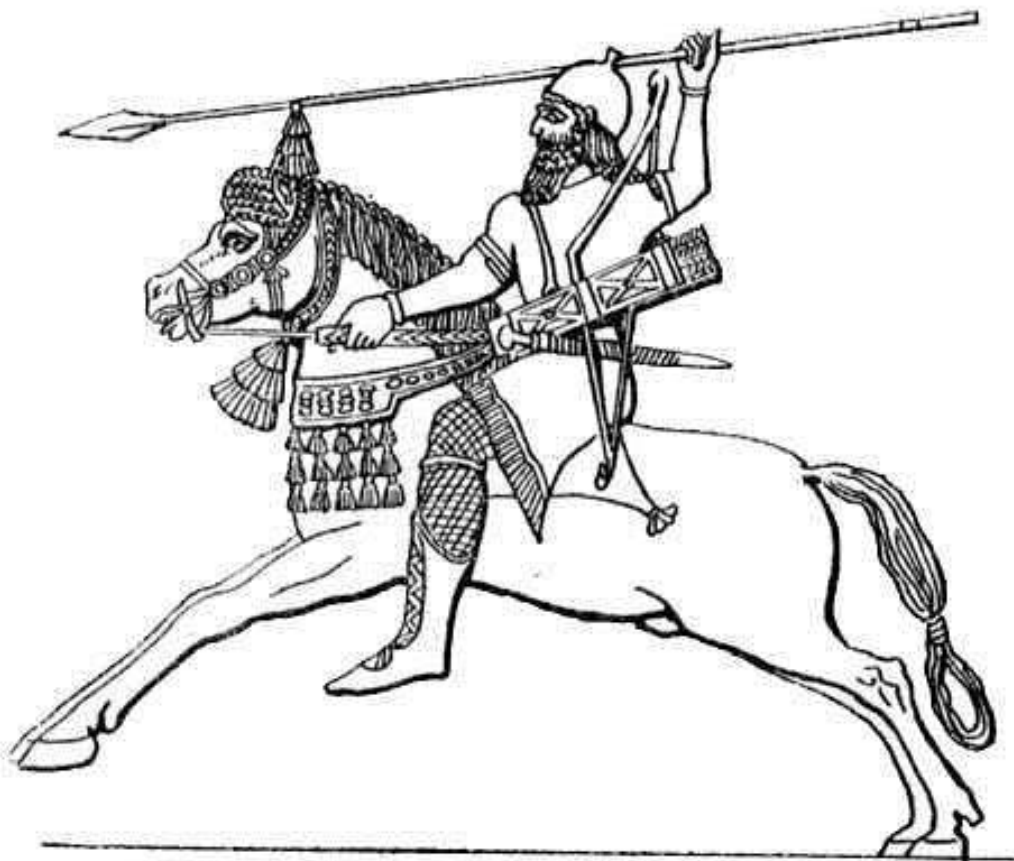

Рис. 106.

Во времена Сеннахериба обычная конница экипирована примерно так же, но некоторые полки имеют тяжелое вооружение с почтовым плащом, достигающим до низа спины (см. рис. 107). В скульптурах Ашшур-бани-пала лошади кавалерии иногда покрыты большой тканью, подобной той, что носили колесницы (см. рис. 108), поверх которой надета седельная попона, но снаряжение самих кавалеристов практически не отличается от того, что было в прежние времена.

Возницы - последнее подразделение ассирийской армии, которое мы кратко рассмотрим. В колеснице было как минимум два человека - водитель и воин; но когда царь выезжал на поле лично, его сопровождал щитоносец, а иногда и два щитоносца, а также возница. Обычное оружие возницы - лук, который он обычно полностью натянут, стрела на тетиве; нередко он опоясывается мечом, а копье часто лежит у него под рукой. Иногда он одет просто в тунику, иногда - в длинный почтовый плащ, достигающий по крайней мере до колен, но с короткими рукавами, несомненно, для того, чтобы облегчить управление луком. Он либо спускает древко с колесницы, либо сходит с нее, чтобы точнее прицелиться; в последнем случае сопровождающий защищает лучников щитом, который держит в левой руке, а в правой - копье или меч, чтобы отразить любое близкое нападение. Воин обычно носит шлем, который иногда дополняется боковыми и передними частями из металлической чешуи, призванными защитить плечи, затылок, а иногда и подбородок, но сопровождающий, как правило, не прикрывает голову.

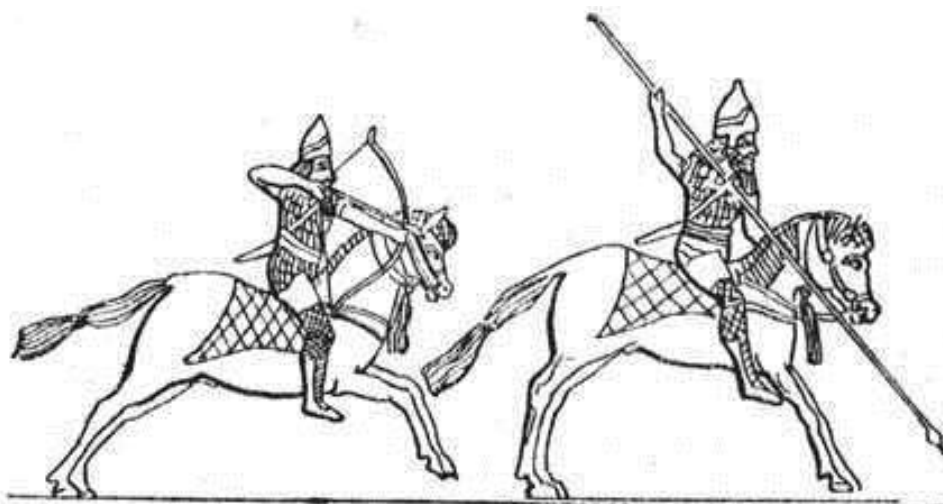

Рис. 107.

Колесницы запрягались двумя или тремя лошадьми, но, по-видимому, никогда не было больше одного шеста; соответственно, когда к колеснице припрягали третью лошадь, она должна была быть прикреплена веревкой или веревкой, и, вероятно, ее брали в качестве вспомогательного животного, чтобы заменить одну из них в случае, если кто-то из них будет прострелен. Амуниция лошадей часто была очень сложной, как видно на рис. 83, а колесницы также иногда были очень богато украшены. На ассирийских барельефах представлены два основных типа боевых колесниц: один характерен для раннего периода, когда столицей империи был Калах (Нимруд), другой - для более поздней эпохи, когда резиденция правительства была установлена в Ниневии. Колесницы раннего периода

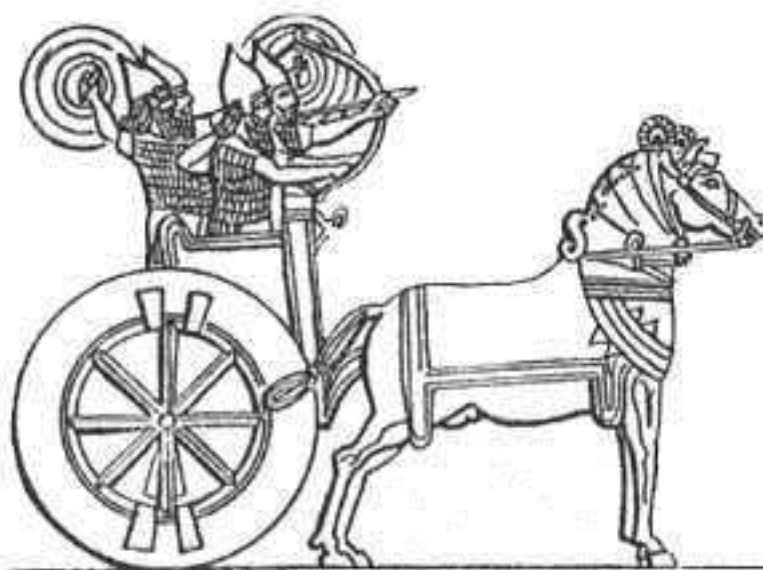

Рис. 108.

низкие и короткие, колеса сравнительно небольшие и, как правило, имеют всего шесть спиц, в то время как колесницы, изображенные на поздних рельефах, обычно более вместительные и высокие, а колеса, диаметр которых составляет около пяти футов, обычно восьмиспицевые (см. Рис. 108). Позиция в одной из этих поздних колесниц, следовательно, давала воину хорошую площадку для прицеливания в противника, а также для обзора ситуации. Опоры колесниц обоих периодов часто заканчиваются головой животного - быка или лошади, в зависимости от ситуации. Иногда к концу шеста крепилась поперечина, которая также иногда заканчивалась головой животного, причем иногда поперечина была прямой, а иногда изогнутой.

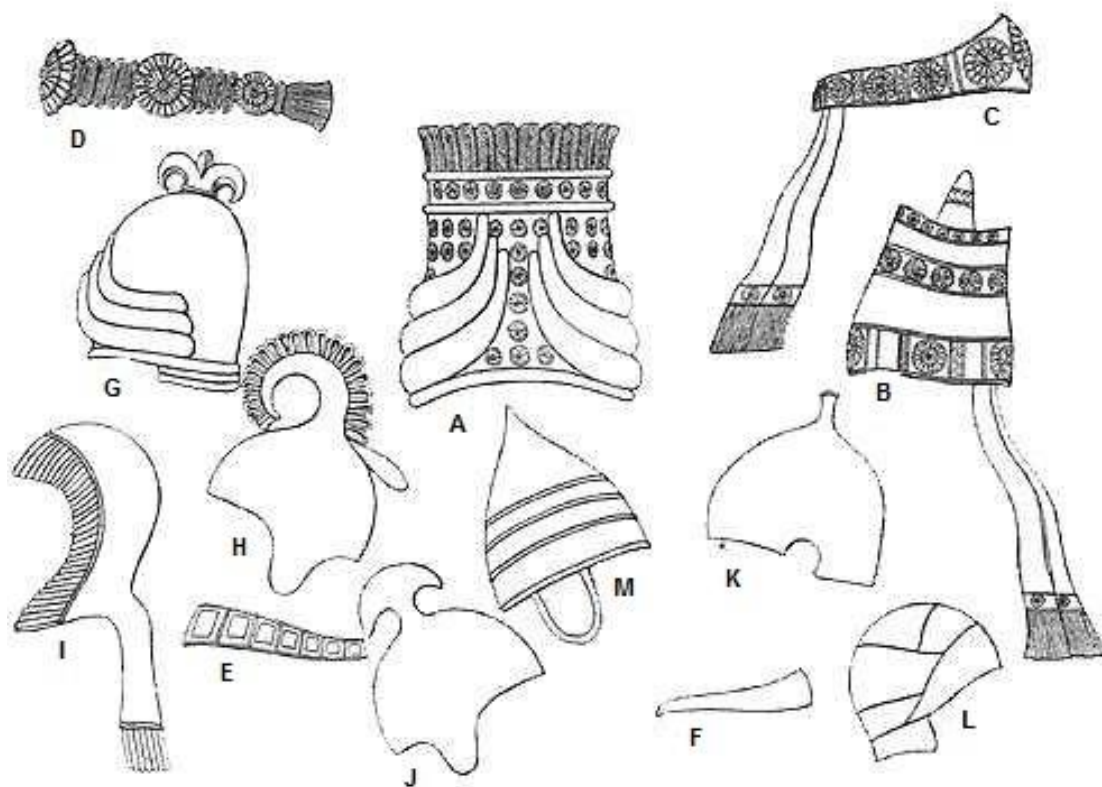

Рис. 109.

Из этого краткого описания военного снаряжения ассирийцев сразу же становится ясно, насколько сложной должна была быть организация армии. Часто упоминаются шлемы конической формы у солдат и такие же диадемы у царей, но не следует думать, что все головные уборы ассирийцев были коническими. Некоторое представление о разнообразии головных уборов, использовавшихся в Ассирии, можно получить из подборки, представленной на рис. 109. Наиболее примечательной из них является рогатая корона в центре (А), которую носили колоссальные крылатые быки. Рога, являющиеся символом божественности, занимают видное место на головных уборах почти всех вавилонских и ассирийских богов, и их присутствие на головном уборе человекообразного быка свидетельствует о божественном характере, которым они наделяли этих колоссов. Верхняя часть этой массивной короны или шапки украшена рядом перьев, а лицо - знакомыми розетками. На рисунке (В) изображена царская диадема, а (С), (D), (Е) и (F) иллюстрируют различные виды филе, которые носили вокруг головы, а (G) - (M) демонстрируют различные типы шлемов, использовавшихся в ассирийской армии.

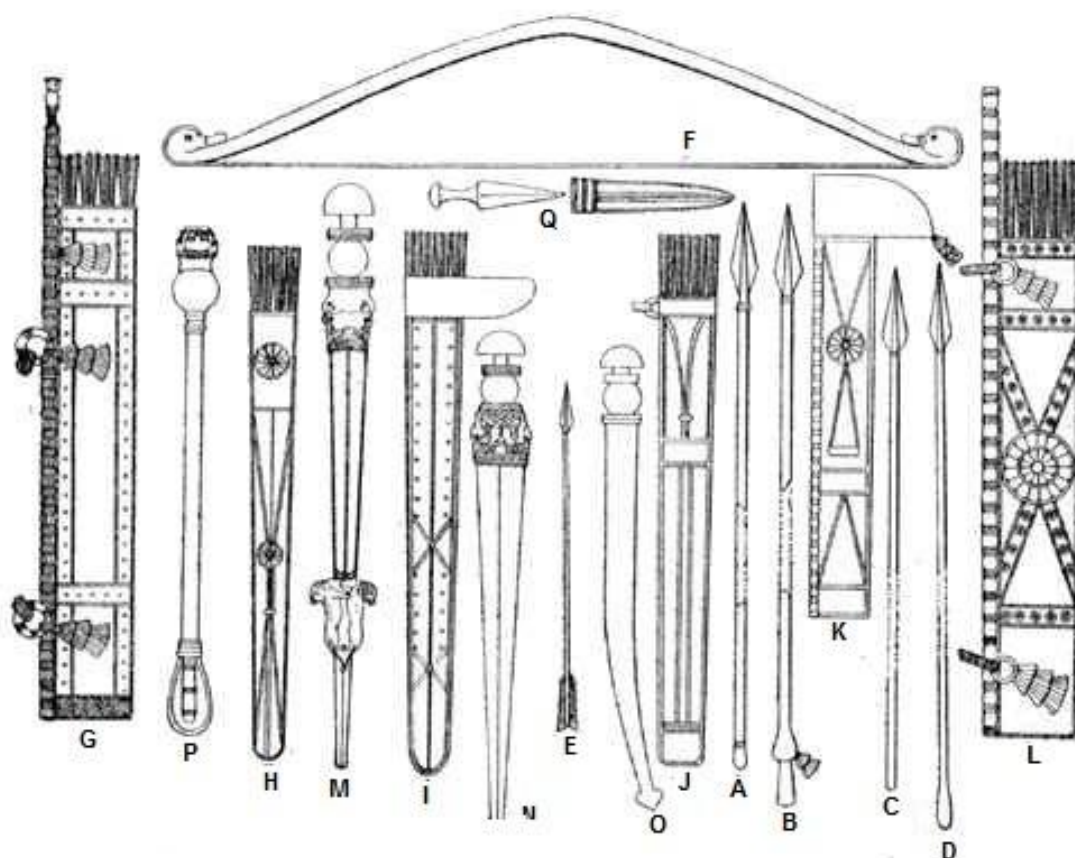

Рис. 110.

Наступательное и оборонительное оружие ассирийцев, однако, демонстрирует еще большую вариативность, чем их шлемы. Настоящего оружия сохранилось немного, но благодаря огромному количеству барельефов, которые Ботта и Лэйард извлекли из разрушенных курганов Ассирии, мы можем составить некоторое представление об обширности ассирийского арсенала. Оружие рядового солдата достаточно простое по характеру, но то, которое носили цари, полубоги или визири, часто было очень богато украшено. На рис. 110 представлена подборка наиболее ярких видов оружия, изображенных на барельефах. (A), (B), (C) и (D) показывают нам четыре различных вида пик, которыми владели воины Ашшура; они отличаются по длине и рукояткам, но все они имеют более или менее ромбовидное лезвие, а наконечники стрел (E) имеют одинаковую форму. Два конца лука, из которого король посылает свои меткие стрелы в сердце врага, льва или дикого быка, и для которого он также находит применение при совершении религиозных церемоний, часто находят свое завершение в голове птицы (F). Но если сами стрелы имеют сугубо практический вид, то колчаны, в которых они хранились, когда были "не на службе", были более замысловатыми (ср. (G)-(L)). Самые большие колчаны могли вмещать до пяти стрел (см. (L)), но обычным числом, по-видимому, было четыре. Колчан перекидывался через спину с помощью шнуров (см. (G), (J) и (L)). Мечи, как правило, были прямыми ((M) (N)), но иногда изогнутыми (O). Эфес меча часто украшался несколькими львиными головами, а сами ножи - львами, в результате чего они получались очень декоративными и эффектными. Скипетр был церемониальным оружием - несомненно, наступательным, но красноречиво символизирующим царскую власть (ср. (P)), в то время как кортик (Q), напротив, наиболее устрашающим образом размахивает составными чудовищами, изображенными на дворцовых стенах Ашшур-на-Ир-пала.

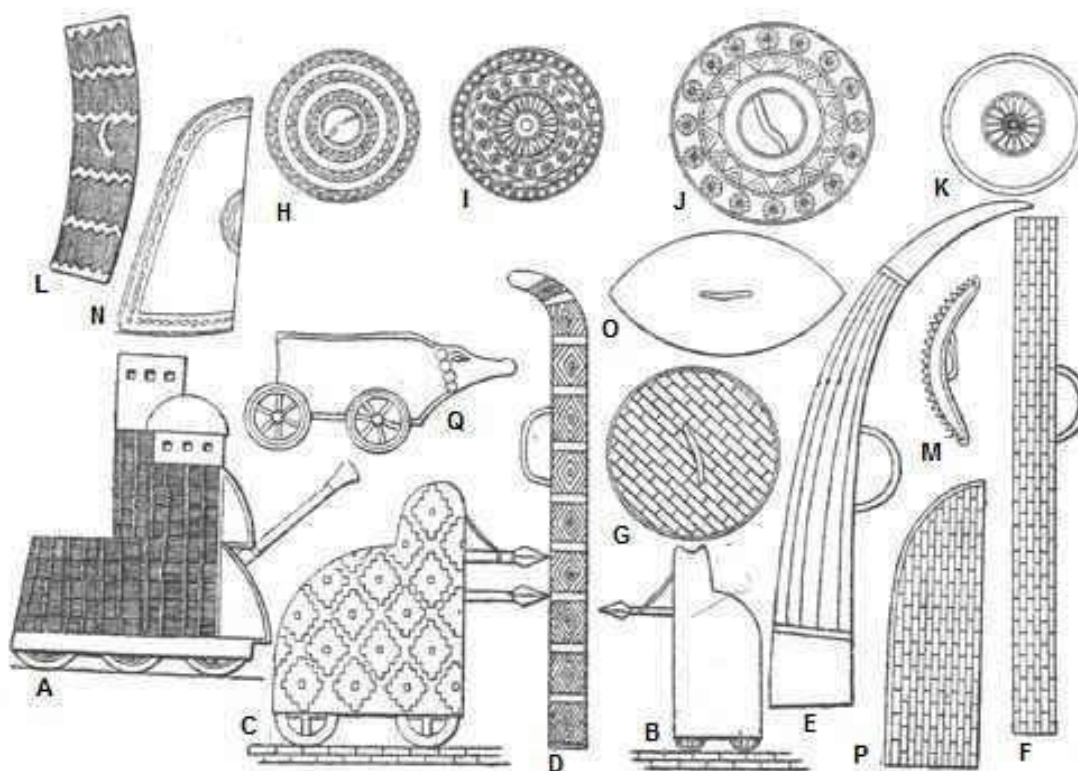

Рис. 111.

Но самым грозным военным изобретением воинственных ассирийцев был таран; таран обрушивался на стену осажденного города с помощью передвижной башни, в укрытии которой таран мог эффективно и безопасно работать; башня и таран, таким образом, составляли вместе мощнейший фактор как в наступательных, так и в оборонительных операциях. Эти подвижные башни ни в коем случае не были однородными, они различались как по размеру, так и по высоте: иногда они возвышались над башнями (см. рис. 111 (А)), с которых атакующие войска могли безнаказанно осыпать осажденную армию стрелами, в других случаях они были совсем низкими и по форме напоминали торпеду, причем большие опирались шесть колес (см. рис. 44), а маленькие - на четыре (Q). Сам таран также был разным: иногда его устанавливали под углом, наклоненным вверх (А), причем его выступающий конец был одновременно тяжелее и толще древка, но чаще таран закрепляли горизонтально и заостряли как копье (В), причем башня иногда была вооружена двумя такими таранами (С). Наиболее заметными из представленных здесь щитов являются большие щиты, из-за укрытия которых лучник мог прицелиться и стрелять в свое удовольствие, щит, конечно, удерживался щитоносцем (ср. (D), (E), (F)). Эти большие щиты обычно стояли вертикально (F), но часто были изогнуты в верхней части, чтобы защитить голову лучника от ракет противника (D), а иногда весь щит был изогнут (E). Но уланы не нуждались в такой защите: небольшой ручной щит, который они могли нести сами, был единственным видом защиты, который не сводил на нет их полезность в поле. Эти щиты различались по форме и размеру; обычно они были круглыми (см. (G)-(K)), но иногда изогнутыми и продолговатыми (L), в то время как в других случаях они были вогнутыми в теле, овальными сверху, прямыми снизу и украшенными боссом в центре и гравированным узором по краю (см. (N)). Другой тип щита по форме напоминает ромб (O), но все они одинаково имеют ручки в центре. Часто их гравировали самым тщательным образом: узоры образовывались из прямых линий ((G) и (P)), геометрических фигур ((H) и (L)) или кругов-розеток ((I) и (J)). Один из щитов, представленных здесь, отличается от остальных тем, что его

внешняя сторона зазубрена, как острие пилы, и, должно быть, служила как для нападения, так и для обороны (см. (М)).

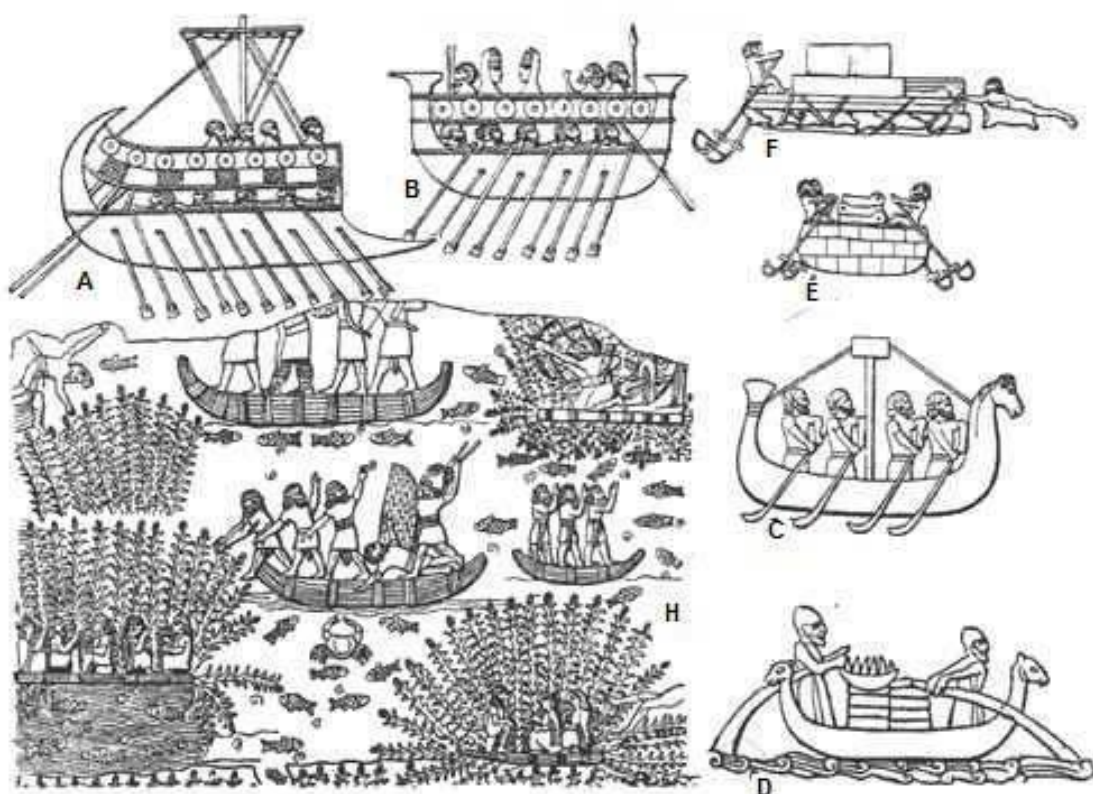

Рис. 112.

Но ассирийцы вели войну "terra marique" - как на море, так и на суше, и на рис. 112 (А) мы видим пример одной из военных галер, использовавшихся Сеннахерибом в его преследовании вавилонских повстанцев через устье Персидского залива. Это бирема, то есть лодка с двумя банками весел; внизу находятся гребцы, а воины расположились на верхней палубе. Спереди судно напоминает куттер, но корма оканчивается крутым изгибом вверх, а в носовой части галеры находится мачта и поперечная балка, закрепленная ярусами. Направление лодки определяется двумя веслами, работающими сзади, которые отличаются по форме от тех, что используются для приведения в движение лодки. В (В) мы видим другую разновидность этого типа судна: здесь оба конца лодки изогнуты, а оконечности квадратные, а не заостренные, как в (А), и, кроме того, нет мачты, а в (С) мы имеем совсем другой тип лодки; это открытая лодка с одним веслом, и на борту нет воинов. Гребцов всего четверо, и их весла совершенно не похожи на те, что использовались на военных галерах: на галерах весла были похожи на длинные пики, а здесь - на хоккейные клюшки. Как нос, так и корма изогнуты, последняя заканчивается лошадиной головой, а в центре лодки находится мачта. Обычай украшать концы лодки головой животного, несомненно, зародился у финикийцев, которые были морским народом восточного мира. В одной из сцен на бронзовых воротах из Балавата мы видим Шалманесера II, принимающего дань с кораблей Тира и Сидона (D); эти корабли, или, скорее, лодки, изогнуты с обоих концов, а на носу и корме изображены головы верблюдов. Для управления тяжело нагруженным судном требуется всего два человека, один из которых, очевидно, управляет кораблем, а другой тянет его за собой с помощью очень тяжелого и неуклюжего на вид весла. Но военные галеры были не единственными судами, использовавшимися во времена Сеннахериба; для перевозки грузов использовалась более легкая и гораздо меньшая лодка

(Е). Груз занимает центр этого странного маленького судна, по обе стороны от которого два гребца деловито орудуют веслами. Странно, но кажется, что они тянут в противоположные стороны, но, возможно, мы объясним эту аномалию неосведомленностью скульптора в морских делах; весла совсем не похожи на те, что используются на линкорах, но они точно такие же, как и на грузовом плоту выше (F); Плот, похоже, нагружен большими каменными блоками; деревянный плот сам по себе явно не способен выдержать такой большой вес, и необходимая плавучесть достигается путем прикрепления надутых шкур к нижней части плота. Для преодоления болотистых районов Нижней Месопотамии (Н), по-видимому, использовался тростниковый плот, тростник связывался вместе с помощью осины, а вода исключалась покрытием из кожи или толстым слоем битума. Эти тростниковые поделки иногда имеют форму плоских плотов, в то время как в других случаях они напоминают каноэ.

ГЛАВА XIV ЖИЗНЬ, НРАВЫ, ОБЫЧАИ, ПРАВО, РЕЛИГИЯ

(А) РАННИЙ ШУМЕРСКИЙ ПЕРИОД

1. ЗАКОНЫ, НРАВЫ И ОБЫЧАИ

Благодаря неустанным трудам прера Шейля и месье Тур-Дангина, а также восхитительной работе месье Генуйяка *"Шумерское общество"*, в которой этот ученый публикует, переводит и комментирует многие ранние таблички из Телло, мы можем получить весьма достоверное представление о нравах и обычаях шумеров времен первой династии Лагаша.

Исследование условий жизни любого общества, естественно, начинается с краткого рассмотрения законов, регулирующих процесс размножения, от которого в конечном итоге зависит продолжение и процветание общины. Судя по всему, с самых ранних шумерских времен брак рассматривался в свете юридического договора, и развод мог быть осуществлен только по юридической процедуре. Но шумерские законы о браке времен Лугаль-анды и Урукагины отличались от современных европейских законов, по крайней мере, в одном важном пункте: договор заключался мужчиной со своим тестем, а не с будущей женой, и, следовательно, в случае развода именно тесть, а не разведенная жена, имел право на удовлетворение.

Полиандрия, очевидно, была небезызвестна, поскольку Урукагине довелось применить всю строгость закона для ее пресечения, хотя до сих пор она ни в коем случае не потворствовала, а, напротив, уже считалась уголовным преступлением, и не только в этом случае, но даже полигамия, похоже, не поощрялась, поскольку такие выражения, как "жена жреца Нин-гирсу" или "жена патеси", неявно предполагают, что в нем была только одна женщина, и что в этом вопросе не было никакой возможности для путаницы. Однако вполне возможно, что у патеси была официальная жена, как и у жрецов Амена или царей Египта, а другие дамы гарема не занимали места рядом с царской супругой и не пользовались таким же отличительным наименованием, но это, конечно, вопрос предположений. Как бы то ни было, существует множество свидетельств того, что шумеры очень выгодно отличаются от других примитивных народов в своем отношении к женщинам и обращении с ними. Они могли выступать в качестве свободных агентов в вопросах собственности и быть законными свидетелями договоров, а вдовы были особенно защищены от вымогательства со стороны власть имущих, а самые бедные были юридически защищены от алчности жреца, который взимал своего рода десятину с членов общины. В этой связи следует отметить еще две

социальные реформы, проведенные в это время: отмену налога, которым до сих пор облагались стороны при разводе, и снижение платы за погребение священников. Но, несмотря на ограничения, которые, как выяснилось, необходимо было наложить на вымогательское жречество, служение богам заслуживало особого вознаграждения, и поэтому в соответствии с этим принципом сирота, сын жрицы богини Бау, получал большую пенсию, чем другие сироты.

Но помимо того, что можно назвать домашними и семейными обязанностями, от женщин еще во времена Урукагины ожидали выполнения других функций. Некоторые женщины посвящали себя более рутинной службе богам и занимались приношениями в святилище; другие работали ткачихами, а еще один класс женщин, прикрепленных ко двору, был занят уходом за овцами, козами и другими мелкими домашними животными. Некоторые были привратниками, а некоторые занимались парикмахерским искусством.

Как и следовало ожидать, ремесла, которыми занимались мужчины, были более многочисленными и разнообразными. Значительное число мужчин Лагаша занимались строительством лодок, а плотники и мебельщики, судя по всему, имели много работы. Также процветало ремесло кузнеца, а среди более эстетичных ремесел можно особо отметить парфюмерию и ювелирное дело, а о том, до какого мастерства было доведено искусство обработки металла и резьбы по камню, свидетельствуют многочисленные барельефы, фигурки и статуэтки, дошедшие до нас. Значительная часть трудоспособного населения была садоводами или земледельцами, поскольку вавилоняне уже давно вышли из бедуинской стадии первобытной цивилизации и обосновались на земле, которую они возделывали, по-видимому, с большим успехом. Среди одомашненных животных, которых они использовали, можно выделить корову, овцу, осла и козу. Осел использовался как для верховой езды, так и в качестве тягловой силы. Бык был основным рабочим животным, его услуги требовались как при орошении, так и при транспортировке строительных материалов, хотя осел также иногда использовался для этих и подобных целей. Вола также использовали в пищу, в то время как коровы, по-видимому, предназначались для разведения и получения молока, из которого делали масло и, возможно, сыр. Овец разводили с двойной целью - для получения шерсти как материала для одежды и мяса для потребления, причем некоторые породы особенно ценились за шерсть, а другие - за их вкус как продукта питания, хотя некоторые использовались для обеих этих целей. Судя по всему, было принято полностью или частично приносить плоть овцы в жертву богам, прежде чем смертный человек отважится ее отведать, а состриженную шерсть отдавали ткачихе из гарема. Овцы, пользовавшиеся особым покровительством царя, были белого цвета, и поэтому, предположительно, являлись самыми редкими и высоко ценились, в то время как самая распространенная порода была коричневой. Для жертвоприношения богам обычно выбирали самца овцы или ягненка, а не самку. Ребенок, по-видимому, рассматривался как средство обмена, во всяком случае, арендная плата выплачивалась с помощью детей, а иногда и овец, в то время как козел часто служил жертвой, как мы уже видели в других местах.¹⁷⁴ За детьми, принадлежащими богине Бау, ухаживали женщины гарема, хотя иногда и пастухи. Козы, как и овцы, ценились за их шерсть, особенно выделялись два вида, один из которых назывался белолобым, а другой - чернолобым. Другие животные, не имеющие особого характера, также играли важную роль в жизни людей и в служении богам. Птицы тоже составляли часть подношений высшим силам, главными из которых были гусь, утка, курица и голубь-черепаха.

Плодородие почвы, естественно, способствовало ее возделыванию даже в самые ранние времена. Часть земли во времена Урукагины принадлежала царским владениям, остальная

часть была занята частными лицами. Зерновые культуры, такие как кукуруза и ячмень, выращивались с успехом, как во времена Геродота,¹⁷⁵ а часть земли отводилась под фруктовые деревья и овощи.

Но земля не была полностью поделена на коронные и помещичьи земли, "мелкое землевладение" составляло определенную часть имеющейся земли, и, похоже, даже бедные женщины иногда имели свои маленькие участки; мелкие собственники, однако, часто становились жертвами капиталистов-вымогателей, и их обиды время от времени требовать возмещения. В таких случаях чиновник, на которого возлагалась задача по исправлению ситуации, с особой тщательностью проводил различие между пахотными землями и землями, которые нельзя было обрабатывать. Для надзора за царскими владениями, как и следовало ожидать, привлекалась целая армия сельскохозяйственных чиновников с разной степенью ответственности и разными обязанностями. Сельское хозяйство во времена Урукагины, как и в наши дни, предполагало регулярный ряд операций: землю нужно было вспахать, посеять семена, собрать урожай, и последнее, но, возможно, самое важное и трудоемкое из всего, - работа по орошению, которая в стране, подверженной наводнениям зимой и бездождной полутропической жаре летом, требовала постоянного внимания и бесконечного количества тяжелой работы. Прокладка каналов, даже в наши дни, со всеми приспособлениями, имеющимися в распоряжении современной гидравлической науки, отнюдь не является легкой и быстро выполнимой задачей, и мы можем легко понять, что труд был не меньше, а процесс - не проще четыре или пять тысяч лет назад. Работа по орошению, столь важная и трудная, не была предоставлена индивидуальным предпринимателям, а была взята на себя государством и составляла один из главных отделов общественных работ, и ранние правители Лагаша, похоже, гордились своими ирригационно-инженерными достижениями не меньше, чем своими триумфами на поле боя. Наемные работники были либо штатными инженерами, либо на время привлекались к работе. Но работа по орошению не заканчивалась прокладкой каналов; необходимо было придумать средства для подачи воды из каналов в почву. Несомненно, в прежние времена это делалось с помощью ручной машины, возможно, состоящей из ведра, прикрепленного к шесту, к другому концу которого был подвешен противовес. В ассирийские времена¹⁷⁶ эти машины устанавливались на берегу "ямы" или цистерны, которая часто представляла собой углубление в русле ручья, в которое опускались ведра и из которого они поднимались, когда были наполнены, или же яму, вырытую прямо на поле, в которую вода канала стекала по желобу. Сама машина в своей простейшей форме напоминает современный "шадуф", такой, как использовался в Древнем Египте¹⁷⁷ и широко распространен среди феллахинов Верхнего Египта в наши дни. Но в больших поместьях, очевидно, требовался более эффективный аппарат, который, несомненно, использовался, во всяком случае, ассирийцами. Что представляли собой более крупные машины, мы не знаем, но, как предполагает Джонс, вполне возможно, что они состояли из набора ведер, прикрепленных к колесу, которое вращалось волами; ведра набирали воду, когда колесо опускало их на дно, и выливали содержимое по пути: но какой бы ни была машина, она должна была быть довольно сложной, поскольку для ее работы иногда требовалось до восьми волов.

О том, какую важную роль играло сельское хозяйство в жизни общины, свидетельствует название одного из месяцев, который называли "месяцем, в котором работают волы". Когда сезон дождей в ноябре и декабре заканчивался, работники приступали к посеву семян, урожай которых должен был быть собран летом в "месяц сбора урожая". Кукурузу срезали серпом, после чего зерна били, а то и топтали волами на самом поле. Затем его пропускали через сито, после чего оно было готово к раздаче или хранению в житницах.

Как мы уже видели, для содержания и комфорта человека около пяти тысяч лет назад выращивались практически те же животные, что и сегодня. Человеческая природа и человеческие потребности меняются незначительно по сравнению с заметными различиями, которые отделяют одну цивилизацию от другой, а одну стадию культуры от другой, более примитивной или более продвинутой, хотя эти различия действительно поверхностны, а не фундаментальны, но элементарные законы, от которых зависит человеческая жизнь, по сути, относятся к тем вещам, которые являются фундаментальными, и в этом смысле они вечны. Так, члены общины Урукагины ели говядину, баранину или ягнятину в зависимости от сезона, как и мы сегодня; однако в его рацион входили не только суставы, но и птица и птицы - курица, утка, гусь или черепаха, в зависимости от обстоятельств. Рыба всех видов, включая пресноводную и соленую, готовилась различными способами, а молоко, масло и сыр, судя по всему, были в постоянном употреблении. Пшеница и ячмень, как мы уже неоднократно отмечали, выращивались в больших масштабах и, без сомнения, являлись основной пищей людей, обеспечивая их достаточным количеством материала для лепешек и различных видов хлеба, включая молочные хлебцы и черный хлеб. Основными фруктами, которые культивировались в этот период, были финики, инжир, гранат и виноград: их ели в вареном и невареном виде, иногда они входили в состав фруктового салата, а иногда из них делали фруктовые пироги.

Финиковая пальма процветала повсеместно и была основным средством поддержки бедняков, а сами финики, похоже, использовались в качестве средства обмена. Яблоко, по-видимому, культивировалось и давало определенный напиток, [178](#) а тамариск - своего рода сладкую жвачку. Что касается овощей, то наибольшее предпочтение отдавалось луку, редису, огурцам и бобам, хотя в текстах упоминаются и другие растительные продукты, которые пока не удалось идентифицировать. В этот ранний период уже было известно искусство ферментации зерновых, и в шумерских погребках можно было найти пиво, финиковое вино и другие алкогольные напитки.

Об искусстве и ремеслах шумеров мы уже рассказывали в другом месте, как и об их архитектурных остатках, которые, однако, не дают нам практически никакой информации о структуре частных жилищ, но из литературы мы узнаем, что дерево и кирпич использовались в строительстве более широко, чем мы могли бы предположить. Основным материалом для изготовления одежды служила шерсть, хотя, возможно, производился и лен, [179](#) а мех иногда носили, предположительно в холодную погоду.

Деловые сделки заключались с помощью договоров, причем обычно речь шла о продаже рабов, животных или другого имущества. Действительность договоров, очевидно, зависела от того, были ли они должным образом засвидетельствованы, как в более поздние времена, причем свидетели получали подарки за свои услуги. Что касается покупки рабов и цены, которую они получали на рынке, то примечателен тот факт, что, согласно стеле Маништусу, осел и раб стоили одинаково, что свидетельствует о недостаточной оценке превосходства трудоспособности человека над трудоспособностью грубого животного.

Однако корона и церковь тщательно следили за тем, чтобы миряне не могли полностью распоряжаться своей собственностью, и умудрялись добывать себе пропитание за счет различных поборов и налогов. Фермерские продукты, садовые плоды, рыба, скот, шерсть и благовония - все это взималось в качестве королевских или церковных пошлин, а храмовые

жертвоприношения, разумеется, по большей части были просто привилегиями жрецов, хотя последние должны были отдавать значительную часть своему королевскому покровителю.

Подобная цивилизация с ее коммерческими предприятиями и юридическими сделками, конечно же, предполагает изобретение систем для определения веса и меры различных предметов и различных форм собственности, с которыми эти сделки были непосредственно связаны. Существовала квадратная мера или мера площади, обязательное условие при оформлении завещания; существовала длинная мера, одинаково необходимая для продажи и покупки деревянных или набивных изделий, наименьшей единицей измерения которой, по-видимому, был большой палец. И снова ежедневные потребности человека сделали изобретение меры вместимости абсолютной необходимостью. Однако иногда принимались и другие способы подсчета, помимо обычных метрических систем: так, рыбаки продавали свою рыбу по числу или по корзинам, а жидкости измерялись с помощью сосудов разного размера. Наконец, существовала мера веса, которая во времена Урукагины была такой же, как и во времена более поздней династии Ура.

2. РЕЛИГИЯ

Религия вавилонян и ассирийцев была политеистической на протяжении всей их истории. Правда, в более поздние времена проявилась определенная тенденция к монотеизму, но она так и не стала достаточно сильной, чтобы произвести такой переворот в религиозных представлениях народа, какой неизбежно предполагает переход от политеизма к монотеизму. Боги, которым поклонялись в поздний период Гудеа, были, за исключением Нин-гиш-зи-да, личного бога Гудеа, известны и почитаемы во времена Урукагины.¹⁸⁰ Интересен и примечателен тот факт, что имя Гишгильгемеш (Гильгамеш) в литературе того времени иногда сопровождается определителем "бог", что является явным свидетельством того, что уже в это время герой вавилонского фольклора наделялся божественными или квазибожественными атрибутами. Местным богом Лагаша был Нин-Гирсу; ему принадлежала земля, и именно он доверил управление ею царю; народ Лагаша действительно отождествлялся со своим божественным повелителем, его триумфы были его триумфами, а его злодеяния - преступлениями против его божества. Жрец Нин-Гирсу занимает место сразу после самого патеси, а его храмы носят исключительно национальный характер. Сам дворец патеси в действительности был домом Нин-Гирсу, а дворец его царицы - обителью божественной супруги Нин-Гирсу, богини Бау. Другой богиней, которую глубоко почитали и которой поклонялись еще во времена Ур-Нина, была госпожа Нина, от которой основатель династии получил свое царское имя, а богиня Гатумдуг, в честь которой Ур-Нин построил храм, считалась "матерью Лагаша". Энлиль, вечно знаменитый владыка Ниппура, также занимал видное место в сонме богов этого времени; он упоминается первым в царских протоколах Эаннатума и Энтемены, а также первым в божественных воззваниях на Стеле стервятников прежнего правителя.

Но влияние невидимых сил на умы и жизнь людей отражается в авторитете жрецов. Жрец, служитель или слуга на самом деле не "больше своего господина", но его авторитет и власть полностью соразмерны тем, которыми обладает его небесный господин. Искушение земных эмиссаров злоупотребить властью, которую дает им их положение, обычно оказывается непреодолимым, и жрецы Лагаша, как мы видели, не были исключением из этого почти универсального правила. О власти, которой пользовался верховный жрец Нин-гирсу, можно судить по тому факту, что и Энлитарзи, и Энетарзи занимали эту должность до того, как взошли на трон.

Жертвоприношения составляли основную часть раннего шумерского культа; животные, птицы, фрукты, овощи, хлеб и лепешки - все это шло на увесистые алтари богов, а также на удовлетворение жадных appetитов и карманов жрецов; Подношения также делались статуям живых и мертвых, причем подношения помещались на алтарь, расположенный близко статуе; так, некая Шагшаг, похоже, получала удовлетворение, помещая подношения перед своим собственным чучелом, а статуя умершего Ур-Нина была удостоена подобной чести. Еще одной интересной практикой, распространенной в этот период, было возжигание масляных ламп перед статуями. Последние, очевидно, носили вотивный характер, и, похоже, они выполняли религиозные обязательства, требуемые от людей, которых они представляли, фактически возносили молитвы, начертанные на их безжизненных телах, и, короче говоря, играли благородную роль заместителя поклоняющегося. Несомненно, именно этим объясняется то преданное отношение, которое демонстрирует Гудеа в своих статуях. Магия и гадание, всегда готовые помощники всех примитивных религий, культивировались и горячо поддерживались в этот период, как и в более поздние времена; пророки, провидцы и толкователи снов были почти так же востребованы, как и в наши дни.

Для проведения похорон и выполнения необходимых обрядов и церемоний был назначен специальный орден жрецов, которые получали плату или гонорары за свои услуги. Умершим требовалось пропитание в могиле, поэтому рядом с трупом было принято ставить семь кувшинов со спиртным и четыреста двадцать хлебов; этот обычай стал фактически обязательным для несчастных родственников умершего, и одной из реформ Урукагины стало сокращение этих пошлин.

Сами храмы, которые иногда стояли на собственной территории и были окружены священным лесом, были богаты статуями, вазами, плитами с надписями, сокровищами из серебра и драгоценных камней и всевозможными предметами роскоши.

О действительном и внутреннем благочестии жителей Лагаша, как и вавилонян и ассирийцев более позднего периода, свидетельствуют божественно сложенные имена, которые они носили, имена, явно предназначенные для обеспечения помощи и благосклонности бога, чьими земными тезками они были, и в честь которого эти имена были сложены. Так, обозначение одного человека звучит так: "Эн-лиль - моя защита", другого - "Бау - моя мать", третьего - "Энки - мой спутник", - имена, которые живо напоминают некоторые собственные имена в Ветхом Завете. Еще одним ярким свидетельством реальности того, что можно назвать индивидуальной религией тех дней, является преобладающая вера в благосклонность одного конкретного бога к себе; очевидно, что личный элемент в религиозных чувствах и стремлениях того времени не удовлетворялся обрядами и церемониями официальных культов, а искал и, вероятно, находил удовлетворение в утешительной вере, что какой-то один бог действительно понимает особые обстоятельства, трудности и недоумения стремящегося, и, понимая, может рассчитывать на помощь в трудную минуту.

(Б) ПЕРИОД ХАММУРАПИ

1. ЗАКОНЫ, ПРАВА И ОБЫЧАИ

Правление Хаммурапи - это в некотором смысле полустанок в истории месопотамской цивилизации. Царь, конечно же, был верховным главой государства, и он не только был "первым господином" в Вавилонии, но и пользовался уникальной привилегией и благословением быть полубогом. Обожествление царей было в моде за много веков до времен Хаммурапи, и, несомненно, эта практика усердно культивировалась самими царями. Некоторые из ранних семитских царей Киша были обожествлены после смерти, а имя Шар-

Гани-Шарри из Агаде часто пишется с божественным детерминативом, а имя его сына Нарам-Сина почти никогда не пишется без него. Но во времена поздней династии Ура распространилась практика обожествления царя еще при жизни, вместо того чтобы ждать, пока он займет свое место на скамье богов после смерти. О божественной природе Хаммурапи свидетельствует использование таких имен, как "Хаммураби - ilu" (== Хаммураби - бог), а также частое соединение его имени с именами богов в клятвах.

После царя, но на большом расстоянии, идут дворяне и джентри, класс, который включает в себя не только людей высокого происхождения, но и тех, кто, будучи ремесленниками, принадлежал к старым торговым гильдиям, среди которых можно упомянуть плотников, портных, строителей или гончаров. Далее шли те, кого можно назвать низшим средним классом, а на самой нижней ступени лестницы - если о нем вообще можно сказать, что он был на этой лестнице - находился раб, который был не более чем товаром или движимым имуществом.

Полные размеры империи Хаммурапи неизвестны, но его претензии на бессмертие покоятся не на постоянно меняющемся песке территориальной экспансии, а на твердой скале нравственного прогресса. Точно оценить влияние, которое свод законов Хаммурапи оказал на Моисеев кодекс и, косвенно, на европейские кодексы наших дней, нам не под силу, но один факт неоспорим, а именно то, что в правовом кодексе Хаммурапи четырехтысячелетней давности воплощены многие из тех принципов справедливости и милосердия, которые мы склонны считать особым детищем нашего просвещенного века.

Однако многие из законов, вошедших в этот всемирно известный кодекс, практически не отличаются от тех, что действовали, если не сказать систематизировались, во времена Урукагины. Законы, касающиеся брака, почти полностью повторяют те, что действовали у ранних шумеров: договор по-прежнему заключался между женихом и отцом будущей невесты, которому он обычно платил определенную цену за руку своей дочери, причем цена, конечно, варьировалась в зависимости от положения в жизни заинтересованных сторон. Сумма, отданная отцу, часто передавалась им дочери, но если от брака не рождалось детей, мужчина имел право получить обратно цену, которую он заплатил за свою жену, после ее смерти, если она не была возвращена ему ранее. Отец, в свою очередь, обычно давал дочери приданое или брачную долю, которая после ее смерти возвращалась в семью, если у нее не было детей. Приданое часто состояло из различных видов имущества, включая золото и серебро, рабов, мебель и одежду, и, как правило, превышало по стоимости брачную цену, которую платил муж. Если дети, рожденные в браке, пережили жену, ее приданое делилось между ними. Даже если женщина разводилась, она сохраняла свою супружескую долю, хотя и лишалась ее в случае грубого морального проступка с ее стороны. В глазах закона женатые мужчина и женщина были единым целым, и каждый из них отвечал за долги другого, не исключая даже брачных обязательств. Но хотя вавилонянин времен Хаммурапи, как и во времена Урукагины, был моногамистом, ему разрешалось иметь наложницу в случае, если жена не даст ему наследника, дети от наложницы считались законными, а наложница имела право на все уважение и внимание, полагающиеся жене. В кодексе есть различные положения, касающиеся особых случаев, таких как брак свободной женщины с рабом или брак избирателей, но для их подробного описания следует обратиться к стандартным работам по кодексу Хаммурапи, среди которых можно особо отметить Harper's *Code of Hammurabi*¹⁸¹ и перевод кодекса Джоном в его *Babylonian and Assyrian Laws, Contracts and Letters*.

Как и в более ранний период, вавилоняне времен Хаммурапи были по сути земледельческим народом, но со времен Урукагины сельское хозяйство сильно развилось, и отношения между землевладельцем и арендатором, а также между работодателем и работником регулировались и закреплялись рядом правовых норм, воплощенных в кодексе.

Обычная пахотная земля сдавалась в аренду по фиксированной ставке, арендная плата вносилась кукурузой, но владелец имел право на залог, а неуплата арендной платы считалась законным долгом. Кодекс содержит два особых положения, действие которых должно было заставить арендатора как можно дольше откладывать выплату ренты. Одно из них гласило, что если арендатор не платил ренту или если земля была отдана в аренду по принципу "доля прибыли" и урожай был уничтожен бурей, то нанесенный ущерб делился либо поровну, либо пропорционально между арендодателем и арендатором. Если же арендная плата была уже выплачена, арендатор не мог требовать никакой компенсации. Система "доля-прибыль" была очень распространена, и в таких случаях землевладелец обычно получал половину или две трети урожая. Но неравенство, вытекающее из такой системы, было очевидным, поскольку, хотя она в некоторой степени защищала арендатора, она оставляла землевладельца без средств защиты в случае, если его арендатор был бездельником, и чтобы предусмотреть такой случай, вставлялась оговорка о том, что нерадивый мелкий собственник должен платить среднюю ренту "как его соседи". Часто арендодатель дополнительно обезопасил себя, оговорив в договоре возведение коттеджа на участке, или настаивал на том, чтобы арендатор арендовал уже построенный коттедж, который должен был освободить по окончании срока аренды.

Арендатор имел право сдавать свой участок в субаренду, причем согласие основного арендодателя, очевидно, не требовалось. Разумеется, арендодатель имел законное право на арендную плату, оговоренную в договоре с его непосредственным арендатором, но при условии, что она поступала, а земля обрабатывалась должным образом, он не мог возражать. Иногда хозяин находил семена, необходимые инструменты, а также волов и, кроме того, платил фермеру жалованье; в этом случае положение арендатора несколько напоминало положение садовника в его домике в современном поместье. Семена, волы и все остальное принадлежало его хозяину, а наказанием за растрату со стороны арендатора была отрубание ему рук. Кроме того, если такой арендатор был негодяем, он мог сдать в аренду волов, присвоить себе продукты, полученные от хозяина за этих волов, и при этом не собрать урожая: в этом случае на него налагался крупный штраф, а если он был несостоятелен, то его разрывали на части волы на поле, которое он не успел обработать.

Законы и правила, применявшиеся к владению сельскохозяйственными землями, в большинстве своем распространялись и на аренду плантаций и садов. Благодаря необычайному плодородию вавилонской почвы владельцы земли становились очень богатыми, но, несмотря на это, ростовщик не оставался без клиентов. Случались непредвиденные бедствия, которые калечили землевладельца, и если бы не ростовщик, он не смог бы справиться с бедой. В качестве обеспечения займа он часто закладывал свою землю, но по кодексу он должен был в любое время сам собирать урожай и из него выплачивать долг и расходы ростовщика. Кроме того, ростовщик был обязан по закону принять этот урожай или кукурузу в счет погашения долга и не мог настаивать на выплате денег, если только, как это часто бывало, он не оговаривал в договоре, что заем должен быть возвращен в той же форме, в какой он был получен. В качестве дополнительной гарантии для несчастного заемщика денег было запрещено налагать на рабочего вола запрет на аренду

или что-либо еще. Это был гуманный закон, поскольку полив земли, а также вспашка и обмолот пшеницы в значительной степени осуществлялись волами.

Законы, регулирующие орошение земель, были строгими из-за катастрофических последствий, к которым могла привести небрежность любого из заинтересованных лиц. После того как каналы были проложены, каждый землевладелец, будь то мелкий или крупный, обязан был содержать ту часть канала, которая проходила мимо или через его землю в хорошем состоянии. Если та часть берега канала, за которую он отвечал, отходила, и вода таким образом затапливала землю его соседа, он должен был возместить ущерб в полном объеме, а если он был несостоятельным, то мог быть продан. Он имел право открыть канаву для полива своего поля, но если вода заливала соседние поля по неосторожности или небрежности с его стороны, он должен был выплатить полную компенсацию.

Заработная плата, предположительно минимальная для рабочего, была установлена законом, как и цена найма волов и повозок. Наниматель животных был обязан заботиться о них должным образом, и невыполнение этого требования влекло за собой штраф. Но если происходил несчастный случай, который наниматель не мог предвидеть или предотвратить, например, нападение льва, владелец должен был нести убытки. Так же обстояло дело и в том случае, если ответственным за животное был пастух или скотовод, нанятый владельцем, причем принцип в обоих случаях был одинаковым. Умышленная небрежность не допускалась, но, с другой стороны, последствия непредвиденных и неизбежных несчастных случаев не должны были возлагаться ни на нанимателя, ни на работника.

Большая половина трудоспособного населения во времена Хаммурапи, вероятно, занималась сельским хозяйством, а остальные были заняты в торговле или коммерции. Сейчас развитие торговли зависит от наличия адекватных средств передвижения, с помощью которых можно вывозить и ввозить товары. До изобретения и внедрения локомотивов вода была непревзойденным средством транспортировки большого количества товаров из одного места в другое, и даже сегодня с нашими переплетениями железных дорог мы все еще находим применение каналам первобытных времен. Несомненно, именно две реки, Тигр и Евфрат, были ответственны за развитие торговых способностей вавилонян, способностей, которые в конечном итоге сделали их великим торговым народом восточного мира. Соответственно, мы не удивлены, обнаружив, что уже во времена Хаммурапи мореплавание было важным видом торговли. Уверенным и определенным подтверждением этого факта является количество законов, непосредственно касающихся кораблестроителей и лодочников в Кодексе. Кораблестроитель, или, скорее, лодочник, поскольку корабли, как их правильно называть, были очень поздним изобретением, нес абсолютную ответственность за свою работу и должен был дать покупателю годовую гарантию; если за это время судно оказывалось неисправным, он должен был предоставить другое. Как и в случае с сельскохозяйственным рабочим, наемный лодочник отвечал за лодку и груз, находящиеся в его ведении, и любая небрежность с его стороны была наказуема. Если корабль сталкивался с другим судном, стоящим на якоре, столкнувшийся корабль нес ответственность за все убытки.

Бизнес велся в основном с помощью агентов, как и в наши дни. Агент давал расписку в получении товара или денег от своего начальника, а затем отправлялся торговать с ними. Как правило, агент получал обычную комиссию, которую по возвращении должен был возместить с разумной прибылью, причем иногда эта прибыль представляла собой определенную фиксированную сумму, а в других случаях - заранее оговоренную долю от

фактической выручки. Как и в наши дни, некоторые купцы были спекулянтами, и вся неопределенность, присущая любому виду спекуляций, по-видимому, окружала перспективы агента, который, несомненно, иногда выигрывал, а в других случаях сильно проигрывал. Но любой убыток, возникший в результате непредвиденных обстоятельств, которые агент не мог ни предвидеть, ни предотвратить, должен был нести купец. Таким образом, если агент был ограблен во время своего путешествия, он мог освободить себя от всякой ответственности в этом деле, дав соответствующую клятву. Однако этот закон мог привести к нечестной практике недобросовестного агента, и поэтому любые ложные требования с его стороны должны были быть возмещены втрое, а ложное требование начальника в отношении товаров, доверенных его агенту, должно было быть возмещено в шесть раз. Все деловые сделки должны были оформляться в письменном виде, чтобы придать им законную силу.

Очевидные преимущества партнерства были вскоре осознаны коммерчески проницательными вавилонянами, и деловые партнерства были хорошо известны во времена Хаммурапи. При получении дивидендов партнеры обычно изымали свой капитал и проценты, а затем получали равные доли сверхприбыли. Дивиденды выплачивались ежегодно, и изъятие каждым партнером своего капитала фактически приводило к расторжению партнерства, которое, конечно, могло возобновляться время от времени по желанию.

Как и во всех коммерческих предприятиях, капитал был единственным необходимым условием, а потребность в немедленной наличности удовлетворял ростовщик. Процентная ставка во времена Хаммурапи неизвестна, но часто она достигала сорока процентов. Однако такие ссуды обычно требовались на время посевной, и если они погашались после сбора урожая, то проценты, по-видимому, не взимались. Должник мог погасить ссуду либо кукурузой, либо кунжутом, и стоимость каждого из них была установлена законом. Если должник был неплатежеспособен, он мог передать своему кредитору слугу, чтобы тот отработал причитающийся долг. Однако право собственности на такого слугу все равно принадлежало должнику, а сам слуга был защищен законом от жестокого обращения со стороны кредитора. Если он был свободным человеком, кредитор должен был вернуть его прежнему хозяину по истечении трех лет, и то же правило применялось, если жена или ребенок должника были залогом или поручителем.

Лишение прав не было неизвестно, но это была последняя мера, к которой кредитор имел право прибегнуть после того, как все другие средства оказались безрезультатными. Дистрикт на кукурузу без предварительного согласия должника был незаконным, а незаконный дистрикт *ipso facto* лишал кредитора права на дальнейшее требование, в то время как исполнение дистрикта, когда требование не было обосновано, было наказуемым, и теоретический кредитор должен был заплатить штраф. Как уже говорилось выше, арест не мог быть наложен на рабочую лисицу, и вообще арест любого рода мог быть наложен только с согласия должника. Одним словом, интересы более скромных и бедных членов общины были защищены всеми возможными способами. Законодатели времен Хаммурапи защищали не только мелких крестьян, но и рабочие классы. Так, во время сбора урожая явно наблюдалась тенденция к повышению цен на пиво, и, соответственно, в кодексе есть пункт о том, что напиток должен продаваться по дешевке, несмотря на повышенный спрос.

Опять же, каждый житель общины практически находится во власти строителя дома, и, соответственно, любой ущерб, причиненный использованием некачественных материалов или плохим качеством изготовления, должен был быть возмещен строителем. Если дом рушился и хозяин погибал, строителя предавали смерти, а если погибал сын или слуга хозяина, то сына или слугу строителя тоже предавали смерти, в соответствии с первобытным

законом возмездия. Аренда дома во времена Хаммурапи, как правило, осуществлялась по системе ремонтной аренды, арендатор должен был оставить дом в том же состоянии, в котором он его нашел, в то время как было принято платить арендную плату раз в полгода, а не раз в квартал, причем арендная плата вносилась заранее.

Окончательное утверждение и исполнение этих различных законов, касающихся отношений между капиталистом и рабочим, владельцем и наемным работником, домовладельцем и арендатором, происходило в судах. Как ни странно, главным местом юрисдикции был храм, а сам бог выносил решения через посредничество своих земных уполномоченных. Точная форма судопроизводства во времена Хаммурапи неизвестна, но некоторые факты, касающиеся возбуждения и проведения судебных процессов, были выяснены.

Одно из существенных отличий между судебными процессами времен Хаммурапи и наших дней заключалось в том, что дела велись не адвокатами, а самими сторонами, что должно было значительно выигрывать у более сильного из двух тяжущихся. Более важные дела рассматривались коллегией судей, чем-то напоминающей наш Апелляционный суд, в то время как мелкие иски рассматривались одним судьей, как в наших Высоких и Окружных судах. Заявление должно было быть изложено в письменном виде в форме "аффидевита"; мог ли ответчик подать контр-аффидевит, не совсем ясно. На судебном заседании истец и ответчик вызывали своих свидетелей, а решение подписывалось обеими сторонами. Апелляция в вышестоящий суд была единственным средством защиты для проигравшей стороны: судья в нижестоящем суде не имел права рассматривать то же дело во второй раз под страхом исключения из списка и одновременного взыскания в двенадцатикратном размере штрафа, назначенного им ранее, или ущерба, который он оценил.

Судья назначил дату судебного разбирательства, но оно должно было состояться в течение шести месяцев с момента подачи аффидевита. Это время давалось для того, чтобы истец мог найти своих свидетелей в случае их отсутствия дома. Назначение судей, или, по крайней мере, некоторых из них, принадлежало короне; вопрос о том, получали ли они зарплату, вызывает сомнения. Иногда должности судей были наследственными. Но независимо от того, получали ли судьи вознаграждение или нет, они считались профессионалами и сохраняли свой титул даже после того, как переставали выполнять свои судебные функции. Верховным судьей был сам король, которому время от времени передавались дела первостепенной важности, а главные государственные чиновники часто выступали в роли судей.

Следующие преступления были смертными, хотя точная форма, в которой смертный приговор должен был приводиться в исполнение, не всегда ясна: -ложное обвинение в колдовстве; лжесвидетельство свидетеля по делу о смертной казни; ограбление храма, дворца или частного дома; похищение свободнорожденного ребенка; разбой на большой дороге; кража имущества человека, чей дом горит; прелюбодеяние; различные формы кровосмешения; изнасилование обрученной девицы; уговаривание раба бежать от своего хозяина или соучастие в преступлении путем укрывательства; различные формы кражи и мошенничества; а также строительство дома настолько плохо, что он рухнул и тем самым убил владельца. Смертная казнь, судя по всему, наступала либо через сожжение, либо через вдавливание, либо через расчленение, либо через утопление.

Преступления менее серьезного характера рассматривались по-другому. Среди наказаний, перечисленных в кодексе, наиболее варварскими являются калечение, клеймение и бичевание. Калечение было наказанием, логически основанным на принципе "око за око" и

"зуб за зуб", и применялось в первую очередь к тем, кто калечил своего ближнего. Но его применение распространялось и на другие виды преступлений или проступков, которые в те времена считались преступлениями. Так, дерзость приемного ребенка по отношению к приемным родителям пресекалась удалением языка; а приемному сыну, который излишне допытывается о происхождении своего рождения, вырывали глаз; И наконец - что, возможно, кажется нам самым удивительным - если хирург проводил операцию, а пациент умирал из-за небрежности или недостатка мастерства с его стороны, хирургу ампутировали руки - закон, который должен был значительно охладить пыл любого из хирургов тех дней, особенно пристрастившихся к использованию ножа. Клеймение было внешним и видимым знаком (обычно отпечатанным на руке) деградации до рабства - наказание за клевету на приверженца или замужнюю женщину. Бичевание было наказанием за нанесение удара начальнику; бичевание должно было проводиться публично, ударов было шестьдесят, а орудием служила плетя из коровьей кожи; изгнание из города было очень подходящим и соответствующим наказанием за кровосмешение.

2. РЕЛИГИЯ

Единственной отличительной чертой вавилонской религии времен Хаммурапи было уникальное положение, отведенное Мардуку в вавилонском пантеоне. Своим возвышением Мардук был обязан тому, что мы без излишнего легкомыслия можем назвать местными интересами. Династия, монархом которой был Хаммурапи, была первой династией самого города Вавилона, и Мардук, местный бог Вавилона, естественно, разделял удачу и процветание народа, над благосостоянием которого он председательствовал. Мардуку принадлежала реальная заслуга, честь и слава успеха его народа, поэтому неудивительно, что он занял почетное место в небесной иерархии! Другие боги, конечно, существовали, и им уделялось внимание, соответствующее их более низкому положению, но их свет был подобен свету планеты по сравнению с ослепительным сиянием полуденного солнца, в то время как возникла монотеистическая тенденция, поддерживаемая желанием приписать Мардуку такие чудесные деяния, как сотворение мира, которые до сих пор приписывались более древним богам Южной Месопотамии.

Но благоговение и уважение к традициям героического прошлого исключало возможность обесчестить богов, которые сделали это прошлое столь славным, и единственным способом удовлетворить религиозные чаяния почитателей Мардука, с одной стороны, и сохранить преданность, причитающуюся почитаемым богам вавилонского младенчества, с другой, было отождествление последних с Мардуком; Если бы этот процесс идентификации был доведен до логического завершения, он привел бы к эволюции монотеизма, такого же исключительного и простого, как самое догматичное унитарянство наших дней.

К счастью или к сожалению, этого не произошло; практическая последовательность тенденции была реализована в отождествлении Мардука с древним богом Ниппура, но кроме этого, тенденция осталась тенденцией и ничем более. Однако, несмотря на это, верховенство Мардука было настолько прочно установлено, а его положение настолько неприступно, что преходящие изменения и случайности в течение двух тысяч лет не смогли сместить его с высокого поста, и именно Мардуку Кир, победитель последнего родного царя Вавилона и роковой наследник ее исчезающей империи, приписывает триумфальную победу, которая сопутствовала его оружию. Признание своих обязательств перед владыкой Эсагила он запечатлел на глиняном цилиндре, хранящемся в Британском музее.

Надпись сделана клинописью и гласит, что Мардук "искал праведного князя, человека по сердцу своему, которого он мог бы взять за руку, и нарек ему имя Кир. И Мардук, великий повелитель, защитник своего народа, с радостью наблюдал за его добрыми делами и праведным сердцем". Таким образом, спустя 1500 лет после времен Хаммурапи культ Мардука все еще был тесно связан с процветанием его народа, и именно из-за пренебрежения его поклонением и плохой сохранности его фанатов Набонид, последний царь неовавилонской династии, не смог противостоять натиску иноземного завоевателя.

Хотя верховным богом Вавилона был Мардук, к святыне которого прибегали все истинные патриоты, другие боги все еще оставались предметом почитания, и по-прежнему считалось разумным искать их благосклонности и помощи. Солнце продолжало идти своим ровным путем, и, в конце концов, оно является важным фактором в многообразных операциях сельского хозяйства, поэтому человек обязан выразить свое почтение богу, чье минутное отсутствие за облаком неудовольствия может привести к столь серьезным последствиям. Среди других божеств, которым поклонялись в это время, следует упомянуть Иштар, мать богов, богиню любви и войны, Ану, повелителя небес, и Эа, бога глубин, Сина, бога луны и особого покровителя жителей Ура, Ниниба, бога войны, и Адада, божество погоды.¹⁸²

Великое религиозное движение, характерное для установления первой вавилонской династии, естественно, повлекло за собой все атрибуты, необходимые и сопутствующие высокоорганизованной государственной религии. Жречество стало властью, а храмы - коммерческими центрами и местами обучения. Доходы храма были очень велики; главным их источником, по-видимому, были пожертвования и царские щедроты королей. Как и в прежние времена, он владел большим количеством скота и овец, и управление его имуществом, по-видимому, доставляло Хаммурапи немало хлопот. К службе в храме было привлечено множество жрецов и мирян, и духовный работник тех времен, по-видимому, заслуживал совершенно непомерной платы. Очевидно, что это было очень прибыльное дело, а привилегия служить в храме была ценным активом, который можно было купить, продать или заложить. Эту ценную привилегию, приносящую такие денежные выгоды, нет нужды говорить, что избранные очень ревностно оберегали, твердо придерживаясь наследственного принципа, который в то время был в полном разгаре. Эти привилегии были фактически неотъемлемыми и передавались от отца к сыну.

О финансовом процветании храма и его атташе свидетельствует то, что они открыли свои двери для ведения чистого и простого финансового бизнеса, а денежное кредитование со временем стало довольно важным направлением работы храма. Однако кредиты, как правило, были бесплатными, без взимания процентов.

Но у храма были свои обязательства, а также привилегии, которыми он мог пользоваться. Одной из обязанностей, возложенных на храмовые власти, было выкупить горожанина, попавшего в плен к врагу.

(В) АССИРИЙСКАЯ ЭПОХА

1. СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

В ассирийские времена в отношении семьи действовали те же явные или неявные правила или молчаливое согласие, что и в более древний вавилонский период. По всей видимости, мужчина должен был жениться только на одной женщине, хотя, вероятно, в случае, если первая жена оказывалась бездетной, считалось вполне оправданным и законным, чтобы

мужчина взял к себе другую женщину, учитывая желательность иметь наследника.¹⁸³ Поэтому моногамия, по-видимому, была общим правилом, хотя полигамия отнюдь не была неизвестна. Когда мужчина женился, он оставлял отца и мать и должен был "прилепиться" к своей жене, и они становились "одной плотью" и жили в "одном доме"; короче говоря, ассирийский "дом" обычно был таким же, как английский "дом" в наши дни. Как и во времена Хаммурапи, женщины могли быть законными владельцами имущества, часто владели фермами и занимались виноградниками.

Общие занятия людей во многом совпадали с теми, которыми занимались ранние жители Месопотамии. Население, как и тогда, в основном занималось сельским хозяйством; земля требовала такого же тщательного и продуманного орошения, как и раньше, ее нужно было вспахивать, сеять семена и собирать урожай. К кукурузному участку¹⁸⁴ обычно пристраивался дом, а также двор, где хранилась кукуруза, который, таким образом, выполнял функцию амбара, если не напоминал его внешне. Большое количество людей, очевидно, было занято виноградниками, которые, должно быть, иногда были очень обширными, так как количество растений в одном винограднике в одном случае достигало 49 300, и это важный факт, что самые знаменитые вина в Вавилонии приходили с севера, а также стоит отметить частоту, с которой виноградная лоза встречается на ассирийских барельефах. Сады и огороды также были в изобилии, хотя то, что в них росло, в некоторой степени является предметом предположений; если, однако, допустить, что список растений, упомянутых в "*Вавилонской садовой скрижали*", опубликованной Майснером, подходит и для ассирийского сада, то лук-порей, лук, чеснок, салат, кориандр, иссоп, репа, капуста и редис должны были быть привычными продуктами сада.

Крупный рогатый скот и овец разводили, как и в прежние времена, причем последних - ради шерсти и пищи, а коз - ради молока, мяса и шерсти: козья шерсть и по сей день используется на Востоке для покрытия палаток. Овцы использовались в основном для работы на ирригационных машинах, а ослы служили рабочим скотом. Верблюд был небезызвестен, и его часто упоминают в связи с продажей поместий. Лошадь в этот период была в обиходе, но, по-видимому, предназначалась для верховой езды.

Юридическая атрибутика ассирийских времен была естественным развитием вавилонского свода законов, ответвлением которого она являлась. В вопросах владения землей, по-видимому, преобладал наследственный принцип, и, вероятно, фермы и виноградники автоматически переходили от отца к сыну так же, как земли короны и более крупные поместья. Крестьянин по-прежнему оставался крепостным, покупался или продавался вместе с землей, к которой его привязала судьба; ему не разрешалось переселяться в другие места, но, с другой стороны, он находился под защитой государства; его не могли изгнать захватчики, а его жизнь была первым долгом в поместье. Несомненно, что иногда рабов требовали для военных или других государственных нужд, и владелец, конечно же, был вынужден удовлетворить это требование, в то время как продукция его земли также подлежала налогообложению. Некоторые поместья, однако, были освобождены от подобных повинностей, причем это освобождение, несомненно, было даровано королевской милостью и подтверждено королевской грамотой.

Среди мелких землевладельцев мы находим фермеров или виноградарей, которые оставили бизнес и промышленные занятия, покинули пекарню и контору писца, чтобы вернуться к земле.

Владелец часто не проживал на своей земле, а сдавал ее арендаторам, от которых ожидал своевременной арендной платы. Первоначальное владение землей, несомненно, в

значительной степени, если не полностью, принадлежало королю, а в результате завоеваний в его руки постоянно попадали новые участки земли. Вероятно, часть вновь приобретенной собственности шла на увеличение площади коронных земель, а остальное или часть остального распределялась между министрами, генералами и другими придворными фаворитами короля.

2. РЕЛИГИЯ

Ассирийская религия была вавилонской как по происхождению, так и по характеру. Ану, Бел и Эа, Мардук, Нергал, Адад, Шамаш и Син, Нана и Иштар - все они были в почете, и в их честь возводились храмы. Господство Ассирии и соответствующий упадок вавилонского могущества едва ли сказались на авторитете и влиянии проверенных временем богов вавилонского пантеона. Но новая политическая ситуация требовала определенного признания в религиозной жизни нации, а требования настоящего требовали учета, как и освященные традиции прошлого. Эти два противоречивых интереса необходимо было примирить, и это примирение было достигнуто, а также был разработан способ спасения, подобный тому, который был принят ранними вавилонянами, когда они столкнулись с подобной дилеммой. Местный бог Ашшур был вознесен на первое место в пантеоне и стал как бы Мардуком Ассирии, хотя его положение было даже более неприступным, чем Мардука в Вавилоне, поскольку последний¹⁸⁵ был обязан признать Эа своим отцом, тогда как Ашшур выше всех связей такого рода; вавилоно-ассирийский пантеон признается им, но это никоим образом не затрагивает его возвышенного положения.

Культ бога Ашшура восходит к самому раннему периоду ассирийской цивилизации, он дал свое имя первой известной столице страны, а в конечном итоге и самой стране. Ашшур - божественное олицетворение Ассирии, как Мардук - Вавилонии, только отождествление было более выраженным, поскольку упадок ассирийского могущества и гибель империи означали практически гибель Ашшура, в то время как Мардук сохранял свое влияние как во время бедствий Вавилона, так и во время его процветания; Иностранные завоеватели стремились оказать ему честь, Кир Персидский приписывает завоевание Вавилона владыке Эсагила, и даже Антиох Сотер (280-260 гг. до н. э.) восстанавливает его знаменитый храм. До н. э.) восстанавливает его знаменитый храм. Но следует отметить и другое различие между культом Ашшура на севере и культом Мардука на юге. Ашшуру поклонялись в храмах, возведенных по всей Ассирийской империи, тогда как Вавилон был местом, "где люди должны поклоняться" Мардуку, так же как в более поздние времена Иерусалим был единственным разрешенным центром для поклонения Иегове. Но, несмотря на универсальность своего присутствия, у Ашшура было главное место поклонения, местоположение которого совпадало с местоположением тогдашнего центра и столицы империи - Ашшура, Калаха, Ниневии или Хорсабада, в зависимости от обстоятельств.

Приспособляемость Ашшура к своему земному дому, как предполагает Джастроу, может быть отчасти обусловлена тем, что статуя не была единственным или даже главным символом его божественного присутствия, как это было в случае с Мардуком и другими великими богами. Его обычной эмблемой был штандарт, состоящий из шеста, окруженного крылатым диском, к которому прикреплен лучник с натянутым луком. Невозможно назвать точное время, когда военный штандарт стал считаться естественным и подходящим символом бога-покровителя страны, но сама природа символа ясно показывает, что Ашшур считался богом войны. Действительно, божество-покровитель такого воинственного народа, как ассирийцы, не могло не отражать воинский дух своего народа. Ассирийские воины были "войсками Ашшура", их враги были его врагами, а их друзья - его друзьями. Супругой Ашшура была Б[=е]лит (=="Госпожа"), но в ассирийских надписях эта же богиня иногда фигурирует как

супруга Бэла¹⁸⁶, а иногда и как жена Эа, в то время как в других случаях Б[=е]лит - это просто обозначение Иштар. Последняя из названных богинь занимает очень видное место в ассирийском пантеоне, уступая лишь самому Ашшуру. Действительно, в Ассирии было не менее трех Иштар - Иштар Ниневи, Иштар Арбелы и Иштар Кидмура, но ассирийцы, похоже, не сохранили между ними никакого определенного различия, так что для всех практических целей мы имеем только одну богиню, которую нужно рассматривать в этой связи.

Вряд ли стоит удивляться тому, что Иштар, богиня войны и любви, пользовалась большим почетом у ассирийцев, которые неестественно подчеркивали ее воинственные атрибуты. Но ассирийцы не были ответственны за возникновение воинственного характера Иштар; она рассматривалась в этом свете, по крайней мере, еще во времена Хаммурапи,¹⁸⁷ в то время как ее боевой дух ярко выражен в раннем эпосе о Гильгамеше, но ассирийцам оставалось развивать этот аспект ее характера, практически исключив все другие аспекты. По мере того как ассирийцы распространяли свое господство на все стороны, власть Иштар Б[=е]лит, или "владычицы" сражений, также расширялась; она - богиня царей и людей; во время опасности она дает советы и своевременные слова ободрения царю через сны. Она "совершенна в мужестве" и несравненна в великолепии; ее облик подобен пламени огня, и она обрушивает огненные потоки на врагов Ашшур-бани-пала. В отличие от других богинь, она царствует сама по себе, а не в силу своего положения супруги, двойника или отражения какого-либо из главных богов. Она равна им по рангу, силе и достоинству, а само ее имя становится почти синонимом слова "богиня", и в более поздние времена все богини, будь то родные или чужие, стали рассматриваться как многочисленные формы или проявления Иштар.

Но если не считать возвышения воинственных божеств Вавилонии и дальнейшего развития военного характера, который они уже носили, ассирийская религия мало чем отличается от религии материнской страны. Цивилизация и культура ассирийцев были *заимствованы* из Вавилонии, и это массовое заимствование нравов и обычаев южного народа проявилось в ассирийском искусстве, религии, праве и архитектуре. Их храмы и дворцы были более или менее точными копиями тех, что были возведены в Вавилонии; их верования, обряды и церемонии были заимствованы из того же источника, а их литература почти не отличается оригинальностью. Когда Ашшур-бани-пал решил собрать библиотеку в своем царском дворце в Ниневи, он был вынужден послать своих писцов на юг, чтобы те разыскали в архивах древних храмов молитвы и гимны, обращенные к богам, легенды и эпосы далекого прошлого, астрономические отчеты и медицинские формулы ближайшего настоящего. Большая часть библиотеки Ашшур-бани-пала состояла из практически дословных копий этих оригинальных текстов, но долг, которым мы обязаны библиографическим склонностям Ашшур-бани-пала, должен измеряться не оригинальностью томов его библиотеки, а тем большим вкладом, который они вносят в вавилонскую и ассирийскую литературу, находящуюся в нашем распоряжении. Во многих случаях вавилонские оригиналы не были восстановлены, и мы полностью зависим от копий писцов Ашшур-бани-пала, и если бы не усердие этого великого царя в этом направлении, мы должны были бы пребывать в полном неведении относительно содержания значительной части вавилоно-ассирийской литературы.

(D) ВАВИЛОНСКИЙ И АССИРИЙСКИЙ СИМВОЛИЗМ

Во всех религиях, будь то древние или современные, материальное представление является связующим звеном между естественным и сверхъестественным, физическим и духовным. Иногда носитель принимает форму изображения естественно или неестественно

задуманного божества, иногда - форму эмблемы, астрономической или иной, с которой ассоциируется бог. У нас есть множество свидетельств того, что изображения играли важную роль в поклонении вавилонян и ассирийцев, и, возможно, будет не лишним посвятить две-три страницы краткому рассмотрению некоторых эмблем божеств, о которых шла речь.

Главными источниками для изучения ассирийского и вавилонского символизма являются печати цилиндров, вавилонские пограничные камни и монолиты ассирийских царей. В кратком обзоре месопотамских цилиндрических печатей мы имели возможность заметить частое появление эмблем, многие из которых также встречаются на монолитах ассирийских царей, например, Саргона, Сеннахериба и Эсархаддона. Среди тех, значение которых точно известно, можно упомянуть полумесяц, явно символизирующий лунного бога Сина, и звезду Иштар, а божество, вооруженное молниями, несомненно, Адад. Крылатый диск, который встречается на стеле Эсархаддона, а также на других ассирийских памятниках, явно символизирует Ашшура, хотя в более ранние времена он, очевидно, олицетворял Шамаша, бога Солнца,¹⁸⁸ и если это так, то у нас есть полезное доказательство в поддержку теории солнечного происхождения Ашшура.

Рис. 113.

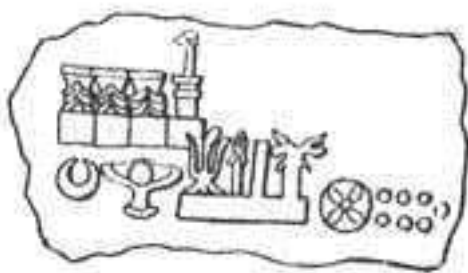

Рис. 114.

Но вавилонские *кудурры* или пограничные камни дают гораздо больше материала для изучения вавилонского символизма, чем ассирийские царские скульптуры, поскольку эмблемы богов, как и сами боги, были по большей части заимствованы из Вавилонии и с изменениями приняты народами севера. Эмблемы, разбросанные по вавилонским цилиндрическим печатям, собраны в более или менее крупные группы на пограничных камнях. На одном из этих пограничных камней (см. рис. 113) сбоку начертано имя бога, с которым ассоциируется эмблема, что дает нам определенные данные, а не гипотетические предположения, на которых мы можем основывать наше исследование. К сожалению, все имена, начертанные на этом кудурру, не поддаются прочтению, но среди тех, о которых можно сказать наверняка, следует отметить следующие: Шамаш - бог Солнца, представленный кругом, внутри которого четыре луча света, чередующиеся с четырьмя потоками воды. Иштар представлена звездой, а лунный бог Син, как обычно, полумесяцем. Эа символизируется головой барана на колонне, колонна установлена на прямоугольном троне, под которым сидит рыбохвостый козерог. Мардук также представлен колонной,

вершина которой, однако, имеет форму копья. Нергал, бог мертвых, символизируется колонной с головой льва, а сидящая богиня - Гула, которую отождествляют с Бау.

Другим важным памятником в этой связи является наскальный рельеф Сеннахериба близ Бавиана (см. рис. 114). В надписи упоминаются двенадцать богов, и столько же эмблем, предположительно соответствующих двенадцати богам, изваяно на скале. Но важно то, что не только количество изображенных эмблем совпадает с количеством упомянутых богов, но и есть четкие указания на то, что порядок следования в обоих случаях одинаков.¹⁸⁹ Так, полумесяц, явно символизирующий бога Луны, занимает пятое место, то же самое, что и Син в списке имен. Звезда, несомненная эмблема Иштар, также занимает одиннадцатое место, и имя богини также одиннадцатое в списке. Наконец, молния, которая является несомненным символом Адада, занимает седьмое место и соответствует тому, которое бог занимает в надписи. Эти три совпадения вряд ли можно считать случайными, и разумно отнести остальные символы к соответствующим богам в списке. Следуя этому методу, мы можем условно распределить эмблемы следующим образом: Ашур, Ану и Бел представлены рогатыми шапками; Эа - колонной с головой барана; Син - полумесяцем; Шамаш - крылатым диском; Адад - молнией; Мардук - колонной с сосново-яблочным завершением; Набу - простой колонной; Ниниб (?) - колонной, увенчанной двумя львиными (или двумя бычьими) головами; Иштар - звездой; Игиги - семью точками.

Вероятно, лучшим образцом вавилонской стелы такого характера является стела Навуходоносора I (ок. 1120 г. до н. э.) (см. рис. 115). В верхнем регистре изображены полумесяц, диск и звезда Сина, Шамаша и Иштар соответственно, второй регистр занимает ряд из трех эмблем, каждая из которых представляет собой божественное сиденье, увенчанное рогатым тюрбаном. Последние, по-видимому, представляют Ану, Бэла и либо Ашура, либо Эа.¹⁹⁰ Далее следуют эмблемы Мардука и Небо, а в четвертом регистре - двуглавая колонна Ниниба, лошадиная голова, покоящаяся на сиденье и увенчанная

сводчатой аркой (это
Рис. 115. представляет особый интерес, поскольку, по мнению Уорда, это, вероятно, самое раннее изображение лошади в

вавилонском искусстве); орел на вершине колонны, и еще одна колонна, увенчанная головой ястреба и изображающая Замаму. В пятом регистре - богиня Гула, сидящая на троне и сопровождаемая собакой; человек-скорпион или Стрелец; и, наконец, громовая молния Адада над тельцом, черепаха, которая, возможно, является альтернативной эмблемой Эа, [191](#) скорпиона, и лампа Нуску, бога огня. Наконец, всю одну сторону этой замечательной стелы пересекает гигантская змея. На других памятниках изображены различные разновидности тех же эмблем, а среди тех, что не вошли сюда, - булава, стрела, воробей и плуг, сноп, ваза, бык, гусь, человек-рыба, голубь, жезл и кольцо (ср. Pl. [XIV](#)), а также прическа и нож богини Нинхаршаг, за полным и исчерпывающим исследованием которых читатель должен обратиться к Ward, *Cylinder-Seals*, pp. 389 и далее. О погребальных обычаях вавилонян и ассирийцев, насколько они известны, мы говорили в другом месте (см. с. [62](#), [69](#) и др.), но, возможно, не будет лишним кратко рассмотреть их эсхатологию.

(Е) ВАВИЛОНСКАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ

Идеи и мысли человека в значительной степени определяются его окружением, так и его верования относительно будущего мира имеют своей материальной основой и установкой мир, в котором он живет сейчас; неизвестное, но смутно угадываемое, может быть определено или, скорее, изображено только в терминах известного, невидимое - в терминах видимого, небо - в терминах земли, Бог - в терминах человека - словом, доктрина Воплощения лежит в основе всей религии и всех религиозных систем. Как мы уже видели, ранние вавилоняне, по всей вероятности, были выходцами из горной страны Элам, поскольку они использовали один и тот же знак или идеограмму для обозначения как "горы", так и "страны"; земля, таким образом, представлялась им в форме горы, и если этот мир имеет форму горы, то и мир за ним, несомненно, должен иметь такую же форму, поэтому одно из их имен для другого мира было Э-кур, что означает "дом-гора", и это же имя также применяется к нынешнему миру. В ранние времена вавилонской мифологии считалось, что боги сами населяют Э-кур, гору-дом мира, и, возможно, нет ничего неестественного в том, что боги так тесно связаны с матерью-землей, если вспомнить, что вавилоняне верили, что сами боги произошли из того же водного хаоса, из которого возникла земля - боги и земля были детьми одного родителя и появились на свет одним и тем же способом.

Но эта теория гор в отношении потустороннего мира ни в коем случае не исключала и, по-видимому, даже не сталкивалась с другими взглядами совершенно иного характера; действительно, наиболее популярной концепцией потустороннего мира, как царства мертвых, было представление о расположенном под землей углублении или пещере, которая, как считалось, имела форму перевернутого блюда: Эта пещера называлась "Аралу" и была поэтически описана как "irṣitum la tarat" - "земля без возврата" - описание, которое странно негативно, и которое иллюстрирует, насколько мало вавилонянин заботился о жизни после смерти по сравнению с египтянином, который может с некоторой правдой сказать, что посвятил свое внимание больше жизни после смерти, чем жизни, которая сейчас есть. О нахождении Аралу под землей можно также сделать вывод из истории о спуске Иштар в Аид; это практически универсальное представление настолько естественно, что вряд ли требует объяснения. Ассоциация царства мертвых с могилой под землей, где покоятся останки умерших, почти неизбежна, а соответствующая ассоциация обители богов, или небес, с областями света и яркости над землей - вечно видимые солнце и луна сами являются богами - столь же естественна. Но мимоходом следует заметить, что в системе - за неимением лучшего слова, - в которой обитель богов находилась в небесных областях, небеса, которые они населяли, были недоступны для смертного человека, каким

бы хорошим или добродетельным он ни был; Очевидно, только в более ранние времена, когда дом богов находился на земле, души усопших считались обитающими вместе с ними или рядом с ними.

Это также подтверждается применением термина E-kur - "дом-гора" - к самой земле, а также к обители богов и царству мертвых, в то же время он использовался для обозначения земных обителей или храмов богов; Теория, согласно которой дом богов располагался на Э-куре, вероятно, является более ранней, и только в более поздние времена, когда Вавилон стал более или менее верховным в долине Евфрата и тем самым завоевал для своего бога Мардука такое же верховенство, обстоятельства, казалось бы, требовали более универсального и менее локального дома для бога, чья власть таким образом распространялась по всей стране; Если Мардук ограничится своим храмом в Вавилоне, как он сможет следить за судьбами и принимать почести от своих почитателей по всей империи?

Более того, как уже говорилось, по независимым от этого причинам соблазн приписать богам небесный или небесную обитель был преодолен почти повсеместно; такой взгляд, конечно, не исключал возможности присутствия бога в храмах, воздвигнутых в его честь, он лишь исключал идею его исключительного присутствия в храме.

Но кроме Аралу и Э-кура существовали и другие имена, использовавшиеся для обозначения обители мертвых, одним из которых было "Шуалу"; Этот термин означает "запрос" и происходит от того же корня, что и имя собственное "Саул" ("спрашивающий"), являясь эквивалентом еврейского "Шеол", которое греки перевели как "Аид", а английские переводчики, к сожалению, - как "ад"; мир мертвых, соответственно, рассматривается как место запроса, причем запрос, предположительно, носит характер прорицания. Таким образом, предполагается, что мертвые наделены способностью отвечать на вопросы, обращенные к ним людьми на земле; и в этом качестве они похожи на богов, с той лишь разницей, что боги дают оракулы через руки своих жрецов, а мертвые используют некромантов в качестве медиумов, как это было в случае, когда Самуил явился Саулу через посредничество некромантирующей ведьмы из Эндора. Таким образом, в связи с домом богов и мертвых в Э-куре можно заметить, что мертвые не только считаются находящимися рядом с богами, но и, подобно богам, наделены способностью помогать земным смертным своими прорицаниями; Это предполагает, что мертвые наделены большим знанием, чем живые, и, соответственно, каким бы мрачным ни был Аралу, Шуалу или Э-кур (дом мертвых), мертвые в любом случае приближаются к богам в этом отношении и более свободно приобщаются к Древу Познания, чем живые.

Обожествление мертвых - это всего лишь короткий шаг, который вавилонянам не составило большого труда сделать; однако обожествление усопших было скорее исключением, чем правилом, и исключительные случаи такого обожествления должны были иметь особую причину, и эта причина, вероятно, заключалась в способности даровать оракулы, которую вавилоняне приписывали тем высокопоставленным лицам, чьи героические достижения на земле снискали им величайший почет, оказанный человечеству в древности. Царей действительно часто обожествляли после смерти и даже при жизни, но это было естественным следствием веры в то, что следующий мир по своему устройству и способу правления похож на этот, хотя и гораздо более мрачный, а также имеющий сравнительно негативный характер.

Но хотя мертвые считаются более близкими к богам, чем живые, и более объектами их особой заботы, сама их близость к богам, похоже, ставит их вне власти и контроля

последних, и жрецы, чья делегированная божественная власть имеет первостепенное значение для живых, не имеют никакого права влиять на мертвых.

Еще одно название подземного мира - "Ки-галлу", что означает "великая земля", "Ки" - обычная идеограмма для "земли" в целом или "земли" в частности, причем для раннего восточного ума эти два понятия практически синонимичны; этот термин, как и "Э-кур", таким образом, связывает обитель мертвых с обителью живых, причем обитель живых находится на земле, а обитель мертвых - под или внутри земли. Другие эпитеты, применяемые к подземному миру, - "темное жилище", "дом смерти", "могила", "великий город", "глубокая земля" и вышеупомянутый "iršitum la tarat", "земля, откуда нет возврата", "Последнее встречается в известной истории о нисхождении Иштар в Аид, где нижний мир далее описывается как дом тьмы, в котором мертвые, одетые в перья, как птицы, зависят от пыли и глины для своего пропитания. Этот рассказ о мире за могилой хорошо согласуется с рассказом Эа-бани, когда его вызвали из царства мертвых, чтобы поговорить с его другом Гильгамешем; Эа-бани боится причинить боль своему другу, описывая ужасы подземного мира, но в конце концов его уговаривают сделать это, и он описывает Аид как "место, где червь пожирает и все покрыто пылью" - "Прах ты, и в прах возвратишься". Идея о том, что мертвые одеты в перья, как птицы, напоминает о характерных месопотамских чудовищах составной формы, полуптицах-полулюдях, которые, очевидно, прямо или косвенно связаны с неземным миром.

Однако считалось, что плачевная участь мертвых может быть до некоторой степени смягчена актами преданности и благотворительности, практикуемыми теми, кто остался; таким образом, для умершего было важно, чтобы он получил достойное погребение, и более того, его потребности на этом не заканчивались, поскольку в Э-куре - будь то земля как дом смертных или земля мертвых - человеку для пропитания нужны и еда, и питье. Состояние несчастного, не получившего погребения и не обеспеченного ничем из необходимого для жизни в следующем мире, описано в конце эпоса о Гильгамеше, где нам сообщают, что такого человека снедает грызущий голод и он вынужден утолять свой аппетит отбросами на улицах; Но не только непогребенная тень была, так сказать, проклятием для себя, она также становилась проклятием для живых, принимая форму "экимму" или демона, одержимого злыми намерениями в отношении человечества и, кроме того, наделенного прискорбной способностью воплощать эти намерения в жизнь; поэтому живые должны были выполнять требования мертвых с точки зрения самозащиты, совершенно не считаясь с какими-либо соображениями благочестивой благотворительности.

В залах Аралу не делалось различий между верными и неверными усопшими; единственное различие было между участью тех, кто получал обряды погребения и средства к существованию от рук оставшихся в живых друзей и родственников, и участью тех, кому было отказано в последних обрядах и услугах; однако следует отметить, что будущая жизнь тех, кто погиб на поле боя, считалась более счастливой или, по крайней мере, менее несчастливой, чем у всего человечества.

Поэтому для вавилонян жало смерти было еще очень далеко, и их похоронные песнопения состояли в основном из причитаний по поводу жалкой участи ушедшего, а не по поводу своей личной потери; Для них не существовало поглощения смерти в победе, единственная возможность будущего блаженства заключалась в иммунитете от смерти, иммунитете, который был предложен лишь одному или двум смертным, и которым, по-видимому, удалось воспользоваться лишь одному; этим единственным исключением был Šit-napishtim, чье возвышение до божества, очевидно, освобождало его от необходимости умирать. Таким образом, преобладающей нотой был пессимизм, пессимизм, от которого "жителям

Месопотамии" так и не удалось полностью освободиться, пессимизм, который, более того, прослеживается в священных писаниях евреев еще долгое время после их переселения из Вавилонии в землю Ханаанскую. Для Иова участь дерева предпочтительнее человеческой, ибо "у него есть надежда, что если его срубят, то оно снова прорастет; а человек лежит и не встает; пока не исчезнут небеса, он не проснется и не воспрянет ото сна"; Так и псалмопевец умоляет дать ему возможность восстановить силы - "прежде чем я уйду и не буду больше", - из чего можно сделать вывод, что для еврейского ума жизнь за гробом напоминала скорее голое существование, чем жизнь с позитивной деятельностью и позитивными функциями.

Тенденция относиться к неизвестному с подозрением и сомнением обусловлена законами нашей природы, и история показывает, что только мужественная жизнестойкость, завоеванная благодаря непрерывным усилиям человечества в борьбе с Матерью, которая их родила, может преодолеть эту, как и все другие тенденции, присущие человеческой природе. Для народов древности потусторонний мир был неведом и темен, ибо первобытный человек вынужден считать темным то состояние бытия, относительно которого он пребывает в неведении, так же как он неизменно приписывал причины физических явлений, находящихся за пределами его понимания, силам тьмы, но сама темнота потустороннего мира отнюдь не уменьшала реальность его существования в его первобытном сознании, а, похоже, наоборот, усиливала ее; Он смотрел на невидимое через ментальный телескоп - оно представлялось ему темным, но большим; видение ни в коем случае не было необходимым условием его веры, он верил там, где не видел, и его воображение оказалось вполне адекватным случаю. В двадцатом веке, с другой стороны, есть склонность рассматривать неизвестное как *ipso facto* несуществующее, но следует признать, что тенденция раннего человека наделять неизвестное еще большей реальностью, чем известное, более соответствует архетипическому идеализму Платона и других людей, чье умственное развитие, по меньшей мере, не было столь значительным, и чьи теории еще не были осуждены на суде логики.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Читателям, которые захотят расширить свою информацию по какому-либо конкретному вопросу, затронутому в этом томе, лучше всего обратиться к следующим работам. Для истории раскопок наиболее полезной книгой является "*Исследования в библейских землях*" Хилпрехта (T. & T. Clark, Edinburgh). Для получения более подробной информации о раскопках в Ниппуре следует обратиться к книге Питерса "*Ниппур, или Исследования и приключения на Евфрате*" (Путман), а также к книге Фишера "*Раскопки в Ниппуре*" (Филадельфия). Для изучения клинописи и надписей следует прочесть "*Археологию клинописных надписей*" Сейса (S.P.C.K.). Это самая последняя работа по данной теме, полная интереса и оригинальных идей. О литературе вавилонян и ассирийцев см. книгу Харпера "*Литература ассирийцев и вавилонян*" (Aldine Library), которая содержит перевод весьма представительной подборки литературных произведений обеих стран.

Отчет о раскопках, проведенных за последнее десятилетие Немецким восточным обществом в Вавилоне и Ашуре, можно найти в официальных отчетах Кольдевея и Андрае в *Mitteilungen* Общества (издано J. Hinrichs'sche, Buchhandlung Leipzig), а для подробного описания храма Ану-Адад в Ашуре следует обратиться к книге Андрае *Der Anu-Adad Tempel* (также издана Hinrichs). Работы де Сарзека и Хозея (изданные Э. Леру, Париж) должны быть изучены теми, кто хочет получить полный и всесторонний отчет о раскопках в Телло; из них "*Découvertes en Chaldée*" является самой важной. Эта великолепно иллюстрированная работа, содержащая

полный отчет о ранних открытиях, сделанных на этом месте, а также критическое и взвешенное суждение о выводах, которые мы можем сделать из этих открытий, несомненно, является одним из самых важных вкладов в изучение шумерского искусства. Из небольших работ М. Хозея *"Королевская вилла Халдеена"* (Леру, Париж) представляет особый интерес для изучающих вавилонскую архитектуру, а его многочисленные статьи в *Revue d'Assyriologie* (Леру, Париж) и статьи в *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres* решают многие проблемы, стоящие на пути изучения восточного искусства. Что касается печатей-цилиндров, то монументальный труд, недавно опубликованный У. Хейсом Уордом *"Печати-цилиндры Западной Азии"* (Институт Карнеги), безусловно, является наиболее полным по этой теме и представляет собой кульминацию многолетних исследований в государственных и частных коллекциях Европы и Америки.

Для изучения права читателю следует обратиться к книгам К. Дж. Джонса *"Вавилонские и ассирийские законы, договоры и письма"* (Эдинбург), *"Ассирийские дела и документы"* (Кембридж) и *"Ассирийская книга Судного дня"* (Delitzsch and Haupt, *Assyriologische Bibliothek*, Band XVII, Leipzig), а изучающим вавилонскую и ассирийскую религию - к книге Морриса Джастроу *"Религия Вавилонии и Ассирии"* (Бостон, США), которая является единственной исчерпывающей работой по этой теме. Для подробного и всестороннего рассмотрения искусств и ремесел вавилонян и ассирийцев в свете материалов, доступных на момент публикации книги, следует прочесть Perrot and Chipiez, *History of Art in Chaldaea and Assyria* (Chapman & Hall, London; A. C. Armstrong & Son, New York).

Что касается нравов, обычаев и общего образа жизни, следует обратиться к стандартным работам Масперо - *"Рассвет цивилизации"*, *"Борьба народов"* и *"Гибель империй"* (S.P.C.K., London), *"Жизнь в Древнем Египте и Ассирии"* того же автора (Масперо) (Chapman & Hall), *"Ассирийцы и вавилоняне"* Сайса (J. C. Nimmo, London), *"Handel und Wandel in Altbabylonien"* Делицша (Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart), а по военным вопросам читатель должен обратиться к *"Heerwesen und Kriegführung der Assyrier"* Й. Хунгера в *Der Alte Orient* 1911.

В этом томе не рассматривается история вавилонян и ассирийцев, но тем, кто интересуется этой темой, следует прочитать *"Историю Вавилонии и Ассирии"* Роджерса (Eaton & Mains, Нью-Йорк; Jennings & Рые, Цинциннати), *"Историю вавилонян и ассирийцев"* Гудспида (Smith, Elder & Co, Лондон); и стандартные работы Масперо *"Рассвет цивилизации"*, *"Борьба народов"* и *"Гибель империй"* (S.P.C.K., Лондон) для общей истории, а для раннего периода следует изучить *"Шумер и Аккад"* Кинга (Chatto & Windus) и *"Раннюю вавилонскую историю"* Радаи (Oxford University Press).

СПИСОК НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫХ ЦАРЕЙ И ПРАВИТЕЛЕЙ И КРАТКОЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ

Приблизительный

даты

ДО Н.Э.

Месилим, царь Киша, сюзерен Южной Вавилонии	3000
---	------

Первая династия Лагаша.

Ур-Нина, основатель династии	3000
------------------------------	------

Акургал	
Энаннатум	
Энаннатум I	
Эманна	
Энаннатум II	
Энетарци	
Энлитарзи	
Лугаль-анда	
Урукагина, побежденная Лугаль-заггиси, царем Эреха и Шумера	2800
Династия Киша.	
Шарру-Ги	2750
Маништусу	
Урумуш	
Династия Агаде.	
Шар-Гани-Шарри, основал империю, охватывающую Ассирию, Сирию и Палестину	2650
Нарам-Син	
Вторая династия Лагаша.	
Ур-Бау	2500
Гудеа	2450
Ур-Энгур	2400
Дунги, разграбляет Вавилон, устанавливает сюзеренитет над Вавилонией, распространяет свою власть на Элам	
Бур-Син I	
Гамиль-Син	
Иби-Син	
Династия Исина.	2300-2100
Первая династия города Вавилона.	
Вавилонский царь Хаммурапи создает в Вавилонии могущественное царство, изгоняет эламитов, обосновавшихся в Уре и Ларсе, восстанавливает империю Шар-Гани-Шарри в Палестине и включает в сферу своего влияния Ассирию	1900
Династия Катхов прекращает свое существование в результате вторжения хеттов, захвативших Вавилон	
ХаКасситы из горного района к востоку от	

Тигра вторгаются в Вавилонию и становятся царями Вавилона. Примерно через столетие после вторжения касситов Ассирия заявляет о своей независимости и становится отдельным царством

(?) Ушпия, 192 вероятный основатель храма Ашшура.	2100
(?) Ки-Ки-а, первый строитель Дуру в Ашшуре, восстановитель храма Ашшура и строитель храма Адада	2000
Шалманесер I	1300
Тукульти-Ниниб I, царь Ассирии, завоевывает Вавилонию	1275
Ашшур-рекш-иши	1140
Тиглат-Пилесер I	1100
Ашшур-нахир-пал расширяет пределы империи	885-860
Шалманесер II становится хозяином всей Западной Азии. Израильяне при Иеху признают его сюзеренитет	860-825
Тиглат-Пилесер III восстанавливает позиции, утраченные его непосредственными предшественниками, уводит в плен колена Рувима, Гада и полуколена Манассии	745-727
Шалманесер IV осаждает Самарю	727-722 722-705
Саргон, узурпатор, берет Самарю и переправляет большую часть населения; побеждает египтян и филистимлян при Рафии; уменьшает Вавилонию, ведет войну в Эламе; строит большой дворец в Хорсабаде	
Сеннахериб уменьшает мятежную Вавилонию; побеждает египтян при Алтаку в Дане; ведет войну в Палестине; Езекия Иудейский признает его сюзеренитет; разрушает Вавилон (689)	705-681
Эсархаддон завоевывает Нижний Египет (672)	681-668
Ашшур-бани-пал вторгается в Египет, сбросивший ассирийское иго; разграбляет	668-626

Фивы, столицу Египта (666); полностью подчиняет Элам; побеждает и предаёт смерти Шамаш-шум-укина, наместника Вавилонии

Египет и Лидия утверждают свою независимость

Хамеды совершили набег на восточные границы империи (ок. 634)

Ашшур-бани-пал умирает.
Вскоре после его смерти мединский царь Киаксарес побеждает ассирийцев и осаждают Ниневию. Вторжение скифских полчищ на мгновение останавливает Киаксареса, но вскоре Киаксарес и, возможно, Набополассар, ассирийский полководец в Вавилоне, осаждают и в конечном итоге захватывают и разрушают Ниневию (ок. 607 г.).

626

Ассирия переходит к мидийцам, Вавилония - к Набополассару, который основывает Невавилонскую династию

Невавилонская династия.

Набополассар

625-604

Навуходоносор II побеждает Нехо, царя Египта, перед его воцарением; захватывает Иерусалим и уводит Иуду в плен

604-561

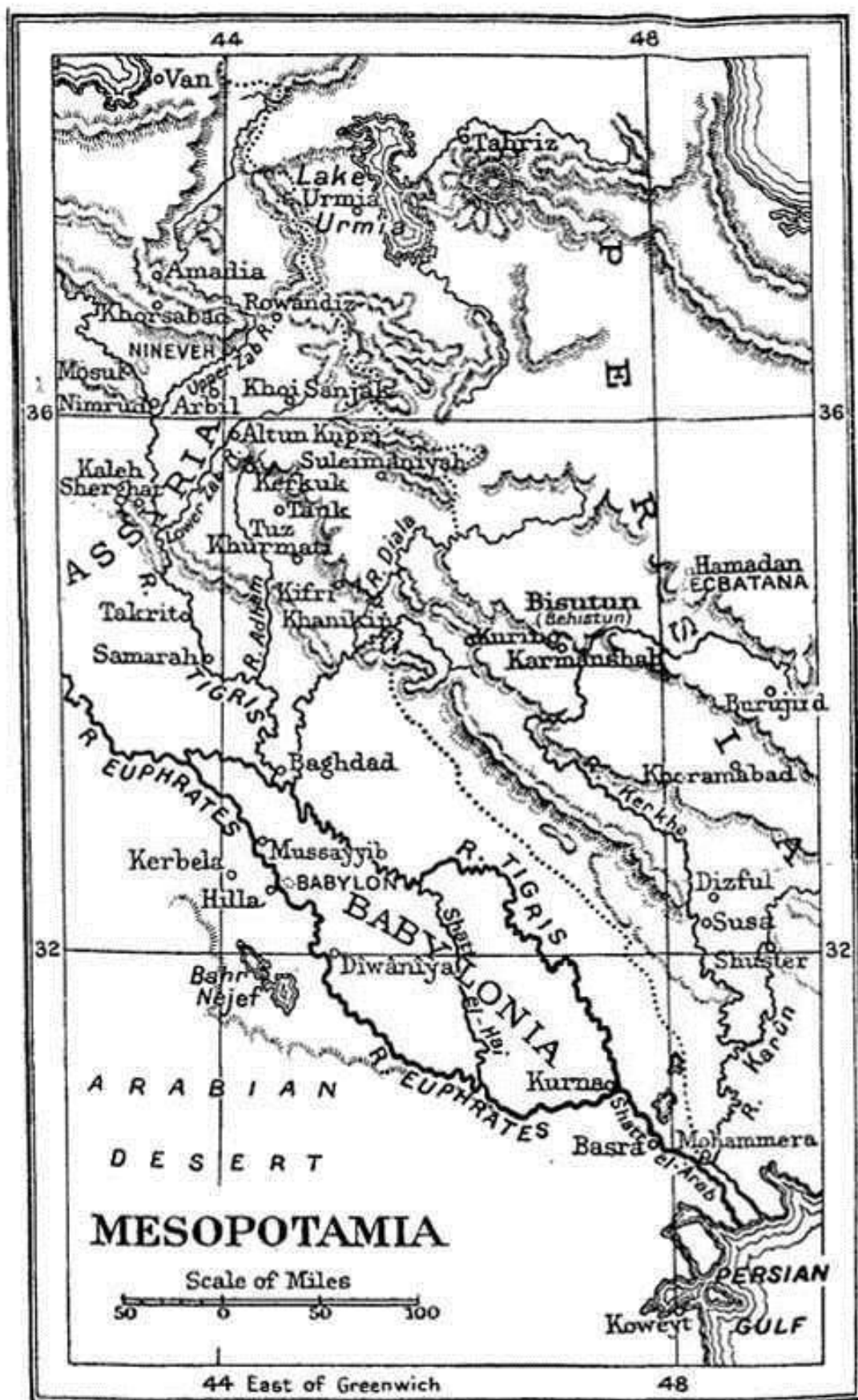
Набонид передает Вавилон своему сыну Белшаззару. Кир, перс, вторгается в Вавилонию, захватывает Вавилон и разрушает Невавилонскую империю

555-538

КАРТЫ

БАВИЛОНИЯ

ССЫЛКИ:

- 1 Ср. Ward, *Seal Cylinders*, p. 24 и далее.
- 2 Ср. Pinches, *Proceedings of the Society of Biblical Archæology*, 1910, p. 42.
- 3 "Саргон" (т.е. Шарру-укин) - так называли этого древнего царя поздние ассирийские писцы.
- 4 См. однако Фишер в *"Записях прошлого"*, т. II, ч. iv, с. 116.
- 5 См. Fisher, *Excavations at Nippur*, p. 1; и Prestwich, *Geology* (Map).
- 6 Ср. *Comptes Rendus, Académie des Inscriptions et Belles Lettres*, 1894, p. 409.
- 7 Ward, *Cylinder-Seals*, p. 30, Fig. 55.
- 8 Ср. примечание на стр. 86.
- 9 Ср. Clay, *American Journal of Semitic Languages*, XXIII, p. 269.
- 10 Ср. Ward, *Cylinder-Seals*, рис. 289.
- 11 ср. рис. 25, E.
- 12 Ср. Унгнад в *Восток. Lit. XI.*, 1908, cols. 533-537.
- 13 Ср. Botta, *Nineveh*, II, Plates 108, 110; Layard, Series II, Plates 9, 32.
- 14 Ср. Ward, *Cylinder-Seals*, рис. 179.
- 15 Ср. № 43, Ниневийская галерея, Британский музей.
- 16 Ср. Perrot and Chipiez, II, p. 153.
- 17 Ср. Ward, *Cylinder-Seals*, Fig. 93.
- 18 Изображения птиц на ассирийских барельефах см. Botta, *Nineveh*, II, Plates 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, и Layard, Series II, Plates 9, 32, 40.
- 19 Ср. с. 185.
- 20 Layard, *Nineveh*, p. 74 ff.
- 21 Hilprecht, *Explorations*, p. 236.
- 22 Утверждается, что обгоревшее состояние человеческих останков, обнаруженных в Месопотамии, во всех случаях следует рассматривать как результат общего пожара, и что на самом деле кремация никогда не практиковалась. Но если это так, то керамика, погребенная вместе с обгоревшими останками, также будет нести следы обжига. Во многих случаях керамика не дает никаких определенных доказательств в пользу или против теории, но д-р Колдевей сообщил мне, что сосуды, содержащие сожженные останки людей в Сургуле, не имеют никаких следов того, что они сами побывали в огне, так что в любом случае здесь мы имеем четкое и неопровержимое доказательство практики кремации в Вавилонии.
- 23 Ср. Hilprecht, *Explorations*, p. 317.

24 Описание зиккурата см. на с. 133 и далее.

25 Ср., однако, Jastrow, *Journal of the American Oriental Society*, vol. XXVII, pp. 147 ff.

26 Clay, *Records of the Past*, Vol. II, Part II, pp. 47 ff.

27 Описание знаменитых ворот Иштар и дальнейшие подробности о дворце Навуходоносора см. на с. 136, 137, 149.

28 Ср. *Mitteilungen*, № 44, p. 11.

29 Об этом храме см. главу "Архитектура", с. 141 и далее.

30 Ср. далее, стр. 176 и далее.

31 Ср. Andrae, *Mitteilungen*, No. 38, pp. 23 ff.

32 Ср. далее стр. 144 и далее.

33 Ср. *Mitteilungen*, № 42, p. 42.

34 Там же, № 42, с. 35.

35 Там же, № 43, с. 34.

36 Ср. *Mitteilungen*, No. 44, p. 34.

37 Зенд-Авеста - практически аналог Библии и молитвенника зороастрийцев. Зороастрийская вера процветала уже в VI веке до н. э. и, вероятно, стала религией поздних ахеменидских царей.

38 Язык и литература пехлеви относятся к среднеперсидскому периоду, то есть с третьего по девятый век н.э. Язык связан, с одной стороны, со староперсидским, а с другой - с современным персидским. Зенд как бы перекинул мост через пропасть между современным и древним персидским языком и оказал огромную помощь в расшифровке древнеперсидского языка, найденного в клинописных надписях.

39 *Археология клинописных надписей*, стр. 8.

40 Оттиски делаются с помощью нескольких слоев плотной бумаги, смоченной водой; оттиск получается путем нанесения образовавшегося вещества на надпись и вбивания его кистью.

41 Частичный дубликат этой надписи на Бехистунской скале начертан на долеритовом блоке, обнаруженном немецкими раскопщиками в Вавилоне; он содержит много интересных дополнений.

42 Термин "ассирийский" используется, поскольку большая часть ранней вавилонской литературы дошла до нас через ассирийские руки, будучи переписана и как бы переиздана ассирийскими писцами. Ассирийский и вавилонский языки были разными диалектами одного и того же языка; точно так же ассирийская и вавилонская клинопись сильно различаются по стилю, вавилонская более скорописная и, как правило, более трудная для чтения.

43 Ср. A. J. Booth, *Trilingual Inscriptions*; Rogers, *History*, pp. 175 ff.; Sayce, *Archæology of the Cuneiform Inscriptions*, pp. 1-35; Harper, *Biblical World*, XVI, pp. 294-7, 371-3 (краткое и сжатое резюме).

- 44 Ссылки на тексты, в которых встречаются эти знаки, см. у Г. А. Бартона в *Harper's Old Testament and Semitic Studies*, Vol. II, pp. 241 ff.
- 45 См. *Вавилонскую экспедицию Пенсильванского университета IV, серия D*, об этом вавилонском межевом камне и о полном обсуждении этого вопроса в целом.
- 46 Эпоним - это чиновник высокого ранга, иногда сам царь, который занимал свой пост в течение года и чьим именем датировались все документы, составленные в этом году. Он соответствовал римскому консулу и афинскому архонту.
- 47 Ср. Hilprecht, *Explorations*, p. 517.
- 48 Планочно-выпуклый" кирпич - это кирпич, плоский с одной стороны и выпуклый или овальный с другой, по внешнему виду напоминающий продолговатый пирог или маленькую подушку.
- 49 Ср. De Sarzec et Heuzey, *Une Villa Royale Chaldéenne*, p. 47.
- 50 Ср. Loftus, *Travels*, p. 189.
- 51 Loftus, *Travels*, p. 187.
- 52 Ср. Heuzey, *Une Villa Royale*, p. 48.
- 53 Heuzey, *Une Villa Royale*, pp. 47, 48.
- 54 В северной крепостной стене, и, по словам Колдевея, только на Касре, также были обнаружены большие строительные блоки из известняка.
- 55 J. R. A. S., 1855, p. 266.
- 56 *Ibidem*, p. 407.
- 57 Ср. Harper, *Assyrian and Babylonian Literature*, p. 57.
- 58 Там же, p. 87.
- 59 Ср. King, *Sumer and Akkad*, p. 88.
- 60 Ср. Taylor в J. R. A. S., 1855, pp. 261 ff.
- 61 Ср. J. R. A. S., 1855, pp. 405 ff.
- 62 Ср. однако Andrae, *Der Anu-Adad Tempel*, p. 80.
- 63 Ср. Pinches, *Hastings Dict., Religion and Morals*, "Architecture", *Perrot and Chipiez*, II, p. 393; Layard, *Discoveries*, pp. 348 ff.
- 64 Ср. Harper, *Assyrian and Babylonian Literature*, pp. 25, 26.
- 65 Ср. *Mitteilungen*, No. 44, p. 30.
- 66 Ср. *Découvertes*, Pl. 22 bis, рис. 2b, 3b.
- 67 Ср. Andrae, *Der Anu-Adad Tempel*, p. 80.
- 68 Hilprecht, *Explorations*, p. 286.
- 69 Loftus, *Chaldæa and Susiana*, p. 133; J. R. A. S., XV, pp. 265, 266.

- 70 Loftus, pp. 187 ff.
- 71 Ср. с. 80.
- 72 Ср. Hilprecht, *Explorations*, p. 372.
- 73 *Ibidem*, p. 402.
- 74 Ср. Taylor, *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1853, p. 269.
- 75 Loftus, *Travels*, pp. 174 ff.
- 76 Ср. Журнал Королевского азиатского общества, 1855, с. 406.
- 77 Ср. *Mitteilungen*, No. 43, p. 7.
- 78 См. Layard, *Discoveries*, p. 590; Dieulafoy, *L'Art Antique*, V, pp. 57 ff.; Perrot and Chipiez, p. 214.
- 79 Плейс обнаружил восьмигранную колонну в Карамбе, но она, очевидно, относится к парфянскому периоду (Place, *Nineveh*, II, pp. 169 ff.).
- 80 Ср. *Mitteilungen*, No. 40, p. 25.
- 81 Ср. там же, № 40, с. 24.
- 82 Ср. там же, № 42, с. 40.
- 83 Ср. Hilprecht, *Explorations*, pp. 397 ff.
- 84 Ср. J.R.A.S., 1855, p. 266.
- 85 Ср. *Mitteilungen*, No. 8, p. 4.
- 86 Ср. Perrot and Chipiez, p. 231.
- 87 ср. рис. 9.
- 88 Ср. Andrae, *Mitteilungen*, № 27, pp. 29-32.
- 89 Ср. *Mitteilungen*, No. 40, p. 29.
- 90 Ср. Хильпрехт, *Вавилонская экспедиция Пенсильванского университета*, т. I, ч. ii, пл. XVI.
- 91 Hilprecht, *Explorations*, pp. 474, 475.
- 92 Ср. также выше, рис. 28, A.
- 93 Ср. выше, с. 33.
- 94 Грубый набросок см. в Rawlinson, *The Five Great Monarchies*, II, 79.
- 95 Ср. с p. 45.
- 96 Ср. Rawlinson, *Five Monarchies*, pp. 151-62.
- 97 Ср. E. J. Banks, *Scientific American*, Aug. 19, 1905, p. 137; *American Journal of Semitic Languages*, XXI, p. 59.
- 98 *Comptes rendus*, 1907, p. 399.

- 99 Cp. *Mitteilungen*, № 29.
- 100 Cp. *Découvertes*, Pl. 24, Fig. 2.
- 101 *Revue Archéologique*, 1894, I, 108.
- 102 Cp. Heuzey, in *Mon. Mem. Acad. Insc. Fondation Piot*, XII, pp. 19-28, и *C. R. Acad. Inscr.*, 1905, p. 75.
- 103 Cp. *Mon. Piot.*, t. VII, Pl. 1, рис. 1, и *Louvre Cat.*, p. 324.
- 104 Cp. *Журнал Королевского Азиатского общества*, XV, p. 410.
- 105 Cp. Sayce, *Archæology of the Cuneiform Inscriptions*, p. 58.
- 106 Cp. *Découvertes*, Pl. 28, рис. 1 и 2.
- 107 Cp. Hilprecht, *Explorations*, p. 539.
- 108 Cp. *Луврский каталог*, № 173; и *Mon. Piot.*, t. VII, Pl. I, Fig. 1.
- 109 Cp. Harper, *American Journal of Semitic Languages*, XX, pp. 266, 267.
- 110 Cp. King, *Sumer and Akkad*, p. 26; и Hilprecht, *Explorations*, p. 156.
- 111 Layard, *Discoveries*, p. 357.
- 112 Cp. Боскайэн, *Transactions of the Society of Biblical Archæology*, 1876, p. 347.
- 113 Layard, *Discoveries*, p. 177.
- 114 Cp. Цилиндр Тейлора о Сеннахерибе.
- 115 Восхитительное воспроизведение лучшей половины ворот Балавата, хорошее введение и перевод текста см. в Birch and Pinches, *The Bronze Ornaments of the Palace Gates of Balâwât*. Cp. также Delitzsch, *Beiträge zur Assyriologie*.
- 116 Перевод см. в Ungnad, *Or. Lit.*, IX (1906), 534-8.
- 117 Cp. Delitzsch, *Records of the Past*, 1903, pp. 323 ff.
- 118 Cp. Harper, *Assyrian and Babylonian Literature*, p. 129.
- 119 Harper, *Assyrian and Babylonian Literature*, p. 14.
- 120 Cp. Harper, *Assyrian and Babylonian Literature*, pp. 54, 99.
- 121 Cp. Perrot and Chipiez, p. 277.
- 122 Layard, *Nineveh* I, p. 64; II, pp. 306, 307.
- 123 Layard, *Nineveh*, II, p. 15.
- 124 Там же, I, p. 130.
- 125 Cp. Delitzsch, *Mitteilungen*, No. 6, pp. 13-17; и Diodorus II, 8.
- 126 Cp. Koldewey, *Mitteilungen*, № 3, pp. 5, 10, 11.
- 127 Layard, *Monuments*, Series II, Pl. 55, 6; и Layard, *Discoveries*, p. 167.

128 *Discoveries*, p. 166.

129 Значительное количество воспроизведенных здесь оттисков печатей взято из монументального труда д-ра У. Хейса Уорда о цилиндрических печатях Западной Азии, с великодушного разрешения автора.

130 *Скарабей*, стр. 5.

131 Ward, *The Seal-Cylinders of Western Asia*, p. 1.

132 Ср. Ward, *Seal-Cylinders*, p. 69.

133 Ср. *Seal-Cylinders*, p. 48, рис. 127.

134 Ср. Ward, p. 128.

135 Ср. *Mitteilung.*, № 9, с. 6.

136 См. Menant, *Pierres Gravées*, II, p. 132; Ward, p. 193.

137 Ср. Ward, p. 197.

138 Ср. Heuzey, *Cat.*, pp. 387 ff.

139 О ранней истории инкрустированных украшений см. Dalton, *Archæologia*, LVIII, pp. 237-74.

140 Ср. *Mitteilungen*, No. 44, p. 24.

141 Ср. также ассирийскую печать, изображенную на рис. 76.

142 Jastrow, *Religion of Babylonia and Assyria*, p. 208.

143 Ср. Heuzey, *Catalogue des Figurines de terre cuite du Musée du Louvre*, Pl. I, Fig. 2.

144 О двух других см. *Ibidem*, Pl. I, рис. 1 и 3.

145 Ср. Heuzey, *Les Figurines Antiques de terre cuite*, Pl. II, рис. 3.

146 Ср. Koldewey, *Mitteilungen*, No. 5, pp. 19, 20.

147 Ср. Banks, *American Journal of Semitic Languages*, Vol. 22, p. 35 ff.

148 Ср. Banks, *American Journal of Semitic Languages*, Vol. 22, p. 37.

149 Ср. Hilprecht, *Babylonian Expedition*, Vol. I, part ii, Pl. XX.

150 Ср. *Découvertes, Description*, p. 118; Hilprecht, *Explorations*, p. 170.

151 Ср. p. 243.

152 Ср. Layard, *Discoveries*, p. 197.

153 Ср. Hilprecht, *Explorations*, p. 407.

154 Hilprecht, *The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania*, Series A, Vol. I, part ii, Pl. 27.

- 155 Cp. E. J. Banks, *American Journal of Semitic Languages*, Vol. 22, p. 139.
- 156 *Ibidem*, p. 140.
- 157 Cp. E. J. Banks, *American Journal of Semitic Languages*, Vol. 22, p. 140.
- 158 Cp. *Comptes Rendus, Académie des Inscriptions et des Belles Lettres* 1904, p. 115.
- 159 Cp. *Mitteilungen*, No. 40, p. 8.
- 160 Cp. *там же*, № 26, с. 19.
- 161 Cp. Heuzey, *Catalogue des Antiquités Chaldéennes*, p. 249.
- 162 Prince, *Journal of the American Oriental Society*, XXVI, p. 93.
- 163 Cp. *Американский журнал семитских языков*, апрель, 1905, с. 173.
- 164 Cp. Ward, *Cylinder-Seals*, рис. 139 с.
- 165 Cp. Heuzey, *Comptes Rendus*, 1908, pp. 415-22.
- 166 Cp. *Comptes Rendus*, p. 418, рис. С.
- 167 Cp. Sayce, *Archæology of Cuneiform Inscriptions*, pp. 65, 66.
- 168 Cp. Botta, II, Pl. 155.
- 169 Интересная бусина из черного мрамора размером 1-1/2 × 5/8 дюйма была обнаружена в Ашшуре; на ней имеется надпись Шалманесера, суть которой заключается в том, что этот царь привез бусину из храма в Сирии.
- 170 Cp. *Mitteilungen*, No. 7, p. 18.
- 171 Cp. Botta, *Monument*, II, Pls. 90, 93.
- 172 Cp. Rawlinson, *Five Monarchies*, II, p. 49.
- 173 Cp. Rawlinson, *Five Monarchies*, II, p. 43.
- 174 Cp. с. 17.
- 175 Cp. p. 10.
- 176 Cp. Johns, *An Assyrian Doomsday Book*, p. 19.
- 177 Cp. Erman, *Life in Ancient Egypt*, p. 426; и Wilkinson, I, p. 281.
- 178 Cp. Genouillac, p. xlix.
- 179 Cp. p. 346.
- 180 Cp. Genouillac, p. lii.
- 181 Эта работа состоит из текста с автографом, транслитерации, перевода, глоссария, указателя предметов, списка собственных имен, знаков и цифр, а также карты, фронтисписа и фотографии текста.
- 182 Cp. Jastrow, *Religion*, pp. 116 и далее.

183 Ср. Johns, *Doomsday Book*, p. 26.

184 Там же, стр. 20.

185 Ср. Jastrow, pp. 191 и далее.

186 Jastrow, *Religion*, p. 226.

187 Там же, стр. 83.

188 Ср. Ward, *Cylinder-Seals*, pp. 391, 392.

189 Ср. Ward, *Cylinder-Seals*, pp. 391 и далее.

190 Ср. Ward, *Cylinder-Seals*, p. 398.

191 Там же, p. 407.

192 Ср. *Mitteilungen*, No. 21, p. 49.